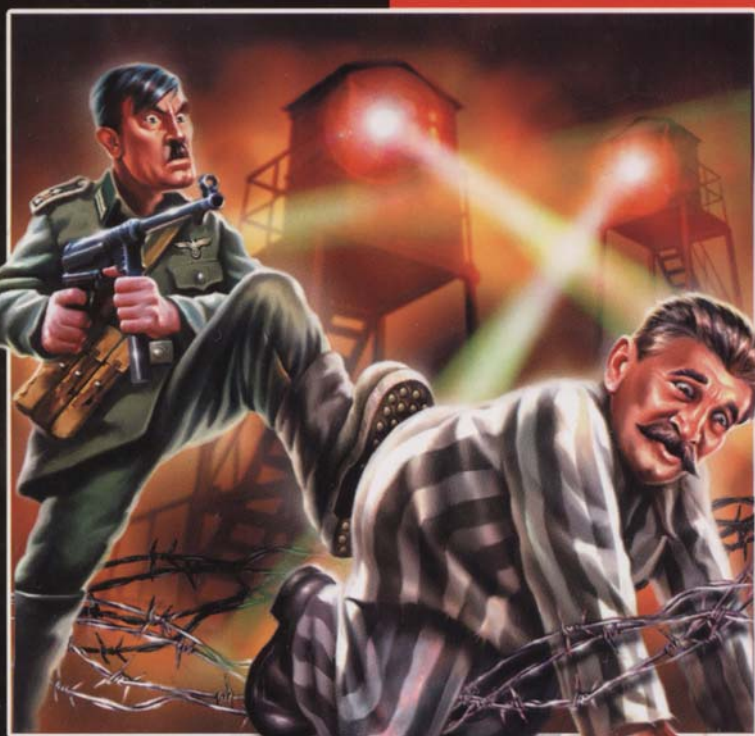

Виктор Суворов

Марк Солонин и ДРУГИЕ

НОКДАУН

1941

Почему Сталин
«проспал» удар?

ПРАВДА
Виктора Суворова

Виктор Суворов: Нокдаун 1941

**Почему Сталин
«проспал» удар?**

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2011

УДК 355/359
ББК 68
С 89

Оформление серии *П. Волкова*

На переплете использована иллюстрация
художника *В. Нартова*

Суворов В.

С 89 Виктор Суворов: Нокдаун 1941. Почему Сталин «про-спал» удар? / Виктор Суворов, Марк Солонин и др. — М. : Яуза-пресс, 2011. — 416 с. — (Правда Виктора Суворова).

ISBN 978-5-9955-0261-6

Катастрофу 1941 года не раз пытались объяснить в «боксерских» терминах — дескать, пропустив сокрушительный удар, Красная Армия оказалась в глубоком НОКДАУНЕ и смогла подняться лишь в самый последний момент, на счет «десять». Но война с Гитлером — это не «благородный» поединок, а скорее «бои без правил», где павшего добивают беспощадно, не дожидаясь конца отсчета, — и если Красная Армия выстояла и победила даже после такой бойни, спрашивается, на что она была способна, не «проспи» Сталин вражеское нападение, которое едва не стало фатальным для СССР...

Историки бились над тайной 1941 года почти полвека — пока Виктор Суворов не разрешил эту загадку, убедительно доказав: чудовищный разгром Красной Армии стал возможен лишь потому, что Гитлеру повезло поймать Сталина «на замахе», когда тот сам готовился напасть на Германию. И как бы ни пытался кремлевский агитпроп опровергнуть суворовское открытие, сколько бы ни отрицал очевидное, все больше специалистов выступают в поддержку «Ледокола». Новая книга проекта «Правда Виктора Суворова» обосновывает и развивает сенсационные откровения самого популярного и проклинаемого историка, перевернувшего все прежние представления о Второй Мировой.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0261-6

© Хмельницкий Д. С., авт.-сост., 2011
© ООО «Яуза-пресс», 2011

*С Виктором Суворовым беседует
Дмитрий Хмельницкий*

— Как Вы полагаете, почему Красная Армия, несмотря на многолетнюю подготовку к войне, была при первом же столкновении с Вермахтом летом 1941 г. почти мгновенно разгромлена?

— Советские войска готовились к совершенно другой войне, и это объясняет все. Это примерно как если бы мы готовились к экзамену по математическому анализу или физике, а нам устроили бы вдруг экзамен по анатомии какой-нибудь африканской зебры. Возникло бы полное несовпадение того, к чему мы готовились, и того, что случилось на самом деле. Все мои книги как раз об этом.

Вот известный пример. Была у нас Днепровская флотилия, которая перекрывала речной путь от Смоленска до Черного моря, не давала противнику идти на восток. Днепр — великая река. Очень труднопреодолимое препятствие, если взорвать мосты и постреливать с другой стороны, не давая переправляться. Там дислоцировалась в 30-х гг. Днепровская флотилия. Вот эту Днепровскую флотилию расформировали перед самой войной и двинули в устье Дуная. Ну что ей делать в устье Дуная? В случае оборонительной войны это полнейшая глупость.

А вторую часть Днепровской флотилии двинули в реку Припять и вырыли канал до города Бреста, чтобы соединить с Бугом, Вислой и реками Германии. Зачем это делалось?

У меня есть доказательства того, что это не глупость и это не неготовность. Это готовность, но совсем к другой войне.

Вот скажем, всю войну немцы использовали наши мосты Н2П.

— **Что это такое?**

— Самый лучший в мире наплавной мост, назывался Н2П. Эти наплавные мосты были сосредоточены в районе государственных границ. Немцы напали, захватили мосты, которые мы заранее наготовили. После этого они легко форсировали Днепр, Березину и так далее.

Так отчего же немцы так быстро продвигались? Оттого, что мы не были готовы? Нет, быстрое продвижение немцев в направлении Москвы объясняется потрясающей готовностью Красной Армии к войне.

Вот еще пример. Советский Союз захватывает Западную Украину, Западную Белоруссию, Эстонию, Литву, Латвию. Не хотите сказать «захватывает», говорите «освобождает», сказать можно все, что угодно. На этих территориях практически не было аэродромов, потому что они там никому не были нужны. А у немцев весь расчет был на тактическую авиацию. У них стратегической авиации не было, она, по большому счету, им была не нужна.

Им не нужно было разрушать Донбасс, промышленные центры — Ленинград, Москву и т.д. Им нужно было разгромить армию, и тогда и Донбасс, и Ленинград, и Москва достались бы им целыми, неуничтоженными. А чтобы разгромить армию, не нужен стратегический бомбардировщик, который бомбит неподвижные цели далеко в тылу. Нужен тактический бомбардировщик, с одним двигателем, который падает с неба вниз и уничтожает командный пункт, батарею противотанковую, колонну танков. Он работает по точечным подвижным целям. У таких самолетов очень неболь-

шой радиус действия. Поэтому для того, чтобы продвигаться вслед за войсками, им нужны аэродромы. И если бы Советский Союз не готовился к войне, то произошло бы следующее: немцы нападают, вступают в Западную Украину и Западную Белоруссию, там аэродромов нет. Они продвигаются вперед, а базы авиации остаются далеко в тылу, на германской и покоренной польской территории. Покоренной немцами. А впереди у них огромная безаэродромная полоса.

Но когда немцы вступили в Западную Украину и Белоруссию, там обнаружили сотни взлетно-посадочных полос, на которых было заготовлено топливо, бомбы и т.д. Потому немцы так быстро и пошли вперед до Киева и Смоленска, что для них кто-то наготовил бетонированные аэродромы со всем необходимым. Наша подготовка к войне полностью работала на Гитлера.

— **Оборонять страну можно двумя путями. Это легко представить себе на модели. Вот предположим, недалеко друг от друга находятся две враждебные деревни. Чтобы защититься от соседа, можно выстроить высокую стену, поставить там пулеметы, караулить круглосуточно и дать понять злему соседу, что лучше ему даже не соваться, хорошо не будет. А можно ничего не строить, а наоборот — сформировать команду охотников, самим в удобный момент напасть на соседей, захватить их деревню и тем самым надежно предотвратить нападение. Так вот, Советский Союз действовал по второму варианту?**

— Да, именно так.

— **Значит, поражение летом 41-го года было естественным завершением длительной и тщательной подготовки к войне. А когда эта подготовка началась?**

— Она началась в 1917 г. Октябрьская революция сразу рассматривалась как пролог к мировой революции. Первая попытка развязать Вторую мировую вой-

ну была предпринята советским правительством 13 ноября 1918 г. 11 ноября в 11 часов Первая мировая завершилась, а уже 13 ноября советское правительство отдало приказ Красной Армии идти вперед, и она пошла — в Эстонию, Литву, Латвию, с намерением дойти до Берлина. Но в то время уже шла Гражданская война, и ничего у них не получилось.

— **А чем закончился этот поход?**

— Этот поход закончился установлением советской власти в Эстонии, Латвии, Литве. Поэтому позже, когда речь заходила о 1940 г., Советский Союз обычно говорил, что тогда произошло ВОССТАНОВЛЕНИЕ советской власти в Прибалтике. Но потом белые там поднялись всякие, Юденич и прочие, быстренько вышибли оттуда большевиков, однако попытка эта в ноябре 1918 г. ринуться в Европу — была.

Потом была еще одна попытка, в 1920 г. «Даешь Варшаву, дай Берлин, уж врезались мы в Крым» — это марш Первой конной армии. Тогда Тухачевский шел на Варшаву, но по книгам его четко видно, что Варшава — это просто станционный полустаночек, они шли в Европу.

После неудачи Польского похода было два пути. Все лидеры большевиков отлично понимали, что сосуществовать с капиталистическим миром мы не можем, и в этом они были полностью правы. Потому Советский Союз и рассыпался в конце концов, что существовать рядом с нормальным человеческим обществом он не мог. Потому что Запад — это пример нормальной человеческой жизни для всего нашего покоренного населения. Так же как Северная Корея не способна сосуществовать с Южной Кореей. Люди смотрят туда, в Южную Корею, и спрашивают: «Почему же мы живем как-то иначе?» Точно так же и Восточная Германия не могла сосуществовать с Западной. Либо одно, либо другое победит, говорил товарищ Ленин.

Так вот, было два пути. Первый путь — путь Троцкого, то есть перманентная революция. Постоянно поддерживать любые силы, которые кто-либо где-либо поднимает против капитализма. Партизанскую войну, например, вроде той, которая велась в Польше в 20-х гг.

— **В Польше тогда было советское подполье?**

— Да, шла советская партизанская война. Ваупшасов, Рябцевич, Орлов, будущие руководители советского партизанского движения во Второй мировой войне, были партизанскими лидерами в Западной Украине, Западной Белоруссии в 23—24—25-м гг. Есть еще несколько фамилий, сейчас не помню. В книге «День М», кажется, я про наших партизанских лидеров писал.

Второй путь — путь Сталина: социализм в одной стране. Этот социализм у нас совершенно неправильно трактуется. Тот, кто говорит, что Сталин хотел построить социализм в одной стране, Сталина не читал. Сталин писал, что можно добиться полной победы социализма в одной стране. Однако, продолжал он, окончательная победа социализма может быть только в мировом масштабе. И был тоже в этом прав. Что такое социализм? Ликвидация частной собственности. Это сделали. Съезд победителей в 1934 г. постановил, что социализм в Советском Союзе построен. Провели коллективизацию, всех загнали в колхозы, все встало под государственный контроль. Но, как говорил тов. Сталин, окончательная победа — это гарантия от реставрации капитализма. Оттого, что в мировом масштабе социалистическая революция не победила, окончательной победы у нас не вышло. Рухнуло все.

Так вот, путь Сталина — это социализм в одной стране, который строится как база грядущего освобождения человечества.

Вот вчера я получил удивительный плакат «Боевой карандаш № 1», где написано: «Фашизм — враг человечества. Нет фашизму!» Нарисована змея, которой

наш красноармеец втыкает штык в горло, и вокруг четыре маленькие картиночки: «Фашизм — это уничтожение культуры» — какой-то варвар сжигает книги в огне. «Фашизм — это голод» — несчастная мама с умирающим ребенком. «Фашизм — это тюрьма» — нарисована тюрьма. «Фашизм — это война». Нарисован поджигатель войны. Имеется штамп: «Музей В.И.Ленина. Ленинградский филиал». Инвентарный номер. Даты нет, но «№ 1» говорит очень о многом. О том, что это самый первый плакат из серии. То, что он подготовлен до войны, мне совершенно очевидно — в этом плакате нет ничего о защите нашего Отечества. Нет ничего о том, что фашизм — это враг Советского Союза, или русского народа, или советских народов. Фашизм — враг человечества. А мы освобождаем человечество — не себя защищаем, а освобождаем человечество от фашизма.

— **Интересно, когда слово «фашизм» стало применяться по отношению к национал-социалистической Германии? Мне кажется, что это изобретение Сталина.**

— Не знаю, когда он стал применяться, но термин этот я встречал в речах Сталина 1927 г.

— **Это была явная коминтерновская пропаганда».**

— Да. Гитлеровцы никогда себя фашистами не называли. В «Майн кампф» такого термина я не нашел. Фашистами называли себя итальянцы. Фашина — это римское название, обозначает связку прутьев, то есть, если переводить на понятный нам язык, это союз единомышленников.

— **В советской пропаганде слово «фашизм» применялось к чему угодно, ко всем, кто считался в тот или иной момент врагом СССР.**

— Вот именно. Поэтому социал-демократов в 1927 г. стали называть социал-фашистами. Мол, не верьте

этому названию, не социал-демократы они, а социал-фашисты. Это был выдуманный, ничего не обозначающий ярлык, который навешивался куда угодно.

— Самое забавное, что этот сталинский ярлык применяется во всем мире до сих пор. Даже в Германии говорят про «фашистскую Германию», а не про «нацистскую». Отсюда и Советский Союз, который воевал и с нацистами, и вообще со всеми, с кем хотел, по-прежнему числится в «антифашистах». Хотя если считать, что «фашизм» — это разговорный синоним тоталитаризма (что правильно), то никак не мог СССР оказаться в «рядах антифашистов». По определению не мог. Антифашизм — это борьба за демократию, а не наоборот.

— Да, это чисто сталинская наклейка, которая лепилась куда угодно. Вот пример. Открываю словарь иностранных слов под ред. Лехина и проф. Петрова, Москва, 1949 г., стр. 323: «Консерватор. Первое значение латинское, второе: член реакционной политической партии буржуазии, ведущий империалистическую политику экспансии, насильственного подавления рабочего и революционного движения, ликвидации демократических свобод. В настоящее время партии консерваторов открыто переходят на сторону фашизма». Так что наша Маргарита, которая миссис Тэтчер, вот куда, оказывается, клонила.

— Это было остроумное изобретение. Советская пропагандистская подготовка к будущей войне декларировала «войну с фашизмом», под которым подразумевались все враги, любые, без учета их политических различий. В «фашистах» мог оказаться кто угодно. Итак, первые попытки развязать войну в мировом масштабе начались в 1918 г., потом — польская

война 1920 г., потом Сталин сместил и изгнал Троцкого, и примерно году в 28-м началась уже серьезная, долговременная подготовка к войне. Так?

— В экономическом плане она началась в 1927 г. Это первая пятилетка. Для того она и задумывалась. Хотя эти самые «немецкие фашисты» еще не были у власти. Будущие «фашисты» в это время проходили военную подготовку в Казани и других советских городах.

— Не был ли такой временной период — пятилетка — специально выбран для того, чтобы как раз за это время успеть подготовить страну к войне?

— Можно считать, что и так. Четкого мнения по этому поводу у меня нет. На мой взгляд, у Сталина было два плана: максимум и минимум. По всей видимости, он рассчитывал на одну или две пятилетки, потому что смотреть дальше вперед никогда не получается. Когда мы пытаемся это делать, всегда нарушается пропорция: события кажутся нам либо очень отдаленными, либо близкими, а вот уловить определенный момент чисто психологически невозможно. Поэтому, возможно, первая пятилетка была организована Сталиным так, чтобы через пять лет начать ломать соседей. Ломать Польшу, ломать Европу. Но у Сталина могли быть и сомнения. В этом случае первая пятилетка была для него первым мощным заделом. Временем строительства производственной базы. А вторая пятилетка — дальнейшее развитие этой производственной базы и массовый выпуск оружия.

Вообще-то, никто не мог предполагать, что будет. Невозможно было предугадать ситуацию в Германии, если Гитлер придет к власти (1932—1933). Вполне вероятной, например, была гражданская война. Она ведь никак не исключалась, правда? В этом случае СССР проламывает Польшу и оказывает Германии прямую помощь. Так что долговременные прогнозы всегда могут быть ошибочны, их просто нельзя делать.

— Когда могла произойти следующая после 1920 г. советская попытка реально спровоцировать европейскую войну?

— Мировая война приблизилась вплотную в 36—37 гг. И вот почему. В 1936 г. вспыхивает Гражданская война в Испании. Тогда Советский Союз начинает давить на Францию и Великобританию: «Там же дети гибнут, там Пикассо картину пишет, разрушили деревню, проклятые фашисты...» Интернациональные бригады рвутся в Испанию, а Сталин гонит туда военных советников. Чтобы понять серьезность намерений Сталина, надо просто посмотреть, кого он туда послал. Вот список этих советников. Тогда они были лейтенантами, капитанами, полковниками, однако это были самые перспективные командиры Красной Армии, которых Сталин наметил к выдвижению. Испания была для них последней проверкой. Большинство после возвращения из Испании стремительно пошли вверх. Вот вершины, которых достигли некоторые из военных советников через несколько лет:

Малиновский, Маршал СССР, министр обороны СССР.
Мерецков, начальник Генштаба, Маршал СССР.

Кулик, заместитель народного комиссара обороны, Маршал Советского Союза.

Кузнецов, Адмирал флота Советского Союза, военно-морской министр, на протяжении всей войны член Ставки Верховного Главнокомандующего. В Испании он был морским офицером, громил конвои, которые шли через Майорку, Минорку.

Воронов, главный Маршал артиллерии, командующий артиллерией Вооруженных Сил СССР.

Неделин, главный Маршал артиллерии, заместитель министра обороны, главнокомандующий ракетных войск стратегического назначения.

Огольцов, Маршал авиации, командующий дальней авиацией, первый зам главкома ВВС.

Казаков, Маршал артиллерии, командующий ракетными войсками артиллерии сухопутных войск.

Рычагов, генерал-лейтенант авиации, начальник Главного управления ВВС.

Мансуров, генерал-полковник, первый замначальника ГРУ.

Вечный, генерал-лейтенант, военный адъютант Сталина.

Проскуров, генерал-лейтенант авиации, начальник ГРУ.

Датов, Павлов, Колпакчи, Лященко — генералы армии.

Родимцев, Романенко, Штерн, Шумилов, Юшкевич — генерал-полковники...

Всего более четырех десятков генералов, адмиралов... Чувствуете, какой букет? Вот я их собрал и обалдел. После возвращения из Испании все военные круто пошли вверх. Кроме того, там были разведчики. А самым главным человеком там был Антонов-Овсеенко. Официально он занимал должность генерального консула в Барселоне, но это было прикрытием. Это тот Антонов-Овсеенко, который брал Зимний дворец, потом давил мужиков в Тамбовской губернии, Тухачевский у него был тогда по военным делам. Этот консул вывез весь испанский золотой запас через Средиземное море, но по возвращении его расстреляли. Главным военным советником был Берзин, начальник Четвертого управления (впоследствии ГРУ). Его тоже расстреляли. Я это объясняю так: военные свое дело сделали — и все пошло вверх. А вот разведчики, политики, тот же Антонов-Овсеенко — они своей задачи не выполнили. А задача была — развязать Вторую мировую войну.

Сталин защищал испанских детей. А у нас только что коллективизация прошла, сколько миллионов погибло... Если бы он втянул Испанию, Англию и Францию в войну и она бы распространилась дальше на

Италию и Германию, тогда бы все европейские страны оказались втянуты. А там, кроме того, были интернациональные бригады — и американцы, и шведы, и прочие. Могло получиться, что и США, и какая-нибудь Канада, и Мексика, и другие тоже втянулись бы в войну.

28 марта 1939 г. пал Мадрид, последний бастион республики. Война в Испании была как бы своеобразным прологом Второй мировой войны. Интернационалистов-добровольцев там было 42 тысячи человек, из 54 стран мира. Кто-то организовал пропаганду — давайте, ребята, слетайтесь в Испанию. Почему-то, когда Советский Союз воевал в Финляндии, никто интернациональных бригад не собирал. Но вот что интересно. Я занимался этими интернациональными бригадами. Так вот, когда они попадали в Испанию, у них забирали документы. А потом обязательно попадал снаряд в здание, где хранились эти документы, или сгорал грузовик, который их перевозил. Таким образом советская разведка получала на десятки тысяч молодых мужиков настоящие паспорта. Американские, голландские, бельгийские...

Это номер один. А вот второй момент. Когда человек туда приезжал и у него забирали паспорт, он превращался в раба. Денег у него нету, на север — море, на запад — море, на восток — Пиренейские горы, убежать он не мог. Побег из интернациональной бригады карался смертью. Система была продумана очень четко. Я считаю, что это организовал Советский Союз, хотя доказательств у меня нет. Но то, что их эксплуатировали по полной программе, — это точно.

Один интернационалист в Барселоне все-таки прозрел. Он видел, как пытаются людей и все прочее. Вернулся оттуда прозревшим и написал потом книгу. Орвелл, «1984 год»...

Конечно, все это делалось на советские деньги. Кто-то платил людям, которые туда ехали... Это была по-

пытка развязать Вторую мировую войну вдали от советских территорий. Для чего Сталин не жалел ни танков, ни советников. Но мировой войны не получилось. Немедленно после окончания Гражданской войны в Испании, в марте 1939 г., Сталин меняет внешнюю политику. Уже в мае он снимает Литвинова, который, как еврей, не может действовать в качестве министра иностранных дел, и переводит стрелки на Польшу, на Германию.

— Есть очень интересная книга «Русские добровольцы в Испании», выпущенная в Сан-Франциско в 1983 г. Автор — А.П. Яремчук 2-й. Он рассказал о белогвардейцах, которые воевали на стороне Франко и остались победителями. Их всего было человек тридцать.

— Есть у меня эта книга. В «Красной Звезде» была когда-то опубликована статья о том, что проклятые белогвардейцы, потерпев поражение в своей стране, встали под знамена фашистов и воевали против собственного народа, против советских добровольцев на стороне фашистов. Однако у генерала Франко не было колхозов, и если испанцу что-то не нравилось, он мог плюнуть, взять и уехать в какую-нибудь Аргентину. А советский мужик в то время уже в колхозе сидел. Я считаю, что, воюя в Испании, русские добровольцы тем самым спасали честь своей страны.

Испания — это была самая реальная возможность начать Вторую мировую войну. В 1936 г. в Германии вообще никаких танков не было, только-только что-то начинало строиться. И в Италии еще ничего особенного не было. В то время советский перевес был бы еще круче. А если бы в Испании развязалась Вторая мировая война и были бы втянуты Великобритания, Франция, Германия, Италия и Испания...

— Да, тогда о Польше вообще бы никто не позаботился.

— Это выглядело бы так: мы идем освобождать Европу, а тут какая-то шавка у нас под ногами. Ей пришлось бы аморальное поведение. Мы идем детей спасать, а она нас не пускает.

— Существует мнение, что Сталин в очередной раз готовился к прыжку летом 40-го года, рассчитывая на то, что Германия глубоко увязнет во Франции.

— Да, это была бы идеальная ситуация. Никто не ожидал падения Франции, даже Гитлер не предполагал, что все произойдет так быстро.

— Как вы считаете, можно ли, исходя из ситуации 1941 г., считать нападение Германии на СССР превентивным?

— Я считаю, что ни с той, ни с другой стороны нападение не могло быть в полной мере превентивным. Когда говорят, что Сталин хотел предупредить германское нападение своим, то это чепуха, потому что в германское нападение он вообще не верил. А с германской стороны оно было более или менее превентивным, но несколько с иной точки зрения. Гитлер не видел непосредственной угрозы, потому что Сталин отлично замаскировал свои действия, а германская разведка была чересчур слаба и советские военные приготовления толком не раскусила. Однако со стратегической точки зрения Гитлер совершенно отчетливо понимал: если он высадится в Британии, то товарищ Сталин его долбанет.

— Поставим вопрос по-другому. 1939 год, пакт Молотова — Риббентропа. В том, что Сталин планировал его нарушить, сомнений нет. А собирался ли нару-

шить его Гитлер? Или он заключал пакт всерьез, с намерением его соблюдать? Если не собирался, значит, он заранее готовил войну на два фронта.

— Есть достаточно свидетельств того, что он заключал пакт всерьез. И он не был так глуп, чтобы готовить войну на два фронта.

— **Но оказался достаточно глуп, чтобы подставиться Сталину».**

— По-моему, главная идея Гитлера в то время — консолидировать Германию. Он не предвидел и не планировал Второй мировой войны. По-моему, он просто залетел с Великобританией и Францией. Его задача была объединить все области, населенные немцами. В то время Гитлеру надо было вырваться из Версальского договора, надо было вернуть германские земли, надо было вернуть Данциг, ему, конечно, было мало Восточной Пруссии, ему хотелось, чтобы Германия не была разорвана на половинки. Он сначала хотел консолидировать Германию, построить хорошие дома, наладить рождаемость, поднять жизненный уровень, а потом уже...

— **То есть в 1939 г. он решал сугубо тактические задачи, не понимая, что вляпывается».**

— Да, я так думаю.

— **Значит, заключая пакт, он действительно хотел разделить сферы влияния, и все? Никакой войны за жизненное пространство на Востоке не предполагалось?**

— Да, только раздел сфер влияния. И Восточная Пруссия объединяется с Германией...

— **Если Гитлер не собирался обманывать Сталина, то тогда стратегически нападение на СССР было превентивным.**

— С точки зрения большой политики — да. Гитлер в 1940 г. осознал, что Сталин не остановится на достиг-

нутом. Когда Сталин вошел в Румынию, Гитлер дрогнул. А потом Молотов приехал в Берлин, поговорил с Гитлером, и тот все наконец понял. Да, с этой точки зрения война превентивная. Гитлер подумал, что если сейчас, когда я воюю с Британией и Францией на континенте, они мне руки выламывают, то что же будет потом, когда я рыпнусь на Британию. А Британия на мир не идет, и покорить ее нельзя, при ее-то количестве колоний.

А прямого интереса к советской территории у Гитлера тогда быть не могло. У него уже были голландские колонии, и Дания, и Словения, и Чехословакия, и часть Польши, так что жизненного пространства хватало.

Марк Солонин

ПРОСТАЯ ПРИЧИНА ВЕЛИКОЙ КАТАСТРОФЫ

Летом 1941 г. с Красной Армией произошло что-то нехорошее. В различные периоды истории нашей страны это «что-то» получало различные названия: от «временных неудач» до «катастрофического разгрома». Соответственно, и поиск причин и объяснений произошедшего приобретал различную остроту. Одно дело — искать причины «временных неудач». Простой здравый смысл и личный опыт каждого взрослого человека сразу же подсказывает очевидный ответ: «эка невидаль, с кем не бывает». Совсем другое дело — попытаться объяснить катастрофический разгром крупнейшей сухопутной армии мира. Поэтому, прежде чем искать причины явления, постараемся возможно точнее определиться с масштабом и фактическим содержанием произошедшего.

1. СООТНОШЕНИЕ СИЛ

К началу Второй Мировой войны Советский Союз был вооружен и — по мнению многих — очень опасен. Точные цифры, характеризующие численный состав и вооружение Красной Армии (равно как и армии любой другой мощной державы того времени), назвать невозможно. Причина этого очень проста — накануне большой войны СССР, Германия, Польша, Франция, Италия и пр. непрерывно наращивали свою военную мощь. Формировались все новые и новые части и соедине-

ни я, стремительно обновлялся танковый и авиационный парк, менялись штатные расписания и структура соединений, менялись принципы и схемы перевода армии из состояния мирного в состояние военного времени. Точные до последней запятой цифры указать в подобной ситуации **нельзя**, но — как станет ясно из дальнейшего — это не создает больших проблем для исследователя, так как при том численном превосходстве, которым обладала Красная Армия, небольшие «погрешности измерения» не имеют принципиального значения.

Гитлеровская Германия начала подготовку к войне с большим (относительно Советского Союза) опозданием. В то время (первая половина 30-х гг.), когда в обстановке жесточайшего мирового экономического кризиса крупная буржуазия промышленно развитых стран мира (США, Англии, Франции, Германии) наперегонки бросилась продавать Сталину военную технику, технологию, станки и целые заводы в полной комплектации, Гитлер еще только «зачищал» политическое пространство своей власти в Германии, а новорожденный Вермахт проводил полевые учения с картонными макетами танков. Безрассудная и самоубийственная политика Запада позволила Сталину превратить гигантские финансовые ресурсы (как насильственно изъятые у прежних владельцев, так и вновь созданные трудом многомиллионной армии колхозных и ГУЛАГовских рабов) в горы оружия и военной техники. Уже в 1937 г. на вооружении советских ВВС числилось 8139 боевых самолетов — примерно столько же будет два года спустя на вооружении Германии (4093), Англии (1992) и США (2473), вместе взятых. К 1 октября 1939 г. самолетный парк советских ВВС вырос в полтора раза (до 12 677 самолетов) и теперь уже превосходил общую численность авиации всех участников начавшейся мировой войны. По числу танков (14 544 — и это не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) Красная

Армия в начале 1939 г. ровно в два раза превосходила армии Германии (3419), Франции (3286) и Англии (547), вместе взятые.

Всеобщая воинская повинность в Германии была введена только 16 марта 1935 г. К лету 1939 г. в составе Вермахта была уже 51 дивизия (в том числе — 5 танковых и 4 моторизованных), а в составе Красной Армии — 100 стрелковых дивизий (считая имевшиеся 5 стрелковых бригад за две «расчетные дивизии»), 18 кавалерийских дивизий и 36 танковых бригад. В дальнейшем обе державы стремительно наращивали численность своих вооруженных сил, причем разрыв между ними непрерывно сокращался (Германия «догоняла» своего будущего противника). С другой стороны, к лету 1941 г. радикально изменилась геополитическая ситуация: дивизии Вермахта были разбросаны на огромных пространствах от Северной Норвегии до Северной Африки, от Бреста на Атлантическом побережье Франции до Брест-Литовска на реке Западный Буг. В результате из примерно 200 дивизий (всех типов), которыми располагала гитлеровская Германия в начале лета 1941 г., на западной границе Советского Союза в составе трех групп армий («Север», «Центр», «Юг») к 22 июня были сосредоточены 91 пехотная дивизия, 17 танковых и 9 моторизованных дивизий (в общем число «91 пехотная дивизия» мы включили 4 легкопехотные, 1 кавалерийскую, 4 горнострелковые дивизии и 5 боевых дивизий СС). **Всего — 117 дивизий.**

В дальнейшем в течение нескольких недель и месяцев состав этой группировки постепенно увеличивался за счет ввода в бой резервов: 2 танковых дивизий (появившихся на Восточном фронте лишь к началу битвы за Москву), одной моторизованной, 24 пехотных дивизий. Кроме того, с 29 июня начались бои в Заполярье (в направлении Мурманска и Кандалакши), в которых приняли участие еще 4 немецких дивизии (точнее говоря, три дивизии и «группа СС Норд», по

численности соответствующая стрелковой бригаде). **Итого — 148 немецких дивизий.** 10 июля 1941 г. началось наступление финской армии в Карелии, и таким образом общий состав группировки противника увеличился на 1 немецкую и 16 финских пехотных дивизий — значительно уступавших Вермахту в вооружении и оснащении, но ничуть не уступавших в боевом духе. Пресловутые «190 дивизий противника», неизменно присутствующие (причем якобы с первого дня войны!) во всех сочинениях советских историков, были получены путем сложения в одну кучу боевых частей Вермахта и СС, 9 немецких охранных дивизий, дивизий резерва Верховного командования и войск союзников гитлеровской Германии, включая итальянцев, венгров и словаков, которых летом 1941 г. на советской территории не было вовсе.

Советский Союз к 22 июня 1941 г. имел вооруженные силы, состоящие из 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковой, 31 моторизованной дивизии. **Всего — 303 дивизии.** Кроме того, в составе Красной Армии были и такие, не имеющие прямых аналогов в войсках вторжения Вермахта соединения, как 16 воздушно-десантных бригад и 10 противотанковых артиллерийских бригад (ПТАБР). По принятой традиции мы не стали включать в общий перечень части и соединения войск НКВД, численность которых (154 тыс. чел.) соответствовала 10 «расчетным дивизиям». Разумеется, не вся эта колоссальная сухопутная армия находилась на западной границе. Сколько дивизий было на Западе? На этот простой вопрос, к сожалению, невозможно дать точный ответ. Красная Армия находилась в движении. В мае 1941 г. началась, а в июне продолжилась и значительно увеличилась в масштабе крупнейшая в истории СССР, России и мира передислокация войск. Не отвлекаясь ни на секунду на дискуссию о причинах, побудивших Сталина начать эту грандиозную операцию по переброске войск, попытаемся хо-

тя бы ориентировочно оценить состав группировки советской действующей армии.

Последний из известных довоенных документов — справка «О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе», подписанная заместителем начальника Генштаба Н.Ватутиным 13 июня 1941 г., — предусматривал следующее распределение сил: 186 дивизий в составе действующих фронтов, 51 дивизия в составе пяти (16, 19, 22, 24, 28-й) армий резерва ГК, развертываемых в полосе от западной границы до линии Брянск — Ржев. Итого — 237 дивизий для «войны на Западе». Имеющиеся, сверх того, 66 дивизий распределялись по внутренним округам, в частности 31 дивизия (десятая часть всех Вооруженных Сил СССР) на Дальнем Востоке. Далее Ватутин пишет: *«При таком распределении сил необходимо дополнительно запланировать перевозку по железной дороге... всего 33 дивизий... Для перевозки потребуется около 13 дней... боевые части могут быть перевезены за 10 дней»*. Еще раз напомним, что цитируемый документ составлен 13 июня. Даже если увеличить названные Ватутиным сроки в два раза, получается, что полное сосредоточение группировки Красной Армии могло закончиться к 10 июля. Другими словами, Гитлеру сильно повезло.

Отсрочка вторжения всего на две недели могла бы привести к тому, что 117 немецких дивизий начали бы наступление против двукратно превосходящей группировки противника. Но и в реальной истории численное превосходство было на советской стороне.

22 июня в составе войск четырех приграничных округов (Прибалтийский, Западный, Киевский, Одесский) было 149 дивизий (не считая ПТАБРы, 7 кавалерийских дивизий и 12 воздушно-десантных бригад учтены как 7 «расчетных дивизий»). Кроме того, к 22 июня на территории западных округов было сосредоточено по меньшей мере 16 дивизий второго стратегического

эшелона. Таким образом, к началу боевых действий Красная Армия имела на Западном ТВД **165 дивизий**, в том числе 40 танковых и 20 моторизованных. Сравнивая эти цифры с группировкой противника (117 дивизий, в том числе 17 танковых и 9 моторизованных), можно сразу же отметить не только общее количественное превосходство советских войск, но и значительно большую долю в их числе танковых и моторизованных соединений. Впрочем, и по числу стрелковых (пехотных) дивизий Красная Армия имела некоторое превосходство над противником (105 против 91). Вопреки тысячекратно повторенному огромной армией советских историков вранью про «6 тысяч человек в дивизии», состав стрелковых дивизий приграничных округов (при штатной численности 14 483 чел.) к началу войны был следующим: 21 дивизия по 14 тыс. человек, 72 дивизии по 12 тыс. человек и 6 дивизий по 11 тыс. человек.

В дальнейшем численность группировки советских войск стала возрастать — причем в значительно большем масштабе и с большей скоростью, нежели группировка Вермахта и его союзников. В конце июня в бой вступили части и соединения Ленинградского ВО: 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованные дивизии. К 10—15 июля была в основном завершена передислокация на ТВД войск второго стратегического эшелона (16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-й армий). В середине июля в составе действующей армии было уже порядка **235 дивизий**. К концу июля 1941 г. сформированы 29, 30, 31, 32, 33, 43, 49-я армии. Всего в ходе двухмесячного Смоленского сражения было введено в бой 104 дивизии и 33 бригады. В общей сложности до 1 декабря 1941 г. на западное стратегическое направление Ставка направила **150 дивизий и 44 стрелковые бригады**, на ленинградское и киевское направления — еще **140 дивизий и 50 стрелковых бригад**. А ведь кроме стрелковых (пехотных) соединений формировались

еще и кавалерийские, танковые, артиллерийские бригады и дивизии...

Причина, по которой Красная Армия наращивала свою численность в объемах, совершенно недостижимых для противника, предельно проста. То количество дивизий, которое Вермахт смог сосредоточить у границ Советского Союза, представляло собой максимум, достигнутый 80-миллионной Германией через два года после начала всеобщей мобилизации. Добавить к этому «максимуму» было почти что нечего. С другой стороны, те 235 дивизий, которые Красная Армия сосредоточила на фронте к середине июля 1941 г., представляли собой минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сформировать в рамках скрытой, тайной мобилизации еще ДО объявления открытой всеобщей мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных Сил было призвано 5,3 млн человек (что означало увеличение общей численности военнослужащих в два раза по сравнению с состоянием на 22 июня). Но 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. В итоге до конца 1941 г. было мобилизовано в общей сложности 14 млн человек. Располагая таким огромным людским ресурсом, командование Красной Армии могло как восполнять потери личного состава частей действующей армии, так и формировать все новые, новые и новые соединения. В целом во втором полугодии 1941 г. общий располагаемый «ресурс» личного состава (первоначальная численность действующей армии плюс пополнения и отправленные на фронт новые формирования) сторон соотносился как **2,7 к 1**. В связи с тем что открытая мобилизация в СССР была объявлена не до, а после начала боевых действий, в первые дни и недели войны численное превосходство Красной Армии над Вермахтом в личном составе и общем количестве дивизий было относительно небольшим (примерно 1,3 к 1). Превосходство

же в наиболее современных и эффективных (для того времени) родах войск — танках и авиации — было подавляющим с первых дней войны.

В составе войск немецкой группы армий «Север» имелось 3 танковых дивизии, на вооружении которых было 602 танка. Противостоящие ей войска советского Северо-Западного фронта в период с 22 июня по 6 июля ввели в бой четыре мехкорпуса (12, 3, 21 и 1-й без одной танковой дивизии, которая воевала в это время в Заполярье), на вооружении которых было 2188 танков. Соотношение численности 3,6 к 1. В скобках заметим, что подготовленный военно-исторической службой Генерального штаба Российской армии под общей редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева статистический сборник «Гриф секретности снят» на стр. 368 сообщает, что в ходе «Прибалтийской оборонительной операции» в период с 22 июня по 9 июля войска С-3, ф. потеряли 2523 танка. Так что указанное нами (здесь и далее) количество танков в составе мехкорпусов Красной Армии занижено (вероятно, из-за недоучета процесса поступления новых танков, каковой процесс 22 июня 1941 г. отнюдь не закончился). Для самых дотошных читателей отметим, что немецкие танкисты в ходе боевых действий тоже получали новые танки. В частности, в период до 10 сентября 1941 г. три танковые дивизии группы армий «Север» получили следующие подкрепления: 1-я тд — ноль, 6-я тд — 2 (два) чешских танка Pz-35(t), 8-я тд — ноль. Всего же на Восточный фронт до 10 сентября поступило 10 (десять) Pz-IV, 35 (тридцать пять) Pz-III и 44 (сорок четыре) чешских Pz-35/38(t). Вот так «на Гитлера работала вся Европа»...

Самая мощная немецкая группа армий «Центр» имела в своем составе 9 танковых дивизий, 1936 танков. Противостоящий ей Западный фронт в период с 22 июня по 6 июля ввел в бой шесть мехкорпусов (11, 6, 13, 14, 7 и 5-й без 109-й мсд) и отдельную 57-ю тд, на воору-

жении которых было 4365 танков. Соотношение 2,25 к 1. Правда, на стр. 368 сборника «Гриф секретности снят» сообщается, что потери танков Западного фронта с 22 июня по 9 июля составили 4799 машин.

В составе группы армий «Юг» было 5 танковых дивизий, 728 танков. Противостоящие ей войска Юго-Западного и Южного фронтов имели в своем составе десять мехкорпусов (22, 15, 4, 8, 16, 9, 19, 24, 2, 18-й). В полосе Ю-3. ф. воевала и 109-я мед из состава переброшенного на Западный фронт 5-го мехкорпуса. Эта огромная бронированная орда насчитывала 5826 танков. Соотношение 8 к 1.

В целом на вооружении 17 немецких танковых дивизий было 3266 танков (а если — что будет совершенно логично — вычесть из общей численности 146 безоружных «командирских танков» и 152 учебно-боевые танкетки Pz-I с пулеметным вооружением, то у немцев не набирается и трех тысяч танков). Этой «стальной лавине» уже в первые 2 недели войны было противопоставлено 20 советских мехкорпусов, имевших до начала боевых действий **12 379 танков**. Соотношение численности танков 3,8 к 1. Для полной ясности уточним, что в расчет не были включены 11 дивизионов и 7 батарей самоходных «штурмовых орудий», что добавляет к немецким бронетанковым вооружениям еще 246 машин (включая бронированные транспортировщики боеприпасов). С другой стороны, мы не учли два формирующихся в Западном ОВО мехкорпуса, 17-й МК и 20-й МК, на вооружении которых было 63 и 94 танка соответственно, не учли танковые полки кавалерийских дивизий, не учли полторы тысячи легких плавающих танков в составе разведывательных подразделений стрелковых дивизий и корпусов. Общий состав танкового парка Красной Армии на 1 июня 1941 г. (не считая 2,4 тыс. устаревших танкеток Т-27, не считая 3,6 тыс. легких плавающих Т-37/Т-38/Т-40) выглядел немыслимой ни для одной другой армии мира

цифрой **19 540 танков**. Кроме того, на вооружении числилось 3258 пушечных бронеавтомобилей, по своему вооружению (45-мм пушка в танковой башне) превосходивших две трети того, что в Вермахте называлось громким словом «танк»...

Совершенно уникальной была и степень механизации советской артиллерии. По штатному расписанию обычной (не мотострелковой!) стрелковой дивизии Красной Армии гаубичному артиллерийскому полку полагалось два трактора на одну гаубицу, 90 грузовых и 3 легковые автомашины. В отдельном противотанковом дивизионе стрелковой дивизии на 18 «сорокапятков» приходилось 24 автомашины и 21 тягач. Причем в качестве тягача предполагалось использовать бронированный гусеничный «Комсомолец» — созданный на базе узлов и агрегатов легкого танка Т-38, вооруженный пулеметом в шаровой установке и в целом соответствующий по боевым возможностям немецкой танкетке Pz-I.

Это — штатное расписание апреля 1941 г. К началу войны довести укомплектованность стрелковых дивизий до таких высот (два тягача на одну гаубицу) не успели (на что неустанно ссылались все советские историки). Что же было сделано в реальности? Уже в феврале 1941 г. в РККА числилось 34 тыс. тракторов (гусеничных тягачей), 214 тыс. автомашин всех типов и 11,5 тыс. мотоциклов. К началу войны количество тракторов (гусеничных тягачей) выросло до 44 900 единиц. В том числе 7780 бронированных «комсомольцев». Теперь сравним количество средств мехтяги с количеством артсистем. К 22 июня во всей Красной Армии числилось 14,9 тыс. противотанковых пушек и 17,9 тыс. гаубиц и пушек калибра более 76 мм. Как видим, уже к 22 июня количество тягачей превысило число орудий.

Но 22 июня 1941 г. оснащение Красной Армии военной техникой отнюдь не завершилось. Этот очевидный

(казалось бы) факт яростно игнорировался в советской историографии. И тем не менее в ходе начавшейся 23 июня открытой мобилизации Вооруженные Силы получили еще 31,5 тыс. тракторов и 234 тыс. автомобилей. В результате укомплектованность войск тракторами (тягачами) было доведена до 80% от штатной потребности, т.е. от тех самых двух тягачей на одну гаубицу.

Вопреки всеобщему заблуждению, рация в Красной Армии тоже была. И далеко не одна. На начало января 1941 г. в Вооруженных Силах СССР числилось:

- фронтовых радиостанций 40 штук (т.е. 8 на каждый из пяти будущих фронтов);
- армейских 845 штук (полсотни на одну общевойсковую армию);
- полковых (5АК) 5909 штук (примерно 4 штуки на полк).

Самыми крупными в мире были и советские ВВС. По числу авиационных эскадрилий, летных экипажей и боеготовых самолетов советская авиация также имела значительное (а на южном и северном флангах огромного фронта — подавляющее) превосходство над Люфтваффе. В упомянутом выше докладе Ватутина от 13 июня 1941 г. сообщается о наличии *«всего 218 боеспособных (без учета новых, формирующихся. — М.С.) авиаполков»*. Правда, уже в следующем абзаце, где указано распределение этих сил по фронтам (именно этот термин, «фронт», использован в тексте от 13 июня), суммирование приводит к числу 225 авиаполков, т.е. 1125 эскадрилий. Чуть более половины этих сил было развернуто на Западном ТВД (применительно к событиям первых недель советско-германской войны под театром военных действий следует понимать небо над Карелией и Мурманском, Прибалтикой, Белоруссией, Правобережной Украиной, Молдавией и Крымом). Минимальные из имеющихся в нашем распоряжении цифр позволяют определить численность группировки

советских ВВС (включая авиацию Балтийского и Черноморского флотов) в 136 авиаполков (**680 эскадрилий**), **7200 летных экипажей** (в том числе порядка 3,6 тыс. летчиков-истребителей). Противник (1,2, 4-й и некоторые части 5-го воздушных флотов Люфтваффе) имел в своем составе 63 группы (авиаполка), т.е. **189 эскадрилий**, **2110 летных экипажей** (в том числе 910 летчиков-истребителей). Соотношение по числу эскадрилий 3,6 к 1. По числу экипажей — 3,4 к 1. По числу летчиков-истребителей — 4 к 1. А за спиной группировки советской авиации, развернутой на Западном ТВД, стоял практически равный по численности (порядка 120 авиаполков) резерв во внутренних округах, в Закавказье и на Дальнем Востоке.

Самое неблагоприятное для советских ВВС соотношение сил сложилось в полосе наступления группы армий «Центр». Здесь сосредоточена самая мощная группировка Люфтваффе (2-й воздушный флот) и самая слабая группировка советской авиации (ВВС Западного фронта и 3-й дальнебомбардировочный корпус). Но даже и на этом направлении численное превосходство было на стороне советской авиации (по числу эскадрилий — 1,6 к 1, по числу экипажей — 1,4 к 1, по числу летчиков-истребителей — 1,5 к 1).

На северном и южном флангах (Прибалтика, Украина) численное превосходство советской авиации над немецкой было огромным. В полосе наступления группы армий «Юг» (4-й ВФ Люфтваффе) советские ВВС превосходили противника по истребителям в 5,4 раза, по экипажам бомбардировщиков — в 4,4 раза. В полосе наступления группы армий «Север» (1-й и часть сил 5-го ВФ Люфтваффе) соотношение численности летчиков-истребителей составляет 7,2 к 1, экипажей бомбардировщиков — 4,3 к 1. Хилые силы немецкой авиации были настолько малы — как в сравнении с численностью ВВС Красной Армии, так и в сравнении с прогнозами советской разведки, — что в докладе

штаба Северо-Западного фронта №3, подписанном в 12 часов дня 22 июня 1941 г., утверждалось дословно следующее: *«Противник еще не вводил в действие значительных сил ВВС, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов».*

Мы не стали приводить цифры, характеризующие число боевых самолетов сторон, по двум причинам. Во-первых, потому, что самолет в военной авиации — это расходный материал. Причем весьма быстро расходующийся: средний срок «жизни» самолета на войне исчисляется двумя-тремя десятками боевых вылетов. После этого его или сбивает противник, или он сам ломается в аварии, или его просто выводят из боевого состава на замену двигателей, реальный ресурс которых в боевых условиях не превышал 50—100 моточасов. Во-вторых, исправных самолетов в ВВС западных округов было гораздо больше, чем летчиков (советская авиация стремительно обновляла самолетный парк, и во многих авиаполках — особенно истребительных — скапливалось по два комплекта самолетов). Поэтому оценка соотношения сил по числу самолетов (вместо оценки по числу экипажей и эскадрилий) привела бы нас к совершенно астрономическим цифрам.

Несколько слов следует сказать и об авиации союзников Германии. В боевых действиях в небе Карелии участвовали два финских истребительных и один бомбардировочный полк, на вооружении которых было порядка 180 боевых самолетов. Румынские ВВС располагали 8 эскадрильями истребителей и 11 эскадрильями бомбардировщиков, на вооружении которых к началу войны было около 200 самолетов. Разумеется, финские и румынские ВВС не могли сколь-нибудь существенно повлиять на соотношение сил сторон и ход боевых действий, тем более что им предстояло действовать именно на тех участках общего фронта, где численное превосходство советской авиации было огромным. Тем не менее совсем сбрасывать со счетов их не следует.

Прежде всего это относится к ВВС Финляндии, летчики которой накопили за три месяца ожесточенных воздушных боев «зимней войны» 1939—1940 гг. значительный боевой опыт. В целом можно предположить, что авиация союзников увеличила процентов на 10 боевой потенциал Люфтваффе.

Спустимся теперь с небес на землю и посмотрим на эту землю (точнее говоря — на географическую карту западных районов Советского Союза) пристальным взглядом. Война разворачивается, как всем известно, не на гладкой шахматной доске, а на реальной местности, с ее оврагами, ухабами, озерами, горами и болотами. И если никаких «наступательных» или «оборонительных» танков и самолетов нет и не было, то местность, напротив, может помогать или обороняющейся, или наступающей стороне. Это придумано не нами, и термины «танконедоступная местность», «танкоопасное направление» давно и прочно заняли свое место в военной литературе. Это тем более верно и значимо для армий 40-х гг., в которых мотострелковые батальоны танковых дивизий передвигались не на гусеничных бронетранспортерах, а на обычных, «гражданских» грузовиках и трофейных автобусах; да и немецкие танки на своих узких гусеницах застревали после первого же дождя на той местности, которая в России называется «дорогой».

Обратившись к карте, мы увидим, что немецкая группа армий «Север» сразу же после перехода границы «утыкалась» в полноводную реку Неман, причем в ее нижнем (т.е. наиболее широком) течении. Далее, форсировав множество малых рек и речушек, немецкие дивизии примерно в 250 км от границы выходили на берег широкой судоходной реки Западная Двина (Даугава), причем опять же в ее нижнем течении. Еще через 200—250 км на пути к Ленинграду немецкие вой-

ска должны были форсировать реку Великая, к северу от которой дорогу на Ленинград намертво перекрывала система Чудского и Псковского озер. И это — самый лучший из предоставленных природой вариантов. Войска групп армий «Центр» и «Юг» ждали гораздо более серьезные препятствия.

Местность в полосе наступления 3-й и 2-й танковых групп (Южная Литва и Западная Белоруссия) совершенно «противотанковая». С севера Белостокский выступ прикрывает полоса непролазных болот в пойме лесной реки Бебжа, на юге граница была проведена по берегу судоходной реки Западный Буг (опять-таки в его нижнем течении). После форсирования Буга немцев ждали заболоченные берега реки Нарев и сплошной ряд лесных рек, притоков Припяти (Ясельда, Щара, Цна, Случь, Птичь). Немногочисленные дороги среди дремучих лесов и болот Западной Белоруссии представляют собой некое подобие горных ущелий: застрявшую (или подбитую) головную машину колонны не объехать и не обойти. Восточнее Минска полосу наступления группы армий «Центр» с севера на юг пересекают две полноводные реки, с которыми в свое время имел несчастье познакомиться Наполеон: Березина и Днепр.

Группа армий «Юг» могла начать вторжение практически лишь через узкий (100—120 км) «коридор» между городами Ковель и Броды. С севера этот коридор ограничен абсолютно непроходимой полосой болот Полесья, с юга — Карпатскими горами. Именно в этой полосе и наступали все немецкие танковые и моторизованные дивизии. На этом пути им предстояло форсировать Западный Буг, а затем — следующие один за другим с почти равными промежутками в 50—60 км южные притоки Припяти (Турья, Стоход, Стырь, Горынь, Случь). Южнее Карпат, в Молдавии и в степях юга Украины, местность, казалось бы, гораздо более благоприятная для наступающих войск — там нет ни

лесов, ни болот. Зато есть три судоходные реки — Прут, Днестр, Южный Буг — в их нижнем течении. Наконец, на пути немецких и румынских войск неизбежно возникал могучий Днепр, форсирование которого в его нижнем течении представляет собой операцию, уже вполне сравнимую по сложности и рискованности с высадкой морского десанта. По сути дела, только к востоку от Днепра немецкие моторизованные соединения групп армий «Центр» и «Юг» выходили на местность, позволяющую осуществлять широкий и труднопредсказуемый оперативный маневр. Да только от границы до Днепра более 450 км. Это примерно соответствует размерам всей Германии от ее западной до восточной границы.

Препятствия, созданные самой природой, дополнились и многократно усиливались препятствиями рукотворными. Вдоль западной границы Советского Союза, от Балтики до Черного моря, протянулась сплошная полоса укрепрайонов «линии Молотова»: Тельшяйский, Шауляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский. К 22 июня 1941 г. в Западном ОВО было построено (по разным источникам) от 332 до 505 ДОТов, в Киевском ОВО — порядка 375. Вдвое большее число ДОТов находилось еще в стадии строительства. Например, в Брестском УРе было построено 128 ДОТов и еще 380 должны были быть сданы строителями к 1 июля 1941 г. В Рава-Русском УРе было построено 95 ДОТов и еще 306 находились в стадии строительства. В среднем на основных оперативных направлениях «линии Молотова» на каждом километре стояло три врытых в землю бетонных бункера, стены которых выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы, причем один из них — полностью построенный и обородованный.

На глубине в 200—300 км от границы располагались укрепрайоны «линии Сталина»: Кингисеппский, Псковский, Островский, Себежский, Полоцкий, Минский, Слуцкий, Мозырский, Коростеньский, Новоград-Волынский, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский, Остропольский, Летичевский, Каменец-Подольский, Могилев-Ямпольский, Рыбницкий, Тираспольский. Количество ДОТов в составе одного УРА было различным и находилось в диапазоне от 206 до 455. Плотность — от 2 до 3 ДОТов на 1 км фронта. По количеству и составу вооружения, по качеству железобетона, по оснащенности специальным оборудованием (фильтро-вентиляционные установки, проводная и радиосвязь, электрооборудование, оптические приборы) любой из этих ДОТов по меньшей мере не уступал оборонительным сооружениям пресловутой «линии Маннергейма». Вопреки легенде, тиражировавшей многие десятилетия, ДОТы «линии Сталина» никто перед войной не взрывал и землей не засыпал. Напротив, 25 мая 1941 г. вышло очередное постановление правительства о мерах по реконструкции укрепрайонов на «старой» границе. Некоторые ДОТы «линии Сталина» целы и по сей день. Перевезти с них вооружение на «линию Молотова» никто не планировал, да это было и невозможно в принципе: ДОТы на «старой» границе были на 9/10 пулеметными, в то время как на новой границе ДОТов должно было быть в полтора раза больше (5807 против 3279), и половина из них должна была вооружаться артиллерийскими орудиями.

Подведем первые итоги. Факты, перечисленные выше, уже несут в себе достаточно информации для того, чтобы дать простые и точные ответы на вопросы, по которым десятки лет велась ожесточенная дискуссия. Например, вопрос №1. Почему Сталин проспал нападение? Почему он не внял пресловутым «предупреж-

дениям» Черчилля и Зорге? Почему не объявил мобилизацию? Почему «не двинул войска к границе»?

А почему он не должен был спокойно спать в ночь с 21 на 22 июня? В ночь перед экзаменом не спит и лихорадочно листает учебники двоечник, который весь семестр бездельничал и не учился. Сталин не был бездельником. Многие годы он работал до поздней ночи (или раннего утра), лично решая тысячи вопросов, связанных с созданием, оснащением, вооружением, обучением крупнейшей армии мира. Эта армия была создана. Она была больше любой европейской армии. Она была вооружена таким количеством танков и самолетов, которых не было у всех противников Сталина, вместе взятых. На западе страны, по берегам могучих рек было выстроено два ряда мощнейших укреплений, на которых — товарищ Сталин доподлинно знал это из опыта финской войны — даже численно ничтожная армия может неделями сдерживать натиск наступающего противника. Но его армия не была «численно ничтожной». Даже в Первом стратегическом эшелоне она превосходила по численности ту группировку Вермахта, которую выявила (как мы теперь знаем — с некоторым преувеличением) его разведка. Так почему же Сталин должен был не спать? Метаться с потухшей трубкой по кабинету? Принимать какие-то судорожные решения, ломающие давно и тщательно проработанный Большой план? Объявлять открытую (!!!) мобилизацию, на сто лет вперед лишая себя возможности предстать перед всем миром в роли невинной жертвы вероломного нападения?

Вопрос №2. «А вот если бы Директиву № 1 отправили в войска на день, на час, на полчаса раньше... А если бы Молотов выступил не в 12 часов дня, а в 9 часов утра... А если бы командующий Западным фронтом объявил боевую тревогу тогда же, когда и командующий Южным фронтом (т.е. на 4 часа раньше)... И вот тогда бы...»

Ничего бы не изменилось. Ни на оперативном, ни — тем более — на стратегическом уровне. Даже если бы мы ничего не знали про реальный ход боевых действий, даже если бы мы не знали о том, что самые крупные поражения 1941 г. (Киевский и Вяземский котлы) состоялись не в первый день, не в первую неделю и даже далеко не в первый месяц войны, даже если бы мы забыли о том, что разгром советских войск в Крыму и под Харьковом весной 1942 г. был ничуть не менее сокрушительным, нежели поражения и разгромы 41-го, даже ничего этого не зная, мы могли бы твердо утверждать, что ничего судьбоносного 22 июня 1941 г. не произошло. Потому что не могло произойти. Не тот масштаб. Не тот пространственный размах. Уничтожить одним первым ударом армию, имеющую в своем составе три сотни дивизий, десятки тысяч танков и самолетов, разбросанных на гигантских пространствах Советского Союза, можно было, только массированно применив ракетно-ядерное оружие. Но атомной бомбы у Гитлера не было. Баллистические ракеты «Фау-2» и реактивные бомбардировщики существовали летом 1941 г. лишь в виде чертежей. К счастью для всех нас, надолго «оттянуть» начало войны с Советским Союзом Гитлеру не удалось. В результате из 117 дивизий армии вторжения три четверти были пехотными. С артиллерией на конной тяге. Солдаты Вермахта переходили пограничные реки пешком. По мостам, которые еще надо было навести (или захватить и удержать). Расчетный темп марша (марша, а не наступления!) пехотной дивизии — 20 км в день. Без учета времени, потребного на форсирование рек, и без учета сопротивления противника, который в боевых действиях тоже участвует. Добавим к этому максимальную дальность стрельбы основных систем немецкой полевой артиллерии (10—20 км), и мы получим величину максимально возможной глубины «зоны поражения 22 июня». По меньшей мере, 4/5 всех дивизий Красной Армии нахо-

дидлись вне этой зоны, на расстоянии в 50 — 500 — 5000 километров от границы. О начале войны они узнали из выступления Молотова по радио (как об этом и повествуется в сотнях мемуаров). И уж тем более не могли стать жертвами «первого уничтожающего удара» те 14 миллионов резервистов, которые надели солдатские шинели после объявления всеобщей мобилизации 23 июня 1941 г.

2. ЦЕНА И РЕЗУЛЬТАТ

Закончив с обсуждением того, чего не было, обратимся теперь к истории реальных событий.

Задача, поставленная перед Вермахтом по плану «Барбаросса» (*«основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев...»*), была выполнена уже к середине июля 1941 г. Войска Прибалтийского и Западного военных округов (более 70 дивизий) были разгромлены, уничтожены или взяты в плен. То же самое произошло и с 60 дивизиями, введенными в состав Северо-Западного и Западного фронтов уже в период с 22 июня по 9 июля. Через большую часть укрепрайонов «линии Молотова» и «линии Сталина» немцы прошли, даже не обратив внимания на серые бетонные коробки ДОТов. Через другие — прорвались с боями, продолжавшимися не более двух-трех дней (речь идет именно о прорыве фронта укрепрайона, а не о сопротивлении некоторых гарнизонов, которые удерживали ДОТы Гродненского, Брестского, Осовецкого УРов до 27—30 июня 1941 г.). Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину и Днепр. 16 июля немцы заняли Смоленск. Две трети расстояния от западной границы до Москвы были пройдены менее чем за месяц. Войска Юго-Запад-

ного фронта в беспорядке отступили за линию старой советско-польской границы, в середине июля 1941 г. танковые части Вермахта заняли Житомир и Бердичев, вышли к пригородам Киева.

Практически вся техника и тяжелое вооружение войск западных округов были потеряны. К 6—9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли **11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий**. Потери авиации уже к концу июля достигли цифры в **10 тыс.** самолетов, т.е. превысили исходную численность группировки советских ВВС на Западном ТВД. Особенно тяжелые, практически невосполнимые потери понесли танковые войска. Главная ударная сила Красной Армии — огромные, вооруженные лучшими в мире танками Т-34 и КВ механизированные корпуса — просто растаяла, исчезла, оставив после себя груды брошенных танков, бронемашин, грузовиков и автоцистерн, запрудивших все дороги Литвы, Белоруссии и Западной Украины. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов были официально расформированы.

То, что советские историки скромно называли «неудачей приграничного сражения», означало на самом деле полный разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий превосходившего любую армию Европы, а по количеству танков превосходившего их все, вместе взятые). К 7—10 июля 1941 г. немцы заняли (точнее сказать — прошли) территорию площадью в 700 тыс. кв. км, что примерно в три раза больше территории Польши, оккупированной Вермахтом в сентябре 1939 г. Правда, вскоре немецкому командованию пришлось узнать, что окруженные и разгромленные армии четырех западных округов (Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского) представляли собой лишь часть *«основных сил русских сухопутных войск»*. А на место разбитых дивизий из глубин огромной страны подходили все новые, новые и новые соединения. Все это бесчисленное воин-

ство было разгромлено, окружено и пленено в новых котлах: у Смоленска и Рославля, Умани и Киева. К концу сентября 1941 г. Красная Армия только в ходе семи основных стратегических операций потеряла **15 500 танков, 66 900 орудий и минометов**, 3,8 млн единиц стрелкового оружия. Еще через месяц немцы захватили Харьков, Одессу и Крым, вышли к Москве и Тихвину.

Теперь взглянем на ситуацию первых недель войны с другой стороны. Какую цену заплатил Вермахт за свой (скажем прямо — феноменальный) успех? *«Общие потери, — пишет начальник Штаба сухопутных войск Ф. Гальдер, — к 6.7.41 г. составляют: раненых — 42 755 (1588); убитых — 13 869 (829); пропавших без вести — 5010 (81); итого — 61 634 (2498). Цифры в скобках показывают потери в офицерском составе, в общее число потерь они не включены».*

Если перевести данные Гальдера в более привычный для нас вид (объединив солдат и офицеров), то получаются следующие цифры потерь Вермахта:

— 19,8 тыс. убитых и пропавших без вести;

— 44,3 тыс. раненых.

Итого: **64 тыс.** солдат и офицеров.

Много ли это? Все познается в сравнении. Для начала сравним потери первых недель советско-германской войны с потерями Вермахта в Польше (сентябрь 1939 г.) и Франции (май — июнь 1940 г.).

Война в Польше: 14 тыс. убитых и пропавших без вести, 30 тыс. раненых, общие потери — **44 тыс.** человек.

Война во Франции: 45 тыс. убитых и пропавших без вести, **111 тыс.** раненых, общие потери — **156 тыс.** человек.

Эти цифры взяты из известной монографии Типпельскирха. По уточненным данным, представленным в столь же хрестоматийно известной работе Мюллер-Гилл ебранда, в Польше Вермахт потерял безвозвратно 17 тыс. человек, а во Франции — 49 тыс. человек.

В принципе картина ясная, но некоторые пояснения

все же необходимы. Польская армия по числу дивизий уступала советским войскам западных военных округов в пять раз. Техническая оснащенность польской армии 1939 г. и Красной Армии 1941 г. просто несопоставимы. Атакованная с трех сторон (с запада, из Восточной Пруссии, из занятой немцами Чехии) польская армия практически осталась без тыла, да еще и получила сокрушительный удар «сталинского топора» в спину. *«Польское государство, правители которого всегда проявляли так много заносчивости и бахвальства, — кричал 7 ноября 1939 г. с трибуны Мавзолея нарком обороны Ворошилов, — при первом же военном столкновении разлетелось, как старая сгнившая телега...»* И тем не менее потери Вермахта в Польше оказались немногим меньше тех, что понесли немцы при разгроме войск западных округов Советского Союза. Потери же Вермахта во Франции (как общие, так и безвозвратные) в ходе того, что отечественные историки и по сей день не стесняются называть «триумфальным маршем», были в **2,5 раза больше**, чем потери на Восточном фронте к 6 июля 1941 г. И это при том, что вся французская армия была по числу людей, дивизий, танков и самолетов меньше Первого стратегического эшелона Красной Армии, а главные события войны с Францией произошли на «пяточке» Нормандии и Фландрии, с максимальными расстояниями в 300 км по фронту и 250 км в глубину. Это примерно соответствует размерам Литвы, которую одна из трех, самая малочисленная, группа армий «Север» заняла за одну неделю июня 1941 г.

Заслуживают краткого упоминания и результаты войны в воздухе. За первые три недели войны на Западном фронте (с 10 по 31 мая 1940 г.) безвозвратные потери Люфтваффе (самолеты всех типов) составили 978 машин. За первые три недели войны на Восточном фронте (с 22 июня по 12 июля 1941 г.) безвозвратные потери Люфтваффе (самолеты всех типов) составили:

по так называемым «уточненным данным» — 550 самолетов, по простому суммированию еженедельных сводок штаба Люфтваффе — 473 самолета, т.е. в два раза меньше, чем в небе Франции.

В целом за все время кампании на Западе (с 10 мая по 24 июня) Люфтваффе потеряли на Западном фронте 1401 самолет безвозвратно, и еще 672 было повреждено. За сопоставимый промежуток времени (с 22 июня по 2 августа 1941 г.) потери немецкой авиации на Восточном фронте составили 968 сбитых и 606 поврежденных самолетов.

Таким образом, потери Люфтваффе на Западном фронте были — в любом из рассматриваемых интервалов времени — выше, чем на Восточном. В тот период (май 1940 г.), когда французская авиация и базирующиеся во Франции английские истребители (суммарно 700—750 летчиков) еще имели возможность для организованного сопротивления, немецкие потери были **в 2 раза больше**, чем за первые три недели боевых действий на Востоке. Остается еще раз напомнить, что только в составе ВВС западных округов было 3,6 тыс. летчиков-истребителей (почти в пять раз больше, чем у союзников), и состав группировки советской авиации непрерывно увеличивался.

Все познается в сравнении. Сравним теперь потери Вермахта с его численностью. Тот же Гальдер неоднократно определяет численность группировки немецких сухопутных войск на Востоке в 3,2 млн человек. Таким образом, к 6 июля 1941 г. потери составили ровно **2% от общей численности**. Это, безусловно, не малые, а очень малые потери.

Даже тем, кто не закончил военную академию, должно быть понятно, что армия, которой пришлось сломить «упорное сопротивление противника», несет совсем другие потери. Поясним это тремя конкретными примерами.

Халхин-Гол. Численность группировки советских

войск: три стрелковые дивизии, шесть танковых и мотоброневых бригад, 57 тысяч человек личного состава. Численность японских войск отечественные историки определяют в 75 тысяч человек (т.е. 5 «расчетных дивизий»). Активные боевые действия продолжались всего семь дней (с 23 по 30 августа 1939 г.). В сравнении с войной, в которую две огромные, многомиллионные, армии вступили 22 июня 1941 г., конфликт на Халхин-Голе выглядит забытым мелким эпизодом. Тем не менее потери Красной Армии составили 40% от общей численности группировки (8 тыс. убитых и пропавших без вести, 15 тыс. раненых). Сразу же отметим и то, что потери Красной Армии на Халхин-Голе оказались всего лишь в три раза меньше потерь, понесенных Вермахтом в боях со 150 советскими дивизиями!

Операция «Багратион» (разгром немецких войск в Белоруссии летом 1944 г.). Численность группировки советских войск: 156 стрелковых, 12 кавалерийских дивизий, 2 стрелковые, 18 танковых и механизированных бригад, 2332 тыс. человек личного состава. Потери составили 33% от общей численности (179 тыс. убитых и пропавших без вести, 587 тыс. раненых и больных).

Львовско-Сандомирская операция (освобождение Западной Украины летом 1944 г.). Потери Красной Армии (65 тыс. убитых и пропавших без вести, 224 тыс. раненых и больных) составили 29% от общей численности группировки.

В целом, при освобождении Прибалтики, Белоруссии, западных областей Украины, Молдавии (в отечественной историографии это называется Прибалтийская, Белорусская, Львовско-Сандомирская и Яско-Кишиневская стратегические наступательные операции) Красная Армия потеряла **1400 тыс.** человек (318 тыс. убитых и пропавших без вести, 1084 тыс. раненых и заболевших). Уточним, что здесь не учтены потери Красной Армии в еще двух операциях по освобождению Западной Украины: Ровно-Луцкой и Проскурово-

Черновицкой, данными по которым автор не располагает. Сравнивая эти страшные цифры с потерями, которые понес Вермахт при оккупации тех же самых территорий в июне — начале июля 1941 г., мы обнаруживаем, что общие потери наступающей Красной Армии оказались **в 22 раза больше** потерь наступавшего летом 1941 г. на той же местности Вермахта.

Наконец, следует сопоставить потери Вермахта (64 тыс. убитых и раненых) с потерями Красной Армии. Войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в период с 22 июня по 6—9 июля потеряли **749 тыс.** человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Эта цифра не включает потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля. Но даже и без учета потерь этих фронтов соотношение потерь наступающего (причем очень успешно, по 20—30 км в день, наступающего) Вермахта и обороняющейся Красной Армии составляет 1 к 12. Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. По здравой логике — и по всей практике войн и вооруженных конфликтов — потери наступающего должны быть больше потерь обороняющегося. Соотношение потерь 1 к 12 возможно разве что в случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на «противника», вооруженного копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении (уже один только факт потери 19 тыс. орудий говорит о том, что пушки эти были), значительно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара — танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе мощных естественных преград и долговременных оборонительных сооружений.

Не менее красноречивы и цифры, характеризующие соотношение потерь боевой техники. Как было уже отмечено выше, к концу сентября 1941 г. Красная Армия потеряла 15,5 тыс. танков. Потери танковых дивизий Вермахта (правда, не к концу месяца, а к 5-6 сентября) составили: 285 легких Pz-II, 471 чешский Pz-35/38(t), 639 средних Pz-III и 256 «тяжелых» Pz-IV. Всего 1651 танк. Это общая цифра потерь, включающая в себя как безвозвратно списанные машины, так и те танки, которые находились в ремонте. Но даже при таком, не вполне корректном, сравнении соотношение потерь сторон составляет 1 к 9. Подсчет, проведенный с учетом только безвозвратных потерь, увеличивает эту пропорцию почти вдвое.

Весьма показательны и соотношения потерь танков на южном фланге советско-германского фронта. Дело в том, что на вооружении восьми мехкорпусов Юго-Западного фронта накануне войны числилось 833 новейших танка Т-34 и КВ — больше, чем было всяких разных в составе пяти танковых дивизий 1-й танковой группы Вермахта (728 танков). Длинноствольная 76-мм пушка Ф-34, установленная на советских танках Т-34 и КВ, пробивала лобовую броню самых защищенных немецких танков (Pz III серии J, Pz IV серии F) на дистанции в 1000—1200 метров. Легкие танки с противопульным бронированием (а таковых в составе 1-й ТГр было 319 единиц) снаряд пушки Ф-34 пробивал сквозь два борта. С другой стороны, ни один танк Вермахта не мог поразить Т-34 даже с 500 м. Строго говоря, в составе 1-й ТГр было 255 танков Pz-III, вооруженных 50-мм пушкой, которая могла специальным подкалиберным снарядом с сердечником из карбида вольфрама (бронепробиваемость — до 65 мм на дистанции 300 м) поразить Т-34, но из-за дефицита вольфрама такие боеприпасы были большой редкостью. Ну а против 48-тонного монстра КВ с лобовой броней 95 мм и бортовой 75 мм любые немецкие танки были просто

безоружны. Таким образом, огромный количественный перевес танковых войск Юго-Западного фронта дополнялся абсолютным качественным превосходством. Тем не менее Ю-З.ф. уже к 6 июля потерял 4381 танк. Потери же 1-й танковой группы к концу августа составляли: 183 танка потеряно безвозвратно и 198 находились в ремонте. Соотношение безвозвратных потерь 1 к 24.

1 к 24. Две эти цифры дают простой ответ на вопрос о том, «что было бы, если бы удалось оттянуть...». В советской историографии этим словом обозначают перенос даты начала советско-германской войны на более поздний срок. Каковой перенос якобы позволил бы «завершить перевооружение армии». Не говоря уже о том, что полностью и окончательно «завершить перевооружение» может только разгромленная армия, сама идея «оттягивания» абсурдна в принципе. Да, конечно, 15 минут дополнительного времени футбольного матча могут гарантированно привести к победе. Но при одном условии: если вся команда противника сядет на скамеечку и позволит вам забивать голы в пустые ворота. А если нет? А если противник тоже постарается использовать каждую из этих 15 минут для укрепления своей обороны и штурма ваших ворот? В начале 40-х гг. Германия стремительно догоняла Советский Союз по качеству и техническому совершенству своей боевой техники. К концу войны — несомненно, обогнала. Обогнала в условиях экономической блокады и среди развалин городов, дотла разрушенных ударами англо-американской авиации. А что было бы на вооружении Вермахта и Люфтваффе, если бы Гитлер и вправду смог оттянуть начало войны против СССР? Возвращаясь от сослагательного наклонения к реальной истории, мы видим, что перевооружение танковых дивизий Киевского округа новейшими танками ничего не изменило ни в ходе боевых действий, ни в динамике потерь техники.

Два поколения советских (а теперь уже и россий-

ских) историков вели непримиримую борьбу с советскими танками 1941 г. Их просто смешали с грязью (не на поле боя, разумеется, а на бумаге). Было «доподлинно установлено», что все танки были поломанные, безнадежно устаревшие, изношенные, с ничтожным остатком в 100—150 часов моторесурса. Шестеренки были слишком хрупкими, пальцы гусеничных траков — слишком мягкими, фильтры не фильтровали, перископы не перископили... Короче говоря, на них не то что воевать — проехать 50 км из пункта А в пункт Б было невозможно. Просто диву даешься — как эти безнадежные «тридцатьчетверки» простояли на вооружении многих армий мира до середины 60-х гг. К счастью, борьба эта была бескровной. К несчастью, она имела вполне конкретные, ощутимые экономические последствия. Два поколения советских генералов было воспитано и обучено в военных академиях на мифе о том, что катастрофа 41-го г. случилась из-за технической отсталости Красной Армии.

Советские генералы не хотели повторения катастрофы и полвека давили на партийную верхушку, требуя окончательно и бесповоротно «перевооружить» Советскую Армию так, чтобы и друзья боялись. В результате Советский Союз рухнул и исчез с политической карты, имея на вооружении — кроме всего прочего — 30 тысяч лучших в мире танков...

Подробный анализ тактико-технических характеристик советских танков, самолетов, орудий и артиллерийских тягачей, серьезное и беспристрастное сравнение их с техникой противника далеко выходят за рамки этой статьи. Не будем даже пытаться «объять необъятное». Возьмемся лучше за винтовку.

На стр. 367 многократно упомянутого нами статистического сборника «Гриф секретности снят» написано, что в 1941 г. Красная Армия потеряла **6 290 000 единиц стрелкового оружия**. Самое распространенное «стрелковое оружие» 1941 г. — трехлинейная винтовка Мо-

сина. Оружие это было и осталось непревзойденным образцом надежности и долговечности. «Трехлинейку» можно было утопить в болоте, зарыть в песок, уронить в соленую морскую воду — а она все стреляла и стреляла. Вес этого подлинного шедевра инженерной мысли — 3,5 кг без патронов. Это означает, что любой молодой и здоровый мужчина (а именно из таких и состояла летом 1941 г. Красная Армия) мог без особого напряжения вынести с поля боя 3—4 винтовки. А уж самая захудалая колхозная кобыла, запряженная в простую крестьянскую телегу, могла вывезти в тыл сотню «трехлинейек», оставшихся от убитых и раненых бойцов. И еще. Винтовки «просто так» не раздают. Каждая имеет свой индивидуальный номер, каждая выдается персонально и под роспись. Каждому, даже самому «молодому» первогодку, объяснили, что за потерю личного оружия он пойдет под трибунал. Как же могли пропасть шесть миллионов винтовок и пулеметов?

Не будем упрощать. На войне как на войне. Не всегда удается собрать на поле боя все винтовки до последней. Не каждый грузовик и не каждый вагон с оружием в боевой обстановке доходит до места назначения. Наконец, какое-то количество винтовок и автоматов на самом деле могло быть испорчено огнем, взрывом, запоярным холодом. Можно ли ориентировочно оценить размер таких «нормальных» потерь стрелкового оружия? Разумеется, можно. Поработав несколько минут с калькулятором и все тем же сборником «Гриф секретности снят», мы выясняем, что в 44—45-м гг. один миллион солдат «терял» в месяц 36 тысяч единиц стрелкового оружия. Следовательно, за шесть месяцев 1941 г. «нормальные» потери не должны были бы превысить 650—700 тысяч единиц. Фактически потеряно — 6,3 млн. Налицо «сверхнормативная» утрата более **5,6 млн** единиц стрелкового оружия.

Столь же «ненормальными» оказались и потери других видов вооружения. Так, за шесть месяцев 1941 г.

было потеряно 24 400 орудий полевой артиллерии (в эту цифру не вошли противотанковые пушки и минометы), что составило 56% от общего ресурса. А за 12 месяцев 1943 г. потеряно 5700 орудий (9,7% ресурса). Таким образом, «среднемесячные» потери 1941 г. оказались в **8,5 раза больше**, чем в году 43-м. Еще более показательными являются пропорции потерь орудий противотанковой обороны. По состоянию на 22 июня 1941 г. в Красной Армии числилось 14 900 противотанковых пушек (на самом деле еще больше, так как составители сборника «Гриф секретности снят» почему-то не учли 76-мм и 88-мм пушки, стоявшие на вооружении ПТАБов). В дополнение к этому колоссальному количеству (**по 5 пушек против одного немецкого танка**) за шесть месяцев 1941 г. советская промышленность передала в войска еще 2500 противотанковых пушек. Итого — общий ресурс в 17 400 единиц, из которого 70% (12 100 пушек) было потеряно. А за весь 1943 г. — за все его 12 месяцев — потеряно 5500 противотанковых пушек, что составило всего лишь 14,6% от общего ресурса 43-го г. В качестве примера для сравнения 1943 год выбран не случайно. Это год грандиозных танковых сражений на Курской дуге, это тот год, когда немцы начали массовое производство тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», против которых наши «сорокапятки» (а именно они все еще составляли 95% от общего ресурса 1943 г.) были совершенно беспомощны. И тем не менее в 1943 г. Красная Армия теряла по 460 пушек в месяц, а в 1941 г. — в то время, когда два из трех немецких танков на Восточном фронте были легкими машинами с противопульным бронированием, — по 2000 в месяц. **В 4,5 раза больше**. Но и это — абсолютно неверный подсчет. Не было никакой «равномерной» потери по две тысячи пушек каждый месяц. Была массовая потеря большей части всего противотанкового вооружения в первые недели войны — и бутылки с горючей смесью КС, которые были официаль-

но приняты на вооружение Красной Армии и запущены в серийное производство уже через месяц после начала боевых действий.

Приведенные цифры настолько невероятны, что сразу же возникает резонный вопрос: «А верны ли они?»

В том, что касается учета потерь личного состава, на этот вопрос можно ответить твердым «нет». Потери личного состава Красной Армии, приведенные в статсборнике Г.Ф. Кривошеева, явно занижены. Проиллюстрируем это следующим конкретным примером. На стр. 162 указанного сборника сообщается, что войска Северо-Западного фронта (численность которых к началу боевых действий определена составителями в 440 тыс. человек) до 9 июля потеряли 87 208 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 20% от первоначальной численности. Может ли эта цифра соответствовать действительности? Конечно, нет. Все имеющиеся в нашем распоряжении документы, мемуары, исследования с абсолютным единодушием свидетельствуют — фронт был разгромлен. Разгромлен наголову. Приведем лишь несколько отрывков из донесений, которые командование С-З.ф. посылало в Москву:

28 июня «...8-я армия, понесшая 40% и более потерь, отходит на северный берег Западная Двина.

2-я танковая дивизия, видимо, погибла. Положение 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю.

11-я армия как соединение не существует.

Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий не знаю...»

29 июня «...у Двинск наши силы: две воздушно-десантные бригады, из коих одна фактически не существует из-за понесенных потерь, два сводных полка, сформированных из отставших, остатки 2-й танковой дивизии без единого танка и 46-я моторизован-

ная дивизия 21-го механизированного корпуса — всего 1000 человек...»

2 июля «...5-я танковая дивизия 24.б. в районе Вильнюс была окружена противником и рассеялась. Оставшиеся бойцы и командиры только 26.06.41 г. стали появляться в районе Полоцк и 30.06.41 г. в районе Псков. Мат. часть боевых машин полностью уничтожена или оставлена на территории противника...

2-я танковая дивизия... попала в окружение, и большие сведения о ней не было. Сейчас, так же как и в 5-й танковой дивизии, остатки собираются в районе Псков и Полоцк.

84-я моторизованная дивизия... подверглась сильной бомбардировке авиацией противника и впоследствии окружена и дралась в окружении до 25.6. Сведений о ней нет, встречаются в различных пунктах отдельные красноармейцы...»

3 июля «...состояние частей 8-й армии характеризуется следующими данными:

10-я стрелковая дивизия: 98-й стрелковый полк почти полностью уничтожен; от 204-го стрелкового полка осталось 30 человек без материальной части; 30-й артиллерийский полк имеет одно орудие; 140-й гаубичный артиллерийский полк из 36 орудий потерял 21...

Части и управление 90-й стрелковой дивизии до сих пор найти не удалось. Отдельные бойцы дивизии присоединены к частям 10-й стрелковой дивизии.

Данные о состоянии остальных частей армии не поступили...

...Состав соединений 12-го механизированного корпуса на 3.7.41 г.:

23-я танковая дивизия — 10 танков, 150 человек пехоты, снарядов не имеет;

28-я танковая дивизия — 22 танка, мотострелковый полк почти в полном составе;

202-я моторизованная дивизия — около 600 человек...»

Как же можно совместить такие рапорты с утверждением о потере «всего лишь» (простите за цинизм) 20% от исходной численности личного состава? Впрочем, в упомянутом статистическом сборнике есть еще стр. 368. На ней мы читаем, что в тот же самый период, с 22 июня по 9 июля, С-З.ф. потерял 341 тыс. единиц стрелкового оружия. Вот это уже позволяет оценить с некоторой долей достоверности реальные потери...

Постоянный недоучет числа потерь (главным образом «пропавших без вести») привел к тому, что в итоговой таблице № 69 на стр. 146 общее число пропавших без вести в 1941 г. определено в 2 335 482 человека. И это при том, что общепризнанная, основанная на давно рассекреченных и всесторонне изученных документах Вермахта оценка числа советских пленных 1941 г. составляет 3,8 млн человек. Не претендуя на абсолютную точность, попытаемся оценить общие потери Красной Армии в 1941 г. Решать эту задачу будем, забыв на минуту о том, что речь идет о миллионах загубленных людей. Просто как задачу про бассейн, в который по одной трубе вливается, из другой — выливается. Известно (все тот же статистический сборник Кривошеева, стр. 152), что среднемесячная численность действующей армии к концу 1941 г. не только не увеличилась, но даже несколько снизилась (2 818 500 против 3 334 400). Единственно возможное объяснение такой динамики: потери превысили численность пополнения (из бассейна вылилось больше, чем влилось).

Какие же людские ресурсы получила во второй половине 1941 г. Красная Армия? Всего было мобилизовано 14 млн человек. Разумеется, далеко не все они попали в действующую армию. Действующая армия — это только одна из составляющих вооруженных сил. Есть еще тыловые и учебные части, испытательные полигоны, есть склады и базы, госпитали, тыловые аэродромы. Например, в Германии при общей численности вооруженных сил рейха в 7,25 млн чел. в частях и

соединениях действующей армии (на всех фронтах) в июне 1941 г. было 3,8 млн (52%). В СССР на протяжении трех последних лет войны доля личного состава действующей армии составляла 57—58% от общего числа военнослужащих. Можно обоснованно предположить, что такие же цифры применимы и к распределению людских ресурсов в 1941 г. В таком случае из общего числа 14 млн человек, призванных по мобилизации, в состав действующей армии должно было поступить не менее 8 млн человек. И это — минимальная оценка. Не будем забывать о том, что в состав действующих фронтов летом 1941 г. вошли еще и армии Второго стратегического эшелона, затем — войска ранее считавшихся тыловыми внутренних округов, а в конце года — части Дальневосточного фронта.

Такая простая арифметика приводит нас к тому, что Красная Армия потеряла в 1941 г. **как минимум 8.5 млн человек** ($3\,334\,400 + 8\,000\,000 - 2\,818\,500 = 8.5$ млн). А теперь — самое главное: из каких же составляющих сложилась эта кошмарная цифра?

Наиболее достоверными (по мнению автора) являются данные по количеству раненых, поступивших на излечение в госпитали. В глубоком тылу и порядка было больше, и учет был по меньшей мере двойной (и при поступлении, и при выписке). Так вот, все санитарные потери действующей армии (раненые и заболевшие) авторы сборника «Гриф секретности снят» определили в 1314 тыс. человек. Исходя из постоянного для всех войн XX века соотношения раненых и убитых как 3 к 1, можно предположить, что 450 тыс. человек погибло на поле боя.

Фактически — точнее говоря, по сводкам штабов частей и соединений действующей армии — число убитых и умерших от ран в госпиталях составило 567 тыс. человек. Даже если предположить самое худшее — ни один раненый до конца 1941 г. так и не вернулся в строй — и прибавить к числу убитых и умерших все

санитарные потери (1314 тысяч), то получается, что учтенные боевые потери 1941 г. (т.е. убитые и раненые) составляют не более **2,0** млн человек. **Еще 6,4 млн бойцов и командиров «пропали без вести».**

6,4 миллиона. Столько, сколько было в действующей армии 22 июня 1941 г., и еще раз столько.

Разумеется, термин «пропавшие без вести» является эвфемизмом, призванным заменить другие, гораздо менее благозвучные термины. «Типовая схема» разгрома и исчезновения воинской части Красной Армии известна. Известна из великого множества документов, воспоминаний, книг:

Пункт первый. Раздается истошный крик: «Окружили!» Летом 1941 г. это незатейливое слово творило чудеса.

«Одно-единственное, редкое, почти неупотребляемое в мирной жизни, роковое слово правило несметными табунами людей, бегущих, бредущих, ползущих куда-то безо всяких приказов и правил...» (В. Астафьев)

Пункт второй. Потеря командира. Причины могли быть самые разные: погиб, ранен, уехал выяснять обстановку в вышестоящий штаб, застрелился, просто сбежал.

Пункт третий. Кто-то из «бывалых», взявший на себя командование обезглавленной воинской частью, принимает решение: прорываться на восток «мелкими группами». Все. Это — конец. Через несколько дней (или часов) бывший батальон (полк, дивизия) рассыпается в пыль и прах.

Пункт четвертый. Огромное количество одиноких «странников», побродив без толка, без смысла и без еды по полям и лесам, выходит в деревни, к людям. А в деревне — немцы. Те самые немцы, которых и должна была остановить рассыпавшаяся по лесам и полям дивизия. Дальше вариантов уже совсем мало: сердоболь-

ная вдовушка, лагерь для военнопленных, служба в «полицаях». Вот и все.

Каким словом вправе мы назвать этих людей? Де-зертиры, изменники Родины, сдавшиеся в плен, захваченные в плен? Отнюдь не претендуя на то, чтобы подменять компетентные органы и давать персональные оценки, постараемся хотя бы ориентировочно оценить масштаб катастрофы (сама природа такого явления, как массовое дезертирство, исключает возможность точного, поименного учета).

Полученная нами чисто расчетным путем цифра в 6,4 млн «пропавших без вести» (т.е. пленных, дезертиров, не учтенных в донесениях штабов убитых и раненых) с приемлемой точностью коррелируется с другими, вполне достоверными сведениями. Например, с указанной выше цифрой потерь стрелкового оружия (6,3 млн единиц).

Далее. Немецкое военное командование зафиксировало пленение в 1941 г. **3,8 млн** бывших военнослужащих Красной Армии. Эта цифра, как справедливо уточняют советские историки, может быть несколько завышена за счет того, что в число пленных немцы включали и военных строителей (а в ряде случаев — и просто мужчин из числа гражданского населения, мобилизованного на рытье окопов и противотанковых рвов). Это верно, как верно и то, что речь идет всего лишь о единицах процентов от общего числа пленных. Никакой нужды в «вылавливании» гражданских строителей и зачислении их в число военнопленных Красной Армии у немцев не было. Более того, уже к концу июля 1941 г. поток военнопленных превысил возможности Вермахта по их охране и содержанию. Дело дошло до того, что 25 июля 1941 г. был издан приказ генерал-квартирмейстера № 11/4590, в соответствии с которым началось массовое освобождение пленных ряда национальностей (украинцев, белорусов, прибалтов). За время действия этого приказа, т.е. до 13 ноября

1941 г., было распушено по домам 318 770 бывших красноармейцев (главным образом украинцев — 277 761 человек).

По данным, приведенным все в том же сборнике «Гриф секретности снят» (т.е. по меньшей мере не завышенным в целях «злобного шельмования Красной Армии»), советское военное командование и органы НКВД обнаружили и осудили за дезертирство **376 тыс.** бывших военнослужащих. Еще **940 тыс.** человек было «призвано вторично». Этим странным термином обозначены те бойцы и командиры Красной Армии которые по разным причинам «отстали» от своей воинской части и остались на оккупированной немцами территории. По мере наступления Красной Армии, в 43 - 44-м гг. они были повторно поставлены под ружье. При этом не следует забывать и о том, что исходное число «отставших» было значительно больше: кто-то погиб от нищеты, голода, обстрелов, расстрелов и бомбежек, кто-то пошел в партизаны и погиб в бою, кто-то записался в «полицай» и ушел вместе с отступающими частями Вермахта.

Вероятно, мы не сильно ошибемся, оценивая общее число дезертиров (если только этот термин вообще применим к ситуации массового развала армии) в **1,3 - 1,5 млн** человек. И эта цифра скорее занижена, чем завышена. На стр. 140 суммарное число всех категорий выбывшего личного состава Красной Армии — убитые, умершие, пропавшие без вести, пленные, осужденные и отправленные в ГУЛАГ (а не в штрафбат, который является частью армии), демобилизованные по ранению и болезни и «прочие» — не сходится с указанным на стр. 139 общим числом «убывших по различным причинам из Вооруженных Сил» на **2248 тыс.** человек. Сами составители сборника прямо объясняют такую нестыковку «значительным числом неразысканных дезертиров».

Арифметическая разница $(6,4-3,8-1,5=1,1)$ может

быть отражением неточности нашей оценки общего числа «пропавших без вести». Хорошо, если бы это было так. К несчастью, есть все основания предположить, что этот «ненайденный миллион» состоит из раненых, брошенных при паническом бегстве и не учтенных в донесениях с фронта убитых. По крайней мере, многие советские историки в своих сочинениях без тени смущения сообщали читателям о том, что «раненые, которых не удалось эвакуировать, были переданы на попечение местного населения». Стоит ли обсуждать вопрос о том, каким образом «местное население», в доме у которого не было ни медикаментов, ни даже лишнего стакана молока, могло взять на свое «попечение» тяжелораненых солдат? 17 ноября 1941 г. начальник Политуправления Западного фронта дивизионный комиссар Лестев в докладе «О политико-моральном состоянии войск» писал: *«Тяжелораненые или раненые в ноги, которые не могли идти и даже ползти, в лучшем случае оставались в деревнях или просто бросались на поле боя, в лесах и погибали медленной смертью от голода и потери крови. Все это происходило на глазах у людей и являлось одной из причин того, что многие красноармейцы и командиры стремились уклониться от боя, ибо в ранении видели неизбежность гибели».* По сведениям, приведенным Г.Ф. Кривошеевым, 200 (двести) армейских госпиталей пропали без вести, 17 — вышли из окружения «с большими потерями».

То, что летом 1941 г. именно массовое дезертирство и массовая сдача в плен были главной составляющей потерь Красной Армии, отчетливо видно и по тем (как уже было показано — значительно заниженным) данным, которые приводят составители сборника «Гриф секретности снят». Например, за 32 дня своего существования в июле — августе 1941 г. Центральный фронт безвозвратно потерял 111 тыс. бойцов и командиров. В том числе 9199 (8%) убитых, 45 824 пропавших без

вести и пленных и еще 55 985 человек проходят по странной графе «небоевые безвозвратные потери». Центральный фронт воевал очень недолго. Западный фронт, непрерывно меняя своих командующих и поглощая все новые и новые десятки дивизий, дожил до конца 1941 г. Его безвозвратные потери составили 956 тыс. человек, из которых 849 тыс. (89%) пропали без вести, попали в плен и в «небоевые потери». Такая же неприглядная ситуация сложилась и на южном фланге войны. Войска Юго-Западного и Южного фронтов безвозвратно потеряли в 1941 г. 956 тыс. человек (это не опечатка, а случайное совпадение с числом потерь З.ф.). Из них 864 тыс. (90%) пропали без вести, сдались в плен, дезертировали.

3. ПРОСТЫЕ ОТВЕТЫ

Первым абсолютно точно понял смысл происходящего сам Сталин. Возможно, именно потому так быстро и так правильно понял, что его «университетами» была подпольная работа в подрывной организации, которая однажды развалила русскую армию прямо во время мировой войны. Сталин конкретно знал, как рушатся империи и исчезают многомиллионные армии. Поэтому всего семь дней потребовалось ему для того, чтобы понять, в чем главная причина неслыханного разгрома. Открывшаяся истина оказалась непомерно тяжелой и ошеломляюще неожиданной даже для этого человека с каменным сердцем и стальными нервами. В ночь с 28 на 29 июня Сталин бросил все и всех, уехал на «ближнюю дачу», где и провел в полной прострации два дня — 29 и 30 июня, не отвечая на телефонные звонки и ни с кем не встречаясь.

Нам не надо проводить спиритические сеансы и вызывать духов умерших для того, чтобы узнать, о чем думал и к каким выводам пришел Сталин. Свои решения он выражал в виде приказов, которые поступали в

войска или от него лично, или от имени Ставки, наркома обороны, Генерального штаба, командующих фронтами и стратегическими направлениями. Прочитируем лишь некоторые из них:

Постановление ГКО № 00381 от 16 июля 1941 г. (подписано лично Сталиным):

«...отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушая Присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником...»

Приказ Главного командующего войсками Северо-Западного направления № 3 от 14 июля 1941 г.:

«...войска Северо-Западного фронта, не всегда давая должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение. Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают панику, не организуют и не ведут свои части в бой, но своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта...»

Приказ командующего Северо-Западным фронтом № 044 от 26 июля 1941 г.:

«...Приказываю

1. Командирам и военным комиссарам соединений и частей обязать всех командиров и политработников, под их личную ответственность, в трехдневный срок нашить на шинели и гимнастерки петлицы, нарукавные знаки и знаки различия.

2. Впредь всех лиц начсостава, допускающих нарушения формы одежды, снявших знаки различия, рассматривать как трусов и паникеров, бесчестящих высокое звание командира Красной Армии, и привле-

кать их к суровой ответственности, вплоть до предания суду военных трибуналов».

Приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 г.:

«...командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злыми дезертирами, семьи которых подлежат аресту... расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... Если начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочитают сдать ему в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи...»

Директива Ставки № 001919 от 12 сентября 1941 г.:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах» (выделено мной. — М.С.).

Директива Ставки ВГК № 002202 от 21 сентября 1941 г. (приведен полный текст без сокращений):

«Ставка Верховного Главнокомандования предлагает срочно донести:

- 1. Оставлен нашими частями Киев или нет?*
- 2. Если Киев оставлен, то взорваны мосты или нет?*
- 3. Если взорваны мосты, то кто ручается, что действительно мосты взорваны?»*

Если вопрос о моральном состоянии армии, в которой издавались приказы такого содержания, еще нуждается в каких-то комментариях, то в качестве таковых остается привести следующие три цифры:

163 командира дивизии (бригады);

221 начальник штаба дивизии (бригады);

1114 командиров полков.

Это перечень командиров сухопутных войск (без учета авиационных командиров, не вернувшихся с боевого вылета), пропавших без вести за все годы войны. Принимая во внимание, что по штату одной стрелковой дивизии требовался один командир, один начальник штаба и пять командиров полков (три стрелковых, два артиллерийских), мы приходим к выводу, что без вести пропал офицерский корпус, по численности более чем достаточный для полного укомплектования старшего начсостава всех дивизий пяти западных военных округов СССР. Стоит отметить и то, что даже к началу 90-х гг. не были известны места захоронений 44 генералов Красной Армии (не считая тех, кто был расстрелян или умер в тюрьмах и лагерях, не считая погибших во вражеском плену). Сорок четыре генерала — среди них два десятка командиров корпусного и армейского звена — разделили судьбу миллионов рядовых солдат, бесследно сгинувших в пучине войны. А ведь между генералом и солдатом есть большая разница. Солдат часто воюет в одиночку и порою гибнет без свидетелей. Но как же мог пропасть без вести генерал, командир дивизии или корпуса? Командир в одиночестве не воюет. Командование и штаб дивизии имели численность (по штату апреля 1941 г.) в 75 человек. Это не считая личный состав политотдела, трибунала и комендантского взвода. В штабных структурах корпуса и армии людей еще больше. До каких же пределов должны были дойти хаос, паника, дезертирство, чтобы командир корпуса или дивизии «пропал» в чистом поле, без приметы и следа? Да и не все «пропавшие без вести» генералы пропали бесследно. За добровольную сдачу в плен и сотрудничество с оккупантами после войны было расстреляно или повешено 23 бывших генерала Красной Армии (это не считая го-

раздо большего числа тех, кто получил за предательство полновесный лагерный срок). Среди изменников были и командиры самого высокого ранга:

- начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта Трухин,
- командующий 2-й Ударной армией Власов,
- начальник штаба 19-й армии Малышкин,
- член Военного совета 32-й армии Жиленков,
- командир 4-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Егоров,
- командир 21-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Закутный.

Да, десять человек из числа казненных генералов были в конце 50-х посмертно реабилитированы. Но при этом не следует забывать, что реабилитации 50-х гг. проводились по тем же самым правилам, что и репрессии 30-х. Списком, безо всякого объективного разбирательства, по прямому указанию «директивных органов»...

Казненные генералы известны поименно. О рядовых, как всегда, известны только суммарные числа. Так, за неполные четыре месяца войны (с 22 июня по 10 октября 1941 г.) по приговорам военных трибуналов и Особых отделов НКВД был расстрелян 10 201 военнослужащий Красной Армии. Всего же за годы войны только военными трибуналами (без учета деятельности НКВД) было осуждено свыше **994 тысяч** советских военнослужащих, из них **157 593 человека расстреляно**. Впрочем, обсуждение масштабов репрессий превращается в демагогию, если оно происходит в отрыве от обсуждения главного: совершенно беспримерного поведения огромной массы бойцов и командиров Красной Армии, с чем советское военно-политическое руководство и пыталось бороться единственно известным и доступным ему способом, т.е. жесточайшим террором.

Уже через несколько месяцев после начала войны, осенью 1941 г., немецкое командование смогло присту-

пить к планомерному формированию «национальных» частей Вермахта, укомплектованных бывшими советскими гражданами (если только слово «гражданин» вообще применимо к подданным сталинской империи). Так, было создано в общей сложности порядка 90 так называемых «восточных» батальонов: 26 «туркестанских», 13 «азербайджанских», 9 «крымско-татарских», 7 «волго-уральских» и т.д. В следующем, 1942 г., после прорыва немецких войск на Дон и Кубань, началось создание «добровольческих» казачьих формирований. Так, в мае 1942 г. в 17-й полевой армии Вермахта был издан приказ о создании при каждом армейском корпусе по одной казачьей сотне и еще двух сотен — при штабе армии. Своя казачья сотня появилась в сентябре 1942 г. даже в составе 8-й итальянской армии. К весне 1943 г. в составе Вермахта воевало более 20 казачьих полков общей численностью порядка 30 тысяч человек. Самой же распространенной и массовой формой сотрудничества бывших военнослужащих Красной Армии с оккупантами стало зачисление их в регулярные части Вермахта в качестве так называемых «добровольных помощников» (Hilfswillige, или сокращенно «хиви»).

Первоначально «хиви» служили водителями, кладовщиками, санитарями, саперами, грузчиками, высвобождая таким образом «полноценных арийцев» для непосредственного участия в боевых действиях. Затем, по мере роста потерь Вермахта, русских «добровольцев» начали вооружать. В апреле 1942 г. в германской армии числилось 200 тысяч «хиви». Так, в окруженной у Сталинграда 6-й армии Паулюса в ноябре 1942 г. было 51 800 «хиви», а в 71, 76 и 297-й пехотных дивизиях этой армии «русские» (как называли всех бывших советских) составляли до 40% личного состава. Летом 1942 г. в 11-й армии Манштейна числилось 47 тысяч «добровольцев». В конце концов масштабы этого беспримерного в истории России массового сотрудниче-

ва с оккупантами стали столь велики, что верховным командованием Вермахта был создан специальный пост «генерал-инспектора восточных войск». В феврале 1943 г. под началом генерала Кестринга в рядах Вермахта, СС и ПВО служило порядка **750 тыс. человек**. С октября 1943 г. «хиви» были включены в стандартный штат немецкой пехотной дивизии в количестве 2000 человек на дивизию, что составляло 15% от общей численности личного состава. Такие цифры называют зарубежные историки. С ними вполне согласны и военные историки российского Генштаба, составители сборника «Гриф секретности снят». На стр. 385 читаем: *«Численность личного состава военных формирований так называемых «добровольных помощников» Германии, включая полицейские и вспомогательные, к середине июля 1944 г. превышала 800 тыс. человек. Только в войсках СС в период войны служило более 150 тыс. бывших граждан СССР»*. На стр. 334 сообщается, что в 1942—1944 гг. из числа находившихся в немецких лагерях военнопленных в связи со вступлением в «добровольческие формирования» было освобождено порядка 500 тыс. человек. А ведь пленные были важным, но отнюдь не единственным источником людских ресурсов. К услугам немцев были и сотни тысяч дезертиров, и миллионы военнообязанных, уклонившихся от мобилизации в начале войны...

С тех страшных дней прошло уже более 60 лет. И все эти годы официальная советская военно-историческая наука, игнорируя очевидный и бесспорный факт полномасштабного развала Красной Армии, факт беспрецедентного массового дезертирства, массовой сдачи в плен и перехода на сторону врага, успешно искала и находила все новые и новые «причины поражения Красной Армии в начальном периоде Великой Отечественной войны». Сама по себе история этих попыток,

выработанные за эти годы шулерские приемы могут стать предметом отдельного исследования. Новый импульс подобные исследования получили в начале 90-х гг., после того как рассекречивание огромного массива документальной информации сделало (правильнее сказать — должно было бы сделать) невозможным дальнейшие спекуляции на тему о «многократном численном превосходстве противника» и «безнадёжно устаревших советских танках». Новое время — новые песни. Да и читатель нынче новый, молодой и гораздо более требовательный. Посему нынешние продолжатели «славных традиций» советской историографии простых ответов не ищут, а свои 700-страничные труды пишут очень научным, чистоконкретным, языком:

«Первая боевая группа 14-й танковой дивизии (кампфгруппа Штемпеля) состояла из 108-го моторизованного пехотного полка (без 2-го батальона), штаба 4-го артиллерийского полка 14-й танковой дивизии с 3-м дивизионом 4-го артполка (без 1-й батареи), 1-й батареи 4-го артиллерийского полка, 1-й батареи 607-го мортирного дивизиона (приданная корпусная часть, 210-мм мортиры), 1-й батареи 60-го артиллерийского полка (приданная корпусная часть, 100-мм пушки), 1-й роты 4-го противотанкового батальона 14-й танковой дивизии, 36-го танкового полка (без 1-й усиленной роты) со 2-й ротой 13-го моторизованного саперного батальона, частей моторизованного батальона связи, 2-го взвода 4-й саперной роты. Вторую боевую группу (кампфгруппу Фалькенштейна) составляли 103-й моторизованный пехотный полк, 1-я усиленная рота 36-го танкового полка, 2-й дивизион 4-го артиллерийского полка, 4-й противотанковый дивизион без одной роты и двух взводов, 1-й взвод 4-й саперной роты. Третья боевая группа (кампфгруппа Дамерау) состояла из...»

Вы таки будете смеяться, но молодой автор этого маленького шедевра претенциозного пустозвонства удо-

стоился даже публичной похвалы из уст самого Махмуда Ахметовича! Товарищ М.А.Гареев, генерал армии, президент Академии военных наук, академик РАН и прочая, прочая, прочая, недавно изрек: *«Если будут такие люди, как Алексей Исаев, наше дело небезнадёжно!»* Совершенно точное определение. Махмуд Ахметович и его подчиненные в больших погонах и при высоких званиях десятки лет ели народный хлеб, но ничего, имеющего хотя бы признаки научности и правдоподобия, придумать так и не удосужились. Современный продолжатель их дела делает свое дело гораздо качественнее. Тоньше. Тов. Исаев не «подставляет» себя прямым утверждением о «численном превосходстве» противника. Но бесконечно длинный (из жалости к читателю мы процитировали только половину) перечень взводов, рот и батарей 14-й танковой дивизии на подсознательном уровне формирует у читателя, загипнотизированного всем этим мельканием номеров, мортир и пушек, представление об «огромной черной туче», надвигавшейся на позиции советских войск. Фактически на своем пути от приграничного Владимира-Волынского до Луцка немецкая 14-я танковая дивизия встретила (опять же правильнее будет сказать — должна была бы встретить) четыре дивизии Красной Армии (19-я тд, 135-я сд, 215-я мд, 131-я мд) и 1-ю противотанковую бригаду. Это не считая находившихся непосредственно у границы 87-й сд и 41-й тд, а также трех узлов обороны Владимир-Волынского УРа (о которых А.Исаев коротко обронил: *«40 редко расположенных ДОТов»*). «Редко расположенных» — это 40 ДОТов на 20 км фронта. 26 июня к занятому немцами Луцку подошли еще две стрелковые дивизии Красной Армии (200-я сд и 193-я сд). Чудес не бывает, и если полный перечень всех подразделений немецкой дивизии занимает 2 страницы текста, то такой же перечень применительно к 9 советским дивизиям должен

был бы занять 18 страниц. Но вот его А.Исаев почему-то не приводит.

Интереснее другое. Случайно или осознанно, но А. Исаев своим длинным пассажем («первая кампф-группа состояла из..., вторая кампфгруппа состояла из..., третья кампфгруппа состояла...») практически точно воспроизвел хрестоматийно известный каждому образованному человеку фрагмент из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Да-да, тот самый, где австрийский генерал перед Аустерлицким сражением долго и нудно зачитывает свою замечательную диспозицию: *«Die erste Kolonne marschirt... Die zweite Kolonne marschirt...»* На протяжении всего романа Лев Николаевич противопоставляет этот тупой механистический подход полководческому гению Кутузова, который *«долголетним военным опытом знал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти»*. Не отвлекаясь на дискуссию о том, насколько реальный исторический персонаж соответствовал тому образу Кутузова, который создал Л.Н. Толстой, отметим главное — почти мистический дар предвидения, проявленный великим писателем. В романе, посвященном событиям Отечественной войны 1812 г., с абсолютной точностью названы и главная причина поражения 1941 г., и главный источник победы советского народа в Великой Отечественной войне. Увы, нынешняя молодежь (к которой я уже не могу себя причислять) «Войну и мир» не читает, а «проходит». Зато много и долго играет в компьютерные «стрелялки».

Поверьте, я ничуть не шучу и не ерничаю. Игра в «стрелялки» роковым образом препятствует пониманию простой причины военной катастрофы 41-го г. И вот почему: забавный человечек на экране монитора все-

гда абсолютно послушен вам. Легким движением компьютерной «мышки» вы можете направить его в переулок, который кишит злобными монстрами, — и он пойдет. Без вопросов. Монстры сожрут его, другого, десятого — следующий пойдет по «трупам», беспрекословно выполняя ваши команды. Компьютерные игры совершенно не предполагают возможность того, что человек вдруг вылезет из летающе-ныряющего ракетного танка, бросит на землю лазерный бластер и, матерно ругаясь, покажет вам большую дулю. В игре такого не бывает. А в реальной истории такое уже случилось бесчисленное число раз. Огромная армия персидского царя Ксеркса, воинов которой гнали в бой кнутами (не в переносном, а в прямом смысле этого слова), не смогла совладать с маленьким «пятнышком» на карте, называемым «Древняя Греция». Численно ничтожная армия Александра Македонского завоевала огромные пространства Персидской империи вовсе не потому, что кони в персидской коннице были «безнадежно устаревшими», а серпоносные колесницы «выработали почти весь моторесурс». Крохотный Израиль раз за разом громил многочисленные арабские армии, а вооруженные силы богатейшей страны мира так и не справились с вьетнамскими партизанами, ловившими вертолеты сетями, сплетенными из дикорастущих лиан...

Строго говоря, ни советская, ни считающая себя продолжательницей ее дела часть российской историографии никогда и не отрицала роль «человеческого фактора». Ни в коем разе! Наоборот, неустанное повторение «мантры» про «обстановку всенародного патриотического подъема» было неотъемлемой частью любой публикации, посвященной событиям советско-германской войны. Появилась даже новая отрасль военно-исторической науки: «героика войск».

И я опять не шучу. На полке у меня стоит книжечка, которая просто потрясла меня потоком грубейших фактических «ляпов». На первой же странице текста в

первом абзаце сообщается, что Тимошенко сменил Ворошилова на посту наркома обороны СССР... знаете когда? «В декабре 1940 г.». Дальше — больше, и все в том же духе. Кто же автор? На обложке читаем: *«полковник, доктор исторических наук, профессор, автор 300 печатных (лучше было бы сказать — непечатных) работ по теории и истории военного искусства и героике войск»*. Разумеется, писать про «героику войск» доходнее и прелестней. И гораздо проще — не надо проверять ни одной цифры, ибо какая, в конце концов, разница: 15-я или 51-я, танковая или стрелковая дивизия совершила свой подвиг в октябре или ноябре 14-го или 41-го г.? Вообще же логика советской пропаганды не может не изумлять: она (пропаганда) готова была признать почти любой «негатив». Могла согласиться с тем, что в ходе раскулачивания имели место «отдельные перегибы», а сплошная коллективизация не всегда была добровольной, что во время массовых репрессий 37—38-го гг. были допущены «нарушения социалистической законности», да и жизнь в «коммуналках» и бараках была не очень сытной и веселой. Но вот допустить хотя бы тень сомнения в том, что подданные сталинской империи *«как один человек с радостью готовы отдать жизнь за великое дело Ленина — Сталина, и во имя этой идеологии бойцы, командиры и политработники готовы всегда отдать свою жизнь»* (Ворошилов, речь на XVIII съезде партии) — нет, нет и еще раз нет! Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда!

Впрочем, не будем сверх меры и разума преувеличивать роль пропаганды. Пропаганде верят тогда, когда очень хотят в нее поверить. Раз уж мы заговорили про литературу, то как тут не вспомнить бессмертную пушкинскую строку: *«Ах, обмануть меня не трудно — я сам обманываться рад»*. Тупой и примитивной советской пропаганде верили не всегда. Сколько ни талдычили по радио и ТВ про «загнивание Запада и

третий этап общего кризиса капитализма», а народ так и норовил на этот самый «загнивающий Запад» слинять — если уж и не навсегда, то хотя бы в турпоездку за джинсами и японским «двухкассетником». Сколько ни предупреждали знающие специалисты и умеренно приличные политики о том, что рыночная экономика — это не молочная река с кисельными берегами, а в конкурентной борьбе не может «победить дружба», никто их не услышал и им не поверил. В героические мифы советской истории по сей день верят потому, что очень хотят в них поверить. Что другое может найти современный россиянин в истории XX века, что могло бы подкрепить и оправдать его великодержавные амбиции? Чем еще ему гордиться? Нынешним статусом, извините за выражение, «великой энергетической державы»? Московскими офисами, построенными из финских и итальянских материалов на немецкой технике турецкими строителями, в которых несколько тысяч «менеджеров среднего звена» протирают импортные штаны импортными стульями, подсчитывая на импортном компьютере доходы от экспорта российской нефти?

Меня часто спрашивают: когда мы узнаем правду о Великой Отечественной войне и узнаем ли мы ее вообще? Ответ и на этот вопрос очень прост. Узнаем. Когда? Не раньше, но и не позже, чем закончится нынешнее, изрядно затянувшееся, «смутное время» и Россия займет, наконец, достойное ее место в общем ряду цивилизованных стран.

Только тогда мы сможем честно признать, что в нашей недавней истории были не только славные победы, но и позорные поражения.

Андрей Буровский

ДЕНЬ «Ч»

Он миновал планету Кловис, триста
восемьдесят жителей которой вполне
серьезно готовились к завоеванию Все-
ленной.

К.Саймак

Ксенф напился пьян и обещал вы-
пить море. Наутро, протрезвев, он при-
шел в ужас от своего обещания.

Из басен Эзопа

ИДЕЯ ЗАВОЕВАНИЯ МИРА

Нет ничего нового в том, что коммунизм в СССР — это утопия у власти. Нет ничего нового в том, что эта утопия хотела сделаться Земшарной.

Нет ничего нового в том, что Сталин был гением недоверчивости, скрытности, коварства, умения просчитать на несколько ходов вперед. Никто не знает, какие формы могла принять эта идея в сталинской голове.

Нет также ничего нового в том, что коммунисты строили империю, для начала собирая страны бывшей Российской империи. Для этого они были готовы в любой момент нарушить любые международные договоры. Коммунисты легко нарушили договор с Грузией и оккупировали эту страну в 1921 году. Восстание 1924 года они подавили с невероятной жестокостью. Они повторно завоевали Казахстан, Кавказ и Среднюю Азию. Только нехватка сил помешала им завоевать Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Молдавию.

Уже после 1920 года, и после образования СССР в 1922 году коммунисты вели Гражданскую войну:

- 1) С белыми армиями.
- 2) С «зелеными» крестьянскими армиями.

3) С политическими врагами, социалистическими партиями и их вооруженными силами.

4) С национальными государствами и их армиями на окраинах бывшей Российской империи.

Но и это еще не все! Большевики последовательно считали, что Россия — это страна «неправильная». Необходимо коренным образом переделать не только весь ее политический, но и весь экономический и социальный строй. Весь народ России, все его сословия, классы, этнографические и культурные группы подлежали полной «переделке». Как тогда говорили, нужно «сменить кожу».

Вот он, еще один «фронт» Гражданской войны:

5) Война с народом России за его советизацию.

То же самое большевики думали обо ВСЕХ народах мира. Они полагали, что законные правительства всех держав — не легитимны. Они сформированы буржуазией, а не пролетариатом. Необходимо свергнуть эти правительства, чтобы пролетариат встал у власти.

Уже в силу этой позиции большевики оказывались в состоянии войны со всем остальным человечеством. Они пока не могли, но очень хотели открыть этот «шестой фронт» Гражданской войны:

6) Война с законными правительствами всего мира.

А за этим шестым направлением Гражданской войны просматривалось и седьмое...

7) Война с народами мира за их советизацию.

Все это — части не национальной, а Мировой Гражданской войны. То, что происходит в стране, легко выплескивается за ее пределы. То, что происходит в мире, отражается на политике большевиков.

Идея мирового господства появилась раньше СССР. Старый друг Ленина, Г. А. Соломон вспоминал еще в самом начале 1918 года: «Следующее мое свидание было с Лениным... Беседа с Лениным произвела на меня самое удручающее впечатление. Это был сплошной максималистский бред.

— Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров Утопия, только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю...

— Никакого острова Утопии здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А!., вы пожимаете плечами! Ну так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..»¹

10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов Советская Россия приняла Конституцию. Состояла она из шести разделов, и второй раздел, «Общие положения», декларировал временный, переходный характер Конституции. Даже в третьем разделе, «Конструкция советской власти», включались формулировки чисто политического характера, ориентированные не на Россию, а на все мировое сообщество. «Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической ориентации общества и победы социализма во всех странах...»

В разделе пятом, «Бюджетное право» — тоже сплошная политика, причем международная.

Конституция определяла способы разрушения всех старых экономических основ государства и финансовый удар по другим государствам. Основные принципы — отказ от уплаты долгов «как первый удар международному банковому, финансовому капиталу» и обещание идти по этому пути «вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала».

¹ Соломон Г. А. Среди красных вождей. Париж. 1930. Т. 1. С. 15.

В 1922 г. создается СССР. Конституция Советского Союза начинается с «Декларации об образовании СССР». После долгой демагогии про то, что «там, в лагере капитализма, национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь, в лагере социализма, взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов», «Декларация» наконец переходит к делу: «Доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»¹.

Можно привести немало других, не менее впечатляющих, текстов.

СССР — это форма, которую приняла идея фикс коммунистов: о мировом господстве. Очень удобная форма: хотя бы теоретически к СССР можно было присоединять какие угодно республики, не изменяя ни политического устройства, ни структуры государства.

ИСХОДНАЯ МЕСТЕЧКОВОСТЬ ИДЕИ

Коммунисты не первые придумали завоевать Мир.

Александр Македонский хотел завоевать мир — и мгновенно убедился, что известная ему часть Ойкумены намного меньше, чем неизвестная. Он хотел завоевать

¹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. М., 1924.

Индию — но смог только постоять на самом ее краешке. А за Индией, как «оказалось», лежат колоссальные области, о которых ни самому Александру, ни его великому учителю, Аристотелю, просто ничего не известно.

Причем области земного шара, о которых Александр узнал к концу своей жизни, — только крохотный клочок всей Земли.

Чингисхан заповедал своим потомкам завоевать Вселенную, дойти до «последнего моря». Он смутно слышал про Атлантический океан, и он-то сделался для дикаря и неуча этим «последним». В реальности все завершилось даже не на берегах Атлантики... «Последним морем» стала Адриатика, чем все и кончилось. Океаны то ревели штормами, то расстилались слепящим синим шелком. Они омывали мыс Горн, острова Тасманию и Таити, побережье Калифорнии и Гренландии. Океаны вздымались цунами и несли на себе корабли. В океанах извергались вулканы и плавали вкусные рыбы.

...А в диких и нищих степях на пороге первобытной юрты сидел неграмотный кривоногий дикарь, который не то что завоевать всего этого не мог... Который даже не знал, что все это существует на свете. А увидел бы — не понял, что именно видит.

И покорить мир силой идей коммунисты хотели не первые.

Императора Римской империи Константина изображали с державой в руке. Держава символизировала собой земной шар, в который воткнут крест, символ христианизации Мира. Империя считала себя кораблем истинной веры, плывущим в океане язычества. Но планам захватить и христианизировать мир не суждено было не только сбыться — они не смогли даже приблизиться к осуществлению.

Все «великие» завоеватели неизбежно сталкиваются с тем, что мир намного больше и разнообразнее, чем это им кажется с идеологического бодуна.

Захлебываясь от энтузиазма по поводу «Земшарной республики Советов», стремясь «землю Гренады крестьянам отдать», мечтая умереть в боях на Ганге, чтобы их арбатская родина сияла от Японии до Англии, мальчики в красных революционных штанишках совершенно не учитывали этого.

О Земшарной республике Советов всерьез говорить не будем: не становиться же на одну доску с Пашей Коганом и другими в той же степени несерьезными людьми.

В самой постановке таких задач есть что-то глубоко местечковое.

Возьмем даже не весь Мир, возьмем только Европу — маленький кусочек нашего колоссального мира. Даже этот кусочек слишком велик и разнообразен, чтобы кто-то мог его завоевать. Не только Сталин, а вообще кто бы то ни было.

ИДЕЯ ЗАВОЕВАНИЯ ЕВРОПЫ

В пропагандистских фильмах типа «Снайпер» или в книге «Первый удар»¹ война будущего понималась просто: разгром Вермахта, с дальнейшим постижением вражескими солдатами всей гениальности идей Маркса.

Фильм «Если завтра война» снимали, используя документальные съемки проводившихся тогда маневров. Документальные кадры переходят в художественные: враг нападает, мгновенно разбит, война идет на территории противника, РККА бомбит Германию: Нюрнберг, Магдебург, Фюрт. А в Германии, конечно же, вспыхивают восстания пролетариата против «фашистов».

Даже представим себе на мгновение — так и было бы в реальности, а не в воспаленном воображении режиссеров и постановщиков.

Но какая же в этом «Земшарность»?

¹ Шпаков Н.Н. Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

Даже если разбить Вермахт и оккупировать Германию, за ней лежат Франция и Бельгия, Швейцария и Италия, страны Балкан и Скандинавия. Каждую страну придется завоевывать, положив немало своих солдат. В каждую из них придется вводить оккупационную армию, подавляя восстания и проводя советизацию. Где взять силы для всего этого?

В реальности СССР с трудом и не до конца советизировал только Восточную Европу, и даже в ней имел «проколы» типа Югославии, Албании, упорного польского сопротивления.

Кстати, Россию-то коммунисты советизировали? Они искренне верили, что личность человека — полное ничто, продукт среды, и не более. А раз так, если воспитать человека в правильной среде, то и получится единомышленник-коммунист. Но множество людей, которых они воспитывали пионерами и комсомольцами, выросли или совершенно равнодушными к идеологии, или убежденными врагами советской власти.

Это в России. Как же они собирались советизировать Испанию и Ирландию? Не говоря об индейцах в Перу и фермерах Австралии?

Что ж до захватов... Завоевывать мир им все время мешало как раз то, во что коммунисты то ли «не верили», то ли ни в грош не ставили: внутренний мир, внутренние убеждения человека. Финны ложились за валуном и стреляли до последнего, ценой собственной жизни всаживая пулю за пулей в «строителей светлого будущего». И потому, даже разделив мир с Гитлером, Сталин не смог завоевать отведенной ему Финляндии. После войны СССР вынужден был уйти из Австрии, отказаться от ввода войск в Грецию...

Если бы СССР в 1941 г. и приступил бы к реализации планов захвата Европы, осуществить их он не мог бы чисто физически.

Сама попытка такого рода была совершеннейшим безумием в самом прямом, буквальном смысле —

проявлением неадекватности. Такую попытку могли предпринять только люди, духовно живущие вне реального мира.

ЗАЧЕМ КОММУНИСТАМ БЫЛА НЕОБХОДИМА ВОЙНА?

В Гуверовском институте Стенфордского университета в Калифорнии (США) хранится пакет из 232 особо секретных постановлений советского Политбюро по вопросам внешней политики за 1934—1936 гг. «Немецкие агенты регулярно приобретали такие документы, получая их через 7—8 дней после их создания»¹. Эти постановления содержали информацию об указаниях Политбюро верхушке Наркоминдела и высшим государственным чиновникам.

11 февраля 1934 г. Политбюро решило, что крупная европейская война поможет пролетариату захватить власть в крупнейших европейских центрах.

В постановлении Политбюро от 1 мая 1935 года Политбюро полагало, что СССР примет участие в новых конфликтах в Европе и в Азии ровно в той мере, «которая позволит ему оказаться решающим фактором в смысле превращения мировой войны в мировую революцию»².

19 августа 1939 г. Сталин на Политбюро говорил, что если подписать Пакт с Третьим рейхом, то рейх непременно нападет на Польшу. А тогда и вступление в войну Англии и Франции станет неизбежным. Советский же Союз может остаться в стороне от конфликта и выжидать в выгодном положении, пока придет его очередь.

¹ МакДауэлл Дж., Ловенталь М. Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина — Гитлера // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 235.

² Там же. С. 243.

Еще в 1920 г. во время советско-польской войны задача ставилась: «Дойти до Германии, неся на красноармейских штыках труп белой Польши». Теперь, с 1939-го, и Польши нет, Брест стоит на советско-германской границе.

«Ледокол революции» врубился в тело остальной Европы и к 1940 г. завоевал ее почти всю.

Судя по всему, Сталин вовсе не торопился. Он оттягивал время, но вовсе не по трусости или по слабости. Он ведь видел — время работает на СССР. Чем позже СССР вступит в войну — тем больше государства Европы будут измотаны, воюя друг с другом. А Красная Армия с каждым годом будет становиться все профессиональнее, сильнее, активнее, управляемее.

Если можно ударить на Гитлера в августе 1941 г. — это лучше, чем в июле. А если можно весной 1942 г. — еще лучше! Если Гитлер опередил Сталина — то именно потому, что Сталин очень уж не торопился. Время работало на него.

А за всеми границами Красную Армию с нетерпением ждут единомышленники, ждущие только момента — как бы им взорвать мир, в котором они живут?

ПРОПАГАНДА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Анекдотичность разговоров о «миролюбии СССР» очень хорошо видна, если почитать статьи в советской прессе 1938—1939 гг. Буквально устаешь от потока злобной, не стесняющейся в выражениях агрессии. «Фашистские уроды», «каннибалы», «тупицы», «так называемые «генералы» — это еще комплименты. Карикатуры, на которых вражеских солдат и политиков изображают со свиными рылами и с обезьяньими мордами, — в «Красной Звезде» и в «Литературной газете».

Что характерно: в 1938 г. ЦК ВКП(б) уже говорит о «начавшейся мировой войне». О «Второй мировой войне», которая приведет к восстаниям и революциям в

Европе... Формально Вторую мировую числят с 1 сентября 1939 г., но для коммунистов она уже началась. Что и логично: гражданская война в Испании уже идет, Чехословакию уже делят.

Еще характернее четкая антигерманская направленность всей милитаристской пропаганды.

Общей границы с Третьим рейхом еще нет. Войной именно с немецким народом еще и не пахнет. А вражеские солдаты в фильмах «Если завтра война» и «Эскадрилья № 5» говорят по-немецки! А Эйзенштейн именно в 1938 г. снимает «Александра Невского»!

Вот песня из этого кинофильма «Если завтра война». Слова В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрыссы.

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет, —
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет.

Припев:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!
Если завтра война, — всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна, велика и сильна,
И врага разобьем мы жестоко.

Припев.

Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки.

Припев.

Мы войны не хотим, но себя защитим, —
Оборону крепим мы не даром, —
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!

Привет.

В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила, —
С нами Сталин родной, и железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов!

Привет.

Подымайся, народ, собирайся в поход!
Барабаны, сильнее барабаньте!
Музыканты, вперед! Запевалы, вперед!
Нашу песню победную гряньте!

Привет:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, —
Будь сегодня к походу готов!

Фильм Абрама Роома «Эскадрилья № 5» начинается с того, что советская разведка перехватывает приказ командования Третьего рейха о переходе советской границы. На бомбежку немецких аэродромов вылетают тысячи советских самолетов, в числе которых — эскадрилья №5. «Наши» со страшной силой громят «ихних», но «фашисты» подбивают два наших самолета. Летчики эскадрильи №5 — майор Гришин и капитан Нестеров — на парашютах спускаются на территорию врага. А! Вот они, подземные ангары врагов!!! Захватив рацию, герои вызывают эскадрильи советских бомбардировщиков. «Мы» «им» покажем — строить подземные ангары! А вот и немецкий антифашист. Свой парень, пролетарий, рабочая косточка. С его помощью герои фильма захватывают «ихний» самолет и улетают к своим.

И в литературе делается то же самое! В конце 1930-х советская литература не просто нагнетает военную истерию (она делала это с 1918 г.). Она называет вполне конкретного будущего врага: «фашистскую» Германию. Социалистический рейх.

Ни одна книга перед войной не имела таких тиражей, как «Первый удар»¹. После подписания Пакта в 1939 г. книгу изъяли из продажи... Но к тому времени ее только ленивый не прочитал. И вообще каждый красный командир обязан был прочитать эту книгу, потому что военное издательство выпустило ее в учебной серии «Библиотека командира».

В ней все «как надо»: враг, «фашисты», нападает. Но «наши», конечно же, мгновенно опрокидывают врага, на территории СССР бой идет только первые сутки. А потом небо темнеет от самолетов-мстителей... «Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двухпушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух».

«Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских само-

¹ См.: *Шпанов Н.Н.* Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

летов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы».

До какой же все-таки степени материализуется то, чего мы ждем... Конечно, в книгах и фильмах «мы» стреляли, а «они» взрывались. В реальной истории было не совсем так... Но советское общество с 1938 г. ждало войну с Германией. Можно сказать, накликало ее по всем правилам первобытной магии. Ну и накликало. Как же тут не поверить в то, что мысль материальна, и в Божий Промысел в истории?

Что же до высказываний официальных лиц, то «...множество «косвенных улик» позволяет с большой долей уверенности предположить, что именно в мае 1941-го в Москве было принято решение начать крупномасштабную войну с Германией, причем не когда-то в неопределенном будущем, а в июле — августе 1941-го»¹.

Например, 5 мая 1941 года Сталин выступил с речью перед выпускниками военных академий на приеме в Кремле. В ней он, не называя противника, неожиданно объявил, что СССР будет вести не оборонительную, а наступательную войну, к которой страна готова.

Вопрос — в какой степени готова?

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРАСНОЙ АРМИИ

На 22 июня 1941 г. Красная Армия была самой многочисленной армией мира. В приграничных округах и флотах СССР имелось 3 289 850 солдат и офицеров, 59 787 орудий и минометов, 12 782 танка, из них 1475 танков Т-34 и КВ, 10 743 самолета. В составе трех флотов имелось около 220 тыс. человек личного состава, 182 корабля основных классов (3 линкора, 7 крейсеров, 45 лидеров и эсминцев и 127 подводных лодок).

Непосредственную охрану государственной границы

¹ Солонин М. СССР — Финляндия. От мирного договора — к войне. // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008.

несли пограничные части (сухопутные и морские) восемь пограничных округов. Вместе с оперативными частями и подразделениями внутренних войск они насчитывали около 100 тыс. человек.

Эти войска подчинялись пяти приграничным округам: Ленинградскому, Прибалтийскому Особому, Западному Особому, Киевскому Особому и Одесскому. С моря действия сухопутных войск должны были поддерживать три флота: Северный, Краснознаменный Балтийский и Черноморский.

Войска Прибалтийского военного округа под командованием генерала Ф. И. Кузнецова включали в себя 8-ю и 11-ю армии, 27-я армия находилась на формировании западнее Пскова. Эти части располагались от Балтийского моря до южной границы Литвы, на протяжении 300 км.

Войска Западного Особого военного округа под командованием генерала Д. Г. Павлова располагались от южной границы Литвы до реки Припять на фронте протяженностью 470 км.

В состав этого округа входили 3, 4 и 10-я армии. Кроме того, соединения и части 13-й армии формировались в районе Могилев, Минск, Слуцк.

Войска Киевского Особого военного округа под командованием генерала М. П. Кирпоноса в составе 5-й, 6, 12 и 26-й армий и соединений окружного подчинения занимали позиции на фронте протяженностью 860 км от Припяти до Липкан в Северной Молдавии.

Войска Одесского военного округа под командованием генерала Я. Т. Черевиченко прикрывали границу на участке от Липкан до устья Дуная протяженностью 480 км.

Войска Ленинградского военного округа под командованием генерала М. М. Попова располагались в северо-западных районах СССР (Мурманская область, Карело-Финская ССР и Карельский перешеек), а также на северном побережье Эстонской ССР и полуострове Ханко.

Протяженность сухопутной границы на этом участке достигала 1300 км, а морской — 380 км. Здесь располагались — 7, 14, 23-я армии и Северный флот.

Но эти 186 дивизий — только часть Красной Армии, включавшая 303 дивизии общей численностью 5400 тыс. человек. Всего в СССР жило 34—37 млн потенциальных призывников. Число призванных за четыре года войны составило 28 807 150 человек.

ВЕРМАХТ

Суворов абсолютно справедливо пишет, что в СССР старательно преуменьшали численность Красной Армии, качество ее вооружений и так же старательно преувеличивали численность Вермахта и качество его боевой техники.

Классический способ передергивать — это сравнивать заведомо несравнимые величины: например, только тяжелые танки в СССР и ВСЕ танки Третьего рейха. Или сравнивать ВСЮ артиллерию Вермахта только с числом стволов калибром более 76 мм в Красной Армии.

Еще в СССР считали, что в дивизиях Красной Армии было по 8—9 тыс. человек, тогда как реально в среднем по дивизии числилось 12 360 солдат и офицеров.

Приводя численность Красной Армии, обычно не учитывали примерно 500 тыс. человек из дополнительного призыва, поступившего в июне 1941-го.

А говоря о Вермахте, учитывали и боевой состав, и технических работников, и службу.

В общем, шулерских приемов много.

Если учитывать не весь персонал Вермахта, а только боевой состав, то его численность на лето 1941 г. надо определить в 4,2 млн человек, из них 1,8 млн — граждане других государств, не Германии. Из них порядка 3 млн человек в западных приграничных округах и войсках второго стратегического эшелона. Потен-

циальных призывников в рейхе было 23 млн, из них реально призвали 21 100 тыс. человек.

В войсках только западных приграничных округов Красная Армия имела более 37 тыс. орудий и минометов, а в войсках Вермахта и всех его союзников — не более 31 тыс. стволов.

Помимо моторизованной артиллерии, в штатах немецкой пехотной дивизии первых волн было 6300 лошадей, из них почти половина в артполку. Вся артиллерия пехотных дивизий была на конной тяге. Моторизована была лишь артиллерия ПТО, РГК, танковых и мотопехотных дивизий.

На границе с СССР стояло всего 3300 танков и 250 самоходных орудий, из них 1600 легких (Т-1, Т-2 и Т-38) и 1610 средних (Т-3 и Т-4). Против 1610 средних танков Вермахта в западных округах СССР стояло 160 тяжелых и средних танков КВ и Т-34, намного превосходивших немецкие по боевым качествам. А против 1600 немецких легких танков было около 9 тыс. советских легких, несколько не уступавших нацистским (без учета 2 тыс. танков мехкорпусов второго стратегического эшелона).

Против 3046 всех нацистских боевых самолетов (1067 истребителей, 1417 бомбардировщиков и 562 разведчика) ВВС западных округов, флотов и дальнебомбардировочная авиация (ДВА) имели 9917 боевых самолетов, в том числе в округах — 7133, в ДВА — 1339 и на флотах — 1445.

Самолетов новых типов советские ВВС приняли от заводов 3719, так как в числе новых надо учитывать и самолеты образца 1939—1940 гг. ДБ-3Ф, Ар-2, Су-2, Ту-2, Як-4, Пе-8, ББ-2, которых было более тысячи. Вермахт же из всех 3046 боевых самолетов имел новых менее 2 тыс., если исключить устаревшие самолеты Ю-87, Хе-111, До-217 и др.

Что мы имеем в итоге? Правильно: подавляющее превосходство Красной Армии над Вермахтом в количестве и качестве танков и авиации. Неудивительно,

что руководство СССР не боялось потенциального противника.

Позже Сталину много раз ставили в вину, что он не стал объявлять всеобщую мобилизацию и не стал вводить войска в предполье укрепрайонов до нападения нацистов. Если это и ошибка, то только в оценке боеспособности войск. Сталин и Народный комиссариат обороны считали, что 186 дивизий и всей накопленной силищи вполне хватит, чтобы отразить любое внезапное нападение Третьего рейха и всех его союзников.

Если судить по числу дивизий и боевой техники, Сталин совершенно прав: Красная Армия намного сильнее Вермахта. Если Сталин ошибся, то не потому, что неправильно посчитал дивизии.

Наверное, война Третьего рейха и СССР была неизбежна потому, что каждый из них претендовал на мировое господство, а создать второй земной шар пока что никому не удавалось. К тому же «дорогие союзники» не доверяли друг другу. Договориться они практически никак не могли.

Не случайно же и Третий рейх, и СССР держали на общей границе большие контингенты войск. Проводили общий парад, подписывали договоры, обменивались ценным опытом... А на границе к 22 июня 1941 г. стояли, по Мельтохову¹, такие силы:

Количество:	Советских	Германских	Соотношение
Дивизий	190	166	1,15:1
Солдат	3 289 851	4 306 800	1:1,3
Танков и штурмовых орудий	15 687	4171	3,8:1
Самолетов	10 743	4846	2,2:1
Артиллерии — орудий и минометов	59 787	42 604	1,4:1

¹ См.: *Мельтохов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

Советские войска посильнее. При этом тяжелых танков (более 40 т) у нацистов вообще не было, а в Красной Армии — 564 машины (504 новейших КВ и 59 Т-35); средних танков (более 20 т) у нацистов было 990, а у Красной Армии — 1373, в том числе 892 новейших Т-34 и 481 Т-40. Но ведь и нацистские войска стоят наготове. Как встали в 1939 г., так два года и стоят... задолго до плана «Барбаросса».

Глобальная неизбежность войны дополнялась множеством мелких взаимных уколов.

СССР захватил больше, чем ему «полагалось» по пакту Молотова — Риббентропа (то-то потребовалось три новых секретных протокола, уточняющих границы зон оккупации — и все три в пользу СССР).

Наверное, вопрос был только в одном: когда именно и кто на кого нападет. И тут действительно возникает недоумение: почему Гитлер выбрал такое неудобное время для нападения? Если бы он напал после покорения Британии, все было бы понятно. А так, до проведения операции «Морской лев», начало войны с СССР означало войну на два фронта. Нацисты и Вермахт очень боялись такой войны — по опыту Первой мировой. Почему же на это шли?

Во-первых, потому, что убедились: Британию не победить. По крайней мере, пока.

Во-вторых, с Британией никак не удавалось заключить мир.

В-третьих, СССР не удалось использовать против Британии.

ДЛЯ ЧЕГО СТОЯЛА ЭТА АРМИЯ?

В СССР обычно говорили, что Советский Союз с 1939 года «начинает активно готовиться к вступлению в войну». В порядке подготовки увеличивается численность Красной Армии, промышленность переводится с шестидневной на семидневную неделю, рабочий день

увеличивается на час, вводится закон об уголовной ответственности за опоздания и прогулы, отменяется право увольняться «по собственному желанию».

Но почему, собственно, «готовится»? СССР находится в состоянии войны с 17 сентября 1939 года. Он аннексировал 3 страны, делил Польшу, отгрызал куски от Румынии, провел Зимнюю войну с Финляндией и начал с ней новую войну одновременно с нападением нацистов.

Все меры по укреплению тыла вполне можно объяснить не подготовкой, а естественными изменениями в законах и нравах воюющей страны.

Этим же объясняется запуск в серийное производство образцов новой военной техники: новейших самолетов, танков, реактивных минометов «катюши» и т.д.

Войска стягиваются к западным границам? Но ведь не только Гитлер не доверял Сталину. Сталин тоже не доверял Гитлеру. Он тоже готовился. (Да и почему эти двое и их окружение должны были доверять друг другу? Не такие они были наивные.)

О плане «Барбаросса» мы знаем достаточно много. Документы о планах советского руководства к 22 июня 1941 года, приказы Наркомата обороны и Киевского военного округа в первые часы и дни войны не рассекречены и по сей день. Есть отдельные документы... Но они очень красноречивы.

«Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» — 18 сентября 1940 г.

«Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных сил СССР» — 11 марта 1941 г.

«Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»¹ — май 1941 г.

И наконец, «записка начальника штаба Киевской

¹ Военно-исторический журнал. 1992, № 1 и 2.

ПВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год»¹.

В сущности, это один и тот же документ, много раз уточнявшийся и дорабатывавшийся.

В общей сложности Красная Армия включала 61 танковую и 31 мотострелковую дивизию, 12 400 танков, не считая тысяч пулеметных танкеток.

Эта громадная армия вторжения должна была реализовывать доктрину «малой кровью и на чужой территории». Трудно сказать, как там насчет «малой крови», но вот насчет чужой территории — это точно. Согласно всем этим документам, неприятельские войска не должны были находиться на территории СССР больше суток. Это если враг вообще будет атаковать первым. А лучше считалось «ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания».

И вообще, «наша оперативная подготовка, подготовка войск должна быть направлена на то, чтобы обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать все свои силы»².

Вот так. Нападать первыми, не ждать полного развертывания вражеских войск. И — на чужую территорию. К 30-му дню войны Красная Армия должна была выйти «на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц». То есть находиться в 300—350 км от новой границы СССР, на территории Польши и Чехии.

Следующий этап, прописанный менее четко, — «овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии».

Точно так же, кстати, и в плане «Барбаросса» бли-

¹ Россия — XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. М., 1998.

² *Мельтохов М.А.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

жайшие планы прописывались четко, последующие — менее определенно. Сроки вторжения — не ранее 10—15 июля. Неточно? Но день наступления на Бельгию и Францию Гитлер переносил 9 раз. День нападения на СССР — трижды. Все переносы и уточнения такого рода — в пределах обычного при планировании операций такого масштаба.

Среди моделей, которые рассматривали в СССР, была и такая: нацисты нападают в Белоруссии силами 50 дивизий. А Красная Армия силами 44 дивизий их сдерживает и одновременно наносит удар с юга на Краков. 44 обороняющиеся дивизии действительно могут сдержать 50 атакующих... Отличный план, но для его реализации надо, чтобы 44 дивизии хотели бы кого-то сдерживать.

Могла ли Красная Армия в 1941 году напасть на Вермахт, разгромить его, захватить и оккупировать Германию? Могла ли она пройти сквозь Германию до Ла-Манша, ворваться во Францию, дойти до Пиренеев и Средиземного моря?

С точки зрения технической, могла. 303 дивизии, 11 тыс. танков, почти 10 тыс. самолетов, 40 тыс. крупнокалиберных стволов. Это колоссальная сила, и равной ей в Европе просто не было. Если бы все решалось численностью танков и пушек, Сталин захватил бы весь мир очень легко.

Однако советское руководство не видело минусов Красной Армии, а они очень велики.

МИНУСЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Советские люди ценят все материальное. Военная техника — это для них очень важно. Гораздо важнее духа войск, психологии солдат, их доверия к офицерам и всему руководству страны...

Техника для них постоянно оказывается важнее и самих людей, в том числе важнее их квалификации.

На самом деле с квалификацией не очень хорошо обстояло дело и в Вермахте. К началу 1939 года были сформированы 12 армейских корпусов Вермахта из 38 дивизий, общей численностью 582 тыс. человек. К сентябрю 1939 года в Вермахте было уже 3 214 000 человек, а к 1941-му — 7 234 000 (включая и боевой, и небоевой состав). При таком стремительном росте численности армии множество солдат оставались плохо подготовлены... с точки зрения профессиональной армии, конечно.

Но, во-первых, в Вермахте и в первую очередь в германских частях на унтер-офицерских должностях служили прекрасные специалисты.

Единого звания для рядовых солдат в Вермахте, подобно Красной Армии (красноармеец, краснофлотец, рядовой), не существовало даже внутри рода войск. Рядовые солдаты именовались по своей специальности, должности.

Рядовые в разных частях носили разные названия. Рядовой в горнострелковых частях назывался Jäger (охотник); рядовой в кавалерии — Reiter (всадник). Рядовой артиллерист — Kanonier (стрелок). Рядовой танкист — Panzerschütze (танковый стрелок). А в мотопехоте — уже Panzergrenadier (танковый гренадер).

Старшина (фельдфебель) в разных родах войск тем более жестко отделялся от старшины в другом роде войск. Sanitätstabsfeldwebel — это главный старшина медицинской службы, который не имеет ничего общего со старшиной-кузнецом (Stabsbeschlagmeister) или со старшиной-сапером — Festungsspionierstabfeldwebel'ем. И так вплоть до старшины-голубевода (Stabsbrief-taubenmeister).

А общее немецкое слово солдат «Der Soldat» использовалось только как собирательное название.

Во-вторых, хотя бы часть офицерского состава была хорошо подготовлена.

Офицеров сравнительно мало, их квалификация и моральный дух традиционно высоки.

Советские взводы и роты были подготовлены гораздо слабее, чем их немецкие противники. Во время войны разрыв между выучкой солдат Красной Армии и Вермахта постепенно сокращался: красноармейцы накапливали опыт. В Вермахте же к 1943 году выбило многих квалифицированных солдат, а новых призывников обучали на скорую руку и плохо.

Но если разрыв сократился в ходе военных действий, значит — до их начала солдат Красной Армии готовили мало и плохо. Так и есть.

Летчики в СССР по выходе из училища имели всего 40—50 часов налета. В Вермахте — порядка 400 часов.

Полезно посмотреть на Красную Армию глазами нацистских генералов: многие из них написали и издали свои воспоминания. Красная Армия виделась им как громадное неповоротливое скопище малоподготовленных, малоинициативных людей. Эти люди не умеют использовать свою боевую технику, плохо обращаются с ней и часто ее ломают. Они храбры в наступлении и цепки в обороне, но мало доверяют начальству и легко поддаются панике.

Части Красной Армии казались нацистам не умеющими четко взаимодействовать друг с другом, лишенными надежной связи и мало помогающими друг другу.

Эта картина может вызвать раздражение «патриотов» советского разлива. Не случайно же так популярен В.Суворов: ведь он сказал, что у СССР не было технического отставания! Тезис отставания в современной России чаще всего вызывает чисто эмоциональный протест и раздражение. Но именно так виделась нацистам Красная Армия. Причем напомним еще раз — сам Вермахт не был очень профессиональным. Армия Британской империи была намного лучше подготовлена и обучена, чем армия Третьего рейха.

Трудно представить себе армию, которая имела бы

лучшую материальную часть, чем РККА, но которая была бы способна хуже распорядиться этим богатством.

Очень характерно утверждение нацистов, что одной из главных причин тактических недостатков РККА была недостаточная механизация. Как же так?! Ведь боевых машин в РККА было значительно больше, чем в Вермахте?! Да, но транспортных машин было как раз намного меньше.

РККА — единственная крупная европейская армия, которая за всю войну так и не приняла на вооружение бронетранспортеров. Мотопехота обычно перевозилась на броне танков, большая часть пехотинцев передвигалась пешком.

Чаще всего это объясняют «необходимостью» выпускать как можно больше танков. Поскольку все промышленные мощности были заняты, выпуск бронетранспортеров неизбежно бы повлек уменьшение количества выпущенных танков. Что характерно: во время войны командование РККА рассматривало бронетранспортеры как излишнюю роскошь, но после войны была развернута программа широкой механизации Красной Армии.

В действительности уменьшение числа выпускаемых танков вполне можно было бы компенсировать и подготовкой танкистов, и выпуском бронетранспортеров... При большей квалификации танкистов и танков для выполнения одних и тех же задач потребовалось бы меньше.

Так что не в недостаточных производственных мощностях тут дело и не в тактических доктринах самих по себе. Дело в особенном устройстве мозгов советских людей: они последовательно считали, что техника важнее людей, чувство долга важнее комфорта — в том числе и психологического, а выполнение поставленных партией задач намного важнее сохранения жизни и здоровья людей. То есть опять же важен не человек, а лишь результат его труда.

АРМИЯ ИЗ ДРУГОЙ ЭПОХИ

Эта черта РККА и всего советского общества очень характерна для начала периода индустриализма, для конца XVIII — первой половины XIX века. Тогда промышленная продукция производилась на очень простых станках, квалификация рабочих была не высока. Потому и выгодным было заставлять рабочего «пахать» по 14—16 часов в сутки. Важен был станок: грубый, не сломаешь, но стоит во много раз больше, чем труд рабочего. Важен результат труда: и сырье, и готовая продукция стоят намного больше, чем заплачено рабочему.

А вот рабочий не важен: его труд не ценен. Если он заболел, устал, состарился, его легко можно заменить другим.

В России промышленный переворот задержался, в Российской империи и в начале XX века было много производств, на которых рабочий менее ценен, чем станок, сырье и изготавливаемый продукт. Большевики, захватив власть, «подморозили» Россию, остановили общественное развитие. В середине XX века многие россияне мыслили так же, как полвека назад. Да ведь и марксизм родился в раннем индустриальном обществе.

В Европе в середине XIX века появились станки, которые требовали от работника квалификации. Чем дольше надо учить рабочего, тем большую ценность он представляет. Тем выше доля его зарплаты в стоимости продукта. Тем сложнее станок — а тем самым и легче его сломать, если рабочему не нравится работать или он захотел нагадить хозяину.

Такие производства были и в России, но к началу Первой мировой промышленность только начала переключаться на них. Германия же почти не застала первой стадии индустриализма, сразу переходя к квалифицированному труду. По этой причине Германия к

началу 20-го столетия и вырвалась вперед, обгоняя Британию и Францию. Потому в Германии и не сложилось массового нищего люмпенства, как в Британии.

Армия массового призыва — тоже своего рода «массовое производство». В СССР это «производство» организовано по законам другой эпохи.

Можно долго приводить примеры того, как недоумевают нацистские генералы и офицеры: почему советские начальники так не берегут своих солдат?! Для многих из них это служит убедительным доказательством: это еврейские комиссары сознательно губят русский народ.

Сохранился вопрос, который легенды приписывают то Гальдеру, то Вейдлингу, то Пауэльсу, то даже Дуайту Эйзенхауэру. Задавался он в разных вариантах легенды то Коневу, то Жукову. Во всех версиях легенды советскому военачальнику задают вопрос:

— Почему вы так мало бережете жизни ваших солдат?

На что советский военачальник пожимает плечами и отвечает вполне браво:

— Воюем по-нашему! По-сталински!

Но не только в сталинизме тут дело.

АРМИЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИЛИ КЛАССОВАЯ?

Сам дух Вермахта исходно был совершенно другой, чем Красной Армии. Ведь Красная Армия исходно создавалась как армия «классовая», армия «пролетариата». Вермахт формировался как имперская армия, включающая разные национальные части. Правящая партия много раз пыталась поставить армию под контроль, но должности комиссара в Вермахте никогда не было. Даже если партийная власть и существовала — то на дистанции.

А в РККА каждая часть от батальона и крупнее имела кроме командира еще и комиссара. Такая систе-

ма была введена еще во время Гражданской войны. Только в апреле 1940 года, после финской войны права комиссаров были урезаны, они потеряли право отменять приказ командира части. До того комиссар подтверждал или отменял любой сколько-нибудь важный приказ командира части.

Почти все комиссары ничего не понимали в вопросах военного дела. Да от них и требовалось вовсе не это, а только абсолютная личная преданность ВКП(б) и лично товарищу Сталину.

Разумеется, были среди комиссаров очень разные люди. Одни честно помогали «своим» командирам, другие устранялись от всего, кроме «политического воспитания» личного состава. Третьи же давали ценные указания и даже начинали сами командовать. Попытка же приструнить комиссара могла дорого обойтись командиру.

Кроме того, в армейских частях очень независимую систему представлял собой комсомол. Если солдат РККА приходил на службу не комсомольцем, его быстро принимали в комсомол. А комсомольские собрания шли... закрытые. Солдаты собирались на собрания, обсуждали командиров и комиссаров, а порой писали на них доносы и даже прямо отказывались подчиняться. Фактически рядовые солдаты любой части в любой момент могли понять, какая прелесть этот комсомол, и практически выйти из-под контроля. А попытка воздействовать на солдат могла тут же обернуться для командира части доносом в «дорогие органы».

О «ДОРОГИХ ОРГАНАХ»

Особый отдел... Так называлось подразделение военной контрразведки, входившее в состав Красной Армии. Особые отделы были созданы 19 декабря 1918 года постановлением Бюро ЦК РКП(б), по которому фронтовые и армейские ЧК были объединены с органами Военного контроля, и на их основе образован новый орган — Особый отдел ВЧК при СНК РСФСР.

Теоретически — военная контрразведка. Фактически — система слежки и контроля за войсками, единая централизованная система органов безопасности в войсках. В 1934—1938 гг. военная контрразведка как Особый, затем — 5-й Отдел, входит в состав Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. В марте 1938 года с упразднением ГУГБ, на базе 5-го Отдела создается 2-е Управление (особых отделов) НКВД СССР. Уже в сентябре 1938 г. Особый отдел воссоздается как 4-й Отдел ГУГБ. В подчинении — особые отделы (ОО) в РККА, РККФ, войсках НКВД.

То есть Особый отдел существует в армии — но армии не подчиняется.

Особый отдел НКВД следил за политическим и моральным состоянием части, а также должен был выявлять изменников, шпионов, диверсантов, террористов, контрреволюционные организации и группы лиц, ведущих антисоветскую агитацию. Он вел следствие под надзором прокуратуры и передавал дела в военные трибуналы.

С начала войны по октябрь 1941 года особыми отделами и заградотрядами войск НКВД было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. В этой массе было выявлено и разоблачено 1505 шпионов и 308 диверсантов. То есть вражеских агентов арестовано меньше 2 тысяч. А военных задержано больше 65 тыс.¹. За антисоветскую агитацию и «неправильные» разговоры, не иначе.

О СТРАННЫХ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ В КРАСНОЙ АРМИИ

О «неоправданных сталинских репрессиях» в РККА в 1937 году не писал разве что ленивый. О гениальности репрессированных командиров лили слезы начиная с эпохи Хрущева. Придется поговорить и об этом...

¹ См.: *Дегтярев К.* СМЕРШ. М.: Яуза-Эксмо, 2009.

Жестокие сталинские репрессии в РККА начались с «дела Тухачевского», которое официально называлось: дело «антисоветской троцкистской военной организации». Это дело по обвинению 9 крупных советских военачальников в организации военного заговора с целью захвата власти. Из них армейский комиссар 1-го ранга, начальник Политуправления РККА, первый зам наркома обороны СССР Я.Б. Гамарник застрелился накануне ареста. Остальных судили.

Эти 9 высших руководителей РККА обвинялись в — передаче в 1932—1935 годах представителям германского Генштаба секретных сведений военного характера;

— разработке в 1935 году подробного оперативного плана поражения Красной Армии на основных направлениях наступления германской и польской армий;

— подготовке террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства;

— подготовке плана вооруженного «захвата Кремля» и ареста руководителей ЦК ВКП(б) и советского правительства, то есть подготовке военного переворота, назначенного на 15 мая 1937 года.

Целью организации был объявлен насильственный захват власти в СССР в случае военного поражения от Германии и Польши.

Следствие заняло меньше месяца, судебное заседание прошло через два дня после утверждения обвинительного заключения и заняло всего один день. При этом судебное заседание было закрытым, подсудимые лишены права на защиту и обжалование приговора. В материалах суда не приводятся какие-либо факты, подтверждающие предъявленные обвинения в шпионаже, заговоре и подготовке террористических актов. Приговор от 11 июня 1937 года целиком основан на признаниях (или все же «признаниях»?) подсудимых.

11 июня 1937 года Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило к расстрелу с

конфискацией имущества и лишением воинских званий: Маршала СССР М.Н. Тухачевского, командарма 1-го ранга И.Э. Якира, командующего войсками Киевского ВО, командарма 1-го ранга И.П. Уборевича, командующего войсками Белорусского ВО; командарма 2-го ранга А.И. Корка, начальника Военной академии им. М. Фрунзе, комкоров Р.П. Эйдемана, В.К. Путну, атташе при полпредстве СССР в Великобритании, Б.М. Фельдмана, начальника Управления по начальствующему составу РККА, и В.М. Примакова — заместителя командующего войсками Ленинградского ВО.

Приговор был приведен в исполнение через несколько часов по завершении суда в ночь на 12 июня 1937 года.

Типичный «сталинский» процесс, не утруждающий себя доказательствами. Неудивительно, что у многих современников и последующих исследователей возникали сомнения в обоснованности приговора и сильнейшие подозрения в незаконных методах получения показаний.

13 января 1957 года все 9 были реабилитированы за отсутствием состава преступления. По мнению Комиссии по реабилитации, признания подсудимых были получены с использованием пыток и избиений. А других доказательств, кроме самооговоров, попросту нет.

Сложность в том, что сигналы о наличии в РККА сильной оппозиции Сталину поступали много раз уже в 1929—1934 годах. Эта информация не вышла из недр спецслужб, но уж Сталину наверняка была известна. И материалы есть, помимо собственных признаний.

Аналогичное дело о заговоре в верхушке РККА разрабатывалось ОГПУ еще в 1930 году. Сталину представили материалы о том, что группа крупных военачальников во главе с Тухачевским готовит захват власти и убийство самого Сталина. Сведения основаны только на показаниях арестованных преподавателей Военной академии — Какурина и Троицкого. Тухачев-

ский на очной ставке все категорически отрицал и был признан невиновным¹.

По мнению ряда исследователей, настоящей причиной процесса был заговор с целью захвата власти. Обвинения же в шпионаже были призваны сделать процесс более приемлемым для остальной военной верхушки².

Судя по тому, как вела себя Красная Армия в 1941 году? У Сталина были очень веские основания считать заговор высших военачальников реальностью.

РЕПРЕССИИ В РККА 1937-1938

Дело Тухачевского стало спусковым крючком для начала широкомасштабных репрессий в РККА. Из 8 членов «специального присутствия», выносившего приговор 11 июня 1937 года, расстреляны были 4. Маршал В.К. Блюхер, по одним данным, расстрелян, по другим — умер под пытками. Уцелели только В.В. Ульрих, С.М. Буденный и Б.М. Шапошников.

В 1937—1938 годах были расстреляны: из 5 маршалов — 3; из 5 командармов I ранга — 3; из 10 командармов II ранга — 10; из 57 комкоров — 50; из 186 комдивов — 154; из 16 армейских комиссаров I и II рангов — 16; из 26 корпусных комиссаров — 25; из 64 дивизионных комиссаров — 58; из 456 командиров полков — 401³. Чудовищный масштаб «чистки», разумеется.

«Головка» армии уничтожена, нет слов. А как насчет офицеров низового звена?

Как утверждает публицист-сталинист И. Пыхалов, со ссылкой на архивные источники, в течение 1937—

¹ См.: *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

² См.: *Прудникова Е., Колпакиди А.* Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006.

³ См.: *Соколов Б.* Истребленные маршалы. Смоленск, 2000, С. 82—202.

1938 г. в армии, с учетом всех последующих пересмотров дел (изменений статей и восстановлений), было репрессировано 17 776 человек¹ командного состава, из них 9701 был уволен и 8075 арестовано.

В. Г. Клевцов утверждает, что в 1937—1938 гг. было физически уничтожено 35,2 тыс. офицеров, Д. А. Волкогонов² и Д. М. Проэктор³ пишут о 40 тыс. репрессированных. Н. Г. Павленко пишет: «...только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года был репрессирован 36 761 военачальник»⁴. А. М. Самсонов пишет о 43 тыс.⁵, Н. М. Раманичев — о 44 тыс..⁶, Ю. А. Горьков — о 48 773⁷.

В публицистике называются цифры и покрупче: 50 тыс. репрессированных⁸, и даже: «Более 70 тысяч командиров Красной Армии были уничтожены Сталиным еще до войны»⁹.

В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер пишут: «Поэтому мы вынуждены считать, что убыль кадрового состава за два года чистки составила приблизительно 100 тыс. человек»¹⁰. Л. А. Киришнер утверждает, что было репрессировано 50% офицеров: «Считается, что в предвоен-

¹ См.: *Пыхалов И.В.* Великая Оболганная война. М., 2005.

² См.: *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2 книгах. Кн. II. 4. 1. М., 1989.

³ См.: *Проэктор Д.М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. М., 1972.

⁴ *Павленко Н.Г.* Размышления о судьбе полководства. М.: Знание, 1989.

⁵ *Самсонов А.М.* Вторая мировая война. 1939—1945. М., 1990.

⁶ *Раманичев Н.М.* Красная Армия всех сильнее? // Военно-исторический журнал. 1991, № 12.

⁷ *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.

⁸ *Куманев Г. А.* Война и эвакуация в СССР // Новая и новейшая история. 2006, № 6.

⁹ *Яковлев А. Н.* Жириновскому и другим «патриотам» в жирных кавычках // Известия. 25 апреля 1995. № 76 (24435).

¹⁰ *Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А.* Измена Родине. М., 1995.

ный период репрессировано 44 тыс. человек командного состава, свыше половины офицерского корпуса»¹.

Цифры настолько противоречат друг другу, что имеет смысл уточнить: численность офицерского корпуса в 1938 году составляла порядка 180 тыс. человек. Из уволенных в 1937—1938 гг. 38 тыс. командиров и политработников в 1939—1940 гг. вернулись в армию 12 тыс., 9 тыс. было уволено по старости или болезни. Не более 18 тыс. офицеров уволены из армии по политическим причинам. Причем только 9,5 тыс. из них было арестовано.

Важно, что масштабы репрессий ВЕЛИКИ. Настолько велики, что после смерти Сталина его враги легко смогли стократ преувеличить их масштаб.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЛУЧШИХ?

Естественно, возникал вопрос — зачем? Что тут — шизофрения Сталина? Борьба за власть? Уже в те времена современники уверенно говорили: Сталин уничтожил самых лучших. 11 июня 1937 года немецкий журнал «Верфронт» писал в статье «Новое лицо Красной Армии»: «После суда ... Сталин распорядился расстрелять восемь лучших командиров [РККА]. Так закончился краткий период реорганизации командования Красной Армии ... Военная квалификация была принесена в жертву политике и безопасности большевистской системы».

Квалификация ли?

Выдвигалась даже версия, что репрессии против верхушки РККА вызваны красивой операцией германской разведки: стремясь ослабить Красную Армию перед войной, германская разведка «закинула» Сталину такую «дезу».

¹ Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л. А. Кишнер. Л., 1991.

Со сталинской чисткой РККА многократно связывали поражение Красной Армии в 1941 году. На это толсто намекают и Жуков, и Рокоссовский, а современный публицист даже утверждает, что «без войны в застенках и лагерях НКВД погиб почти весь великолепный офицерский корпус — становой хребет Красной Армии»¹.

Мнение советской интеллигенции 1960-х блестяще выразил Расул Гамзатов в сочиненной в 1960—1962 годах поэме «Люди и тени»:

Бойцам запаса посланы повестки,
Пехота немцев лезет напролом.
Поторопитесь, маршал Тухачевский,
Предстать войскам в обличье боевом.

Пусть гений ваш опять блеснет в приказе
И удивит ошеломленный мир.
Федько пусть шлет к вам офицеров связи
И о делах радирует Якир.

Но их, приговоренных к высшей мере,
Не воскресить и богу, а пока
В боях невозместимые потери
Несут осиротелые войска.

Правда, Гитлер думал совершенно иначе: после заговора верхушки Вермахта в июле 1944 года он говорил: «Вермахт предал меня, я гибну от рук собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии и избавившись от прогнивших аристократов».

Большинство «прогрессивно мыслящих людей» полагали и тогда, полагают и сейчас, что «процессы измеченников» и чистки 1935—1938 годов являются возмутительными примерами варварства, неблагодарности и проявлением дурных качеств самого Сталина, который завидовал гениальным полководцам вроде Якира и Тухачевского.

¹*Коваль В.С.* «Барбаросса»: истоки и история величайшего преступления империализма. Киев, 1989.

Сложность в том, чтобы найти подтверждение симптомов гениальности этих лиц. Якир славен в основном тем, что во время Гражданской войны держал при себе отряд из 500 китайских палачей. Тухачевский пытался писать теоретические труды... К счастью, их не раз издавали, можно почитать и убедиться: ничего в них нет, кроме идеологических заклинаний¹. Не случайно же В. Суворов посвятил «репрессиям в РККА» книгу с выразительным названием «Очищение»². Суворов совершенно солидарен с Гитлером: «очищенная» от революционеров армия стала намного более боеспособной. Не будь «очищения», и победа во Второй мировой стала бы маловероятной.

Методы, конечно, чудовищные, но помимо жестокости Сталина стоит отметить и его просто неправдоподобную дальновидность и прозорливость. Впрочем, он имел возможность много раз наблюдать идейных революционеров вблизи. Судя по всему, эту публику он сильно не любил...

И не один Сталин не любил. Споря с «идейными» накануне «великой чистки» на совещании начсостава, будущий маршал И.С. Конев бросил весьма неосторожную фразу: «Если настанет час испытаний, то с чем будем воевать — с винтовкой или с марксизмом?»³

Как ни парадоксально, но репрессии положительно отразились на образовательном уровне высшего начсостава РККА.

В первой половине 1930-х гг. доля советских военачальников, имеющих высшее военное образование, колебалась от 30 до 40%. Перед началом репрессий только 29% имели академическое образование. А в 1938 году таких командиров стало уже 38%, в 1941 году 52% .

¹ См.: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения в 2 т. М., 1964.

² *Суворов В.* Очищение. М., 2005.

³ *Черушев Н.С.* 1937 год: Элита Красной Армии на голгофе. М., 2003. С. 15.

«...с 1 мая 1937 года по 15 апреля 1938 года, из 3 арестованных заместителей наркома обороны ни один не имел академического образования, 2 из назначенных его имели. Из командующих войсками округов: арестовано 3 «академика», назначено — 8; заместители командующих округами: соответственно арестовано 4 с высшим военным образованием, назначено — 6; начальники штабов округов — арестованные не имели академического образования, 4 из 10 назначенных его имели; командиры корпусов — арестовано 12 с высшим военным образованием, назначено 19; начальники штабов корпусов — арестовано 14 «академиков», назначено 22. И так по всем должностям, за исключением командиров дивизий. 33 арестованных комдива имели академическое образование, а среди назначенных таких было только 27. В целом по высшему командному составу количество назначенных, имеющих высшее военное образование, превышает число арестованных с аналогичным образованием на 45%. Таким образом, репрессии не снизили образовательный уровень затронутых ими категорий офицеров, они повлияли на уровень образования старших и средних офицеров, которые выдвигались на вышестоящие должности. Архивные данные свидетельствуют о том, что это были, как правило, наиболее высокоподготовленные командиры»¹.

Почему? Да потому, что «великая чистка» уничтожила бонапартиков, получивших высшие посты, своевременно примыкая к победителям в Гражданской войне. А заменили их люди, которые много лет служили в РККА, не вступая в ВКП(б). И вступили в нее, уже будучи начполками и начдивами. Сперва военная карьера, потом уже вступление в ВКП(б): когда ситуация требует.

¹ Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937—1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999, № 1. С. 48—49.

Судите сами: вот время вступления в ВКП (б) жертв репрессий: Гамарник — 1916, Примаков — 1914, Тухачевский — 1918, Уборевич — 1917, Федько — 1917, Якир — 1917, Корк — 1918, Эйдеман — 1918, Путна — 1917.

А вот сроки вступления в ВКП (б) тех, кто пришел им на смену: Василевский — 1938, Жуков — 1919, Конев — 1918, Малиновский — 1926, Рокоссовский — 1919, Толбухин — 1938.

Разница очевидна. На смену идеологам пришли прагматики.

ОПЯТЬ ОБ АТМОСФЕРЕ В АРМИИ

Итак, репрессии вовсе не были катастрофическими по масштабам. Тем более, они вовсе не «осиротили» войска. Возможно, «чистки» следует считать гениальным политическим ходом Сталина. Одновременно он устранил «корсиканскую опасность»: перспективу военного заговора, избавился от очередной порции революционного разгильдяйства и поднял уровень высшего командования армии.

В этом смысле все просто замечательно.

Но как должна была отнестись к «чисткам» армия? Ее офицерский состав? Ведь что получается: внезапно «берут» генералов и офицеров. Пытают их. Уничтожают под предлогами, которые совершенно неочевидны. Процессы закрытые. Если и был заговор — то где его доказательства? Неопровержимых доказательств виновности высшего состава нет. Есть только неясные слухи, которые можно трактовать как угодно.

Вроде бы для среднего и младшего офицерского звена репрессии по отношению к начальству даже выгодны: после того как армия лишается своей верхушки, появляется много вакантных должностей. Появляется шанс сделать феерическую карьеру. Да... но:

Во-первых, воинская дисциплина от этого не повы-

шается, потому что многие младшие командиры начинают задумчиво посматривать на старших... А старшие начинают заискивающе улыбаться комиссарам, комсомольцам и вообще подчиненным.

Во-вторых, всякий получивший повышение думает не столько о воинском долге, сколько о том, когда же за ним придут, что могут поставить ему в вину и как бы ему уцелеть.

Карьера есть... А как насчет уверенности в прочности своего положения? И не только служебного, а вообще своего положения советского офицера?

Путем репрессий и «снятия» верхушки армии правительство может обезопасить себя, уничтожить опасных крамольников и напугать следующих. Путем таких репрессий, может быть, армия и «очищается» от никчемных и авантюрных людей. Спорить не буду. Но построить таким образом профессиональную, по-настоящему сильную армию невозможно.

И в самих репрессиях, и в том, как они проводились, ярко сказывается главное отрицательное качество РККА и всей советской системы: игнорирование личности, внутреннего мира, патологическое неуважение к человеку.

Нельзя исключить, что Сталин провел гениальную систему подготовки РККА к войне. Вполне может быть, он сумел сделать армию лучше, а ее высший командный состав профессиональнее, образованнее, умнее, надежнее. Может быть.

Но одновременно он сделал этот высший командный состав менее уверенным в себе, меньше доверяющим своему правительству, менее смелым и менее готовым класть живот свой на благо своего государства. С 1937 года любой военачальник просто обязан был жить, постоянно нервно озираясь. Ведь в любой момент за ним могли прийти... А за что — сыщут. Система непредсказуема. Они уже истребили часть своих людей, руководствуясь какими-то не очень понятными

соображениями. На основании каких «соображений» придут за тобой — никогда не известно. И не понятно. Прочитать — невозможно. Понять — невозможно. Остается только ходить и все время нервно озираться.

В.Суворов описывает Красную Армию 1941 года как огромную по численности, величайшую в мире армию. Эта армия владеет самой передовой для того времени техникой. У нее больше всех в мире самых крупнокалиберных пушек, самых могучих танков, самых быстрых и самых эффективных самолетов.

Полагаю, описание В. Суворова верно... но оно недостаточно.

Красная Армия была укомплектована плохо подготовленными, малоквалифицированными людьми, которые не умели распорядиться военной техникой, плохо умели взаимодействовать и мало доверяли как друг другу, так и правительству своей страны.

Что еще хуже, в РККА неукоснительно действовал принцип: «дело важнее человека» и «механизмы важнее человека». Получив приказ, солдаты и офицеры РККА вполне мотивированно предполагали, что их безопасность никого не волнует. И проявляли осторожность — потому что спасение утопающих было делом рук самих утопающих.

РККА все время контролировали, создавая сразу несколько механизмов контроля: особые отделы, комиссары, комсомольские организации, массовые «чистки» армейской верхушки.

Красная Армия была армией запуганной, неуверенной в себе и в своих силах. Ее служащие от солдата до маршала были неинициативны, боялись принимать самостоятельные решения.

Такая армия надежна в том смысле, что она вряд ли устроит военный переворот. Но она не надежна в бою.

И с этой армией Сталин собирался завоевать мировое господство? Создать Земшарную республику Советов?

О СРОКАХ

Итак, обе стороны планировали нападение. И нацисты, и коммунисты. Подготовка к войне никогда не проходит открыто. Но и по имеющимся данным хорошо видно, как готовятся к войне и РККА, и Вермахт. На языке военных это называется «встречное стратегическое сосредоточение и развертывание вооруженных сил стран-противников».

Могли ли нацисты планировать нападение не на 22 июня, а на более поздний срок? Вполне... И на более ранний тоже. Раньше нападать даже лучше, потому что тогда больше будет времени наступать летом, в теплое время года.

Рихард Зорге несколько раз передавал сроки нападения Третьего рейха на СССР: 15 апреля... 1, 15, 20 мая... 15 июня... Ни одна дата не подтвердилась, но это уже второй вопрос.

Мог ли СССР нанести удар первым? Да. Если такие действия входили в его планы, то однозначно — да.

И это тоже мог быть любой срок. Суворов считает вероятным сроком 15 июля. Для построения модели — что могло быть при первом нападении СССР, такой срок не лучше и не хуже любого другого. Будем исходить из него как из «вероятного» или даже «возможного».

ВИРТУАЛЬНОСТЬ: 15 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

13 июля 1941 года перебежчик Иван Иванов переплыл Буг и прибежал в расположение нацистской части. На ужасном немецком он громко кричал, что знает великую тайну, и «Сталин капут!». Кричал так, что разбудил часового. Часовой сначала хотел пристрелить Иванова, но потом просто дал ему пинка и велел убираться. Иванов до утра слонялся вокруг расположения части и громко кричал. Утром его сдали в разведку, и

там он поведал о планах Сталина напасть на Третий рейх утром 15 июля.

— Откуда у вас такие сведения?

— В бане ребята рассказали.

— Откуда это знают «ребята»?

— У одного из них роман с любовницей лейтенанта спецчасти, она и рассказала.

Иванова не отдали обратно, но никто, конечно, ему и не думает верить. Ну откуда рядовой может знать планы командования и руководства государством?!

Еще до этого как бы журналист, а на самом деле двойной шпион СССР и рейха Гриша Заботник из Аргентины передал информацию о том, что СССР готовит нападение на Третий рейх. Он уже передавал такие сообщения несколько раз: о нападении СССР на Третий рейх 15 апреля... 1, 15, 20 мая... 15 июня...¹ Заботнику тоже не верят, что-то в его информации крупно «не так».

И наступает ночь на 15 июля 1941 года.. Уже с 10 июля у каждого командира дивизии есть два конверта: желтый и зеленый. В 10 часов вечера 14 июля командиры дивизий получили приказ: вскрыть желтый конверт. По прочтении текст немедленно съесть.

Комдивы прочли и вызвали к себе комполков. Военная машина пришла в непонятное пока, ей самой неясное движение.

12 часов ночи. Сонные танкисты сидят в танках: приказано ждать.

Летчики прогревают моторы. Они догадываются, что начинается, но тоже ждут приказа.

В ноль часов 30 минут командиры дивизий разрывают зеленый конверт и читают приказ. При чтении

¹ Рихард Зорге действительно несколько раз передавал сообщения о разных сроках нападения Третьего рейха. Все сообщенные им даты оказались неверными. О причинах такой неточности сообщений спорят до сих пор, то ссылаясь на «предвоенную атмосферу, когда все было пронизано ожиданием войны», то на сознательно подсунутые Зорге «дезы».

присутствуют командиры полков. Приказ получен, и 15 июля в 1 час ночи по московскому времени Красная Армия, колоссальный фронт от Балтики до Черного моря приходит в движение. 3,3 млн вооруженных до зубов, снабженных невероятным количеством военной техники человек идут, едут плывут, летят на запад. Мосты и дороги разминированы, ничто не мешает.

Поднявшись со своих аэродромов, самолеты Красной Армии через считанные минуты оказываются над территорией рейха.

В 4 часа утра страшный бомбовый груз обрушивается на «мирно спящие» аэродромы Третьего рейха, его гарнизоны и воинские части.

В 5 часов 30 минут Красная Армия пересекает границу. Она легко смяла пограничные части, начинает углубляться в территорию Третьего рейха.

Примерно в половине четвертого ночи 15 июля 1941 года в Берлине советский посол Деканозов, стоя перед министром иностранных дел Третьего рейха Риббентропом, зачитывает текст советской декларации о «военных контрмерах против Третьего рейха». По указанию Сталина в декларации было запрещено упоминать слова «война» и «нападение».

Позже Риббентроп напишет в своих мемуарах, что когда Деканозов читал текст декларации, его голос дрожал, а глаза были полны слез. Выслушав посла, министр долго молчал, а затем тихо произнес: «Это война? Вы считаете, мы ее заслужили?» Едва сдерживаясь, советский посол пробормотал, что не одобряет решение своего правительства.

В то же самое время в Москве нарком иностранных дел Вячеслав Молотов вручает послу Третьего рейха фон Шуленбургу декларацию об объявлении войны. Пораженный посол довольно быстро пришел в себя и резко заявил: «Вы пожалеете о том, что совершили это нападение! Вы за это дорого заплатите!» Он поднялся, поклонился и, не подавая руки Молотову, на-

правился к двери. Провожая посла, Молотов прошептал: «Я был против этого нападения».

Потом в Третьем рейхе будут распространять пропагандистские сказочки, что СССР напал на Третий рейх без объявления войны. Эти байки в Третьем рейхе будут повторять до 1991 года, то есть до самого времени крушения и распада Третьего рейха.

В 12 часов дня 15 июля 1941 года Геббельс выступил по радио с официальным обращением к гражданам Третьего рейха, сообщив о нападении СССР на Третий рейх и объявив о начале войны.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ: НАПРАВЛЕНИЕ УДАРОВ КРАСНОЙ АРМИИ

Разумеется, все направления ударов проектируются очень условно. Представим себе некую схему, чтобы проще было строить модель... И совершенно не настаивая, что планы были бы такими и только такими.

Итак, войска Одесского округа идут на Румынию, Венгрию, Словакию. Сокрушив эти малые страны, они должны начать движение на Вену и Швейцарию.

Войска Киевского округа наносят удар на Краков, потом на «подбрюшье» собственно Германии: Мюнхен, Маннхайм, Франкфурт-на-Майне.

Войска Белорусского округа бьют на Варшаву, потом на Бреслау, Франкфурт-на-Одере, — и в перспективе прямо на Берлин.

Прибалтийский округ вторгается в Мемель и Восточную Пруссию, потом идет на Данциг и дальше на Шлезвиг и Остемюнде. Закончить эту часть кампании он должен в Гамбурге и в Рурском районе.

ЧЕТЫРЕ СЮРПРИЗА

Каковы бы ни были планы высшего руководства СССР, Красную Армию неизбежно ожидает четыре великих сюрприза.

Первый сюрприз: собственная внутренняя слабость.

Любая пропаганда, любые идеи «освобождения пролетариев от ига буржуазии» не могут скрыть главного: Красная Армия совершает акт агрессии.

Есть колоссальная разница в моральном духе войск, которые идут по чужой земле и которые защищают свою землю.

В реальности Красная Армия изначально оказалась армией-защитницей. А когда она в 1944 году начала воевать за границей, она уже имела опыт двух с половиной лет войны на СВОЕЙ территории. К тому времени она уже однозначно считала себя морально правой, а Советский Союз — жертвой агрессии.

В нашей виртуальности 15 июля Красная Армия напала на Третий рейх. В нашей реальности Красная Армия в 1941 году бежала и сдавалась в плен.

На протяжении считанных недель весь первый стратегический эшелон Красной Армии оказался уничтожен. Красная Армия была «полностью разгромлена, вся боевая техника брошена в лесах, большая часть личного состава оказалась в плену или погибла, немногие уцелевшие в течение нескольких недель или месяцев выбирались мелкими группами из окружения»¹.

Если в реальности эта армия бежала, с какого бодуна теперь начнет бешено воевать за Сталина? Во время наступления бежать и сдаваться в плен невозможно или очень трудно. Но армия воюет вяло. Она выполняет приказы — но без напряжения, без готовности выполнять боевые задачи любой ценой. Части Красной Армии упускают множество возможностей, в каждом конкретном случае делают лишь часть возможного.

К тому же Красная Армия морально напряжена... Если начнутся серьезные трудности — будет переходить на сторону противника.

¹ Солонин М. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2008. С. 103.

Второй сюрприз: готовность Германии и немецкого народа к войне.

Имеется в виду не только и не столько более высокая подготовка.

Красная Армия сталкивается с бешеным сопротивлением: война для немцев — оборонительная. Данциг и Восточная Пруссия — это своя земля для немцев. Родина. Земля отцов. Психология тех, по чьей земле идет враг, — это психология русских, по чьей Смоленщине и Псковщине катят германские танки с черным крестом на броне.

Точно так же немцы считают своей землей многие города и области в Польше и Литве. Данциг, Бреслау, Вильно, Львов-Львів-Левенбург — немецкие города. Поляки, литовцы, украинцы считают их своими — но это совершенно не мешает немцам считать точно так же. Ведь и города Киев и Минск — это столицы Украины и Белоруссии — что совершенно не мешало русским считать эти города своими и воевать за них как за часть своей Родины.

С первых же часов войны Красная Армия идет по землям коренной Германии. Уже поэтому для Вермахта и всей Германии это оборонительная война.

Третий сюрприз: война оборонительная для всех народов, по территории которых идет Красная Армия. Поляки, украинцы, венгры, словаки, румыны имеют все основания считать себя жертвами советской агрессии. Ни один народ не любит, когда по его земле идет вражеская армия, и сопротивляется нашествию.

В нашей реальности народы Восточной Европы сначала испытали все «прелести» нацистской оккупации, а потом уже имели дело с Красной Армией. За время войны у них очень окрепло коммунистическое подполье, для которого Красная Армия была племенем дорогих партийгеноссен. И даже многие националисты готовы были поддерживать Красную Армию или, по крайней мере, не воевать с ней. Пусть «русские» бьют

и гонят «немцев», все равно ничего хуже «немцев» быть не может.

В 1944 году не все, но многие польские патриоты готовы были поднять восстание в тылу нацистов, помогая Красной Армии.

Кстати, полная аналогия в Прибалтике и на Украине: после двух лет советской оккупации литовцы, латыши, западные украинцы и эстонцы готовы были помогать Вермахту. Из тех же соображений: что ничего хуже советской оккупации быть не может.

Приобрести готовность поддерживать Красную Армию тем труднее, что народы Восточной Европы цивилизационно ближе к Центральной Европе, чем к России. Для сербов и карпатороссов Красная Армия еще могла быть армией «своих» по культуре, но никак не для поляков и не для литовцев. Чтобы поддержать Красную Армию, им нужна была долгая и жестокая оккупация Третьего рейха.

В нашей виртуальности нападения СССР ничего подобного еще нет. Разве что оккупированная в 1938 году Чехия может быть готова поддержать Красную Армию. И в Польше отдельные части Армии Крайовой.

В целом же Красная Армия — агрессор не только для немцев, но и для всех народов Восточной Европы.

Сюрприз четвертый: слабость коммунистической «пятой колонны» в местах, захваченных Красной Армией. Разумеется, с движением Красной Армии из подполья будут выходить коммунисты и все вообще леваки, начинать войны со своими правительствами.

Но! В реальности коммунисты Европы начали Сопротивление против нацистской оккупации. Они выступали как патриоты своих стран и потому имели такую колоссальную поддержку. Во Франции, в Югославии, в Польше, в Греции целые районы были освобождены коммунистическими партизанами. Для того, чтобы коммунисты стали сильны, потребовалась опять же долгая и жестокая нацистская оккупация. И чтобы сами ком-

мунисты поднялись, и чтобы население их признавало. В Югославии коммунистическая армия Тито стала важным фактором не раньше 1942 года. Французские и греческие красные партизаны — не ранее 1943-го.

В нашей виртуальности местные коммунисты выступают как предатели, помогающие армии-завоевательнице. Это смущает и их самих, и тем более остальное население.

В любом случае невозможно представить нападение СССР аналогом нападения Третьего рейха: с такими же масштабами развала и разрухи, массового бегства и нежелания воевать.

Не будет бегства нацистской армии, не желающей воевать. Танки Красной Армии не будут двигаться со скоростью 30 км в день. Не будет массовой сдачи солдат противника в плен.

Красную Армию ждет очень трудная, крайне жестокая война, в которой ей придется вести бои за каждый населенный пункт. И прийти в роли освободителей к народам Восточной Европы тоже не получится. Брать Краков и Белград будет означать войну и с Вермахтом и с местными армиями и ополчениями. Оккупация будет означать оставление в тылу Красной Армии людей, которые охотно и при первой возможности нанесут удар в спину.

Все четыре сюрприза касаются только одного аспекта войны: военно-стратегического. Это очень важный аспект, но есть и другие, их тоже необходимо учитывать.

АСПЕКТЫ ВЕДУЩЕЙСЯ ВОЙНЫ

Исход Второй мировой войны определили четыре фактора:

- военно-стратегический;
- военно-дипломатический;
- революционный;
- англосаксонский.

Военно-стратегический и революционный аспекты — явно не в пользу Красной Армии.

Военно-дипломатическая ситуация тоже не в пользу СССР.

Для всех континентальных европейцев от Испании до Польши Красная Армия — очень пугающий политический фактор. Тем более пугающий фактор: своя Гражданская война, которой Красная Армия будет активно помогать. Пусть выходящие из подполья коммунисты немногочисленны и не имеют массовой поддержки. В нашей виртуальности стоило напасть СССР — и в воздухе запахло гражданскими войнами и Мировой революцией.

В нашей реальности мобилизационные возможности Третьего рейха оказались намного меньшими, чем у СССР. В нашей виртуальности это не так, потому что континентальные державы будут выступать как союзники Гитлера. Причем как союзники не за страх, а за совесть.

В реальности Франко прислал одну дивизию добровольцев. А ведь мог двинуть почти всю свою армию. И Французская держава маршала Петена может двинуть армию до миллиона штыков. И Италия может воевать совершенно иначе. И даже страны, уже завоеванные нацистами.

АНГЛОСАКСОНСКИЙ ФАКТОР

В реальности Британия и США стали громадным фактором победы СССР. Во-первых, Британия воевала с нацистами в Северной Африке, оттягивая значительные силы. Во-вторых, Закон о ленд-лизе, принятый Конгрессом США 11 марта 1941 года, предусматривал, что Президент может помогать любой стране, чья оборона признавалась жизненно важной для США. Изначально СССР в ленд-лиз не входил.

Только после начала войны между Третьим рейхом

и СССР, 26 июня 1941 года, Вашингтон заявил, что закон о нейтралитете не распространяется на помощь Советскому Союзу. И тут же советское правительство представило американской и британской стороне перечень необходимых поставок! Мгновенно.

Но до принятия решения Рузвельт послал в Европу своего доверенного человека, мистера Гарри Гопкинса. После того как Гопкинс счел результаты переговоров со Сталиным «в высшей степени позитивными», 2 августа 1941 года между СССР и США состоялся обмен нотами. В своей ноте американская сторона заявила о решении оказать максимальное экономическое содействие СССР. 9 августа Рузвельт и Черчилль, пообщавшись у берегов Ньюфаундленда, направили послание Сталину, заверяя, что он получит помощь. И предлагая созвать конференцию в Москве, специально для обсуждения этой помощи СССР, 1 октября 1941 года Рузвельт одобрил подключение к ленд-лизу СССР.

Главное для американцев было — готов ли СССР сражаться с Третьим рейхом до победного завершения войны? Сомневаться в этом у них были веские основания.

Программа ленд-лиза (от lend — «давать взаймы» и lease — «сдавать в аренду, внаем») — это система, по которой Соединенные Штаты Америки, в основном на безвозмездной основе, передавали своим союзникам во Второй мировой войне боеприпасы, технику, продовольствие и стратегическое сырье.

Поставленные ценности не подлежали оплате, если были утрачены и использованы во время войны.

Имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, должно быть оплачено, но не сразу. Для оплаты США дадут долгосрочные кредиты.

США были единственной страной мира, обладавшей достаточными производственными мощностями для оказания такой поддержки в достаточно сжатые

сроки, чтобы успеть оказать влияние на ход боевых действий в 1942 году.

Из общей суммы поставок в 50,1 млрд долларов (около 700 млрд долларов в ценах 2008 года) больше всех получила Британия: 31,4 млрд долларов (440 млрд в ценах 2008 года). На втором месте — СССР — 11,3 (160 млрд) долларов. Франция получила 3,2 млрд (порядка 45 млрд), Китай — 1,6 (22) млрд.

За рубежом утверждалось, что победа над Германией была определена западным оружием и что без ленд-лиза Советский Союз не устоял бы¹.

В советской историографии обычно утверждалось, что размер помощи по ленд-лизу СССР был довольно мал — всего около 4% средств, затраченных страной на войну, а танки и авиация поставлялись в основном устаревших моделей. Отстаивать другую позицию считается очень непатриотичным.

Но если поставки по ленд-лизу были такими мало-важными, то почему Сталин придавал им такое колоссальное значение? Он много раз самым настойчивым образом обращался к Черчиллю и Рузвельту, буквально вымогая поставки.

4 сентября Сталин направил очередное послание Черчиллю, в котором писал, что если союзники не откроют второй фронт на Балканах или во Франции и не будут ежемесячно поставлять СССР 400 самолетов и 500 танков, СССР не будет в силах помогать союзникам, а то и вообще вскоре будет разбит.

Союзники отказали. Тогда Сталин просил послать 25—30 дивизий в Архангельск или перебросить их через Иран. Ведь скоро придется сдать центральную часть страны и организовывать новый фронт за Волгой... И вообще судьба Москвы висит на волоске.

На советско-англо-американской конференции в

¹См.: *Jones R. H. The Roads to Russia: United State Lend-Lease to the Soviet Union, Oklahoma, 1969.*

Москве 29 сентября — 1 октября 1941 года Сталин прямо ставил готовность СССР воевать в зависимости от поставок. Давайте поставки — или мы проиграем войну! А тогда и вам станет плохо! Шантаж? Может быть... Но судя по всему, не только шантаж. О необходимости ленд-лиза говорили и Жуков, и Микоян¹.

Ленд-лиз буквально вымогал советский посол Иван Майский. Он все время требовал помощи большей, чем физически могла предоставить Великобритания, и недвусмысленно намекал, что в случае отказа в поставках СССР вполне может проиграть. Однажды У. Черчилль заявил:

«Вспомните, что еще четыре месяца назад мы на нашем острове не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас»².

Если СССР в июле 1941 года первым нападет на Третий рейх, маловероятно, что ему будут поставлять что бы то ни было. В такой виртуальности англосаксы могут занять две позиции:

- помогать Третьему рейху;
- занять позицию полного нейтралитета.

В любом случае англосаксы помогать СССР не будут.

СССР И БЛИЦКРИГ

Рассуждая о блицкриге как основной военной доктрине нацистов, историки упускают из виду: в основе советской доктрины лежал точно такой же «блицкриг». «Малой кровью и на чужой территории» — разве это

¹ См.: *Зенькович Н. Я.* Маршалы и генсеки. М., 1997. С. 161—162.

² См.: *Руге Ф.* Война на море 1939—1945. М., 1957. С. 209.

не блицкриг чистой воды? Все известные нам планы предполагают завоевание Европы на протяжении буквально 1—2 месяцев ведения боевых действий.

В реальности СССР не мог выиграть затяжной войны без поставок англосаксов, то есть без ресурсов Британской империи и США. А говоря еще циничнее — без ресурсов Западного полушария и Британской колониальной империи. В нашей виртуальности СССР тем более «не потянет» затяжной войны.

СССР может рассчитывать только на блицкриг: в точности, как и Третий рейх. Третий рейх не смог осуществить блицкриг летом — осенью 1941 года, до начала морозов — и тем самым оказался обречен на поражение.

А на блицкриг у СССР еще меньше шансов, чем у Третьего рейха. СССР не противостоит ни армия, не желающая воевать, ни население, желающее прекратить безумные коммунистические эксперименты.

При нападении на Третий рейх никакого блицкрига не будет. Не приходится всерьез говорить о «малой крови» армии-муравейника, с чудовищно низким уровнем подготовки наличного состава. Даже блестящие победы 1944—1945 годов в Восточной Пруссии и в Германии, при абсолютном превосходстве Красной Армии в артиллерии, танках, авиации, военной технике, обошлись в сотни тысяч погибших солдат и офицеров.

Захват Восточной Пруссии и вступление Красной Армии на территорию Германии летом-осенью 1941 года обойдутся в еще большее число погибших: у Красной Армии не будет того опыта.

Война на чужой территории для СССР — неизбежно затяжная война. Эта война будет вестись при несравненно худших военно-дипломатических, политических, экономических условиях, чем в реальности. СССР имеет больше ресурсов, чем Третий рейх, он дольше «протянет» затянувшуюся войну. Но и для него такая война — обреченность на поражение.

Степень неуспеха этой войны зависит от политического расклада. Он может быть более или менее удачным для планов Сталина и в этом смысле более или менее «хорошим». Все варианты рассмотреть физически невозможно, да и не нужно. Рассмотрим два крайних случая: расклад самый «хороший» и самый «плохой».

ВИРТУАЛЬНОСТЬ САМОГО «ПЛОХОГО» РАСКЛАДА

В этом раскладе Гитлер умен, европейцы храбры, Коминтерн безобразен как истинное дитя Троцкого, англосаксы — дельные и хитрые.

1) В первые же часы, максимум — дни, войны Гитлер дает государства полякам и украинцам. Он объявляет, что идет война европейской цивилизации с напавшими на нее гуннами, монголами... кем угодно. Словом, с напавшими на невинную Европу варварами.

Вермахт воюет за всех! Но и все пусть помогают ему. Государству поляков — быть. Признание эмигрантского правительства в Лондоне, обращение к полякам: мы дадим вам широкую автономию, как в Австро-Венгрии. Мы уже ее даем! Пусть польские части в польской же форме, под командованием своих офицеров, по приказам своего правительства идут в бой на орды большевиков.

Бандеру и его людей выпускают из тюрьмы. Перед ними извиняются. Им говорят: у вас уже есть свое государство. Третий рейх подписывает с вами мирный договор как с суверенным правительством. Только воюйте.

Форма — своя. Офицеры — свои. Планирование операций — совместно с Генштабом Третьего рейха.

Это сразу же даст сотни тысяч, вскоре и миллионы штыков и сабель. Разумеется, для принятия таких решений Гитлер из революционера и позера должен сделаться хитрым, умным, реалистичным политиком, способным просчитывать на три хода вперед. Он должен

сделаться Сталиным! Вариант практически невозможный, но и его надо просчитать, как некую почти невероятную крайность.

Еще более невероятно, но даст не меньший эффект: прекратить антисемитскую политику. Даже не отказываясь от расовой теории как таковой. Разворот примерно в таком духе: среди евреев много происходящих от арийцев... Было же много смешений, принятия гюгара еще в Средние века, много браков... Теперь эта кровь сказывается! Лозунг: еврей, воюющий за рейх, тоже ариец! Берлинским и франкфуртским раввинам торжественно выдают «сертификаты крови». Расовая комиссия удостоверяет, что они — нордические типы.

Это совершенно не исключает репрессий по отношению к нелояльным элементам и всем, кто поддерживает врага. Но репрессии-то идут не по расовому, а по политическому принципу. Виновен тот, кто работает против своего государства, а не кто родился с другой формой носа.

Для населения Германии это знаменует сплочение перед лицом восточного врага. Много новых солдат, причем в большинстве — квалифицированных и активных. Солдат, которые будут доказывать свое право на это новое к ним отношение.

Для всего мира — по крайней мере, длительное обалдение. Из рук врагов рейха выбито важное оружие, они лишились существенного аргумента.

Для евреев Восточной Европы — сомнение в неизбежности поддерживать любого врага Третьего рейха.

2) Коминтерн не поднял в тылу врага ни одной самой завалящей революции. Европейские коммунисты малочисленны, слабы. Они не в силах внести смуту в жизнь своих стран, тем более — активно помогать СССР.

В результате:

— народы Европы сплочены;

— слабость коммунистической идеи становится всем очевидна;

— гражданские войны начинаются только там, куда приходит Красная Армия. Что служит лишним доказательством того, что ее ни в коем случае нельзя пускать на свою территорию.

3) Франция, Испания, Италия, Венгрия дружно идут против СССР. Даже малые страны Европы выставляют контингенты своих войск. Численность союзных войск сравнима с численностью Вермахта.

4) Англичане сначала нейтральны. Потом, когда Красная Армия продвигается в глубь Польши, они и американцы подписывают с Гитлером перемирие и начинают поставлять горючее и оборудование.

И при таком раскладе Красная Армия имеет шанс продвинуться на запад. Вопрос — далеко ли? Возможно, Красная Армия возьмет Варшаву и Краков. Безумные атаки польской Армии Крайовой, безнадежное рыцарство которых заставляет весь мир говорить о героизме «маленькой Польши» и зверстве «русских», давящих эту страну.

Возможно, удастся захватить всю Немецкую Прибалтику: Мемель, Восточную Пруссию, Данциг. Это утверждает весь мир в представлении об СССР как о страшном агрессоре, которому надо противостоять любой ценой.

Захват Восточной Пруссии и в нашей реальности сопровождался чудовищными зверствами. В нашей виртуальности вряд ли может быть иначе. Еще один аргумент Вермахту биться до последнего, а всему миру — помогать Вермахту, действовать против СССР.

Вступление Красной Армии на территорию Болгарии и Сербии может произойти сравнительно легко. Сравнительно малой кровью — при нейтральности коренного населения. А Вермахт и тут будет драться отчаянно. Но бои на территории Словакии, Словении и Венгрии будут идти и с Вермахтом, и с национальными армиями. Если эти страны и удастся захватить, то ценой долгих боев и громадных потерь.

При этом:

- морального оправдания для агрессии у СССР нет;
- наступает Красная Армия — армия Мировой революции. Для всех ее движение подобно рейду Красной Армии 1920 года: «На Варшаву! На Берлин!»

Первоначально Финляндия не собиралась захватывать Ленинград. В нашей виртуальности реальна ее готовность участвовать в штурме города.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ: ВЕРОЯТНЫЕ ТЕМПЫ НАСТУПЛЕНИЯ

Во время зимне-весенней кампании 1944 года за 4 месяца Красная Армия продвинулась на 250—450 км.

Блестящая Люблинско-Брестская операция (18 июля — 2 августа 1944 г.) была успешнее: за 16 дней — 260 км.

Другая аналогия. 30 августа 1944 г. началось Словацкое национальное восстание, в котором участвовало много коммунистов: против пронацистского режима Словацкой Республики во главе с Йозефом Тиссо. Советское руководство хотело помочь восстанию. Для этого 8 сентября 1944 года советские войска начали Карпато-Дукельскую операцию. Но продвигались войска так медленно, что в начале ноября 1944 года нацисты подавили восстание еще до того, как советские войска смогли оказать ему реальную помощь.

Только во время Висло-Одерской операции, начавшейся 12 января 1945 года, советские войска на протяжении 20 суток продвигались на расстояние до 20 км в день.

Вопрос — за счет чего? Во-первых, как всегда, убитых не считали: минные поля проходили штрафные батальоны. Во-вторых, в ходе артиллерийской подготовки на километр фронта стояло до трехсот орудий. Расстояние от одного орудия до другого было всего три или четыре метра¹.

¹ См.: *Конев И. С.* Сорок пятый. М.: Воениздат, 1970.

В нашей виртуальности нереально было бы восстание словаков. А поляки активно воевали бы с Красной Армией.

Ведь в реальности во время Люблинско-Брестской операции Красная Армия действовала совместно с поляками. Правительство в Лондоне поставило перед Армией Крайовой задачу восстановить государственность ДО прихода Красной Армии. По мере отступления Вермахта Армия Крайова овладевала освобожденными районами в Западной Белоруссии, Западной Украине, Литве, Польше. Наступавшие советские войска уже заставляли там сформированный аппарат власти, поддержанный вооруженными отрядами, подчиненными эмигрантскому правительству.

Это было очень удобно для Красной Армии: она вела бои с Вермахтом, имея союзника и проводя с ним совместные операции, а тыловые части оказывались на территории союзного государства. Позже офицеры АК арестовывались, а бойцы разоружались и мобилизовывались в просоветское Войско Польское генерала Берлинга. Естественно, шли туда не все. При попытках разоружать аковцев они уходили в леса. Захватывая, аковцев накапливали в нацистских лагерях, в том числе в Майданеке, а с 23 августа 1944 года отправляли в лагеря в Россию.

А ведь в реальности Армия Крайова рождалась в подполье. С ноября 1939-го «Звензек вальки збройней» («Союз вооруженной борьбы» — ЗВЗ) постепенно подчинял военные конспиративные организации, действующие на территории Польши, поддерживавшие правительство в Лондоне¹.

Если бы нацисты вооружали Армию Крайову, она была бы и многочисленнее, и лучше вооружена. Если

¹ См.: *Малиновский М., Павлович Е., Померанский В., Шлегонский А., Вилюш М.* Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. М., 1968. С. 45.

бы такая армия вместе с Вермахтом воевала с Красной Армией, темпы наступления были бы намного более низкими.

От советско-нацистской границы июля 1945 года до Вроцлава-Бреслау, Вены, Праги и Братиславы, до Белграда — примерно одинаковое расстояние: порядка 400—500 км.

Такой путь — это 3—5 месяцев непрерывного наступления, то есть безостановочных наступательных боев. Причем коммуникации ненадежны, никто ничего не отдает и не продает, население враждебно, в лесах и горах — вооруженные отряды партизан.

Если не заниматься демагогией про то, что «наши всех всегда все равно побеждали» — не вижу ни малейшей возможности проделать этот путь... А ведь речь идет только о половине расстояния до западных областей Германии.

КРАСНАЯ АРМИЯ И ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Война и в реальности оказалась весьма неожиданной для солдат и офицеров Красной Армии. Их-то готовили к такому веселому и победоносному патриотически-классовому наступлению, в ходе которого пролетарии из армий противника сдаются в плен, а буржуи неизменно будут повержены.

Но в реальности они могли объяснить происходящее «вероломным нападением» нацистов. Даже у поражения было горькое, но укрепляющее душу соображение: мы не готовились. На нас внезапно напали. Мы медленно запрягаем, но потом быстро поедем.

Враг шел по территории России... Это делало войну морально оправданной, и уже не так важно, кто на кого собирался напасть. Мы правы, потому что мы жертвы агрессии. Надо изгнать врага с нашей территории, потом разберемся.

Наступательная война в июле 1941 года оказалась

бы еще более неожиданной и к тому же лишалась всякого нравственного оправдания. То есть оправдание можно найти — историческая неизбежность Мировой революции. Был даже контингент арбатских мальчиков, готовых за Мировую революцию умирать. Только много ли их было, красноштаных детишек Арбата? Мальчиков из прикормленных властью, сытых московских семей, в домах которых место икон заменили портреты Маркса, Ленина и Сталина? История показала: Тимуров Гайдаров и Паш Коганов — единицы. Они и сгинули к зиме 1941 года потому, что это была не их война. Они войны хотели, но совершенно другой.

Если нацисты проиграли войну — то именно потому, что для миллионов россиян 120 национальностей они выступили как ОККУПАНТЫ. Как враги, которых надо бить независимо от политического строя как Отечества, так и их, оккупантов, государства. Нацисты потерпели поражение, потому что раздел мира Сталиным и Гитлером обернулся для России Отечественной войной.

В виртуальности Красная Армия с самого начала идет по чужой земле. На каждый чих Красной Армии Вермахт огрызается огнем. Его солдаты не сдаются в плен, никто не собирается «бить буржуев» вместе с красноармейцами. Рядом с солдатами Вермахта сражаются какие-то другие люди в совершенно незнакомой форме. Люди в деревнях и городках уходят с неприятельской армией или разбегаются. Чужая земля полыхает огнем, встречает пустая, молчаливая, разоренная. В лес заходить опасно, кто вышел из расположения части — не вернулся. Оставшиеся не отвечают на вопросы, стараются не смотреть в глаза.

Конечно, в условиях наступательной войны не бежишь в леса и не помчишься от противника на восток. Но стоит фронту стабилизироваться...

В реальности в плен сдались за годы войны 5,7 млн солдат и офицеров Красной Армии. Из них более мил-

лиона воевали в составе Вермахта, а сотрудничали с нацистами более полутора миллионов.

В числе пленных — 79 генералов. 13 генералов убито нацистами за отказ сотрудничать, 4 генерала бежало, возвращаясь в Красную Армию или прибываясь к партизанам.

Но 23 других генерала Красной Армии после победы СССР были расстреляны или повешены, а 10 — получили приличные сроки. За сотрудничество с противником.

В виртуальности на запад идут те же самые красноармейцы и те же самые генералы. Почему они будут вести себя как-то иначе?

ВИРТУАЛЬНОСТЬ «РУССКОЙ ПОЛИТИКИ»

В реальности Вермахт не раз создавал русские национальные части и охотно включал в свой состав перебежчиков. А политическое руководство рейха всячески препятствовало этому. Мы рассматриваем виртуальность «умного Гитлера», и потому просто обязаны предположить: 25 июля в Кракове создается правительство Русской республики. Ну хорошо, пусть будет Русской национал-социалистической республики. Правительство создается 1 августа 1941 года и временно находится в Кракове. Вскоре ему придется переехать во Вроцлав.

Такое создание альтернативного «правительства» будет означать ровно одно: Сталина накормили собственной кашей. Коммунисты регулярно создавали «альтернативные правительства» государств, с которыми вели войну. В зависимости от расклада эти правительства или потом забывали как страшный сон, или превращали в правительство страны-сателлита.

Первый случай — Терийокское правительство, созданное 1 декабря 1939 года. «Народное правительство» создали в поселке Терийоки (ныне Зеленогорск), к се-

веру от Петербурга. «Правительство» «возглавил» старый член Коминтерна, большевик Отто Куусинен. После поражения СССР в Зимней войне о правительстве просто забыли.

Второй случай: 21 июля 1944 года в Хелме польскими коммунистами и их союзниками был создан Польский комитет национального освобождения — временное просоветское правительство Польши. У Польши имелось законное правительство — Польское правительство в изгнании.

Тем не менее в советизации Польши именно «Хелмское правительство» сыграло большую и зловещую роль и сделалось основой будущего правительства Польской «Народной» Республики.

Итак, возникает правительство Русской национал-социалистической республики.

Листовки над позициями Красной Армии. Листовки можно собирать, не давать их читать, расстреливать за хранение. Но по ночам возле расположения частей Красной Армии на хорошем русском языке кричат то же самое: «Вы умираете за Интернационал! Вы — орудия в руках комиссаров!»

Даже в официальных писаниях типа творения Жукова «Воспоминания и размышления» есть упоминания о том, что перед войной приказы наркома обороны С.К. Тимошенко из Москвы саботировались в ряде военных округов. Особенно открыто этот саботаж произошел в Белоруссии, в ЗапОВО, где командовал генерал армии Д. Павлов.

Уже в июле 1941 года вся верхушка Западного фронта, включая командующего фронтом Павлова, расстреляна за «трусость, безынициативность и паникерство, создавшие возможность прорыва фронта противником»¹.

Спасся только замначальника фронта Болдин: когда

¹ Материалы следствия и суда над генералом Д.Г. Павловым // Неизвестная Россия. Сборник документов. Кн. 2. М., 1992.

расстреливали начальника и сослуживцев, он был в окружении. А вышел уже в августе 1941-го. К тому времени кадровая армия практически полностью погибла, и уцелевших не расстреливали. Болдина повысили в звании, дали под командование 50-ю армию. Он пережил войну и даже написал мемуары. О том, как «войска вынуждены были отступить и разрозненными группами разбрелись по лесам»¹.

В нашей виртуальности Павлова расстреливать не за что, он честно завоевывает Европу. Но он что, больше хочет воевать, чем тот же самый Павлов в реальности?

15 сентября над бруствером окопа показывается белая тряпка. Молчание. Между линиями окопов движутся парламентарии Красной Армии. Генерал Павлов со своим штабом переходит на сторону нацистов. И он ли один? В реальности генералов-коллаборационистов было 23, а сдавшихся в плен солдат и офицеров — 5,7 млн. Этого уже более чем достаточно для создания Русской освободительной армии. В нашей реальности РОА создали только в 1944 году. В данной виртуальности ее создают в сентябре 1941-го. Громадная РОА не только раскалывает фронт, заставляет откатываться назад верные Сталину части. Она создаст двусмысленную ситуацию: в России оказываются две армии, два правительства.

Разумеется, англосаксы не будут поддерживать национал-социалистическую Республику Россия. А — Республику Россия? Если дипломаты этой Республики 1 октября 1941 года приедут в Лондон? Тут открываются совершенно удивительные возможности...

ВИРТУАЛЬНОСТЬ ОТСТУПЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Когда окончательно остановится нашествие на Европу 120 языков? Где? Произойдет ли это под Краковом, 1 октября 1941-го, через два месяца войны? Под

¹ Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961.

Варшавой, на третий месяц войны, 1 ноября 1941 года? Или Красная Армия встанет и не сможет двигаться дальше только на залитом человеческой кровью, заваленном обрывками живых и мертвых берегу Дуная 15 октября? Дойдет ли Красная Армия до Бреслау и встанет только на его окраинах 15 декабря 1941 года?

В любом случае неизбежен момент, когда она встанет. Кто-то еще будет рваться вперед, насилловать танковые двигатели, упорно идти, бежать, ползти, перебежать навстречу лилово-дымным вспышкам выстрелов, наводить артиллерийские стволы на еще не вспыхнувшие домики польских крестьян. Но армия — встала. Потеряв миллионы солдат, окончательно утратив понимание смысла своих действий, Красная Армия встанет, и больше не сможет.

Как нацисты не смогли под Сталинградом, так коммунисты не смогут под Варшавой. Под Сталинградом Красная Армия накормила Вермахт его же кашей: взяла 22 дивизии в «котел»: как нацисты не раз и не два брали в «котлы» советские армии.

В виртуальности 15 октября под Варшавой замкнулось кольцо. Морозов нет, хотя для одетых в летнее солдат уже прохладно. Но главное — в «котле» очень голодно. И безнадежно. Воевать и раньше не хотелось, теперь расхотелось окончательно. К 20 октября окруженные солдаты, перебив комиссаров и не желающих сдаваться офицеров, толпами бегут к окопам нацистов, поднимая руки. Их прогонят по улицам Берлина, демонстрируя всему миру.

С 16 октября Красная Армия покатится назад на юге и в центре. Только под Данцигом она зацепилась и стоит. С этого дня вопрос только в том, когда именно откатывающийся на восток фронт дойдет до Москвы. И когда финны двинутся на Петербург.

ПРОБЛЕМА ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ

Проблема зимней кампании? Да, в реальности правительство Третьего рейха не велело готовиться к зимней кампании. Потом генералы рейха в своих мемуарах будут описывать ужасный «генерал Мороз», который их и победил. Конечно, победил, если никто не готовился с ним воевать. Если не заготовлена ни зимняя смазка, ни зимнее обмундирование, ни теплые обувь и белье. Если официально сказано, что блицкриг должен закончиться к сентябрю.

В нашей виртуальности Гитлер и его окружение умны и проницательны. К зимней кампании они готовы.

Среди сказочек про Европу в России очень полюбили и такую: что европейцы очень боятся морозов. В действительности из-за повышенной влажности в Европе даже «слабые», по понятиям России, морозы переносятся намного тяжелее. Чем суше, тем переносимость морозов выше. Минус 5 в Берлине переживается как минус 25 в Москве и минус 35 в Новосибирске.

По крайней мере, для жителей Северной Европы «русские морозы» до 25—30 градусов вполне комфортны. В той же степени, что минус 5—10 на родине.

НЕИЗБЕЖНЫЙ РАЗГРОМ

Нашествие врагов на СССР осенью 1941-го или весной 1942-го в виртуальности намного страшнее того, что было в реальности:

— на СССР идет армия, намного более грозная, чем была в реальности 1941-го.

— это действительно «сборная Европы»: в реальности, а не в воспаленном воображении «патриотов» из официозной тусовки;

— война легко становится гражданской для народов СССР, в том числе и для русского народа.

Если рухнет фронт, раскинувшийся от Балтики до

Дуная, дальнейшее может пойти темпами Гражданской: то есть скорость движения Вермахта может стать 30—40 км в сутки. Даже больше, если ехать по железным дорогам, выбрасывая в населенных пунктах воинские команды.

Когда Вермахт и его союзники войдут в Москву? Произойдет ли это 9 ноября 1941-го? Или 1 мая 1942-го? Честно говоря, не вижу принципиальной разницы.

Если нацисты совсем умные и создали Русскую республику и Русскую Освободительную Армию, штурм Москвы и не нужно. При приближении Вермахта к Москве новая Красная Армия, сформированная на Урале и в Сибири, сделает то же самое, что сделала ее предшественница в июне — сентябре 1941-го: частью разбежится, частью сдастся в плен.

ПОРАЖЕНИЕ СССР... НАДОЛГО ЛИ?

Тут тоже вопрос умного и глупого оккупанта. Но рассматривать разные перспективы оккупации я не вижу особой необходимости. Это тема особой статьи.

Скажу коротко: БЕЗ русского национального государства оккупация длится ровно столько, сколько времени нужно для начала крупномасштабной народной войны.

Если СУЩЕСТВУЕТ Русское национальное государство, Русская республика — тогда результаты войны могут стать окончательными. Через какое-то время оккупанты могут выводить войска, Россия навсегда перестала быть очагом Мировой революции.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ: САМЫЙ ХОРОШИЙ РАСКЛАД

Но рассмотрим противоположный вариант!

В этом варианте все очень удачно для Сталина: Гитлер особенно глуп, европейцы особенно трусливы,

Коминтерн, на удивление, эффективен, местные коммунисты храбры, англичане и американцы исключительно недальновидны.

1) Гитлер ничего не дает союзникам, настаивает на святости и незыблемости расовой теории. Он не дает им ни оружия, ни полномочий, ни снаряжения для ведения самостоятельной политики. То есть фактически мешает украинцам и полякам воевать с СССР, потому что они расово нечисты.

2) Европейцы раскалываются внутри самих себя, у них идет гражданская война.

В Польше, Венгрии, Чехии, Франции, странах Северной Европы коммунисты выходят на поверхность с первыми залпами нашествия. В результате:

— в странах, где идут военные действия, Красная Армия получает мощного и активного союзника, многочисленную местную агентуру;

— правительства стран, отделенных от театра военных действий территорией Третьего рейха, парализованы этими внутренними беспорядками и не могут активно помогать Третьему рейху, даже если этого хотят.

Исключения — Испания, где коммунистов и анархистов в 1939 году подавили прочно и надолго. И Италия, где социальную программу коммунистов благополучно осуществляет Муссолини.

3) Европейцы не хотят и боятся воевать на стороне Гитлера.

Для Дании, Нидерландов, Франции, Бельгии, Чехии наступает момент ослабления завоевавшего их врага. Они стараются не поддерживать Гитлера, тормозят поставки в Вермахт, не посылают своих частей или нарушают сроки выступления, препятствуют вербовке добровольцев.

Союзники Третьего рейха, Италия и Испания, не уверены в его победе. Они выжидают. По мере продвижения Красной Армии они все больше убеждаются в правильности своей политики.

4) Англичане и американцы нейтральны.

Не будем даже рассматривать вариант англо-американской помощи СССР. Англосаксы нейтральны. Они выжидают, глядя, как СССР громит вчерашнего союзника.

Широко известно выступление в Сенате сенатора-демократа Гарри Трумэна (с 1944 года вице-президент США, с апреля 1945-го по январь 1953-го — президент США): **«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях»**¹.

Допустим, англосаксы поступают не так, как заповедал им великий Трумэн. Они не помогают проигрывающему Гитлеру. Выжидают. Наиболее вероятно, что они открывают Второй фронт в последний момент.

Тогда к зиме или, максимум, к весне 1942 года Красная Армия оккупирует и Восточную Европу, и Третий рейх. Берлин переименовывают в Сталинград. Гитлеру и его окружению частью удастся бежать в Южную Америку, часть высших гитлеровских бонз погибает.

Возможен и переход на сторону красных части руководства Третьего рейха. Ведь в 1945—1953 годах Бухенвальд продолжал работать, и многие труженики Третьего рейха из его охраны продолжали трудиться на прежних местах. В штати в ГДР было немало людей, потрудившихся в СС и в гестапо.

Итак, 15 октября 1941 года возникает Польская Народная Республика. Ее армия воюет с нацистами. В Румынии, Венгрии, Болгарии, Словакии, Чехии — такие же «народные» правительства.

15 декабря 1941 года или 1 мая 1942-го Берлин ка-

¹ New York Times. 24.06.41.

питулировал. Немецкие коммунисты и примкнувшие к ним вспоминают революции 1918—1919 и 1923 годов и «Рот Фронт». Отощавший, но живой Эрнст Тельман сажает в Майданек тех, кто его только что там держал. Геббельс истерически кричит по радио о пропасти, в которую завел высшую расу... то есть в смысле пролетариев Германии, проклятый режим Гитлера — Бормана.

Можно переименовать Берлин в Сталинштадт, Мюнхен — в Жуковхайм, Гамбург — в Ленингретц, а Дрезден — в Марксдорф. Полная коммунистическая идиллия.

Но даже и это ведь вовсе не означает завоевания не то что мира... Не означает даже завоевания Европы.

Возникает советская империя в расширенных масштабах, в которую входит вся или почти вся Германия. Не в 1945-м, а в 1942-м. И это все.

Остальная Европа не завоевана. К западу от Хорватии и к югу от Германии лежат Франция, Италия и Испания. Их тоже предстоит завоевать.

Тут два варианта, прямо зависящие от того, что и как будут делать англосаксы. Если они нейтральны, то СССР предстоит новая страшная война. Представим себе эту войну как прямое продолжение войны с Третьим рейхом. Итак, весной 1942 года части Красной Армии и армии новых государств Восточной Европы, в том числе Красной Армии Германии, форсируют Рейн, начинают наступление в Арденнах. Одновременно другие части Красной Армии идут в Северную Италию. Новая затяжная война.

Допустим, осенью 1942 года передовые части Красной Армии, наступая в Португалии, увидели перед собой валы Атлантического океана. Другие еще летом маялись животами, поедая апельсины и виноград Южной Италии.

Но это ведь вовсе не завоевание мира. Это даже не завоевание Европы, потому что есть еще Скандинавия,

и есть еще Британия, по-прежнему неуязвимая на своих островах.

Это вариант первый, если англосаксы не вмешаются. Как сидели в стороне, так и сидят.

Второй вариант — англосаксы приходят в движение ДО того, как СССР все завоеует.

АНГЛОСАКСЫ В РОЛИ НЕСОЮЗНИКОВ

Есть историческая легенда, согласно которой Гарри Трумэн объяснил своему сыну: народы Европы — это игроки на поле войны. А мы — запасные игроки, мы пойдем на поле, когда остальные устанут. Цинично? Да вроде бы Сталин тоже что-то такое говорил...

Вопрос в том, когда именно и в какой форме англосаксы сыграют свою историческую роль.

Вариант первый: они открывают Второй фронт ДО разгрома Третьего рейха. Допустим, они опоздали делить побежденную Германию. 9 ноября 1941 или 1 мая 1942 года на Рейне встречаются британско-американские и советские солдаты. Но встречаются не как в нашей реальности: не как соратники! Через Рейн перематриваются, хорошо, если не перестреливаются, несоюзники... Хорошо, если пока не враги.

В этом случае не очень понятно, состоится ли новый виток Второй мировой войны: завоевание Западной и Южной Европы. Потому что воевать еще и с англосаксами СССР явно не готов. В принципе. Эту деталь как-то не рассматривают наши бравые «патриоты», а зря...

В этом варианте завоевание ВСЕЙ Европы не состоится. СССР может, если ему охота, пополниться Греческой ССР, Польской ССР, Венгерской ССР, Словацкой ССР, Чешской ССР и прочим ССР. Он может расчленив Германию и украсить себя Верхненемецкой ССР, Рейнской ССР, Баварской ССР, Саксонской ССР, Пфальцской ССР.

Что изменится, если англосаксы вмешаются позже? В смысле — если они вообще не будут мешать Сталину завоевывать Европу? Тогда, во-первых, умрет на несколько миллионов человек больше. Во-вторых, тогда СССР пополнится еще Каталонской ССР, Сицилийской ССР, Пикардийской ССР и Бретонской ССР. Допустим, в составе СССР будет не 30, а 50 «советских социалистических республик». Допустим, границы СССР будут простираются от Тихого океана до Атлантики... И что?

ДЕЛИКАТНЫЙ ВОПРОС

Деликатный вопрос, который никогда не задают наши горе-«патриоты»: вопрос о том, почему СССР так скромно вел себя после Второй мировой войны. Осмелюсь напомнить: потому что только у США было атомное оружие. Примеров несколько... Приведу только один. Сталин пытался оттяпать у Ирана весь Азербайджан. Даже не завоевать Иран, а поскромнее — отторгнуть у Ирана примерно треть территории и населения. Никакие уговоры не действовали, разумеется.

Остановить Советский Союз могли только США, обладавшие в то время монополией на атомное оружие. В марте 1946 г., когда азербайджанский кризис достиг высшего накала, президент Трумэн грозился применить против СССР атомное оружие, если Сталин не выведет оккупационные войска. И это подействовало: вывел.

В нашей реальности удалось украсть атомный секрет руками супругов Розенберг. Последняя акция незабвенных коминтерновских времен удалась потому, что у части американских евреев еще существовало сентиментальное отношение к СССР как к бывшей Родине и как к победителю страшного врага еврейства — Гитлера.

В нашей виртуальности агрессор — СССР, нет у

него славы спасителя. И маловероятно, что похищение атомного секрета состоится.

В нашей реальности англосаксы позволили создать советскую империю... но строго определенного размера. В нашей реальности они сочли нужным не пустить дорогого союзника Сталина на большую часть территории Германии и тем более в Западную Европу. А если бы даже и пустили?

Разумеется, карта мира выглядела бы иначе... На этой карте мира была бы громадная Советская империя, но тоже строго определенного размера. Этот размер был бы гласно или негласно, но оговорен, и Сталин соблюдал бы эти договоренности, куда бы он не делся.

Завоевывать Британскую империю и ее сателлитов никто бы ему не позволил.

ПОСЛЕДСТВИЯ «ХОРОШЕЙ ВИРТУАЛЬНОСТИ» ДЛЯ СССР И США

...На самом деле они для СССР только скверные. Всю историю СССР разные страны Европы и США были для него источником высоких технологий. СССР мог играть на противоречиях противников. Если Европа превратилась в часть СССР, с ней происходит то же самое, что произошло с самой Россией, а потом со странами «народной демократии»: она перестает быть источником высоких технологий. В реальности США очень выиграли на том, что в конце 1940-х Европа лежала в руинах. В нашей виртуальности для США все еще лучше. Они превращаются в **ЕДИНСТВЕННЫЙ** на Земле центр сложного промышленного производства.

А СССР вынужден иметь дело с США как с единственным владыкой Земли, монополистом на атомное оружие, единственным покупателем добытого в СССР сырья. И притом его «пятая колонна» в самих США намного слабее, чем в реальности.

Для Британии завоевание континента — тоже со-

всем не плохо: если на месте Франции возникло несколько «советских республик», ее колонии легко «прихватизируют» британцы. Надолго ли? Пусть разбираются сами.

СТАЛИН В РОЛИ ГИТЛЕРА

Рассуждая о перспективах «Земшарной республики Советов», наши теоретики и аналитикоманы проявляют, во-первых, сказочное невежество. Они просто не представляют, как громаден и сложен мир.

Во-вторых, они оказываются не способны на самое элементарное действие, вроде бы обязательное для аналитика. Они не просчитывают события дальше одного первого хода. Впрочем, это у них общее со Сталиным.

У нас до сих пор полагается считать Сталина «великим государственным деятелем» и чуть ли не гением. Вот и Суворов считает... Хотя сам же пишет, как просчитался Сталин, как он ошибся во всех расчетах.

Действительно: готовился создать нечто Земшарное, даже Дворец Советов собирался построить в 100 этажей. Для этого делил мир с Гитлером, но не получал того, на что рассчитывал. «Ледокол революции» не сумел выполнить своей «исторической миссии» и даже напал на самого Сталина.

Он снова стал делить мир, уже с правителями «загнивающих буржуазных лжедемократий», и тем же самым способом — с помощью тайного сговора.

Но что самое интересное — дважды находя союзников, дважды начиная делить с ними мир, в обоих случаях Сталин обманулся в своих планах и прогнозах. Великий государственный деятель? Но он каждый раз ухитрялся совершить невероятные усилия и получить за них неоправданно мало. В том числе, похоже, и потому, что он совершенно не понимал психологии своих союзников, не видел, что для них действительно приоритетно, за что они готовы сражаться не на шутку.

В нашей реальности Сталин не сумел даже в Европе сыграть роль «запасного игрока», который пришел на поле боя последним. Гитлер в последний момент его опередил. Но и в нашей реальности не Сталин, а англосаксы вышли на поле последними. У них получилось! Англосаксы сыграли со Сталиным в ту же игру, в которую он играл с Гитлером.

Сталин и Гитлер на пару оказались «ледоколами гегемонии США». Разнесли Европу вдребезги, а тут и пришли «доблестные союзники» и все прибрали к рукам.

В «хорошей» виртуальности изменяется только одно: Сталин становится единственным «ледоколом господства США». Он играет ту же роль в истории, которую сам уготовил Гитлеру.

Причем по многим параметрам послевоенная империя Сталина заметно ХУЖЕ той, которая возникла в реальности.

ПЕРСПЕКТИВА СССР ОТ ОКЕАНА ДО ОКЕАНА

Судите сами...

Во-первых, на завоевании этого «СССР от Тихого до Атлантического» русский народ и другие народы «первого СССР» надорвутся еще больше, чем надорвались в нашей реальности.

Во-вторых, в завоеванной Европе сразу же возникает множество очагов сопротивления: Литва, Польша, Западная Украина, Венгрия, Югославия, Греция... А уж что делается в Испании с ее традицией Герильи, мне просто трудно себе представить.

Империя никогда не будет замирена. Она никогда не будет мирной и спокойной. И сколько крови прольется, можно только гадать.

В-третьих, советское господство означает развал как раз тех сложных отраслей хозяйства, которые и сделали Европу хозяйкой мира. Нет ввоза продовольствия и сырья из колоний? Значит, идет упрощение

инфраструктуры, растет процент населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве.

В-четвертых, полная зависимость от США, о которой уже говорилось.

В общем, жуткая перспектива.

Рассуждать можно еще много, но это уже другая тема.

Нападение СССР на Третий рейх чревато намного худшими последствиями, даже в случае быстрой победы над рейхом. В реальности состоялся явно лучший вариант истории.

Дмитрий Хмельницкий

ЕДИНСТВЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА

ПОЧЕМУ ПОГИБЛА КАДРОВАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ ЛЕТОМ 1941 Г.?

У меня дома на стене под стеклом висят две старые газеты. Обе посвящены давним, но радостным событиям. «Красная газета» от 24 января 1924 г. сообщает о доставке в Москву из Горок тела умершего Ленина и о всемирной скорби по этому случаю. В «Труде» от 10 марта 1953 г. на первой странице опубликована фотография похорон Сталина и траурная речь Маленкова. Перед входом в Мавзолей гигантский, как для Гулливера, гроб. На трибуне Мавзолея все главные коммунисты мира, человек тридцать — мелко, но узнаваемо. Посредине Хрущев и Маленков. Рядом Берия и Чжоу Эньлай. На левом фланге кутается в платочек Долорес Ибаррури.

В постсоветской России юбилеи Ленина и Сталина проходят совсем незаметно. Обоим сильно повезло. Ироническое равнодушие, с которым мы, бывшие советские люди, поминаем всуе имена вождей — лучшая и совершенно незаслуженная награда великим людям.

Им везло всегда. Удалось сколотить партию совершенно нового типа. Удалось захватить власть. Удалось помереть своей смертью. Даже если Ильич перед смертью и огорчился, эти огорчения не идут ни в какое сравнение с предсмертными огорчениями его верных соратников. Зиновьев и Каменев огорчились сильнее. Культ Ильича, отрепетированный Виссарионовичем в своих интересах, пережил культ самого Сталина и будет жить еще долго. Образ мудрого, интеллигентного, решительного и гуманного руководителя существует

сам по себе, независимо от жутких реалий эпохи, о которой уже даже в России можно читать легально. Сталин оказал Ильичу услугу, которую не собирался оказывать. Дух Ленина был призван держать ниб над головой самого Сталина. Голова почернела и отвалилась, а дух остался и выглядит на фоне личности Сталина и его эпохи вполне идиллически. Естественный для Ильича дореволюционный фон ушел в небытие так давно и прочно, что, казалось, никогда не существовал. Он пропал вместе с людьми, для которых именно Ленин был главным вурдалаком, изгадившим вполне приличную страну.

Советская оттепель началась с «возврата к ленинским нормам», с простодушного Вознесенского, с «...уберите Ленина с денег!». Оттепель началась со сладкого ужаса осознания сходства между гитлеровским и сталинским режимами. Процесс осознания растянулся лет на пятьдесят и до сих пор не достиг кульминации, хотя попутно не только кучка отщепенцев, но и весь советский народ превратились в эмигрантов, а Великая Родина покончила самоаннигиляцией. Наверное, понадобится еще до черта времени, чтобы осознать глубокое несходство между Гитлером и Сталиным и увидеть гораздо более близкие параллели между Лениным и Гитлером.

Есть простой психологический тест на выявление способности к абстрактному мышлению — из нескольких фигур исключить непохожую. В группе из трех вождей — Ленин, Сталин, Гитлер — именно Сталин стоит особняком. Психология Сталина — загадка; черный ящик советской истории. Его взгляды, цели и вкусы до сих пор не расшифрованы. По тотальности террора и отлаженности придуманного им государственного устройства он далеко обогнал своих коллег.

По сравнению со Сталиным Ленин и Гитлер просты и ясны как слеза. Оба — политические идеалисты, сочинившие идею и верно ей служившие (об идеях, ру-

поводивших Сталиным, и говорить смешно. Он любую мог вывернуть наизнанку). Оба вышли из среднетеллигентской среды и активно занимались самообразованием. Обоим самообразование довело до полного разрыва со средой и ее ценностями. Оба были харизматическими лидерами, окруженными соратниками и единомышленниками (Сталина окружали только подхалимы). Обоим уважали и любили товарищи по партии. Их власть — по крайней мере, в этом кругу — опиралась на уважение, а не на страх. Сталина соратники тоже любили, но не любить его было смертельно опасно. Гитлер вряд ли сохранил бы любовь Геббельса, если бы арестовал его жену. Сталин такое проделывал неоднократно.

Оба были социалистами. Оба мечтали о переустройстве мира и счастье человечества. Оба предполагали изъять из осчастливленного человечества некоторые недостойные счастья группы: один — «классовых врагов», другой — «расовых». Оба получили власть в демократических странах и превратили их в тоталитарные и однопартийные. Ленин, правда, сделал это гораздо более зверскими методами, чем Гитлер. Но у него и положение было более сложное — пришлось воевать. Поэтому роль ЧК — ОГПУ в Советской России была неизмеримо выше, чем роль гестапо в Третьем рейхе. Ленин после захвата власти учинил в собственной стране террор в таких масштабах, на которые Гитлер решился только во время войны и только на чужой территории. Ленин и Гитлер уничтожили приблизительно одинаковое количество людей — 7—10 миллионов (Сталин в несколько раз больше). За террором Ленина и Гитлера стояли безумные утопические идеи. Их реализация часто противоречила практической пользе режима, ставила его на грань краха. Ленину удалось краха избежать, Гитлеру — нет.

Террор Сталина, напротив, был обусловлен практическими, административно-экономическими соображе-

ниями. Он всегда шел только на пользу — не населению, конечно, а режиму. Гитлер и Ленин были по-своему честными людьми — что думали, то и писали. Самые зверские приказы и тот и другой отдавали, конечно, тайно, но стратегических намерений и целей особенно не скрывали.

Гениальный мистификатор и абсолютный циник Сталин выглядит на их фоне пришельцем из иного мира.

Историческая несправедливость состоит в том, что посмертная судьба всех трех сложилась по-разному. Гитлер выглядит единственным воплощением абсолютного зла в глазах всего человечества, в том числе и советских людей, казалось бы, больше всех пострадавших от деятельности тройки. О Сталине, его политике, целях и личных качествах и через десятилетия после выхода «Архипелага ГУЛАГ» ведутся дискуссии.

Если в вопросе о внутрисоветских преступлениях Сталина существует какой-никакой консенсус и существование ГУЛАГа практически никто не ставит под сомнение, то роль Сталина и СССР во Второй мировой войне по-прежнему тема для ожесточеннейших исторических и идеологических споров. Причем мифы о миротворческой и антифашистской роли СССР, которые с огромным трудом изгоняются не только из советской, но и из западной исторической науки, были когда-то придуманы самим Сталиным. Но надолго его пережили.

Часть вины за это ложится на Нюрнбергский процесс. При всех своих достоинствах в одном серьезном отношении он оказался фарсом: нацистских военных преступников судили в составе международного трибунала советские военные преступники. Руденко, обвинявший Кальтенбруннера, так же, как Сталин, обвиняющий Гитлера, — это было надругательство над идеей трибунала, которого все участники не могли не сознавать. Одни с чувством бессилия, другие со злорадством. Полвека понадобилось, чтобы обществен-

ность (европейская, но еще не советская) задалась наконец вопросом: действительно ли Сталин лучше Гитлера или все-таки такой же плохой?

А Ленин? Он тут вообще ни при чем. Все было давно и неправда. Культ Ленина, обросший добродушными анекдотами, обернулся культом ритуального графического символа с лысиной и бородкой, не вызывающими у общественности, в противовес гитлеровским усикам, положительно никаких чувств. Образ Ленина сменился образом его мумии со сложной судьбой. Самая веселая проблема российской политики — следует ли ее похоронить или оставить лежать экспонатом.

Наверное, все нормально. Очень трудно связать приказы о массовых расстрелах заложников со знакомым всю жизнь юным блондином на октябрятской звездочке и пожилым мудрецом с картин Бродского. Не у всех получается.

Есть некое ситуационно-психологическое сходство между конфликтом Ленина и Сталина в последние годы жизни Ленина и конфликтом Сталина и Гитлера, тоже окончившимся гибелью последнего. Оба — и Ленин, и Гитлер — катастрофически неправильно оценили человека, которого оба — один долго, а другой коротко — считали своим союзником.

***

Поражение Красной Армии летом 1941 г. — самое, да и наверное, единственное неожиданное событие сталинской истории. Это единственное очевидное поражение Сталина, нарушение его планов. Все остальное всегда шло по планам или, по крайней мере, логически вытекало из прочих действий советской власти.

До 1941 г. и после 1945 г. все беды, несчастия и трудности советского населения были инспирированы изнутри страны, ее собственным руководством. Поэтому все прочие беды советской истории (тоже с мил-

лионами трупов — коллективизация, индустриализация, полицейский террор) всегда подавались казенной советской историографией либо как победы и достижения, либо как временные трудности, обусловленные непреодолимыми обстоятельствами. В крайнем случае как ошибки и отклонения от правильного курса. И только военные поражения лета 1941 г. остались в сознании советских людей как катастрофа, злой умысел коварного врага. Фактически понесенные тогда (и позже, во время войны) жертвы были единственными за всю советскую историю, которые официально признавались жертвами в советское время. По очень простой причине — их было легко списать на врага.

И ответ на вопрос о причинах военного поражения сорок первого года всегда казался совершенно очевидным: враг коварно напал на беззащитное, не готовое воевать и ничего не подозревающее советское государство. Отсюда и миллионные потери в первый момент, и тяжелейшее трехлетнее выдавливание Вермахта за пределы СССР.

Это ответ, очевидный для советских людей, отученных думать над официальными формулировками, и совершенно неудовлетворительный для тех, кто способен думать не потерям.

Полагаю, что гибель всей кадровой Красной Армии последовала не вследствие неготовности СССР к войне, а по прямо противоположной причине.

Сталинский СССР слишком хорошо готовился к войне. Собственно говоря, ничем другим советские люди в течение полутора предвоенных десятилетий не занимались. Хотя далеко не все об этом подозревали. СССР готовился к войне, забыв обо всем остальном и к тому же к моменту нападения Германии уже полтора года в ней участвовал — наравне с Гитлером и в качестве агрессора. Вот к чему совершенно не были готовы ни советские люди, ни сам Сталин, так это к роли жертв агрессии.

Вообще-то тут стоит уточнить терминологию. Выражения типа «СССР готовился» или «не готовился к войне», «СССР полагал, надеялся, рассчитывал...» — неверны по сути. СССР тридцатых гг. — это Сталин и больше никто. Даже Молотов и Каганович были лишь исполнителями. Статистами, но не игроками. Статистов Сталин менял, пугал, порол, возвышал, использовал, убивал, сажал и освобождал, но решения принимал только сам. Так же, как только сам ставил ключевые задачи и определял цели. Выстроенная Сталиным к началу тридцатых структура власти исключала даже минимальную внутривластную коллегиальность, даже на уровне Политбюро. Поэтому планы и политика СССР того времени — это планы и политика Сталина.

Принцип своей внешней политики Сталин очень емко выразил в письме Молотову и Кагановичу от 2 сентября 1935 г.: *«Калинин сообщил, что Наркоминдел сомневается в допустимости экспорта хлеба и других продуктов из СССР в Италию ввиду конфликта в Абиссинии. Я думаю, что сомнения Наркоминдела происходят из непонимания международной обстановки. Конфликт идет не столько между Италией и Абиссинией, сколько между Италией и Францией, с одной стороны и Англией — с другой. Старой Антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две антанты: антанта Италии и Франции с одной стороны, и антанта Англии и Германии — с другой. Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем и другим, чтобы они могли драться. Нам вовсе не выгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой»*¹.

Здесь речь идет о конкретной ситуации, но обозначен главный принцип советской политической страте-

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. Москва, 2001. С. 545.

гии: сравить противников (а потенциальные противники — все европейские страны вообще), дожидаться, пока они ослабеют, и тогда напасть. Именно в этом заключалась суть внешней политики СССР в тридцатые годы. Раньше и позже — тоже, но только в тридцатые шансы на достижение этих целей стали катастрофически большими.

В речи Сталина 19 августа 1939 г., изложение которой было опубликовано в ноябре 1939 г. агентством «Гавас», а потом найдено в российских архивах Татьяной Бушуевой, другими словами декларировались те же самые цели.

Вот цитата из текста, найденного Татьяной Бушуевой:

«...Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать «модус вивенди» с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну.

Опыт двадцати последних лет показывает, что в мирное время невозможно иметь в Европе коммунистическое движение, сильное до такой степени, чтобы большевистская партия смогла бы захватить власть. Диктатура этой партии становится возможной только в результате большой войны. Мы сделаем свой выбор, и он ясен. Мы должны принять немецкое предложение и вежливо отослать обратно англо-французскую миссию. Первым преимуществом, которое мы извлечем, будет уничтожение Польши до

самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию... В то же время мы должны предвидеть последствия, которые будут вытекать как из поражения, так и из победы Германии. В случае ее поражения неизбежно произойдет советизация Германии и будет создано коммунистическое правительство. Мы не должны забывать, что советизированная Германия окажется перед большой опасностью, если эта советизация явится последствием поражения Германии в скоротечной войне. Англия и Франция будут еще достаточно сильны, чтобы захватить Берлин и уничтожить советскую Германию. А мы не будем в состоянии прийти на помощь нашим большевистским товарищам в Германии.

Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы Германия смогла вести войну как можно дольше, с целью, чтобы уставшие и до такой степени изнуренные Англия и Франция были бы не в состоянии разгромить советизированную Германию. Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжать ее сырьем и продовольственными товарами... Для реализации этих планов необходимо, чтобы война продлилась как можно дольше, и именно в эту сторону должны быть направлены все силы, которыми мы располагаем в Западной Европе и на Балканах... Товарищи! В интересах СССР — Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени»¹.

¹ Новый мир. №12. 1994.

Вокруг изложений этой речи до сих пор ведется очень бурная дискуссия. Не все исследователи верят в ее подлинность, так как никаких других документов, неопровержимо подтверждающих то, что речь 19 августа имела место, пока не обнаружено. Есть две версии — либо речь эта действительно была произнесена, либо некто, осведомленный о планах Сталина и обсуждениях, ведущихся в кремлевской верхушке, смоделировал ее. Последнее очень маловероятно — слишком много существует доказательств в пользу достоверности изложений речи¹, — но даже если это и не так, то нет сомнений в том, что политические цели Сталина изложены в предполагаемой фальшивке совершенно адекватно реальности. Ее мог сделать только крайне осведомленный человек. Не существует данных, что Сталин мог иметь иные цели и иные планы. Все действия Советского Союза после 19 августа 1939 г. (и до — тоже) отлично укладываются в изложенную в записях речи концепцию.

Стоит обратить внимание на фразу:

«...Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать «модус вивенди» с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР».

В чем могла заключаться опасность для СССР? Речь не идет о военной опасности извне, раз «война будет предотвращена». А охотников по доброй воле нападать на СССР в довоенной Европе никак не наблюдалось. В 20-е годы советское руководство игралось с тезисом, что Польша спит и видит, как напасть на Советский Союз, в начале тридцатых в качестве «вероятных про-

¹См.: Дорошенко В., Павлова И., Раак Р. Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 г. // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2006.

тивников» рассматривалась фантастическая коалиция всех западных соседей СССР, но все это было даже не вздором, а идеологической завесой, маскировавшей собственные планы войны против всех своих соседей. Вероятных противников СССР выбирал себе сам, и степень вероятности зависела не от их планов, а от советских.

Если исходить из сталинской логики, то опасность для СССР состояла в НЕВОЗМОЖНОСТИ развязать мировую войну так, чтобы вступить в нее после того, как все прочие участники истощат свои силы. То есть это была опасность идеологическая. В реальную военную опасность эта ситуация могла бы перерасти, только если бы СССР все-таки решился бы напасть на мирную и, следовательно, немедленно объединившуюся против него Европу.

^б Главную опасность для будущего СССР, согласно Сталину, представляло собой предотвращение войны. Вот чтобы предупредить эту опасность, Сталин и пошел на заключение договора с Гитлером. Договора, предусматривавшего начало мировой войны, сталкивавшего Германию с коалицией западных государств, развязывавшего руки Сталину в Восточной Европе, смыкавшего советские границы с германскими и создававшего реальную и желанную для Сталина возможность вмешаться в мировую войну в нужный момент в качестве «арбитра». Иными словами, единственного победителя. «Советизация» Германии была запрограммирована Сталиным в пакте Молотова — Риббентропа изначально. Причем интересно, что в первую очередь «советизация» Германии планировалась в случае поражения Германии в войне с Англией и Францией. Это могло означать только одно: в тот момент, когда немецкие войска терпят поражение на западе, СССР входит на германскую территорию с востока и идет дальше на запад уже в качестве союзника «советизированной

Германии». Трудно позавидовать роли, которая в этом сценарии была уготована Гитлеру.

Таким образом, одной из главных причин военных поражений Советского Союза летом 1941 г. была сталинская внешнеполитическая стратегия в целом. Не будь перманентной нацеленности СССР на разжигание мировой войны, война бы просто не началась. Поворотный момент этой стратегии наступил именно 19 августа 1939 г., если исходить из того, что Сталин действительно в этот день принял решение заключать пакт с Гитлером и открыл свои карты соратникам.

Все зависело только от Сталина. Не заключи он пакт, война была бы предотвращена, границы остались на прежних местах, и столкновение Германии с СССР было бы физически невозможно.

Гитлер же, при всех его военных амбициях, был в этом альянсе фигурой зависимой. Откажись Сталин заключать соглашение и заключи он договор о сотрудничестве с англичанами и французами, то все — на этом свобода действий Гитлера кончалась, а мечты о расширении жизненного пространства в любую сторону продолжали оставаться мечтами. Пакт открывал Гитлеру дорогу в Польшу и, главное, на Запад. Впрочем, нет оснований полагать, что Гитлер так уж стремился в 1939 г. к немедленной общеевропейской войне — объявление войны западными союзниками его здорово ошарашило. Но вот насчет Сталина сомнений нет. Стремился, и еще как.

Однако при заключении пакта возникала уже реальная опасность, которую Сталин должен был бы учитывать, — Гитлер мог сообразить, что его планы на будущее Европы отличаются от планов Сталина. И сообразить, какую судьбу Сталин готовит Германии, Европе и ему лично. Но ситуация, в которую попадал (и попал) Гитлер, поняв уже после увязания в европейской войне, что угроза с Востока, ранее, до пакта, воспринимавшаяся во всей Европе скорее как гипотетиче-

ская и абстрактная, вдруг стала совершенно реальной, не оставляла ему слишком много вариантов действий. Собственно говоря, в этот момент оставался только один вариант — второй фронт на Востоке.

Спорам о причинах германо-советской войны 1941 г., как правило, особо напряженный, даже истерический характер придает обсуждение темы «превентивности». Благодаря ей сугубо академическая, историческая проблема приобретает острое идеологическое значение. Согласиться с тем, что Гитлер напал на СССР вынужденно, для многих участников даже вполне серьезных научных дискуссий означает оправдать Гитлера. Что странно. Как будто после того, что Гитлер уже успел натворить к лету 1941 г., его можно оправдать тем, что нападение на Сталина было вынужденным. Репутация Гитлера совершенно не зависит от того, превентивно он напал или не превентивно. А вот репутация Сталина (и СССР) зависит от этого очень сильно. В случае доказанной превентивности СССР — агрессор, которого опередили. Превентивность не доказана — СССР в чистом виде жертва.

Тема эта достаточно изучена многими вполне добросовестными исследователями. Картина вырисовывается такая. Скорого, в течение ближайших недель, нападения на Германию Гитлер в июне 1941 г. не ожидал, хотя именно оно было совершенно реальным, что многократно доказано и российскими, и западными историками. Немецкая разведка имела очень неполное представление о состоянии развертывания Красной Армии. Была более или менее ясна картина происшедшего в трехсоткилометровой приграничной зоне, но немцы не представляли себе всего военного потенциала Красной Армии, не знали о втором и третьем стратегических эшелонах.

Отдавая приказ о подготовке операции «Барбаросса», Гитлер не ожидал скорого удара Красной Армии, хотя по мере приближения даты собственного нападе-

ния обеспокоенность немецкого военного руководства происходившим в советской приграничной зоне все время возрастала.

То, что СССР в принципе представляет собой открытую военную угрозу Германии, а его аппетиты далеко выходят за рамки, оговоренные пактом Молотова — Риббентропа, немецкому руководству было совершенно ясно по крайней мере с лета 1940 г. Сталин мог напасть через полгода, через год или через два, это все равно делало ситуацию для Гитлера невыносимой, поскольку парализовало его действия. Закончить войну на Западе Гитлер не мог, не используя полторы сотни дивизий, стоявших на восточной границе. И увести их не мог, потому что агрессивные намерения Сталина были очевидны. Патовая ситуация тоже не могла продолжаться слишком долго, поскольку приводила только к ухудшению стратегического положения Германии. Сталин ждать мог, а Гитлер — нет. В этой ситуации Гитлер решил разрубить гордиев узел и, разбив Красную Армию, развязать себе руки на Западе.

Идеологические планы расширения «жизненного пространства» на восток играли в этой ситуации третьестепенную роль, если вообще играли. Об этом совершенно отчетливо писал Геббельс в дневнике 16 июня 1941 г. Пропагандой в дневниковых записях, естественно, и не пахнет:

«Фюрер подробно объясняет мне положение: наступление на Россию начнется, когда закончится наше развертывание. Это произойдет в течение недели... Русские скопились прямо на границе, это для нас лучшее из того, что могло произойти. Если они, рассредоточившись, отступят в глубь страны, то будут представлять большую опасность. У них есть 180—200 дивизий, возможно, даже меньше, в любом случае приблизительно столько, сколько у нас. В кадровом и техническом отношении их даже сравни-

вашь с нами нельзя... Фюрер оценивает длительность акции в 4 месяца, я оцениваю в меньший срок. Большевизм рассыпется, как карточный домик... Мы должны действовать. Москва хочет держаться вне войны, пока Европа не устанет и не истечет кровью. Тогда Сталин захочет действовать, большевизировать Европу и вступить во власть. Эти его расчеты будут перечеркнуты. Наша акция подготовлена так хорошо, насколько это вообще в человеческих силах. Подготовлено столько резервов, что неудача просто исключена. Географически акция не ограничена. Борьба будет продолжаться до тех пор, пока русские войска не перестанут существовать...

Россия нападет на нас, если мы ослабеем, и тогда мы получим войну на два фронта, которую мы предотвращаем этой превентивной акцией. Только тогда у нас будет свободный тыл...

Мы должны также напасть на Россию, чтобы высвободить людей. Непобежденная Россия связывает 150 дивизий, которые нам срочно нужны для военной экономики. Ее нужно усилить, чтобы реализовать программы производства оружия, подводных лодок и самолетов, тогда США не смогут нам ничего сделать. У нас есть материалы, сырье и машины для трехсменной работы, но не хватает людей. Если Россия будет разбита, мы сможем высвободить целые призывные возраста и строить, вооружаться, готовиться. Только тогда можно будет начать воздушную войну с Англией на другом уровне. Вторжение все равно малореально. Итак, речь о том, чтобы гарантировать победу иным образом...

Тенденция всего похода лежит на ладони: большевизм должен пасть, и у Англии будет выбито из рук последнее оружие на континенте. Большевистский яд будет изгнан из Европы. Против этого даже Черчилль и Рузвельт могут мало что возразить. В России не будет восстановлен царизм, но на смену еврейско-

му большевизму придет настоящий социализм... Сотрудничество с Россией было пятном на нашем мундире. Оно будет теперь смыто. То, против чего мы всю жизнь боролись, теперь будет уничтожено»¹.

Неделей раньше, 8 июня, Геббельс записывает: «Получил программу территориального деления Р[оссии]. Требуется очень большой аппарат. Об азиатской части Р. речь не идет. Заботиться придется только о европейской. Сказал же Сталин недавно Мацуоке, что он азиат. Что ж, пожалуйста!»².

А вот кусочек записи от 14 июня 1941 г.: «Русские, похоже, ничего не подозревают. Во всяком случае, они развертываются так, как мы только может желать: очень скученно, легкая добыча»³.

В этих записях есть несколько интереснейших моментов.

Во-первых, видно, насколько нацистская верхушка ошибалась насчет масштаба советских военных приготовлений. Геббельс и Гитлер рассчитывали на 180—200 советских дивизий (или меньше), в реальности их только в двух первых стратегических эшелонах было более 250.

Во-вторых, концентрация советских войск на границе не рассматривается как указание на скорое нападение. Его не ждали, но зато радовались, что скученные советские войска станут легкой добычей. Как это, впрочем, и случилось.

В-третьих, в стратегической угрозе, исходящей от Сталина и Красной Армии, нацистская верхушка не сомневается. Сталин нападет, как только получит к тому благоприятную возможность. Поэтому убирать войска от восточной границы ни в коем случае нельзя.

¹ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil 1, Band 9, München, 1998. S. 377—379.

² Там же. С. 359.

³ Там же. С. 371.

В-четвертых, мотив нападения обозначен совершенно точно — превентивная акция, ставящая своей целью снять угрозу с Востока, чтобы успешно закончить войну с Англией. Причем эта акция не рассматривается как война на два фронта, наоборот, она должна таковую предотвратить. И правда, в тот момент Вермахт не вел военных действий на суше. Но любая активизация на Западном фронте с использованием сил, передислоцированных с Востока, автоматически означала нападение Сталина на ослабленный участок и открытие второго фронта при крайне неблагоприятных обстоятельствах. То есть главная цель нападения Германии на СССР — благополучное завершение войны с Англией. А завоевание «жизненного пространства» на Востоке и ликвидация большевизма — цель второстепенная и не определяющая стратегию. В записях Геббельса нет ни слова о захвате земель на Востоке как главной цели германо-советской войны. И нет ничего о борьбе с «низшими расами», как о движущей силе Восточного похода. Идеология вообще не играла никакой роли при принятии решения воевать с СССР. Аппетиты Германии простираются только на европейскую часть СССР и только в силу необходимости. Раз Сталин «азиат», вот пусть и отсиживается в Азии.

В тот момент Гитлеру не требовалось никакого «жизненного пространства», его у Германии в 1941 г. и так было с избытком. Гораздо больше, чем физических возможностей освоить, усмирить и контролировать захваченную половину Европы.

Таким образом, конкретная причина поражений Красной Армии летом 1941 г. — ошибка в расчетах. Если бы окончание развертывания Красной Армии для нападения было запланировано не на середину июля, а на месяц раньше, такое же страшное поражение могло бы ожидать Вермахт. Видимо, как полагают некоторые исследователи, например австрийский историк Хайнц

Магенхаймер, советское руководство не ожидало, что Гитлер нападет внезапно и так скоро. Предполагалось, что сначала последуют дипломатические демарши, ультиматумы, политические требования и т.п.

Геббельс подробно описывает в дневнике в мае — июне 1941 г. маскировочные усилия, которые прилагались Германией, и в особенности его ведомством, чтобы создать у СССР впечатление, будто Германия готова на переговоры. Отсюда, вероятно, и игнорирование Сталиным предупреждений о начале войны. До окончания подготовки к нападению оставались считанные недели, он рассчитывал дотянуть. А уже тогда немецкие приготовления переставали играть какую бы то ни было роль. Точно так же, как мгновенно обесценились 22 июня 1941 г. все многолетние усилия СССР по подготовке собственного нападения на Европу.

Собственно говоря, обе стороны, готовившиеся к нападению друг на друга весной 1941 г., сделали одну и ту же ошибку. Обе недооценивали опасность нападения противника в краткосрочной перспективе, и обе рассчитывали на полный успех собственных военных приготовлений. Обе готовились совершить один и тот же маневр с одинаковыми целями. Никто из них не готовился к обороне. В силу стечения случайных обстоятельств, а вовсе не военно-тактической прозорливости, Гитлеру удалось опередить Сталина. Но могло получиться и наоборот. И тогда сегодня обсуждались бы ошибки Гитлера, приведшие к поражению Вермахта в июле 1941 г.

***

Итак, обе стороны готовились к нападению, обе видели угрожающие военные приготовления противника, и обе не ожидали того, что противник нападет в самое ближайшее время. Имеет смысл поставить вопрос о «превентивности» нападения Германии на СССР несколько иначе. А именно: собирались ли партнеры по

пакту Молотов — Риббентроп, заключая его в августе 1939 г., этот пакт добровольно, без нажима внешних обстоятельств в обозримое время, нарушить? Или были намерены соблюдать?

Насчет Сталина сомнений нет. Он не просто собирался нарушить пакт, для него соглашение с Гитлером было шагом к достижению цели, полностью противоречащей существу пакта: Сталин ни с кем не собирался делить Европу. Тому есть множество доказательств. И наоборот, не существует признаков того, что стратегические планы Сталина (и СССР) могли бы быть иными. Все военное планирование СССР с конца 20-х годов (и раньше тоже) было направлено на то, чтобы в один прекрасный день суметь победить армии всех европейских стран, вместе взятых¹. При полном отсутствии реальной, не спровоцированной собственными действиями угрозы со стороны европейских соседей.

Тут возникает естественный и важный для обсуждаемой темы вопрос: когда СССР начал готовить нападение на Германию? Целенаправленная подготовка к нападению на Европу (и на Германию, естественно) началась в Советском Союзе задолго до принятия Гитлером решения о разработке в 1940 г. операции «Барбаросса». И задолго до прихода Гитлера к власти.

Американец Джон Скотт провел пять лет на промышленных стройках Урала. В книге, выпущенной в Стокгольме в 1944 году, он писал: *«В 1940 г. Уинстон Черчилль объявил английскому народу, что ему нечего ожидать, кроме крови, пота и слез. Страна находится в войне. [...] Однако Советский Союз уже с 1931 г. находился в состоянии войны, и его народ исходил потом, кровью и слезами. Людей ранило и убивало, женщины и дети замерзли, миллионы умерли от голода, тысячи попали под военные суды и были рас-*

¹ См.: *Олег Кен*. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 — середина 1930-х. Санкт-Петербург, 2002.

стреляны в боевом походе за коллективизацию и индустриализацию. Готов поспорить, что в России борьба за производство чугуна и стали привела к большим потерям, чем битва на Марне в Первую мировую войну. В течение всех тридцатых годов русский народ вел войну — промышленную войну»¹.

Это была промышленная война, которая должна была приблизить войну настоящую. Все жуткие события сталинской истории, которые мы привыкли воспринимать по отдельности — коллективизация, индустриализация, разнообразные волны репрессий — были элементами реализации одного глобального плана по превращению СССР в военный лагерь, а населения частично в солдат, частично в рабов. Что, собственно говоря, в сталинской ситуации — одно и то же.

Идеологическое прикрытие всех этих событий было блефом. Коллективизация не была обусловлена никакой классовой борьбой в деревне. Индустриализация не ставила своей целью экономический подъем страны. И даже политические репрессии были не политическими. Политические противники советской власти были уничтожены или полностью парализованы еще в 20-е годы. Антисталинистские настроения можно было подавлять в 30-е годы репрессиями на много порядков меньшими, чем те, что происходили.

Все сталинские акции и реформы, называющиеся политическими, на самом деле носили чисто экономический характер. Это был процесс милитаризации страны на сталинский лад.

Нужно было в кратчайшие сроки построить военные заводы, обеспечивающие вооружение самой сильной армии в мире. Для этого требовались а) средства, б) современные технологии, в) дешевая, а еще лучше — бесплатная рабочая сила, г) социальная структура, позволяющая руководству страны без ограниче-

¹ John Skott, «Jenseits von Ural», Stockholm 1944, 1944. S.12.

ний манипулировать всеми ресурсами страны — продовольствием, сырьем, продукцией промышленного производства, рабочей силой. Все эти задачи решались параллельно. Главной целью советской индустриализации было строительство военно-промышленного комплекса за счет снижения до физически возможного минимума уровня жизни населения. Эта была цель, прямо противоположная тому, что называется развитием экономики. Нормальный рост экономики обычно означает повышение благосостояния граждан, рост комфортности жизни. Сталинская военная промышленность создавалась за счет разрушения, ликвидации гражданской экономики и снижения уровня жизни населения.

Военно-промышленную технологию следовало закупить на Западе, своей не было. Этот процесс начался в 1927—1928 гг. В 1929-м — огромный успех. Американский архитектор Альберт Кан получает от СССР заказ на проектирование сотен промышленных предприятий на общую сумму в 2 миллиарда долларов. Благодаря контактам с Каном и другими западными фирмами в СССР пошел поток военно-промышленной технологии, станков, всевозможного оборудования.

Навстречу шел поток хлеба, всякого другого продовольствия и леса. Больше СССР неоткуда было взять валюту. Оба потока достигли кульминации в 1932—1933 гг.; как следствие, именно на эти годы пришелся пик массового голода в стране со многими миллионами жертв. Коллективизация была средством выкачивания продовольствия из деревни и перекачки «лишнего», обращенного в рабство крестьянского населения в рабсилу на стройках пятилетки. Новые предприятия строились вблизи от источников сырья, там, где добровольные рабочие руки вообще найти было невозможно. А требовались десятки миллионов, причем бесплатных. Это проблема решалась несколькими путями. Той же коллективизацией; выдавливанием «лишнего», бесполез-

ного с точки зрения государственных сталинских задач населения из городов с помощью таких мер, как введение паспортной системы; сменявшимися друг друга волнами репрессий. Параллельно изменялась социальная структура общества. Из нее изгонялись остатки экономических и гражданских свобод. В идеальном виде сталинская система государственного устройства СССР, выстроенная уже к 1931—1932 годам, представляла собой концентрационный лагерь, в котором, собственно, ГУЛАГ служил карцером. Остававшиеся на свободе имели больше привилегий и лучшее обеспечение, чем заключенные, но никак не больше гражданских прав. Даже сталинские наркомы.

Люди, пережившие эти времена в Советском Союзе, мемуаров практически не оставили. Но в Европе, а особенно в Германии, в 30-е годы были выпущены сотни книг о жизни в СССР. Большинство авторов — иностранные рабочие, инженеры, бывшие коммунисты, жившие и работавшие в СССР, или журналисты, съездившие в СССР туристами. Для нацистской пропаганды, издававшей такие книги гигантскими тиражами, они были подарком. Что, впрочем, не говорит о том, что они не были правдивыми. Да и смешно было бы клеветать на сталинский СССР, действительность была страшнее любых фантазий. Вот один пример.

Весной 1932 г. молодой немецкий архитектор Рудольф Волтере приехал в Новосибирск в качестве «иностранным специалистом». Через год работы он вернулся домой и, потрясенный увиденным, издал книжку «Специалист в Сибири»¹. Волтере с огромным сочувствием описал странное общество, состоящее как бы из одних инфантильных подростков. Что-то вроде хорошо организованного интерната для детей с замедленным развитием. Члены этого сообщества лишены свободы воли, свободы выбора, чувства собственного

¹ Rudolf Wolters, «Spezialist in Sibirien», Berlin, 1933.

достоинства и, кажется, не понимают, что это такое. Они испытывают постоянный ужас перед тайной полицией и страх перед начальством, воплощенным в трех ипостасях — парторг-профорг-директор. Начальство состоит из таких же подростков, только облеченных доверием. Они живут в кошмарных условиях, но при этом думают, что на Западе живут хуже. Они не могут менять место работы и место жительства, в любую минуту их могут лишить хлебной карточки (в начале 1933 г. — 400 граммов хлеба в день на работающего). При этом они уверены, что строят социализм, и с нетерпением ждут дня окончания пятилетнего плана, потому что им было обещано — в этот самый момент уровень жизни возрастет втрое. Ведь об этом писали в газетах!

С грустной иронией вспоминает Волтерс совет, который постоянно слышал от своих собеседников: «Вы должны читать газеты. То, что вы видите своими глазами, создает у вас неправильное впечатление о нашей системе!» И анекдот на ту же тему: учитель рассказывает в классе, что на Тверской улице построена новая фабрика. Ученик: «Я живу напротив, там уже пять лет только один забор». Учитель: «Дурачок, читай газеты, там это написано черным по белому».

К 1932 г. Сталин уже вылепил общество, готовое воспринимать реальность не собственными органами чувств, а через газеты — черным по белому. И придумал для него все необходимые мифы — черным по белому. Вождь был гениальным режиссером и психологом. Он дал одуроченным до идиотизма людям самое главное — ощущение своей ценности, нужности и благородства. Сплоченное сталинскими мифами общество сумело пережить и самого вождя, и его имидж, и формальную смену государственной системы.

Цель у всех сталинских мероприятий с самого начала его правления, с 1927 г., была одна — скорейшее строительство очень сильной армии и развязывание

мировой войны. Последняя цель была достигнута в 1939 г. А к 1941 г. у Сталина была армия, несоизмеримая по численности и технической мощи ни с одной другой армией Европы. Заключая в 1939 г. пакт с Гитлером, Сталин ни в коем случае не собирался останавливаться на достигнутом.

***

А собирался ли Гитлер, заключая пакт в августе 1939 г., в ближайшее же время его нарушить? Соглашение со Сталиным открывало Гитлеру путь на Запад и гарантировало (или предполагалось, что гарантирует) безопасный тыл. Если он уже в 1939 г. планировал параллельно (или последовательно) захватить и Западную Европу, и Советский Союз, это значит, что он уже тогда фактически готовил войну на два фронта. И намеревался обмануть Сталина точно так же, как Сталин (что несомненно доказано) намеревался обмануть Гитлера.

Если же такого рода планов у Гитлера в 1939 г. не было и он заключал пакт всерьез, с намерением его соблюдать, то это значит, что нападение на СССР было вынужденным, то есть превентивным.

Мог быть и третий вариант: в 1939 г. не собирался, а потом под влиянием побед на Западе аппетит разыгрался... Но этот вариант однозначно недоказуем. Незаконченная и малоперспективная война с Англией и реальная перспектива войны с маячившими за Англией на атлантическом горизонте США не давали в 1941 г. повода для особого оптимизма и упоения победами, какими бы эффектными они ни казались.

Вроде бы не опубликовано никаких данных, говорящих о том, что Гитлер до лета 1940 г., то есть до аннексии Сталиным части Румынии, планировал начать Восточный поход и к тому же в самое ближайшее время.

В подтверждение этой версии всегда цитируется

только одна фраза «Майн кампф»: *«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»*¹.

На очевидный вопрос, зачем Гитлеру, захватившему к 1941 г. половину Европы, но так и не победившему окончательно в войне на Западе, более того, не имеющему очевидных шансов победить и освоить в обозримом будущем уже захваченные территории, понадобилось бы нарушать союзный договор с СССР и открывать второй фронт на Востоке, — на этот вопрос следует традиционный ответ: он же сам написал, что нападет на Россию. Вот и напал.

Как раз этому объяснению и не стоит верить с ходу. Потому что в «Майн кампф» Гитлер написал не только это. И даже не совсем это.

Гитлер писал свою печально знаменитую книгу в тюрьме в 1923—1924 гг., после провала путча. О грядущей победе он тогда мог только мечтать. Строго говоря, его книга — не пропагандистская литература, а партийная теория, которая должна была в будущем лечь в основу массового движения. Это искренние размышления потерпевшего на тот момент поражение крайне правого экстремистского политика о судьбе Германии.

Главная цель Германии видится ему в отказе от борьбы за колонии в пользу завоевания новых земель в Европе: *«Пока нашему государству не удалось обеспечить каждого своего сына на столетия вперед достаточным количеством земли, вы не должны считать, что положение наше прочно. Никогда не забывайте, что самым священным правом является право владеть достаточным количеством земли, которую мы сами будем обрабатывать. Не забывайте*

¹Цит. по: Гогун Александр. Черный пиар Адольфа Гитлера. М., 2004. С. 61.

никогда, что самой священной является та кровь, которую мы проливаем в борьбе за землю»¹.

Гитлер планирует завоевательные войны, но при всем отвращении как к большевистскому режиму, так и к западным демократиям им двигают не политические мотивы, а сугубо меркантильные — поднятые, правда, на уровень высоких духовных ценностей. Вести завоевательную войну одновременно на Западе и на Востоке для Германии невозможно физически. Война возможна только при условии союза либо с Западом против СССР, либо с СССР против Запада. Оба варианта допустимы, если ведут к успеху.

Гитлер обдумывает варианты и высказывается в пользу первого — союз с Западом против СССР — по сугубо практическим соображениям: *«С чисто военной точки зрения война Германии — России против Западной Европы (а вернее сказать, в данном случае против всего остального мира) была бы настоящей катастрофой для нас. Ведь вся борьба разыгралась бы не на русской, а на германской территории, причем Германия не могла бы даже рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны России...»*².

Россия, по мнению Гитлера, — слабый, плохо вооруженный союзник. *«Прибавьте к этому еще тот факт, что между Германией и Россией расположено польское государство, целиком находящееся в руках Франции. В случае войны Германии — России против Западной Европы Россия раньше, чем отправить хоть одного солдата на немецкий фронт, должна была бы выдержать победоносную борьбу с Польшей. В такой войне дело вообще было бы не столько в солдатах, сколько в техническом вооружении»*³.

¹ Там же. С. 71.

² Там же. С. 64.

³ Там же.

Военный союз с СССР грозит Германии, по мнению Гитлера, повторением Первой мировой войны. Не менее опасен и союз с Россией, не преследующий немедленных военных целей:

«Обыкновенно на это возражают, что союз с Россией вовсе не должен еще означать немедленной войны или что к такой войне мы можем предварительно как следует подготовиться. Нет, это не так! Союз, который не ставит себе целью войну, бессмыслен и бесполезен. Союзы создаются только в целях борьбы... Одно из двух: либо германско-русская коалиция осталась бы только на бумаге, а тем самым потеряла бы для нас всякую ценность и значение; либо такой союз перестал бы быть только бумажской и был бы реализован, и тогда весь остальной мир неизбежно увидел бы в этом предостережение для себя. Совершенно наивно думать, будто Англия и Франция в таком случае стали бы спокойно ждать, скажем, десяток лет, пока немецко-русский союз сделает все необходимые технические приготовления для войны. Нет, в этом случае гроза разразилась бы над Германией с невероятной быстротой»¹.

И еще один, второстепенный, но важный аргумент: *«Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили»².*

Гитлер делает вывод — договор с Россией против Запада бессмыслен и опасен, а *«...действительно полезным и открывающим нам крупные перспективы союзом был бы только союз с Англией и Италией»³.* Такой союз Германии выгоден: *«Я признаюсь открыто, что уже в довоенное время считал, что Германия*

¹ Там же.

² Там же. С. 66

³ Там же. С. 71.

поступила бы гораздо более правильно, если бы, отказавшись от бессмысленной колониальной политики, от создания военного флота и усиления своей мировой торговли, она вступила бы в союз с Англией против России»¹.

Итак, попытки завоеваний на Западе бесперспективны из-за отсутствия сильного союзника, а путь на Восток открыт, так как потенциальный сильный союзник на Западе имеется, а Россия слаба.

Резюме: «Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»².

Если учитывать только последнюю фразу, то да, советские историки правы, Гитлер сам предсказал свое нападение на Россию. Если же знать весь комплекс рассуждений Гитлера, то получается, что ничего подобного он не предсказывал. В «Майн кампф» он обосновывал необходимость союза с сильной стороной против слабой. Выбор союзника определялся не политическими или национальными симпатиями, а его, союзника, военными возможностями.

Нападение на сильную Россию не только без поддержки Запада, но и в состоянии войны с ним, с точки зрения Гитлера времен «Майн кампф», — безумие. И история подтвердила правильность этой оценки. Тогда что же могло заставить его пойти на этот шаг, кроме отчаяния?

¹ Там же. С. 69.

² Там же. С. 61.

Стоит иметь в виду, что начал Гитлер Вторую мировую войну в полном соответствии со своими рассуждениями времен «Майн кампф» — он заключил союз с сильной стороной. Поменялась только расстановка сил. Советский Союз из слабой страны без единого собственного грузовика превратился в мощную военную силу, в страну с нищим и полностью бесправным населением, но вооруженную до зубов.

А Запад вовсе не проявлял желания поддерживать Германию в ее стремлении на Восток. Союз с Западом против России оказался невозможен, зато союз с Россией против Запада стал соблазнительной реальностью. Пакт Молотова — Риббентропа, заключенный в 1939 г., был прямой реализацией теоретических разработок Гитлера пятнадцатилетней давности. Это был союз, который вел к немедленной победоносной войне за завоевание жизненного пространства. Тем более что вопрос с Польшей был быстро решен к обоюдному удовлетворению сторон.

Эффект этого союза превзошел все, о чем Гитлер мог мечтать в 1924 г. Летом 1940 г. он был хозяином большей части Европы. Франция разгромлена и захвачена, часть европейских стран оккупирована, часть — надежные союзники-саттелиты. Жизненного пространства для освоения его германской нацией — выше крыши.

На западе — еще сопротивляющаяся, но блокированная и изолированная от континента Англия.

А на востоке — Сталин...

Обычно, когда рассуждают о причинах Второй мировой войны, все крутится вокруг намерений Гитлера. Намерения и политика его партнера Сталина остаются в тени, как будто действия СССР были только механической реакцией на действия и планы Гитлера. Предложил Гитлер заключить пакт — заключили. Предложил поделить Польшу и Прибалтику — поделили. А дальше?

У Сталина был, однако, свой взгляд на развитие со-

бытий в Европе. Очень похожий на гитлеровский. Только в отличие от Гитлера Сталин не публиковал свои тайные замыслы миллионными тиражами. Он обманул Гитлера, втянул его в войну в Европе, но совершил серьезную политическую ошибку, стоившую ему всей кадровой Красной Армии, погибшей летом 1941 г.

Сумев скрыть весной 1941 г. действительный масштаб советских военных приготовлений, Сталин не сумел скрыть летом — осенью 1940 г. масштаб и направление своей стратегии. Он спугнул Гитлера и спровоцировал того на нападение.

***

Считается, что Германия напала на СССР без объявления войны. Это неправда. Около трех часов ночи 22 июня министр иностранных дел Рейха Риббентроп вызвал к себе советского посла Деканозова и зачитал ноту, фактически являвшуюся объявлением войны. Наутро ту же ноту германский посол фон Шуленбург передал в Москве Молотову. В советской историографии об этом документе никогда не было ни слова. Что выглядело странным. Казалось бы, агрессия есть агрессия и факт официального объявления войны за час до нападения ничего принципиально не меняет.

Стоит, однако, пролистать текст ноты, изданный в Берлине в 1941 г. на всех европейских языках, включая русский, как сразу становится понятно, в чем дело. К советскому читателю этот документ ни в коем случае не должен был попасть. В нем открыто шла речь о тайном протоколе к пакту Молотова — Риббентропа 1939 г. и его последствиях. Существование этого протокола, в котором говорилось о разделе сфер влияния между СССР и Германией, отрицалось Советским Союзом до 1989 г. Потом признались. Но и после перестройки, вплоть до нынешнего времени, содержание «Ноты Министерства иностранных дел Германии Со-

ветскому правительству» плохо вписывается в официальную российскую историографию.

Собственно говоря, вместе были изданы несколько документов: «Воззвание Фюрера к германскому народу» и «Нота Министерства иностранных дел Германии Советскому правительству» с приложениями, которые включали в себя «Доклад Министерства иностранных дел Германии о пропаганде и политической агитации Советского правительства» и «Доклад Верховного командования германской армии Германскому правительству о сосредоточении советских войск против Германии». В «Воззвании» Гитлер патетическим, понятным народу языком объяснял то, что официально было изложено в ноте, а в приложениях была собрана подробная информация о враждебной деятельности СССР по отношению к Германии и военных инцидентах на совместной границе. Все дальнейшие цитаты взяты из этого, опубликованного в 1941 г., текста.

Нота характерна тем, что очень напоминает советские декларации после 22 июня. Типичная тоталитарная пропаганда. То есть все, что говорится о поведении врага, — практически чистая правда, а то, что говорится о собственных планах и намерениях, — такая же чистая ложь. В ноте перечисляются все претензии Германии к СССР, накопившиеся между августом 1939 г. и июнем 1941 г. Причиной нападения Германии на СССР, согласно авторам ноты, являлось нарушение СССР дружественного пакта с Германией. Суть пакта сводилась к разграничению сфер влияния *«путем отказа Германии от какого-либо влияния на Финляндию, Латвию, Эстонию, Литву и Бессарабию, в то время как области прежнего польского государства вплоть до черты Нарев — Буг — Сан должны были быть присоединены — по ее желанию — к Советской России».*

Москве инкриминировалась «интенсивная разлагающая работа в областях, оккупированных Германи-

ей... а также в Норвегии, Голландии и Бельгии» и шпионаж. При этом репатриация немцев на территорию Рейха из оккупированных областей Польши и Прибалтики использовалась для того, чтобы принуждать репатриантов к шпионажу. У немцев было достаточно доказательств того, что в Москве на Германию смотрят как на «завтрашнего сильного врага». Цитируется документ, найденный в советском полпредстве при занятии немцами Белграда: *«СССР будет реагировать лишь в надлежащий момент. Державы Оси еще дальше разбросали свои военные силы, и поэтому СССР внезапно ударит на Германию».*

Интересная деталь. Согласно ноте, при заключении пакта 1939 г. советское правительство заявило, что оно *«за исключением находившихся в состоянии разложения областей бывшего польского государства, не имеет намерения ни оккупировать государства, находящиеся в сфере его интересов, ни большевизировать, ни присоединять их».* Поэтому захват балтийских стран и война с Финляндией были расценены Германией как нарушения договоренностей.

При заключении первого договора в августе 1939 г. Литва оставалась за Германией, но потом была уступлена ею СССР «скрепя сердце и ради сохранения мира». Но после 15 июня 1940 г. вся Литва, включая кусочек, оставшийся в сфере влияния Германии, была без предупреждения захвачена СССР.

Советские притязания на Бессарабию и Сев. Буковину в 1940 г. тоже оказались неожиданностью для немцев, причем на размышление они получили всего 24 часа. Как сказано в ноте: *«Несмотря на то что советское правительство при московских переговорах заявило, что оно со своей стороны никогда не проявит инициативу для разрешения бессарабского вопроса, германское правительство 24 июня получило от советского правительства сообщение, что оно решилось силой решить бессарабский вопрос. Одновре-*

менно сообщалось, что советские требования простираются также и на Буковину, т. е. на область, которая принадлежала прежней Австрийской Короне, никогда не принадлежала России и о которой в Москве в свое время вообще даже не говорилось».

Германия «ради сохранения мира и дружбы» посоветовала Румынии уступить эти территории СССР. *«Эти области были также немедленно присоединены к Советскому Союзу, подверглись большевизации и были тем самым фактически разорены».* И далее: *«Оккупацией и большевизацией всей сферы интересов, предоставленной германским правительством в Москве Советскому Союзу, советское правительство ясно и недвусмысленно действовало в противоречии с московскими соглашениями».*

После инцидента с захватом Бессарабии и Сев. Буковины у Германии не было больше сомнений, что СССР проводит враждебную ей политику. Явное подтверждение этому авторы ноты видят в найденном в Белграде докладе югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 г., в котором говорилось: *«По заявлениям из советских кругов, вооружение воздушного флота, танков и артиллерии на основании опыта настоящей войны находится в полном ходу и будет в основном закончено до августа 1941 г. Это, по всей вероятности, крайний срок, до которого нельзя ожидать крупных перемен в советской внешней политике».*

Для устранения недоразумений в августе 1940 года в Берлин прибывает Молотов и предъявляет новые территориальные требования, перечисленные в ноте:

«1. Советский Союз желает дать Болгарии гарантии и сверх того заключить с этим государством пакт о взаимопомощи по образцу пактов, заключенных в балтийских краях, т. е. также с образованием военных опорных пунктов...

2. Советский Союз требует заключения соглаше-

ния с Турцией с целью создания баз для сухопутных и морских военных сил СССР у Босфора и Дарданелл на основе долгосрочного пакта. В случае, если бы Турция не заявила о своем согласии на это, Германия и Италия должны присоединиться к советским дипломатическим мерам для осуществления этого требования...

3. Советский Союз снова заявляет, что чувствует себя под угрозой со стороны Финляндии и поэтому требует полного предоставления ему Финляндии со стороны Германии, что на деле означало бы оккупацию этого государства и гибель финского народа.

По всем этим пунктам, «являвшимся предпосылкой советского правительства для присоединения к Пакту трех держав», Молотову было отказано.

Далее в ноте перечисляются другие примеры враждебного отношения СССР к Германии в политической и военной сфере — поддержка путча в Югославии, настраивание Турции и Румынии против Германии и, наконец, сосредоточение против Германии на западных границах «не менее 160 дивизий» (! — Д.Х.).

Заканчивается Нота так:

«Вопреки всем взятым на себя обязательствам и в грубом противоречии своим торжественным заявлениям, советское правительство заняло позицию против Германии.

Оно не только продолжало свои направленные против Германии и Европы попытки разложения, но еще усилило их с началом войны; оно во все усиливавшейся степени с враждебностью направляло свою политику против Германии и сосредоточило все свои военные силы у германской границы с готовностью быстрого нападения.

Тем самым советское правительство изменило своим договорам и соглашениям с Германией и нарушило их... Поэтому Фюрер теперь дал приказ германской армии выступить против этой угрозы со всеми

имеющимися в ее распоряжении средствами. Германский народ сознает, что в предстоящей борьбе он выступает не только на защиту родины, но что он также призван спасти весь культурный мир от смертельной опасности большевизма и проложить путь к истинному социальному возрождению Европы».

Разумеется, фюрер врет по поводу собственных целей, Риторика Гитлера насчет спасения культурного мира от большевизма была такой же подставой, как и соответствующие декларации Сталина о спасении мира от фашистской угрозы. От себя ни тот ни другой мир спасти не собирались.

Но цели и политика Сталина обрисованы в этом документе достаточно верно. Весной 1941 г. Германии следовало весьма серьезно опасаться за свою безопасность. И уж никак не стоило полагаться на обещания Сталина соблюдать договоренности с Гитлером. При всем желании Гитлера рано или поздно расправиться с Советским Союзом время для расширения «немецкого жизненного пространства» на Восток, если допустить, что именно этим он намерен был заниматься, было выбрано крайне неудачно. Европа захвачена, но не замирена и не освоена. Англия заблокирована на острове, но перспективы победы над ней весьма проблематичны. Зато на горизонте светится очень реальная перспектива войны с Америкой. А на востоке нависает Сталин, откровенно плюющий на любые соглашения и сосредоточивший на границе 5-миллионную армию в последней стадии готовности к нападению. В этих условиях начало войны на два фронта было отчаянной и, как показал опыт, безнадежной попыткой Гитлера переломить ситуацию.

Вообще-то, нарушение Советским Союзом откровенно преступного договора с Германией 1939 г. можно было бы только приветствовать, если бы целью было предотвращение войны в союзе с Западом. Увы, цели Сталина были диаметрально противоположными.

Итак, нападение Вермахта летом 1941 г. было изначально превентивным в стратегическом смысле. Оно предупреждало очевидное и неминуемое нападение Сталина в ближайшем и вполне обозримом будущем. Но превентивным в краткосрочном, тактическом смысле оно стало де-факто, неожиданно для немецкого руководства, обнаружившего только задним числом, какой опасности им удалось в тот момент избежать. Впрочем, эта удача не помогла Германии в конечном счете выиграть войну.

Тактическая ошибка Сталина в расчетах сроков нападения оказалась исторически преодолимой, стратегическая ошибка Гитлера в выборе союзника — фатальной.

Валерий Данилов

СТАЛИНСКАЯ СТРАТЕГИЯ НАЧАЛА ВОЙНЫ: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Политический спор об ответственности за начало германо-советской войны разгорелся с первых ее часов. Обе противоборствующие стороны дали свои толкования происшедшего в правительственных декларациях 22 июня 1941 г.

Из заявления Берлина:

«...Части русских все более и более продвигаются к границам Германии, несмотря на то что немецкой стороной не предпринимается никаких военных мер, которые могли бы оправдать такие действия русских»¹.

Из заявления Москвы:

«...Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора»².

Несмотря на то что этот спор, перейдя из области злободневной политики в сферу идеологии и отчасти науки, не утих до настоящего времени, очевидно, что виновность Германии как агрессора не может быть поставлена под сомнение. Напомним кредо Гитлера, сформулированное им еще в 20-х годах в книге «Mein Kampf»: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам»³.

С 1933 г., когда нацисты пришли к власти, эта, казалось бы, бредовая идея стала краеугольным камнем внешней политики Германии. Весной 1940 г. по указанию Гитлера Генеральный штаб вермахта начал разработку плана войны против СССР. 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил директиву № 21 — план «Барбаросса».

Развернулась крупномасштабная подготовка войны против Советского Союза. Первоначально готовность нападения на СССР намечалась на 15 мая 1941 г. Позже этот срок был уточнен. В директиве командования сухопутных сил вермахта от 10 июня 1941 г. говорилось: «Днем «Д» предлагается считать 22 июня... В 13.00 21 июня в войска будет передан... сигнал «Дортмунд». Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня в 3 часа 30 минут: начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу»⁴.

Нелишне напомнить и о морали Гитлера как политика. За десять дней до нападения на Польшу он заявил своим генералам: «Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, все равно, достоверен он или нет. У победителя потом не спрашивают, сказал он правду или нет. В начале и в ходе войны важно не право, а победа»⁵.

Именно этот сценарий Гитлер использовал при нападении на Советский Союз. Таковы достаточно известные факты. Но они касаются лишь планов и действий германского руководства. В то же время остаются недостаточно выясненными вопросы: как виделось предстоящее военное столкновение с Германией из Кремля? Насколько удовлетворительна традиционная советская версия мотивов поведения Сталина в предвоенные месяцы, недели и дни? Чем объяснить разительное несоответствие между много раз доказанным фактом длительной и разносторонней подготовки СССР к большой войне и сокрушительными пораже-

ниями наших войск в течение ее первых месяцев? Какую войну планировал Сталин? Общий ответ на последний вопрос, на мой взгляд, уже дан на страницах второго номера журнала «Отечественная история» за 1995 г. Но там речь идет главным образом об идеологии будущей войны в ее пропагандистском отражении. Опубликованная в третьем номере за 1994 г. статья М.И. Мельтюхова является удачной попыткой критического осмысления историографической дискуссии, связанной с оценкой намерений советского руководства в отношении Германии накануне войны. К сожалению, автор не привлек новых архивных документов по теме статьи для аргументации своих выводов. Статья много теряет и от того, что в своих суждениях автор совершенно не использует зарубежную историографию, имеющую, как известно, богатый опыт «критического осмысления одной дискуссии»⁶.

Работая в последние годы с документами из архива Политбюро ЦК КПСС, личного архива И.В. Сталина, а также Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба Вооруженных Сил России, автор настоящей статьи имел возможность познакомиться с довольно обширным кругом новых материалов, связанных с историей преддверия и начала Великой Отечественной войны. На их основе был подготовлен ряд публикаций в отечественной и зарубежной печати⁷.

Сейчас уже можно вполне определенно вести разговор о комплексе документов и материалов по обсуждаемой теме. Прежде всего — это рассекреченные весной 1992 г. «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»⁸ (название условное, по описи архива, далее — «Соображения»). Они позволили пробить брешь в стене, воздвигнутой режимом секретности перед исследователями. Опубликованные выдержки из этого документа

сразу же привлекли к себе внимание общественности. К сожалению, многие комментарии не лишены существенных недостатков. Так, профессор Д.А. Волкогонов и писатель В.В. Карпов практически ограничились лишь незначительной цитатой из документа, не анализируя его и не высказывая к нему своего отношения. В публикациях «Военно-исторического журнала», на мой взгляд, сделана определенная попытка нащупать некоторые верные направления анализа «Соображений». Однако гриф секретности документа, по-видимому, сковывал авторов и не позволил им сделать весомые научные оценки событий преддверия войны. В частности, сам документ приведен с большими купюрами. Дело в том, что из текста «Соображений» были исключены весьма важные для научного анализа положения сведения о составе и соотношении сил и средств сторон в целом и по отдельным фронтам, возможном направлении главного удара противника, вероятных союзниках Германии, обеспеченности имеющимися запасами развертывания и боевых действий войск и другие данные.

В «Соображениях» упоминаются еще шесть документов (допуск к ним все еще не разрешен):

План стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией;

План намечаемых боевых действий на случай войны с Германией;

Схема развертывания, на карте 1:1 000 000, в 1 экз.;

Схема развертывания на прикрытие, на 3 картах;

Схема соотношения сил, в 1 экз.;

Базирование ВВС на Западе, 3 карты.

Сохранился также ряд директив (в том числе рукописных) Генштаба о перегруппировке и стратегическом развертывании войск по оперативным, организационным и другим вопросам.

На сегодняшний день основным документом, который дает основание по-новому ставить вопрос о наме-

рениях советского военно-политического руководства, являются «Соображения». Этот документ адресован Председателю Совета Народных Комиссаров И.В. Сталину. Он представляет собой рукопись объемом 15 страниц стандартной бумаги для пишущей машинки, написанную черными чернилами генерал-майором А.М. Василевским (с 1943 г. — Маршал Советского Союза), тогдашним заместителем начальника Оперативного управления Генштаба. Первая страница — на бланке с угловым штампом наркома обороны СССР. На нем помечено: «...мая 1941 г.» (число не указано). В правом верхнем углу гриф: «Совершенно секретно. Особо важно. Только лично. Экземпляр единств.».

По тексту рукописи имеются уточнения и исправления оперативно-стратегического, статистического и редакционного характера, внесенные простым карандашом первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным. Сведения об организационном составе и количестве войск противника и Красной Армии приведены по состоянию на 15 мая 1941 г. Под документом указаны места для подписей наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника Генштаба генерала армии Г.К. Жукова. Однако документ ими не подписан. Дата разработки документа не указана. Тем не менее, учитывая, что: а) в «Соображениях» отражены некоторые положения из выступления И.В. Сталина 5 мая перед выпускниками военных академий; б) Сталин назначен Председателем СНК СССР 6 мая; в) данные о силах и средствах сторон приведены по состоянию на 15 мая, — вполне вероятно, что работа над документом была завершена по крайней мере между 7 и 15 мая 1941 г.

О характере этого документа предельно лаконично и выразительно говорит следующее установочное положение из него: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с

развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это и разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»⁹. Обосновывая целесообразность нанесения упреждающего удара, Генштаб исходил не только из благоприятной военно-политической и военно-стратегической обстановки (Германия увязла в войне с Англией), но и выгодного соотношения сил.

Предполагалось, что из имевшихся у нее 284 дивизий Германия сосредоточила на границах СССР 120 дивизий. Всего же в случае войны она могла выставить до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийские и 5 воздушно-десантных дивизий, т. е. 180 дивизий. Остальные силы ей необходимо было держать в центре страны, на западных границах, в Норвегии, Африке, Греции и Италии. Всего же, по расчетам Генштаба, Германия вместе с союзниками могла развернуть против Советского Союза до 240 дивизий¹⁰.

Сухопутные силы Красной Армии насчитывали 303 дивизии, в том числе 198 стрелковых, 61 танковую, 31 механизированную, 13 кавалерийских и 74 артиллерийских полков резерва Главного командования (РГК). Из них в составе Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов — 210 дивизий, в том числе 136 стрелковых, 44 танковых, 23 механизированных, 7 кавалерийских и 53 артиллерийских полков РГК. При этом в составе резерва Главного командования за Юго-Западным и Западным фронтами находилось 27 стрелковых, 14 танковых и 7 механизированных дивизий. По уточненному расчету, подготовленному

лично Н.Ф. Ватутиным 14 июня 1941 г., в полосе Юго-Западного фронта (Киевский Особый военный округ — КОВО), т. е. там, где намечалось нанести упреждающий удар, было сосредоточено 58 дивизий (32 стрелковые, 16 танковых, 8 механизированных, 2 кавалерийские), а также 5 противотанковых бригад и один воздушно-десантный корпус. Кроме того, с начала военных действий этот фронт получал усиление — 45 стрелковых дивизий (19 — из Одесского, 5 — из Московского, по 7 дивизий из Орловского, Харьковского и Приволжского военных округов). Таким образом, к началу войны Юго-Западный фронт мог располагать мощным ударным кулаком в составе 103 стрелковых, 16 танковых, 8 механизированных и 2 кавалерийских дивизий, а также 5 противотанковых бригад и воздушно-десантного корпуса (без учета резерва Главного командования)¹². Для сравнения укажем, что другие военные округа имели: Ленинградский — 21, Прибалтийский — 25, Западный — 44 дивизии. В «Соображениях» подчеркивается: «Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижев, Лютовиска силами 152 дивизий против 100 дивизий германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона»¹³.

Основной стратегической целью Генштаб считал разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест, Демблин, и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью являлся разгром крупных сил центра и северного крыла германского фронта и овладение территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. В качестве ближайшей предлагалась задача разгромить германскую армию восточнее р. Вислы и на Краковском направлении выйти на реки Неман, Вислу и овладеть районом Катовице. Для достижения этих целей Генштаб предлагал:

«а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее союзников;

б) вспомогательный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин с целью сковывания Варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке»¹⁴.

Общим стратегическим замыслом обуславливались и задачи фронтам. Северный, Северо-Западный (кроме его левого крыла) должны были вести активные оборонительные действия. Юго-Западному фронту ставилась задача:

«а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин;

б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирском направлениях и овладеть районом Краков, Катовице, Кольце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии;

в) прочно оборонять границу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению концентрических ударов против Румынии из района Черновцы и Кишинев с ближайшей целью разгромить северное крыло румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы»¹⁵.

Таковы основные положения предлагающегося Генштабом Красной Армии стратегического плана нанесения упреждающего удара против вермахта.

Почему Генштаб избрал юго-западное направление

для нанесения упреждающего удара против вермахта? Это обуславливалось, по-видимому, следующими соображениями. Во-первых, создавалась возможность отсечь Германию от ее южных союзников, во-вторых, отрезать ее от мощной военно-экономической базы, какую представляли собой Балканы, прежде всего Румыния с ее богатейшими запасами нефти; в-третьих, лишить вермахт весьма выгодного в военно-стратегическом отношении плацдарма для наступления на богатый промышленно-аграрный район Советского Союза — Украину.

В интервью «Красной звезде» один из руководителей российского Генштаба генерал-полковник А.Н. Клейменов заявил по поводу вышеизложенного документа следующее: «Видимо, это один из многочисленных черновых рабочих проектов, которых в любом оперативном органе разрабатывается немало, прежде чем рождается план, директива или иной документ»¹⁶.

Отсутствие подписей высоких должностных лиц или пометок Сталина на документе служит иногда основанием для того, чтобы ставить под сомнение его ценность как источника, позволяющего реконструировать действительные планы советского военно-политического руководства в канун войны. Хотя при этом совершенно не учитывается тот факт, что по условиям времени оперативные документы такого масштаба могли разрабатываться исключительно с ведома Сталина и на основе высказанных им военно-стратегических концепций. В таком деле всякая инициатива исключалась, ибо могла быть расценена как групповое выступление против «линии партии», т. е. Сталина, со всеми вытекающими последствиями. Маршал Г.К. Жуков в этой связи говорил: «Надо реально себе представлять, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех в памяти еще были недавно минувшие годы; и заявить вслух, что Сталин неправ, что он ошибается, попросту говоря,

могло тогда означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берия»¹⁷.

Вполне естественно, что каждый предпочитал пить кофе в своем кабинете.

Необходимо учитывать и то, что Сталин нередко давал «добро» на проведение того или иного мероприятия, формально не оставляя «следов» на представленном ему документе. Не исключено, что именно так и произошло с «Соображениями». Дело в том, что в бывшем архиве Политбюро ЦК КПСС сохранилось отправленное туда на согласование письменное интервью маршала А.М. Василевского от 20 августа 1965 г., в котором речь шла о том, что во второй половине мая 1941 г. Василевский лично привозил в Кремль документы и материалы по планируемому упреждающему удару. В приемной Сталина он передал эти документы в руки Г.К. Жукову, который вместе с С.К. Тимошенко докладывал их Сталину¹⁸.

Анализ «Соображений» и других документов, связанных с подготовкой нападения на Германию, приводит к заключению, что это были «действующие» документы. На их основе развернулись крупномасштабные мероприятия. А так как подготовка к упреждающему удару в определенном отношении являлась не чем иным, как перенацеливанием армии с обороны на наступление, то, во-первых, нельзя представлять это дело так, что такая подготовка началась с сегодня на завтра. Скорее наоборот. Мероприятия по подготовке нападения проводились в определенном отношении в рамках осуществляемых ранее мероприятий по укреплению обороны и конкретных оборонительных действий. Во-вторых, некоторые из мероприятий начавшегося перенацеливания армии с обороны на наступление получили отражение прежде всего в «Соображениях». Для того чтобы обеспечить выполнение изложенного плана, подчеркивалось в них, необходимо провести следующие мероприятия, без которых, по мнению Ген-

штаба, невозможно было нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле. Вот эти мероприятия:

1. Произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса. (Весной 1941 года начались призыв 793 тыс. человек для «прохождения больших учебных сборов» — БУС. — В.Д.)

2. Под видом выхода в лагерь произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования. (С середины мая началось выдвижение четырех армий и стрелкового корпуса из внутренних округов к рубежу Днепра и Западной Двины. В приграничных округах соединения подтягивались на расстояние 20—80 км от госграницы. — В.Д.)

3. Скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать разворачивать авиационный тыл». (В середине июня только из Забайкалья и с Дальнего Востока началось перебазирование в европейскую часть страны нескольких авиационных дивизий.)

В «Соображениях» подчеркивалось: «Для того, чтобы обезопасить себя от возможного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо:

4. Организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска пограничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на Западе.

5. Разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО.

По этим вопросам мною отданы распоряжения, и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчивается к 1.06.41 г.»¹⁹.

В пользу того, что эти планы стали выполняться,

говорят директивы наркома обороны и начальника Генштаба, направленные в западные приграничные округа в мае-июне 1941 г. В них были даны следующие указания командующим округами: «С целью прикрытия от мобилизования и развертывания войск... к 30 мая 1941 г. лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

а) Детальный план обороны государственной границы...

б) Детальный план противовоздушной обороны...

6. План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главного Военного совета и начальника Генерального штаба Красной Армии, подписью следующего содержания: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года»²⁰.

7. Для повышения боевой готовности войск округа все глубинные стрелковые дивизии и управления стрелковых корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия...

8. Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их на границу в назначенные им районы в случае необходимости будет произведен по особому приказу.

9. Вывод указанных войск закончить к 1 июля 1941 г.»²¹.

Со второй половины мая мероприятия по перегруппировке и стратегическому развертыванию войск заметно активизировались.

27 мая западные приграничные округа получили указания о строительстве в срочном порядке фронтовых полевых командных пунктов. С середины июня выдвижение войск к западной границе еще более ускоряется. В течение 14—19 июня командующие западными приграничными округами получили директивы о выводе с 21 по 25 июня фронтовых управлений (создавались на базе штабов и управлений военных округов)

на полевые командные пункты. 19 июня последовал приказ о маскировке аэродромов, воинских частей, важных военных объектов, окраске в защитный цвет танков и машин, рассредоточении авиации.

Итак, в Красной Армии развернулась лихорадочная подготовка к нанесению упреждающего удара против вермахта. И это, пожалуй, один из наиболее весомых аргументов против утверждений традиционной историографии относительно подготовки страны и армии к отпору агрессии. Точнее, были попытки проведения некоторых мероприятий по прикрытию и обеспечению готовившихся наступательных действий. Недавно стали достоянием гласности итоги анкетного опроса, проведенного Военно-научным управлением Генштаба в конце 40-х — начале 50-х годов. С целью обобщения опыта сосредоточения и развертывания войск западных приграничных округов по плану прикрытия государственной границы участникам первых боев было задано пять вопросов. Вот как ответили они на первый вопрос — был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?

Генерал-лейтенант П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией Прибалтийского Особого военного округа):

«Командующим я был назначен в марте 1941-го... Ни в Генеральном штабе, ни по прибытии в Ригу в штаб ПриБОВО я не был информирован о наличии такого плана. В документах штаба армии, который располагался в г. Елгава, я также не нашел никаких указаний по этому вопросу... Лишь 28 мая 1941 г. я был вызван в штаб округа, где командующий войсками генерал-полковник Ф.И. Кузнецов наспех ознакомил нас с планом обороны... Примерно через 1,5—2 часа после получения плана, не успев еще с ним ознакомиться, я был вызван к генерал-полковнику Ф.И. Кузнецову, ко-

торый принял меня в затемненной комнате и с глазу на глаз продиктовал решение».

Генерал-полковник Л.М. Сандалов (бывший начальник штаба 4-й армии Западного Особого военного округа):

«В апреле 1941 г. командование 4-й армии получило из штаба ЗапОВО директиву, согласно которой надлежало разработать план прикрытия отомобилизования, сосредоточения и развертывания на брестском направлении».

Генерал армии И.Х. Баграмян (бывший начальник оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа):

«План обороны государственной границы был доведен до войск в части, их касающейся, следующим образом: войска, непосредственно осуществлявшие прикрытие... имели подробно разработанные планы и документацию до полка включительно; остальные войска... имели хранимый в сейфе соответствующего начальника штаба соединения опечатанный конверт с боевым приказом и всеми распоряжениями по боевому обеспечению поставленных задач»²².

Приведенные свидетельства дополняют воспоминания маршала К.К. Рокоссовского. Будучи накануне войны командиром 9-го механизированного корпуса (КОВО), он не мог понять смысла проводимых командованием округа мероприятий. По словам маршала, полевая поездка, проведенная накануне войны командующим округа, не давала возможности определить, что преследовалось ею. Он писал: «Последовавшие затем из штаба округом распоряжения войскам о высылке артиллерии на артполигоны, находившиеся в приграничной зоне, и другие нелепые в той обстановке распоряжения вызвали полное недоумение. <...> Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготов-

ку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали. <...> Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке»²³.

Недоумение К.К. Рокоссовского вполне понятно. Ведь нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генштаба генерал Г.К. Жуков специальной директивой предупредили командующего Киевским Особым военным округом, что о проводимых мероприятиях по подготовке упреждающего удара «никто, кроме Вас, члена Военного совета и начальника штаба округа, не должен знать»²⁴.

Естественно возникает вопрос о намечавшихся сроках упреждающего удара по вермахту. Конечно же, несостоятельны утверждения о конкретных сроках нападения на Германию. Ни в «августе-сентябре», ни тем более «6 июля»²⁵. Красная Армия, да и сам Генштаб к такого рода акции не могли быть готовы. Но политическое решение о нанесении упреждающего удара по Германии при наличии благоприятной для этого военно-стратегической обстановки в Европе могло быть принято Сталиным и без учета способности Красной Армии к наступательным действиям. Остается предположить, что упреждающий удар мог быть нанесен примерно после 10 июля 1941 г. — срока, который указан в директиве Генштаба, к которому должно было завершиться развертывание войск в западных приграничных округах²⁶.

Выявленные в тайниках военных архивов документы и материалы властно диктуют, как мне представляется, необходимость уточнения некоторых концептуальных положений истории преддверия и начального периода Великой Отечественной войны. В противном случае нашей историографии, как говорили предки, придется «противу рожна прати». Эта проблема, на мой взгляд, требует самостоятельного рассмотрения.

Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые кричащие противоречия в историографии, которые никак не вписываются в логические рамки действительного развития событий преддверия и начала войны.

Обратимся к языку цифр и фактов, характеризующих начало войны.

К середине июля 1941 г. из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромленными, 70 дивизий потеряли свыше 50% своего личного состава и техники. Особенно жестокие потери понесли войска Западного фронта. Из общего числа разгромленных на советско-германском фронте дивизий 24 входили в состав этого фронта. В катастрофическом положении оказались и остальные 20 дивизий этого фронта. Они потеряли в силах и средствах от 50 до 90%.

За первые три недели войны Красная Армия лишилась огромного количества военной техники и вооружения. Только в дивизиях (без учета усиления и боевого обеспечения) потери составляли около 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. орудий противотанковой обороны, около 12 тыс. минометов и около 6 тыс. танков. Военно-Воздушные Силы за это время потеряли 3468 самолетов, в том числе значительное количество машин новых конструкций. Уже к полудню 22 июня в ходе бомбардировок советских аэродромов немцы уничтожили 1200 самолетов, из них свыше 800 — на земле. Потери советского Военно-Морского Флота составили: 1 лидер, 3 эсминца, 11 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров, ряд других судов и транспортов.

К концу 1941 г. Красная Армия потеряла практически весь первый стратегический эшелон — наиболее подготовленные кадровые войска. Только военнопленными, как это теперь установлено, потери за это время составляли около 3,9 млн человек. К 10 июля немецкие войска продвинулись в глубь советской территории: на

главном, западном направлении — на 450—600 км с темпом продвижения 25—35 км в сутки, на северо-западном направлении — на 450—500 км с темпом 25—30 км в сутки, на юго-западном направлении — на 300—350 км с темпом 16—20 км в сутки. Для сравнения: потери вермахта за этот период составили около 40% танков от первоначального состава, из них 20% — боевые потери; 900 самолетов; на Балтике — 4 минных заградителя, 2 торпедных катера и 1 охотник. В личном составе потери вермахта, по немецким данным, составили около 100 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести²⁷. Такие потери немцев, хотя и превышали значительно их потери в предыдущих боях в Западной Европе, ни в какой мере не были сопоставимы с потерями советских войск.

В связи со всем сказанным возникает законный вопрос: в чем причина трагедии 22 июня? Среди многих факторов обычно называются «ошибки» и «просчеты» советского военно-политического руководства. Но при более внимательном рассмотрении некоторые из них оказываются вовсе не наивными заблуждениями, а следствием вполне продуманных мероприятий с целью подготовки упреждающего удара и последующих наступательных действий против Германии. Этому стратегическому замыслу и был подчинен принцип оперативного построения войск первого стратегического эшелона. На деле же войну пришлось начинать в условиях мощного неожиданного удара со стороны противника неорганизованными оборонительными действиями. К тому же войсками, практически повсеместно застигнутыми врасплох.

Другой факт. Генштаб с учетом нанесения главного удара по противнику на юго-западном направлении наметил сосредоточить здесь группировку войск, которая в полтора раза превышала группировку войск противника. Да и задачи, поставленные фронту на этом направлении, преследовали наступательные, а не

оборонительные цели. Следовательно, не из мифических ожиданий главного удара противника, а исходя из наших расчетов на успех на Украинском направлении именно здесь была сосредоточена соответствующая группировка войск. Противник же нанес главный удар на западном, Белорусском направлении, где наш Генштаб предполагал вести в основном активные оборонительные действия.

Как уже отмечалось, для Генштаба Красной Армии не был тайной немецкий план нападения на СССР — план «Барбаросса». Через 10 дней после утверждения этого плана Гитлером, т. е. 28 декабря 1940 г., его основные положения находились в руках советской военной разведки. А это означает, что советское Главное командование располагало информацией относительно немецких планов нанесения главного удара по советским войскам севернее Припятских болот, а также о наступлении особо сильными танковыми клиньями из района Варшавы и севернее ее с задачами разбить силы русских в Белоруссии и т. д. Почему же советский Генштаб сосредоточил довольно сильные группировки войск в Белостокском и Львовском выступах? Не надо быть стратегом, чтобы ответить на этот вопрос. Даже беглый взгляд на конфигурацию советско-германской границы (линии будущего фронта) показывает возможность использования Белостокского и Львовского выступов для нанесения здесь многообещающих концентрических ударов по немцам. Генштаб не мог не использовать такой шанс. Но, как известно с времен сражения при Каннах (216 г. до н. э.), манящий выступ при определенных условиях может превратиться в пожирающий котел. Именно в таких котлах оказались войска Красной Армии. Триумф германского командования стал одновременно трагедией сотен тысяч советских воинов.

В военно-исторической литературе утверждается, что Генштаб якобы допустил крупный просчет, раз-

местив основные запасы материальных средств вблизи государственной границы. Как известно, они с первых часов войны оказались в зоне огневого воздействия противника. Через две недели войны около 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением оказались на территории, захваченной немцами. Положение усугублялось еще и тем, что значительное количество материальных средств войска, отступая, вынуждены были уничтожать. Из 700 вагонов боеприпасов, находившихся на артиллерийских складах во Львове, 160 были уничтожены. За первые три недели войны Юго-Западным фронтом было уничтожено 1933 вагона боеприпасов и 38 047 т горючего²⁸. Как это ни прискорбно признавать, размещение материальных средств вблизи границы не было простым просчетом, а диктовалось необходимостью эффективного обеспечения наступающих войск, точнее, планировавшегося наступления.

Исходя из предполагавшихся наступательных действий, Генштаб, по-видимому, считал, что не было необходимости создавать капитальные кабельные подземные линии связи. Связь с фронтами намечалось обеспечивать в основном по общегосударственной сети, узлы и линии которой сосредоточивались в крупных городах. Действовавшие узлы связи размещались в помещениях, не защищенных от воздушного нападения. Запасных узлов связи и обходов крупных населенных пунктов не было. Воздушные линии связи проходили вдоль железных и шоссейных дорог.

Такая организация связи привела к тому, что буквально с первых минут войны связь Генштаба с фронтами, а фронтов с подчиненными войсками была нарушена.

«Наступательная» стратегия привела к тому, что ни для Генерального штаба, ни для командований видов вооруженных сил заранее не были подготовлены командные пункты с соответствующими системами связи, управления и жизнеобеспечения. Вот и пришлось

офицерам Оперативного управления Генштаба с началом войны из-за угрозы бомбежек работать в не приспособленном для этих целей подвале здания Генштаба, а позже — на каждую ночь перебираться в зал станции метро «Белорусская». Генерал армии С.М. Штеменко вспоминал: «Теперь мы каждый вечер собирали документы в чемоданы и ехали к Белорусскому вокзалу. В течение всей ночи на одной половине метрополитеновского перрона функционировал центральный командный пункт, тогда как другая половина, отгороженная от первой только фанерной перегородкой, с наступлением сумерек заполнялась жителями Москвы»²⁹.

Надо ли доказывать, что в таких условиях руководить операциями многомиллионной армии было не так-то просто. Лишь в августе 1941 г. для Верховного Главнокомандующего и операторов было оборудовано помещение с узлом связи и другими комнатами на станции метро «Кировская».

19 июня 1941 г. Киевский Особый военный округ получил приказ о формировании на базе штаба и управлений округа фронтового управления и переброске его в Тернополь (Тарнополь). Очевидно, организация командного пункта фронта вблизи от госграницы также обуславливалась намерением быть как можно ближе к наступающим войскам и, уж во всяком случае, не в интересах эффективного управления оборонительными действиями войск фронта. Ведь в случае нападения противника этот командный пункт оказывался (и действительно оказался) в зоне огневого воздействия противника. Так, утром 22 июня в Бродях, т. е. в 60 км от Тернополя, автоколонна управления Юго-Западного фронта во главе с полковником И.Х. Баграмяном подверглась бомбежке. А когда автоколонна прибыла на командный пункт фронта в Тернополь, его связь с войсками уже была нарушена³⁰.

Думается, что и так называемый просчет Сталина в

определении срока нападения Германии предопределялся его необоснованным убеждением, будто инициатива находилась в его руках. Он не допускал мысли, что, не закончив войну с Англией, Гитлер решится ввязаться в войну с СССР, так как ему в таком случае придется вести войну на два фронта, что обречено на неизбежное поражение. Возможно, именно этими обстоятельствами объяснялось упорное игнорирование Сталиным практически всех сигналов о конкретной дате готовящейся агрессии Германии против СССР.

В ходе подготовки упреждающего удара Генеральный штаб провел многие мероприятия, которые, по его расчетам, обеспечивали успех намеченной акции. И уж конечно ни Сталин, ни Генштаб не предполагали, что Гитлер не только упредит их в нанесении мощного удара, но также использует проводимые советской стороной военные мероприятия в качестве основания для оправдания своей агрессии. Однако между желанием нанести упреждающий удар и способностью Красной Армии выполнить такую задачу была, выражаясь словами грибоедовского героя, «дистанция огромного размера». Видимо, Сталин стал понимать это, особенно с начала июня 1941 г. Во всяком случае, после 10 июня, получив достоверные данные о сосредоточении немецких войск в полосе западной границы, а не исключено, и убедившись в возможности нападения немцев в начале 20-х чисел июня, Сталин предпринял отчаянные попытки оттянуть начало войны. С этой целью появляется известное заявление ТАСС от 13 июня, активизируются бесплодные попытки втянуть Берлин в переговорный процесс, пунктуально выполняются поставки в Германию стратегического сырья, продовольствия и т. п. Однако ситуация была такова, что уже никакая сила не могла остановить меч Германии, занесенный над Советским Союзом. В то же время Красная Армия оказалась не готовой ни к нападению на Германию, ни к обороне своей страны.

Сталинская стратегия победоносной наступательной войны в 1941 г. обернулась тяжелыми поражениями Красной Армии. Вместо «прыжка» на Запад был осуществлен «бросок на Восток». Бремя оборонительной патриотической войны, не той войны, которую планировал Сталин, легло на плечи народа. Именно народ ценой невероятных потерь и одержал Победу в 1945 г.

В заключение хотелось бы привести две «свежие» цитаты из архивных источников, характеризующие Сталина как Верховного Главнокомандующего в трудные дни уже наступившей войны. Одна из цитат несколько противоречит сложившемуся у нас за годы гласности образу «вождя», другая же вполне ему соответствует.

27 мая 1942 г. после неоднократных просьб руководства Юго-Западного фронта (С.К. Тимошенко, Н.С. Хрущев, И.Х. Баграмян) о подкреплениях в его адрес был передан ответ Сталина, в котором, в частности, говорилось: «Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их на фронт — значит доставлять врагу легкую победу. <...> Не пора ли вам поучиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением»³¹.

13 ноября 1941 г. из Москвы в осажденный город руководству Ленинградского фронта было передано следующее указание Сталина: «Из опыта знаю, что немцы, когда они переходят на оборону, как, например, У вас перед Ленинградом, они обычно устраиваются под домами и избушками населенных пунктов в подвальных помещениях, которые они обычно углубляют. Без сомнения, перед вашим фронтом немцы обосновываются таким же образом. Поэтому мой совет — при продвижении вперед не задаваться целью взять тот или иной населенный пункт вроде 1-го городка Синявино и т. д., а поставить себе задачу разрушить до основания населенные пункты и сжечь их, по-

хоронив под ними укрывающиеся немецкие штабы и части. Откиньте всякую сентиментальность и разрушайте дотла все населенные пункты на вашем пути. Это лучшее средство пробить дорогу на восток»³².

В первом из приведенных высказываний Сталин рассуждает так, как и должен был рассуждать в условиях дефицита подготовленных к бою людских ресурсов любой трезвомыслящий военачальник. Интересен в связи с этим его призыв «поучиться у немцев». Ведь за таким призывом — признание того, что неумение воевать малой кровью было характерной чертой советской военной школы.

Второе высказывание Сталина слегка приоткрывает завесу над не исследованной у нас темой: судьбы гражданского населения в условиях ожесточенных боевых действий периода Великой Отечественной войны. Огромные жертвы в этом случае имплицитно признавались историками в качестве неизбежной платы за военный успех. Отчасти это, видимо, действительно было так. Но Сталину в этом, как и во многом другом, решительно не хватало меры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1961. Т. 2. С. 14.

² Правда. 1941. 23 июня.

³ *Hitler A. Mein Kampf.* Munchen, 1933. S. 742.

⁴ Цит. по: *Дашинцев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. М., 1973. Т. 2. С. 128.

⁵ Война Германии против Советского Союза. 1941—1945. Берлин, 1992. С. 32.

⁶ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1965. Т. 6; Большая ложь о войне: Критика новейшей буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1971; *Magenheimer H.* Neue Erkenntnisse zum «Undertnehmen Barbarossa». Osterreichische Militarische Zeitschrifte. Heft 5/1991.

⁷ См.: Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Комсомольская правда. 1992. 4 янв. Hat der Generalstab der Roten Armee einen Praventivschlag gegen Deutschland orbereit? // Osterreichische Militarische Zeitschrift. Heft I. S. 41—50; Готовил ли Генеральный штаб Крас-

ной Армии упреждающий удар по Германии? // Сегодня. 1993. 28 сент.; Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. 1994. № 24 (266). 17—23 июня; Начало войны: героическое и трагическое // Святой Георгий Победоносец. 1994. № 19, сент.; Начало войны: почему мы отступали? // Там же. 1994. № 21, окт.; Начало войны: создание и деятельность Ставки ВГК // Там же. 1994. № 24, ноябрь; Битва под Москвой: взгляд через десятилетия // Там же. 1994. № 29, дек.; выступления по радио «Свобода», радио России и др.

⁸ Полностью текст с научными комментариями впервые опубликован в *Osterreichische Militarische Zeitschrift*. Heft I. 1993. S. 41—51.

⁹ Историко-архивный и военно-мемориальный центр Генерального штаба Вооруженных Сил России. Ф. 16. Оп. 1951. А. 237. Л. 4—5 (далее — ИА ВМЦ ГШ).

¹⁰ См. там же. Л. 1—3.

¹¹ См. там же. Л. 5—6.

¹² См. там же. Д. 238. Л. 63.

¹³ Там же. А. 237. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 44.

¹⁵ Там же. Л. 8—11.

¹⁶ Красная звезда. 1990. 18 авг.

¹⁷ Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 7.

¹⁸ См.: *Василевский А.М.* Накануне войны // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 6—8.

¹⁹ ИА ВМЦ ГШ. Ф. 16. Оп. 2951. А. 237. Л. 11—13.

²⁰ Там же. Л. 33, 45, 77.

²¹ Там же. А. 235. Л. 65.

²² Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 62—63.

²³ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 52—55.

²⁴ ИА ВМЦ ГШ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 256. Л. 3.

²⁵ См.: Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1971. С. 327; *Суворов В.* Ледокол: кто начал Вторую мировую войну? М., 1992. С. 333.

²⁶ См.: Начальный период войны (По опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны). М., 1974. С. 211.

²⁷ См.: *Данилов В.Д.* Ставка ВГК. 1941—1945. М., 1991. С. 15—16.

²⁸ См.: Развитие тыла Советских Вооруженных Сил. 1918—1988. М., 1989. С. 118—119.

²⁹ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. Т. 1. С. 37.

³⁰ См.: *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. М., 1977. С. 85, 88—90.

³¹ Архив президента РФ. Ф. 45. Оп. 1, 441. Л. 32.

³² Там же. А. 483. Л. 131—132.

Кирилл Александров¹
«ПЛАНИРОВАЛСЯ УДАР ПО РУМЫНИИ
В НАПРАВЛЕНИИ НЕФТЯНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ»
ГЕНЕРАЛЫ И ОФИЦЕРЫ В ЛАСОВСКОЙ АРМИИ
О ПЛАНАХ СТАЛИНА И СОСТОЯНИИ РККА
В МАЕ - ИЮНЕ! " #! Г.

Среди широкого круга источников, которые сегодня используются специалистами при изучении противоречивых планов и намерений партийного и военно-политического руководства СССР в предвоенные месяцы, внимание исследователя привлекают показания советских военнопленных, в первую очередь представителей командно-начальствующего состава Красной армии. Одним из первых к ним обратился известный немецкий историк доктор И. Хоффманн (Гофман), уроженец Кёнигсберга, скончавшийся в 2002 году. Он ввел в научный оборот интересные фрагменты из многих опросных материалов и протоколов¹, повлиявшие на характер современной дискуссии о драматических событиях весны — лета 1941 г.

Острую полемику среди ученых и публицистов вызвали разновременные заявления трех плененных генералов (А. З. Наумова, И. П. Крупенникова и Л. А. Мазанова), касавшиеся знаменитого выступления секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина на приеме-банquete, состоявшемся вечером 5 мая 1941 г. в Большом Кремлевском дворце в честь выпускников курсов по усовершенствованию командиров штабов при Военной

¹*Кирилл Михайлович Александров* — кандидат исторических наук, заместитель главного редактора военно-исторического журнала «Новый Часовой» (Санкт-Петербург), член редакционных коллегий историко-документального альманаха «Русское прошлое» (Санкт-Петербург) и журнала «Военно-исторический архив» (Москва). Живет и работает в Санкт-Петербурге.

академии им. М. В. Фрунзе. Опубликованные Хоффманном свидетельства совпадали в основном: в тот день перед многочисленными гостями Сталин якобы заявил о завершении миролюбивой политики Советского Союза и предложил тост за активную, наступательную политику, «за новую эру развития и расширения Советского государства»². Война с Германией, по впечатлениям очевидцев, стала близкой и неотвратимой. Причем инициатива в грядущем столкновении с Вермахтом должна была принадлежать Красной армии.

Московский историк О. В. Вишлев подверг настоящий источник резкой критике. В традиционном для советской историографии стиле он немедленно заклеил творчество Хоффманна, чьи работы, с точки зрения его оппонента, представляют собой «события не научной, а скорее политической жизни»³. По версии Вишлева, показания о подготовке Советским Союзом нападения на Германию охотно давали «перебежчики или те, кто, попав в плен, решил перейти на службу к немцам»⁴, в том числе и упомянутые генералы. Однако подлинная картина выглядела намного сложнее. При ее внимательном рассмотрении уязвимой оказывается скорее позиция Вишлева, чем Хоффманна.

Командир 13-й стрелковой Дагестанской дивизии (I формирования), входившей в состав 5-го стрелкового корпуса 10-й армии Западного фронта, генерал-майор А. З. Наумов попал в плен в Белостокском выступе в конце июня — начале июля 1941 г. Начальник штаба 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта генерал-майор И. П. Крупенников — северо-западнее Сталинграда 21 декабря 1942 г. Командующий артиллерией 10-й гвардейской армии⁵ Западного фронта генерал-лейтенант Л. А. Мазанов — на Орловском направлении 13 июля 1943 г. Свои показания о тосте-выступлении Сталина 5 мая 1941 г. они давали в разное время и независимо друг от друга. При этом два последних генерала на знаменательном банкете не при-

существовали и рассказывали о нем с чужих слов. Крупенников высказывался более осторожно, Мазанов — более категорично.

О. В. Вишлев назвал Крупенникова и Мазанова «власовцами»⁶, основываясь на том, что оба генерала в плену резко отрицательно отзывались о сталинской социально-экономической модели и не скрывали своих симпатий к политической программе А. А. Власова, в первую очередь к ликвидации на родине колхозов, принудительного труда и репрессивной системы. Причастность конкретного лица к акции Власова, с точки зрения Вишлева, априори обесценивает его любые свидетельства в силу их обусловленной пристрастности. Следовательно, никакого значения и ценности подобные показания не имеют. Объективность такого странного подхода представляется нам весьма сомнительной. На аналогичном основании, например, исследователям сегодня следовало бы игнорировать антифашистские заявления членов Союза немецких офицеров (СНО) и сторонников Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ). Хотя в 1944 году среди немецких военнопленных в СССР звучали призывы к созданию Немецкой освободительной армии⁷.

Однако в данном конкретном случае Вишлев либо вообще не знаком с жизнеописанием А. З. Наумова, И. П. Крупенникова и Л. А. Мазанова, либо сознательно скрыл от читателя некоторые существенные эпизоды их драматических биографий. На самом деле ни один из трех названных генералов *не участвовал* во власовском движении и в войсках или аппарате Комитета освобождения народов России (КОНР) в 1944—1945 гг. *не служил*. Действительно, в Советском Союзе Наумова и Крупенникова в 1950 году расстреляли: первого — за антисоветскую агитацию и пропаганду (разговоры и болтовню), второго — за малопонятные обстоятельства пленения в декабре 1942 г. Но Крупенникова уже в 1957 году посмертно реабилитировали,

признав предъявленные ему в 1950 году обвинения несостоятельными. Мазанов же после возвращения из Европы в СССР в 1946 году не подвергался репрессиям. Он успешно прошел спецпроверку в органах госбезопасности, был восстановлен в кадрах, награжден орденами Ленина и Красного Знамени, затем служил в Советской Армии на ответственных преподавательских должностях. В 1953 году Лавр Александрович вышел в отставку и спустя шесть лет тихо умер в Москве, будучи благополучным военным пенсионером⁸. Крупенников и Мазанов стали «власовцами» только в воображении Вишлева. Вопреки его уверениям читателя, «на службу к немцам» упомянутые генералы не переходили. Поэтому к их показаниям о словах Сталина, прозвучавших на банкете 5 мая 1941 г., необходимо отнестись внимательно, сопоставив их с другими известными сегодня материалами.

Кстати, Вишлев, критикуя публикацию Хоффмана, случайно или умышленно не стал комментировать заявление полковника И. Я. Бартенева — командира 53-й стрелковой им. Ф. Энгельса дивизии (63-й стрелковый корпус 21-й армии Западного фронта). 17 июля 1941 г. Бартенев первым, *независимо* от Наумова и *зادолго* до Крупенникова и Мазанова, дал немцам похожие по содержанию показания о сталинском тосте 5 мая⁹. Во власовской армии Бартенев тоже не служил и в деятельности КОНР не участвовал. Видимо, такой поворот судьбы не укладывался в концепцию Вишлева, поэтому он уклонился от обсуждения данных Бартенева. Вероятно, Олег Викторович искренне убежден в том, что разные доклады советских военнопленных о подготовке Сталина к нападению на Германию злонамеренно создавались в недрах германской военной разведки в пропагандистских целях или исходили от лиц, всего лишь желавших «понравиться гитлеровцам»¹⁰. Однако руководствоваться личными идеологическими пристрастиями при оценках свидетельств во-

еннопленных нельзя. Предположим, что Бартенев, Наумов, Крупенников и Мазанов сделали заявления о наступательных планах Сталина под влиянием собственных антисоветских убеждений. Но тогда с не меньшим основанием можно утверждать, что те военнопленные, которые отрицали наличие агрессивных намерений у Москвы, делали это под влиянием своих просталинских взглядов. Так, например, на допросе 18 июля 1941 г. решительно опровергал подобные версии старший лейтенант Я. И. Джугашвили, служивший в 14-м гаубичном полку (в/ч 6949) 14-й танковой дивизии 7-го механизированного корпуса 20-й армии Западного фронта.

« — Действительно ли были такие намерения?»

— Нет, не думаю. Ведь вы первые напали, правда? Не Советский Союз первым напал на Германию, а Германия напала первой! Мне говорят, будто бы есть такая речь Сталина, в которой говорится, что если Германия не нападет первой, то это сделаем мы. Я никогда не слышал ничего подобного! Никогда не слышал! Никогда не слышал! Это я могу сказать. Я не знаю»¹¹.

Можно ли с легкостью проигнорировать слова Джугашвили, так же как Вишлев предлагает не принимать во внимание заявления Бартенева, Мазанова или власовцев?.. Конечно, нет. С точки зрения автора, содержание конкретных показаний в первую очередь было обусловлено не столько личным отношением того или иного военнопленного к сталинской социально-экономической модели, сколько его осведомленностью, должностными обязанностями и частным видением реальной обстановки, складывавшейся на месте службы в мае — июне 1941 г. Индивидуальные взгляды (в том числе «антисоветские») играли здесь второстепенную роль. В этой связи интересно узнать, что же в действительности рассказывали разные участники власов-

ского движения на протяжении военных и послевоенных лет о состоянии армии, сталинских планах и намерениях в 1941 году?

Ответ на поставленный вопрос выглядит неоднозначным.

Начнем с того, что Хоффманн и Вишлев упустили из виду еще одного очевидца — генерал-майора В. Ф. Малышкина, бывшего начальника штаба 19-й армии (I формирования) Западного фронта¹². Немецкий дипломат Г. Хильгер встретился с ним 24 января 1943 г. в особом опросном лагере I (Кёнигсбергского) военного округа в Летцене. Свою версию Малышкин изложил уже *после* заявлений Наумова и Крупенникова, но почти за полгода *до* показаний Мазанова. В 1938—1939 гг. комбриг Малышкин был репрессирован органами НКВД, затем освобожден и реабилитирован. Василий Федорович, в отличие от генерала Крупенникова, на банкете вечером 5 мая 1941 г. не только присутствовал лично, будучи старшим преподавателем Академии Генерального штаба, но и записал основные тезисы сталинских выступлений по ходу застолья. К моменту знакомства с Хильгером Малышкин уже давно и достаточно эффективно сотрудничал с противником. Встреча в Летцене принципиально в его судьбе ничего не меняла, и «понравиться гитлеровцам», как о том писал Вишлев, секретарь фиктивного Русского комитета уже не стремился. Однако за весь предшествующий период пребывания генерала Малышкина в плену (октябрь 1941 г. — декабрь 1942 г.) никого из немцев, кроме Хильгера, не заинтересовали субъективные воспоминания о полузабытом московском банкете. К сожалению, автору пока не удалось установить, каким образом отчет Хильгера о беседе с Малышкиным зимой 1943 г. отложился именно в документах Следственной части Главного управления контрразведки «СМЕРШ» (МГБ).

«Банкет в Кремле 05. 05. 1941 был устроен в честь выпускников курсов по усовершенствованию штабных

офицеров¹³ при Московской Военной академии им. Фрунзе. На банкете было около 2000 человек¹⁴. Он [Малышкин. — К. А.] присутствовал в качестве преподавателя Академии Генерального штаба. Основные моменты речи Сталина он записал. Сталин был трезв¹⁵. Один из участников¹⁶ предложил тост за советское правительство и успешное продолжение его мирной политики. Сталин тут же возразил¹⁷: «Утверждение, что советское правительство успешно осуществляет мирную политику, является правильным, однако сейчас несвоевременно подчеркивать мирную политику советского правительства. Это значит неправильно ориентировать народ и направлять его мышление по такому пути, который более не соответствует современному этапу развития. Пришло время объяснить народу, что период мирной политики миновал. Нужно подготовить народ к мысли о необходимости войны, причем наступательной войны. Дальнейшие цели Советского Союза могут быть достигнуты только применением оружия. Он предлагает тост за этот новый этап развития Советского Союза и расширения его границ». Германию в качестве «объекта» [нападения. — К. А.] Сталин не назвал. По мнению Малышкина, наступление должно было последовать тотчас после уборки урожая осенью 1941 г. На вопрос, откуда должно было произойти наступление, Малышкин не ответил, в то время как другие высшие советские офицеры с уверенностью заявляли, что через Румынию. Сообщение Малышкина с показаниями о банкете полностью совпадает с показаниями генерал-майора Наумова, причем Малышкин даже не знает, что Наумов находится в плену¹⁸, в то время знает его как слушателя Военной академии¹⁹.

«Малышкин производит впечатление интеллигентного человека выше среднего уровня, он говорит продуманно и уверенно. Его ненависть к большевизму, учитывая пережитое им, производит глубокое и честное впечатление»²⁰.

Более раннее по датировке сообщение генерал-майора А. З. Наумова существует в виде приложения к донесению начальника отдела «Иностранные армии Востока» (Fremde Heere Ost) Генерального штаба ОКХ полковника Р. Гелена от 18 октября 1942 г. Вот интересующий нас фрагмент, который по-разному прокомментировали И. Хоффманн и О. В. Вишлев.

«Одна речь, которую произносил кто-то из аудитории, содержала тост: «Да здравствует миролюбивая политика Советского Союза!» Сталин поднялся и сказал: «Этот лозунг устарел, то есть в развитии Советского государства и в деле расширения его границ наступила такая эпоха, когда стало необходимо добиваться этого не с помощью миролюбивой политики, а силой оружия. У нашей страны сегодня есть все предпосылки для того, чтобы достичь [целей] своей политики иным путем. Я поднимаю бокал за новую эру развития и расширения Советского государства». Далее Сталин указал на необходимость пропаганды этого нового лозунга среди населения Советского Союза и на то, что требуется держать всю страну в постоянной мобилизационной готовности»²¹.

Итак, сравним сообщение Наумова и обнаруженный автором отчет Хильгера с ныне опубликованной краткой машинописной записью, которая поступила в 1948 году в Центральный партийный архив (ЦПА) за подписью некоего К. В. Семенова, якобы одного из сотрудников Министерства обороны. Ни речь, ни выступления (реплики) Сталина на банкете официально не стенографировались, и происхождение машинописи остается неустановленным. Перед нами, скорее всего, тоже текст чьей-либо рукописи, позднее перепечатанной. Ведь трудно предположить, чтобы кто-то из приглашенных в Кремль командиров принес с собой на банкет печатную машинку. О самом Семенове до сих пор

нет каких-либо внятных сведений. Вот содержание машинописи из ЦПА, аутентичность которой сегодня не подвергается сомнению:

«Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную сталинскую внешнюю политику. *Товарищ Сталин*: «Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивает мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать»²².

Очевидно, что «версия Семенова» (назовем ее так) достаточно близка по смыслу к первой части «версии Наумова — Малышкина» (включая фразу: *«Нужно подготовить народ к мысли о необходимости войны, причем наступательной войны»*). Частные разночтения легко объяснить тем обстоятельством, что Наумов, Малышкин, Крупенников и Мазанов вольно пересказывали своим немецким собеседникам банкетную речь и реплики Сталина спустя долгое время (два последних генерала делали это еще и с чужих слов). Но смысла, по существу, на наш взгляд, они не исказили. А затем в глаза автору бросилась одна мелочь, на которую он обратил внимание благодаря долгому творческому общению с замечательным петербургским машиностроителем Э. М. Васюшкиным. Здесь автор позволит себе даже несколько изменить сухой стиль повествования.

«Версия Семенова» с первых слов определенно опи-

сывает вполне конкретную и понятную читателю мизансцену в разгар торжественного застолья: *«Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост»*. Представим себе, как все, включая товарища Сталина, наполнили бокалы и рюмки. Сосредоточили внимание. Настроились. Кто-то, может быть, уже и огурчик приготовил. На вилочку наколол.

...Но патетический тост «за мирную сталинскую внешнюю политику» самому товарищу Сталину неожиданно не понравился. Товарищ Сталин внес содержательную поправку. И, согласно принятой «версии Семенова», обосновал ее. В чем не сомневаются разные историки, включая О. В. Вишлева.

А дальше? Что произошло дальше?..

Ничего не произошло, так как «версия Семенова» здесь неожиданно заканчивается. Конец машинописи из ЦПА.

Что же, товарищ Сталин, убедительно объяснив гостям, что *«теперь надо перейти от обороны к наступлению»*, с наполненным бокалом просто сел на свое место? И другие гости, чьи бокалы тоже были раньше наполнены, легко вернулись к шумным застольным разговорам?

Нелогично, а поэтому невероятно.

Автору представляется, что товарищ Сталин, поправив безвестного нам генерал-майора, тост, на который все слушатели всерьез настроились, естественно, произнес. Требовала того неременная культура застолья. Тем более что генерал-майор изначально предложил поднять бокалы все-таки за «сталинскую внешнюю политику». Никак нельзя такой тост было пропустить, раз он прозвучал. И все присутствующие наполненные бокалы и рюмки с воодушевлением осушили, а затем закусили, скорее всего, уже горячим. Только при подготовке машинописи, которая в 1948 году поступила в ЦПА, злосчастный тост в итоговый текст *кто-то* не включил. Скорее всего, даже с ведома или

по указанию товарища Сталина. Это вполне возможно, учитывая, что банкетную речь и выступления-реплики сначала предполагалось опубликовать в его прижизненном Полном собрании сочинений²³. Но затем составители по неизвестным причинам отказались от публикации любых текстов, связанных с событиями 5 мая 1941 г.

Опубликованная в 1998 году машинопись за подписью К. В. Семенова правдива. Но не всю правду читателю сообщает. Поэтому и складывается впечатление, что «версия Семенова» (в сборнике документов «1941 год» — «3-е выступление И. В. Сталина на приеме») оборвана на середине. Недосказана. Поскольку в первой части «версия Наумова — Малышкина» не противоречит «версии Семенова», трудно предположить, что оба генерала независимо друг от друга далее исказили смысл откровенного сталинского тоста: *«За этот новый этап развития Советского Союза и расширения его границ»*. Тогда становится совершенно понятно, за что именно предложил 5 мая 1941 г. выпить своим гостям товарищ Сталин, и почему содержание его тоста в послевоенные годы не стоило доверять машинописи, поступившей в архив. Таким образом, свидетельства пленных советских генералов Наумова, Крупенникова, Малышкина, Мазанова *не противоречат* опубликованной машинописи из бывшего Центрального партийного архива, как в том убежден О. В. Вишлев, а существенно *дополняют* ее в той части, которую опустил неизвестный составитель. В этой связи нельзя не признать обоснованными выводы московского исследователя В. А. Нежежина: «Антигерманская направленность сталинской речи 5 мая 1941 г. в сочетании с апологией Красной армии не оставляла сомнения, что ближайшим военным противником станет Вермахт. Не случайно для ближайшего сталинского окружения все сказанное вождем 5 мая 1941 г. на торжественном собрании и на приеме (банкете) по случаю выпуска слуша-

телей военных академий являлось руководством к действию»²⁴.

Отражались ли процитированные сталинские слова (в интерпретации Малышкина) на реалиях времени? Обратимся к свидетельствам других власовцев. Весной 1941 г. приближение войны чувствовали многие из них.

Доцент Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова М. М. Самыгин (впоследствии — А. Чайкин, в эмиграции — М. Китаев) в звании младшего лейтенанта был назначен начальником химической службы 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии (I формирования), включенной в 10-ю армию. В начале мая он убыл из Москвы в ЗОВО²⁵. В 1950-х годах вот что писал Китаев известному историку Б. И. Николаевскому, жившему в США:

«В конце апреля я и многие мои друзья, и знакомые, тоже офицеры²⁶ запаса, получили повестки, призывавшие нас к очередному, 90-дневному учебному сбору. Как правило, мы проходили подобные сборы всегда при одной и той же дивизии, недалеко от места жительства. На этот раз нас посылали на запад, в совершенно незнакомые части. Политическая обстановка, то есть нависшая угроза внешнего вторжения, была ясна каждому. Уезжая и прощаясь с близкими, мы делали это в ожидании близкого развития событий. Таковы же были обстановка и настроения в Зап [адной] Белоруссии. Барановичи²⁷, Белосток, Волковск, Брест, где мне пришлось побывать в первую половину мая месяца, представляли собой вооруженный лагерь, готовый к оказанию сопротивления в любую минуту. В районе Бреста и Ломжи часть расквартированных войск ночевала в окопах. Отпуска были отменены, части занимались непрерывными учениями, и очень редко нам удавалось ночевать в казармах. Большинство времени мы проводили в поле, ночуя под повозками. В это время мне пришлось близко познакомиться с людьми, доверенными мне. Все отлично понимали, что сегодня-

завтра придется начать совершенно новую жизнь — войну, и присматривались друг к другу. Солдаты представляли собой в огромном большинстве вновь призванные контингенты, плохо обученные и еще не обстрелянные. Среди них были, однако, вкраплены дивизии и полки, переброшенные из Финляндии, прошедшие там суровую «зимнюю войну». Они как бы цементировали огромную массу плохо обученных войск. Мне посчастливилось попасть именно в такую кадровую дивизию²⁸. Командование стремилось в короткий срок создать из полуобученных масс боеспособные войска. Почти каждое учение, в том или ином виде, связывалось с боевыми стрельбами, часто практиковалось движение за огненным валом. При этом были потери, правда, небольшие. На это смотрели легко: цель оправдывает средства. Патронов и снарядов не экономили: чувствовалось, что игра кончилась и надо за дело браться серьезно. Присматриваясь к своим подчиненным, я отметил два основных пункта в их настроениях:

1) страх перед возможной войной и неуверенность в собственной силе. Я не сказал бы, что это было неверие, но неуверенность. Успехи германских войск говорили сами за себя;

2) жалобы на тяжесть службы. Служба была тяжелой, питание недостаточно. Большинство солдат страдали не то чтобы от голода, но от недоедания. Многие офицеры запаса отдавали солдатам свой сухой паек, чтобы несколько улучшить их рацион. Это могли позволить себе лишь немногие, занимавшие хорошее положение на гражданской службе, так как питаться в командирской столовой на собственные средства было недешево. Кадровые офицеры, особенно семейные, еле-еле сводили концы с концами. Недостаточная обеспеченность кадровых офицеров заставляла их пускаться на всевозможные хозяйственные комбинации, злоупотребляя своим служебным положением, что немедленно отзывалось на снабжении солдат.

Несмотря на все это, т[ак] н[азываемое] политикоморальное состояние было хорошим. Причиной этого были не политические или идеологические соображения, но простая и ясная мысль: воевать придется, и скоро. Учись! Солдаты буквально осаждали нас вопросами, касающимися боевой подготовки, требовали больше патронов, больше боевых стрельб. Никогда еще не видел я ничего подобного. На других учебных сборах люди обычно жили письмами из дома.

Так прошли май и первая неделя июня. Затрудняюсь точно определить дату, но где-то до 10 июня произошел перелом. Кто-то, стоявший высоко наверху, ослабил туго свернутую пружину. Это немедленно почувствовали все. Специальные подразделения были откомандированы от полков на особые сборы. 30% офицеров получили отпуска и разъехались. Учения продолжались, но чувствовалось, что это делается только для сохранения дисциплины, а не из необходимости. Офицеры штабов больше не засиживались ночами на т[ак] н[азываемой] моб[илизационной] работе, на спортивных площадках запрыгал волейбольный мяч и слышался веселый смех офицерских жен, к которым вернулись мужья. Напряжение спало — наступила реакция, выразившаяся для одних в пьянстве, для других в женщинах, и, в общем, для всех в тех скромных развлечениях, которые были доступны. Мы, офицеры запаса, ждали конца сбора и уже писали домой, чтобы снимали дачи и устраивались на лето. И что таить греха, у очень многих шевелилось чувство благодарности к правительству в Москве, сумевшему еще раз избежать войны. Европа воюет, а мы играем в волейбол! Но тут же рождалось и смутное тревожное чувство: сумеют ли они там, наверху, сохранить мир и дальше?

Полки остались без спецподразделений: пулеметчики были собраны на особый сбор, саперы — на свои специальные занятия, ушла противотанковая артилле-

рия, не сегодня завтра должны были и мы, химики, идти на свой сбор в район Волковыска.

В этой-то обстановке и пришел день 22 июня 1941 г., ожидаемый и вместе с тем такой неожиданный»²⁹.

Воентехник 2-го ранга Б. П. Георгиевский (в эмиграции — Б. Кольб)³⁰, по окончании Тамбовского артиллерийско-оружейного технического училища, в первой половине июня 1941 г. прибыл для прохождения службы на должность младшего артиллерийского техника в 14-й стрелковый полк 72-й горнострелковой Туркестанской Краснознаменной дивизии, входившей в 8-й стрелковый корпус 26-й армии (КОВО). 17 июня он отправил родителям в Москву последнее довоенное письмо, сохранившееся в семейном архиве. Сканированная копия хранится в архиве автора (*стиль и орфография сохранены публикатором*):

«Здравствуйте дорогие Родители! Оба письма от вас получил еще до отъезда, на вокзале. Эти письма на вокзал принес один товарищ. Получили ли мое письмо из Киева, где я был проездом? Сейчас нахожусь по адресу: У.С.С.Р., Дрогобычская обл., г. Устрики Дольняя, почт. Ящик 701/25. г. Устрики — это небольшая станция в северных отрогах Карпат на границе с нашим «другом» — Германией. Граница проходит у подножия горы, что перед окном. С горы видно, как роют немцы; роют наверное в честь дружбы. Здесь в ходу такой анекдот. Наш спросил у немца: «Почему вы собрали так много войск у наших границ?» На что немец ответил: «Они отдыхать приехали. Здесь им спокойно», — и в свою очередь спросил: «А почему вы собрали так много войск у наших границ?» И немец получил такой ответ: «Что бы вашим войскам можно было спокойно отдыхать». До свидания, Борис».

В 2004 году, пересылая копию автору настоящих строк, Георгиевский сделал пометку на полях: «Только Сталин не знал, что война на носу, но это вранье».

Почти через четверть века после появления на свет записок Самыгина в Ленинграде, в конце 1970-х годов, свои мемуары начал писать другой офицер власовской армии — Л. А. Самутин, чья судьба сложилась драматично. В апреле 1941 г. младший лейтенант запаса³¹ Л. А. Самутин, преподаватель геофизики и астрономии Уфимского педагогического института, прибыл на трехмесячный учебно-лагерный сбор при 238-м стрелковом полку 186-й стрелковой дивизии (I формирования), дислоцировавшейся в УрВО. В следующем месяце в полевом лагере части он неожиданно получил назначение начальником стрелково-минометного сбора новоформированной учебной роты. Подчеркнем, что Самутин, находившийся под неусыпным наблюдением вплоть до смерти в 1987 году, писал свои воспоминания, что называется, «в стол». Последний мирный месяц запомнился бывшему командиру запаса так:

«В середине мая вдруг стали прибывать большими группами новые люди, пополнение. Это оказались запасные приписного состава. От них мы узнали, что призвано этих запасных 15 возрастов, всем объявлено, что рядовой состав призывается для прохождения 45-дневных сборов».

14 июня, за две недели до окончания сбора, все командиры, включая призванных из запаса, получили срочный приказ немедленно явиться в штаб 238-го стрелкового полка.

«Скорым шагом двигаю к штабу. Там собираются кучками вызванные командиры. Беспокойства не вижу ни у кого, а вчера ведь только было очередное опровержение ТАСС, разговорчики идут всякие, беспокойно становится вокруг... И призыв этих приписников в таком большом количестве, и досрочный, на два месяца раньше срока, выпуск лейтенантов из военных училищ — все, наверное, неспроста, что-то готовится...

Что-то назревает, тревожно становится на душе, когда все сопоставишь.

На крылечко штаба вышли командир полка, комиссар, начальник штаба. Мы повытянулись, сделали под козырьки.

— Ну, все здесь? — спросил майор, командир полка. — Вот что, товарищи командиры. Получен приказ из округа немедленно нашей дивизии сниматься с лагеря и отправляться на большие корпусные, а возможно, и армейские маневры. Сейчас же начинайте подготовку к погрузке в эшелоны. Сегодня — четырнадцатое, грузиться будем шестнадцатого с утра. Людей с занятий снимайте, кормите обедом, а после обеда приступайте к свертыванию всего хозяйства. Палатки, койки, матрацы — все берем с собой. Начальникам сборов своих людей распустить по подразделениям. Выполняйте.

Капитан Никитин, командир второго батальона, сунулся с вопросом, куда хоть поедем, да тут же и прикусил язык. Майор не рассердился, а только, уходя с крыльца, махнул рукой — и в дивизии никто не знает».

19 июня эшелон прибыл на станцию Великие Луки.

«Вся станция Великих Лук оказалась забита воинскими поездами. Эшелоны с людьми, военной техникой: орудиями, танками, машинами, поезда с запломбированными товарными вагонами, длиннейшие составы цистерн с горючим — одни прибывали, другие отправлялись с очень короткими интервалами. Мы ждали своей очереди.

Тут, в Великих Луках, пришел конец нашему беззаботному настроению. Теперь мы уже не предчувствовали — своими глазами видели, что готовится что-то серьезное, и нам в этом предстоит участвовать».

Вечером 21 июня дивизия, входившая в 62-й стрелковый корпус 22-й армии (I формирования), разгрузилась на станции Идрица (Себежский район Псковской области).

«На удивление быстро — повзводно — всем были выданы совершенно новые комплекты обмундирования, вплоть до нижнего белья, и, что самое главное, опротивевшие ботинки с обмотками тоже были заменены сапогами. Красноармейцы получили сапоги кирзовые, а мы, комсостав, — прекрасные яловые, с толстой кожаной подметкой. Если бы мне тогда сказали, что в этих сапогах я прошагаю пешком без малого тысячу километров и мы это выдержим — и я, и сапоги, — ни за что бы не поверил.

Легкое стрелковое оружие нам также заменили. Вместо старых разболтанных винтовок, которые мы привезли с собой, нам выдали новенькие винтовочки и ручные пулеметы. Станковые пулеметы и минометы остались старые.

Но что больше всего удивило нас, так это — получение боеприпасов. И это оказалось не только к удивлению, но и к неудовольствию, так как не больше чем через час мы выступили, и боеприпасы значительно увеличили вес переносимых грузов. Приказано было объяснить личному составу, что боеприпасы выданы потому, что маневры будут проходить в районе государственной границы, а всякая воинская часть, находящаяся в районе границы, должна быть снабжена боеприпасами»³².

На следующий день началась война, и младший лейтенант Л. А. Самутин получил свою последнюю должность в РККА — командира транспортной роты 238-го стрелкового полка 186-й стрелковой дивизии³³. Прижизненной публикации своих мемуаров автор не дождался, отчасти благодаря постоянному вниманию к себе со стороны сотрудников известного ведомства. Книгу опубликовала дочь через 15 лет после смерти отца крошечным тиражом в 300 экземпляров.

Один из старших офицеров власовской армии, быв-

ший репрессированный командир РККА В. В. Поздняков³⁴ в июне 1941 г. занимал должность начальника химической службы 67-го стрелкового корпуса 21-й армии в звании подполковника. За несколько месяцев до смерти в эмиграции он опубликовал в русской зарубежной печати интересное свидетельство:

«В мае 1941-го я присутствовал на совершенно секретном совещании старшего комсостава Полтавского гарнизона³⁵ (от командиров полков и выше). Докладчик из ЦК партии подробно разбирал этот тезис Сталина и утверждал о неизбежности войны с Германией. (Сталин 1 или 5 мая 41-го сказал: пора от обороны в тактическом смысле перейти к понятию обороны в стратегическом отношении.) Когда Советский Союз подготовился бы к такой войне, он сам напал бы на Германию»³⁶.

Но так видели ситуацию не все. Послевоенные воспоминания М. М. Самыгина и В. В. Позднякова, кстати, сидевших зимой 1941/42 года в одном лагере для военнопленных, уместно сравнить с оценками состояния Красной армии в последние предвоенные месяцы, принадлежавшими двум другим власовцам, игравшим в движении заметную роль: С. Т. Койде³⁷ и Ф. И. Трухи-ну. Командир 184-й стрелковой дивизии (IV формирования)³⁸ полковник С. Т. Койда написал свои воспоминания в ФРГ в конце 1940-х — начале 1950-х годов, по предложению Позднякова. Короткие записки «Причины первоначального поражения советской армии» не предназначались для публикации. В мае 1941 г. Койда служил в Томске и занимал должность командира 735-го стрелкового полка 166-й стрелковой дивизии (I формирования) в звании подполковника. В конце июня дивизия в составе 53-го стрелкового корпуса 24-й армии прибыла из Сибири на Запад и выдвинулась в район Вязьмы. Вот что писал полковник Койда спустя несколько лет после войны:

«Немцы застали врасплох советскую армию, с ее беспечностью и переоценкой ее пропаганды, которая убаюкивала армию и внушала ей, что она непобедима, граница на замке и что они будут воевать на чужой территории, летать будут выше всех и дальше всех и т. п. Надо отметить, что в эти годы широко было внедрено в армии очковтирательство. Оно шло и по командной, и по политической линии и сознательно прикрывалось даже такими органами, как политотделы округов, которые скрывали перед политуправлением РККА и Министерством³⁹ обороны СССР.

Откуда появились замки на границах? Сперва их вешали на границах Дальнего Востока. Их подхватили и на западных границах, продолжая повторять как попугай, не давая себе отчета, на митингах, собраниях, политзанятиях и т. п.

Результаты инспекций, составление протоколов боевой подготовки и т. д. достраивались в кабинетах штабов до оценки отличной, хорошей и представлялись наркому. Все это делалось в погоне за хорошей рекомендацией и аттестацией с тем, чтобы получить продвижение по службе и занимаемой должности. Всему этому был стимул социалистического соревнования, который толкал и подсказывал о 100% выполнении взятых на себя обязательств, и от результата их зависела судьба тех, кто их возглавлял, а так как выполнить договор было нелегко, то к этому прикладывался карандаш и подчищали резинкой. Если подвергались какие-либо подразделения проверке по той или иной дисциплине, то выбирали лучших из лучших бойцов этого подразделения или батальона, а не то сажали в блиндажи с револьверами и достреливали так, чтобы было попадание в мишени. Такие методы обучения проходили не только в частях, но и в военных училищах и в академиях, где преподаватели старались дать характеристику своим слушателям, чтобы не иметь слабой оценки их слушателей, ибо ответственность па-

дает на преподавателя, как не сумевшего обучить слушателя. В результате целый ряд выпусков из академии не имел достаточного кругозора в военных действиях на большом театре войны. Все разработки, все занятия академий проходили по шаблону и устным указаниям.

И в начале войны начальники не имели права делать маневры, отступать, делать перегруппировки — на все надо было иметь разрешение, а в войне «медлительность смерти подобна». Помимо неподготовленности кадров, армия была вооружена старой техникой и вступила в бой с первоклассной техникой немцев⁴⁰. Советские армии не были отобомблизованы и укомплектованы по военному времени. Дивизии имели 6 тыс. состав — от силы 8. Немецкие дивизии имели превосходство в 3 раза⁴¹. Советская армия по числу и старому вооружению равнялась немецкому корпусу, а иногда и уступала в вооружении. Так было под Москвой в 1941 г., так было в первые годы под Сталинградом.

Западные военные округа — Украина, Белоруссия и погранвойска — находились на поверхности земли, и не было создано укрепленных районов с бетоножелезными сооружениями из-за отсутствия материалов. На новых границах Запада были сооружены простые земляные сооружения с ходами сообщений, и все! Погранчасти занимали оборону на широком фронте. Полк занимал вместо 2,5 км до 12—14 км по фронту. Тыловые войска были расположены в палатках, землянках, комсостав в домиках из фанеры. 3/4 всех войск Украины и Белоруссии находились в лагерях, шла демобилизация рядового состава, отбывшего воинскую повинность, и призывался очередной год в армию.

Кроме того, следует отметить, что новые госграницы от старых оборонительных районов отстояли на 500 км и больше. Оттуда доставлялись снаряжение, обмундирование, авиация, танки, горючее, снаряды, находившиеся в ведении наркомата обороны (склады Главного

командования). Вся эта работа проходила мирно, хотя сигналы и были. Посадка немецких летчиков с картами, на которых была обозначена старая и новая граница, расположение войск и т. д. Но это не было принято всерьез.

Немцы начали свое вторжение с уничтожения на рассвете 22 ангаров, складов с горючим и боеприпасами, и одновременно перешли в наступление корпуса с механизированной пехотой. 3 дня шел неравный бой, а потом стихло. Патронов не стало, горючее вышло, снарядов нет, связь везде и всюду нарушена»⁴².

Заместитель начальника штаба и начальник оперативного отдела (управления) ПриБОВО (Северо-Западного фронта) генерал-майор Ф. И. Трухин 19—20 июня 1941 г. совершил полевою поездку в приграничную полосу вместе с командующим войсками генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым. Позднее, в плену, Трухин⁴³ с горечью говорил о том, что Кузнецов ничего не знал о близости войны и о практической неготовности армии к этой войне⁴⁴. На допросе немцами будущий начальник штаба власовской армии сообщил о себе основные автобиографические сведения и поставил под сомнение возможность достижения вермахтом быстрой победы над Красной Армией. Затем он был доставлен на армейский сборно-пересыльный пункт (Armee-Gefangenensammelstelle) в Эбенроде и позднее — в офлаг⁴⁵ № 62. Фамилия Трухина не фигурировала в перечне фамилий командиров, предоставивших противнику сведения о подготовке СССР к нападению на Германию.

Если руководствоваться логикой О. В. Вишлева — это странно. Получается, что большинство генералов, сотрудничавших с А. А. Власовым (И. А. Благовещенский, Д. Е. Закутный, Ф. И. Трухин, М. М. Шаповалов), «выгодных» противнику показаний не дали, упустив верный шанс «понравиться гитлеровцам». Хотя, например, командир 21-го стрелкового корпуса 21-й ар-

мии (I формирования) Западного фронта генерал-майор Д. Е. Закутный⁴⁶ при настойчивом желании мог бы кое-что рассказать Хильгеру или сотрудникам Гелена. В начале июня 1941 г. Закутный отдыхал в Сочи. После 14 июня он был неожиданно отозван из отпуска и 20 июня прибыл в Москву. 21 июня Закутного принял нарком обороны маршал С. К. Тимошенко, а затем — заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский. Затем Закутный немедленно убыл из Москвы к месту службы, в Витебск. Но о содержании бесед, состоявшихся накануне войны с Тимошенко и Соколовским, Закутный никогда не распространялся. Правда, в частном разговоре с одним русским эмигрантом в Берлине он как-то обронил загадочную фразу: «Пограничное сражение проиграла политика, а не мы, генералы»⁴⁷.

Достаточно определенно о наступательных планах Сталина высказывались в немецком плену генерал-лейтенант А. А. Власов и командир 41-й стрелковой дивизии (II формирования) 6-й армии Юго-Западного фронта полковник В. Г. Баерский (псевдоним — В. И. Боярский)⁴⁸. 7 августа 1942 г. они встречались в Винницком лагере военнопленных (офлаг № 83?) с Г. Хильгером, специально приехавшим из Берлина. В мае — июне 1941 г. оба занимали ответственные должности на Западе.

Власов командовал в КОВО 4-м механизированным корпусом (дислокация управления — Львов) 6-й армии (I формирования) в звании генерал-майора. 20 июня, выполняя приказ командующего генерал-лейтенанта И. Н. Музыченко, Власов объявил в корпусе боевую тревогу, по которой поднял 8-ю танковую дивизию (в/ч № 5427) полковника П. С. Фотченкова и 81-ю моторизованную Калужскую дивизию (в/ч № 5454) полковника П. М. Варыпаева, приказав им начать выдвижение в установленные районы сосредоточения в районах Дубровицы и Янова (Львовская область). 21 июня

приказал соединениям корпуса продолжать движение еще западнее р-нов сосредоточения, установленных планом прикрытия госграницы. 32-я танковая дивизия (в/ч № 9656) полковника Е. Г. Пушкина начала выход из Львова между двумя и тремя часами ночи 22 июня⁴⁹. Баерский служил начальником штаба 31-го стрелкового корпуса в звании подполковника. Весной 1941 г. корпус находился в составе войск Дальневосточного Краснознаменного фронта (ДВКФ). В рамках мероприятий, проводимых по решению ЦК ВКП (б) и СНК СССР, 26 апреля 1941 г. Военные советы ЗабВО и ДВКФ получили приказ об отправке на Запад двух стрелковых и механизированного корпусов, а также двух воздушно-десантных бригад. В ходе выполнения полученного приказа к 25 мая управление 31-го стрелкового корпуса генерал-майора А. И. Лопатина прибыло в КОВО и вошло в состав 5-й армии (I формирования) генерал-майора танковых войск М. И. Потапова⁵⁰.

В беседе с Хильгером оба военнопленных так ответили на вопрос дипломата о вероятности нападения Советского Союза на Германию:

Власов: «Такие замыслы, бесспорно, существовали. Концентрация войск в районе Львова указывала на то, что планировался удар по Румынии в направлении нефтяных месторождений. Соединения, стянутые в район Минска, предназначались для того, чтобы отразить неизбежный германский контрудар. К германскому нападению Красная армия была не готова. Несмотря на все слухи о соответствующих германских мероприятиях, никто в Советском Союзе не верил в такую возможность. Действия советской стороны были нацелены на подготовку собственного наступления, оборонительные мероприятия, напротив, очень сильно отставали. Этот факт в сочетании с «идиотским» руководством и был причиной первых крупных неудач»⁵¹.

Интересно, что Власов в своей версии событий не стал называть никаких вероятных сроков проведения наступательных операций.

Баерский: «Приготовления к этому летом 1941 г. продвинулись так далеко, что Кремль, вероятно, уже в августе — сентябре 1941 г., либо самое позднее весной 1942 г., мог нанести удар. Красная Армия двинулась бы тогда в «юго-западном направлении», то есть против Румынии. Германия упредила советское правительство, для которого военные действия со стороны Германии оказались полной неожиданностью»⁵².

Наконец, необходимо назвать еще одного участника власовского движения, убежденного в неизбежности нападения СССР на Германию, — но не в 1941-м, а весной 1942 г. В мае — июне 1941 г. полковник М. А. Меандров⁵³ занимал должность заместителя начальника штаба б-й армии (I формирования), управление которой находилось во Львове (КОВО). Свою версию событий Меандров изложил в конце ноября 1945 г., будучи в американском лагере военнопленных № 26 в Ландсхуте (Бавария). Подробности частного разговора Меандрова с двумя пленными офицерами вермахта записал в своем дневнике участник Белого движения, генерал-майор С. К. Бородин, тоже служивший в 1945 году во власовской армии. Только благодаря записям Бородина, сохранилась оценка Меандрова.

«20. 11. [1945. — К. А]. Сегодня вечером мы⁵⁴ устроили маленький ужин с немцами⁵⁵. Был говорящий по-русски полковник Генерального штаба Лебели и майор Меле. Сделали тюрю с мясными консервами, которые дал Ассберг, и бисквиты и кофе на второе. Тарелками служили крышки от котелков. Просидели от 7 до половины десятого вечера. Полковник Лебель⁵⁶ хотел выяснить, были ли в действительности основа-

ни я к принятому Гитлером решению напасть на СССР раньше, чем нападет СССР. Генерал Меандров, как бывший начальник штаба корпуса⁵⁷ в Киевском военном округе, привел много данных, свидетельствовавших о том, что к весне 1942 г. СССР был бы готов к вступлению в войну. Нападение СССР на Германию было неизбежно, и поэтому у Германии были действительные основания напасть первой. Генерал Ассберг говорил, что Германии не следовало бы в 1941 году напасть на СССР, а до 1942 г. следовало бы разгромить Англию. Однако полковник Лебель утверждал, что Германия в 1941 году была не готова к наступлению на Англию, и при этих условиях он считал, что Гитлер был прав, напав на СССР, но (говорили Лебель и Меле) Гитлер не подпер стратегию разумной политикой, не создав русского национального правительства и из пленных — русской национальной армии, а репрессивными мерами против населения и жестокостью в отношении военнопленных восстановил против Германии весь русский народ. Это привело к гибели всего дела Гитлера, к неисчислимым тяжелым последствиям для всех немцев, а также к задержке освобождения России от большевизма и к постановке большого вопроса: а что же будет дальше? В этом вопросе и в дальнейшем ходе англо-американской политики по отношению к СССР, и к коммунизму вообще, скрыта судьба человечества. СССР стремится привлечь на свою сторону всех немцев и всех китайцев. Генерал Меандров говорил: «Немцы сделают колоссальную по своим последствиям политическую ошибку, если, поддавшись лживым планам СССР восстановления Германии, пойдут вместе с коммунизмом. Немцам следует во что бы то ни стало остаться в большинстве противниками большевизма, и лучше быть политически разъединенными, как теперь, чем превратиться в единую, но красную Германию». «Я все время об этом говорю своим това-

рищам», — ответил полковник Лебель, очевидно тем самым подтверждая наличие среди офицеров и генералов Генерального штаба взглядов, против которых был генерал Меандров. Семья полковника Лебель, находящаяся в советской зоне [оккупации Германии. — К. А], писала ему: «Ни в коем случае не следует стремиться после освобождения к переезду сюда. Здесь очень плохо. Лучше нас отсюда вызволить»⁵⁸.

Итак, на основании выявленных свидетельств и показаний генералов и офицеров власовской армии попытаемся составить обобщающую таблицу.

	Звание, должность на 22.VI 1941, округ	Дата, место свидетельства	Внешние условия и характер свидетельства	Резюме	Корреляция с др. свидетельствами
Б. П. Герогиевский	воентехник 2 р., мл. арттехник (КОВО)	17.VI.1941, Устрики	свобода, частное письмо	концентрация войск по обе стороны границы	Меандров (?), Самутин, Самыгин
А А Власов	генерал-майор, командир 4-го мк (КОВО)	7. VIII. 1942, офлаг 83, Винница	Немецкий плен, готовность к сотрудничеству, показания Г. Хильгеру	нападение СССР на Румынию, сроков нет	Баерский, Мальшкин, Меандров, Поздняков (?)
В. Г. Баерский	подполковник, нач-к штаба 31-го ск (КОВО)	7. VIII. 1942, офлаг 83, Винница	Немецкий плен, готовность к сотрудничеству, показания Г. Хильгеру	нападение СССР на Румынию, август 1941—весна 1942	Власов, Мальшкин, Меандров (?), Поздняков (?)
В. Ф. Мальшкин	комбриг, старший преподаватель АГШ (МВО)	24. I. 1943, лагерь опроса, Летцен	свобода, сотрудничество с противником, показания Г. Хильгеру	расширение границ СССР силой оружия со слов Сталина, осень 1941	Баерский, Власов, Меандров, Поздняков

	Звание, должность на 22.VI. 1941, округ	Дата, место свидетельства	Внешние условия и характер свидетельства	Резюме	Корреляция с др. свидетельствами
Д. Е. Закутный	генерал-майор, нач-к штаба 21-го ск (ЗОВО)	1943, Берлин	свобода, сотрудничество с противником, частный разговор	неопределенно, уклонение от обсуждения	Георгиевский (?)
Ф. И. Трухин	генерал-майор, зам. нач-ка штаба ПрибОВО	1944, Берлин	свобода, сотрудничество с противником, частный разговор	Войска округа не готовы к войне	Койда
М. А. Меандров	полковник, зам. нач-ка штаба 6-й армии (КОВО)	20. XI. 1945, американский лагерь № 26, Ландсхут	американский плен, свободное обсуждение, частный разговор	Нападение СССР на Германию, весна 1942	Баерский, Власов, Малышкин, Поздняков (?)
С. Т. Койда	подполковник, командир 735-го сп 166-й сд (СибВО)	1947—1949, р-н Мюнхена, Западная зона оккупации	свобода, письменные показания по частной просьбе	РККА к войне не готова	Трухин
М. М. Самыгин	мл. лейтенант, начхим 436-го сп 155-й сд (ЗОВО)	1950-е годы, ФРГ или Цейлон	свобода, письменные показания по частной просьбе	Концентрация войск на границе, готовность к отражению удара	Георгиевский, Самутин
В. В. Поздняков	подполковник, начхим 67-го ск (ХВО—ЗОВО)	1973, Нью-Йорк	свобода, публикация в газете	Подготовка к нападению на Германию	Баерский (?), Власов (?), Малышкин, Меандров
Л. А. Самутин	мл. лейтенант, командир транспортный роты 238-госп 186-й сд (ПрибОВО)	1977—1979, Ленинград	свобода под наблюдением, мемуары по своей инициативе	Переезд на Запад, концентрация войск, подготовка к боевым действиям	Георгиевский, Самыгин

Очевидно, что картина, которую нарисовали власовцы, вопреки мнению О. В. Вишлева, выглядит достаточно эклектичной. Во-первых, из одиннадцати свидетельств только 5 сделаны в военный период между 22 июня 1941 г. и 9 мая 1945 г. Прочие относятся к довоенному или послевоенному времени. Из показаний пяти власовцев, сделанных в годы войны, в одном случае нет указаний на подготовку к нападению на Германию (*Трухин*), а в другом генерал (*Закутный*) дал неопределенную оценку, фактически уклонившись от обсуждения темы. Во-вторых, из пяти сообщений, явно подтверждающих готовность СССР к нападению на Румынию или Германию (*Власова, Баерского, Малышкина, Меandrova, Позднякова*), только три сделаны в условной зависимости немецкого плена. И все пять расходятся в оценках вероятных сроков: неопределенны (*Власов, Поздняков*), осень 1941-го (*Малышкин*), август 1941-го — весна 1942-го (*Баерский*), весна 1942-го (*Меандров*). В-третьих, каждое из приведенных сообщений коррелируется с другими. Но ни одно не коррелируется более чем с четырьмя. Некоторые из заявлений (*Койды, Самыгина, Трухина*) можно рассматривать в качестве противоречащих другим. Трудно обвинить в умышленном лжесвидетельстве Георгиевского, Закутного, Трухина, Меandrova, Койду и Самутина, хотя ни в одном случае нельзя исключать искренних заблуждений в оценках. Наконец, шесть свидетельств (*Георгиевского, Закутного, Трухина, Койды, Самыгина, Самутина*) из одиннадцати при умелой трактовке можно использовать в качестве доказательств *любой версии* возможного развития событий в мае — июне 1941 г.

Единственное объяснение, которое устраняет видимые противоречия и приводит все 11 показаний к общему выводу, заключается в следующем: каждый из очевидцев в меру собственных сил и возможностей постарался честно описать свое индивидуальное видение

предвоенной ситуации. Содержание и характер всех приведенных свидетельств были обусловлены не последующим сотрудничеством власовцев с противником, тем более чьим-то желанием «понравиться гитлеровцам», а служебным положением конкретных лиц в мае — июне 1941 г. Поэтому разные показания участников власовского движения о последних предвоенных месяцах остаются ценным и до сих пор малоизученным источником, характеризующим подлинные планы и намерения высшей номенклатуры ВКП(б) накануне войны с Германией. Выявление и систематизация таких важных материалов продолжаются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Hoffmann J.* *Stalins Vernichtungskrieg 1941—1945.* Munchen, 1999; В рус. пер. см.: *Гофман И.* Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М., 2006. С. 35—36, 38—40, 42—43, 64—67, 80—85 и др.

² *Гофман И.* Указ. соч. С. 40. Полный текст см.: Перевод сообщения генерал-майора Наумова о банкете в Москве 5. 5. 41 г. по случаю выпуска слушателей военной академии // *Вишлев О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 170—171.

³ Там же. С. 84. Естественно, что публикацию собственных трудов Олег Викторович рассматривает, скорее всего, исключительно в качестве «событий научной жизни». Это не мешает ему всерьез отстаивать вполне политический тезис о том, например, что в августе — сентябре 1939 г. «угроза фашистской агрессии была вполне реальной» в результате возможного «выхода вермахта к государственной границе СССР» (Там же. С. 14). Поисками ответов на очевидный вопрос о том, какими реальными средствами, силами и ресурсами вермахт располагал летом — осенью 1939 г. для нападения и ведения войны против СССР, О. В. Вишлев себя не утруждает.

⁴ Цит. по: там же. С. 96.

⁵ О.В. Вишлев называет другую должность генерал-лейтенанта Л. А. Мазанова: командующий артиллерией 30-й армии (см.: там же. С. 100). Однако 30-й армии не существовало с 1 мая 1943 г. В момент пленения генерал Мазанов временно руководил корпусной артиллерийской группой 16-го гв. ск 11-й гв. армии Западного фронта.

⁶ *Вишлев О. В.* Как Хоффманн взял в свидетели власовцев // *Вишлев О. В.* Указ. соч. С. 99—100.

⁷ Отчет президента Э. Вайнерта о деятельности Национального комитета «Свободная Германия» (1943—1945 годы) // 3а Германию —

против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности НКСГ и СНО. М., 1993. С. 419—420.

⁸ *Свердлов Ф. Д.* Советские генералы в плену. М., 1999. С. 120, 135, 211. С судьбой генерал-лейтенанта Л. А. Мазанова связан один любопытный эпизод, о котором здесь автор считает писать преждевременным. Но известные автору сведения никак не дезавуируют его благополучной послевоенной жизни в СССР и состоявшихся награждений.

⁹ *Гофман И.* Указ. соч. С. 39.

¹⁰ Цит. по: *Витлее О. В.* Указ. соч. С. 100.

¹¹ Цит. по: док. № 98. Протокол допроса немцами военнопленного старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили, 18 июля 1941 г. // Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / Сост. Ю. Г. Мурин. Берлин — Чикаго — Токио — Москва. М., 1993. С. 83—84.

¹² Взят в плен 24 окт. 1941 г. на Западном фронте в р-не Вязьмы. С апр. 1942 г. сотрудничал с противником. С 27 дек. 1942 г. — секретарь несуществовавшего Русского комитета, один из близких соратников генерал-лейтенанта А. А. Власова. Подписал «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза» («Смоленское воззвание»), в котором впервые открыто и гласно были сформулированы политические цели зарождавшегося зимой 1942/43 г. власовского движения. С 14 ноября 1944 г. — член Президиума КОНР, зам. (по делам Комитета) генерала Власова. Генерал-майор ВС КОНР. В 1945—1946 гг. — в американском плену, принудительно репатрирован в СССР. 1 авг. 1946 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944—1945 / Биографический справочник. II изд. М., 2009. С. 582—597.

¹³ Так в тексте. Правильно: командиров. Возможно, речь идет о дословном переводе с немецкого языка.

¹⁴ Цифра совпадает с оценками московского исследователя В. А. Невжина (см.: *Невжин В. А.* «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30—40-х годах. М., 2007. С. 271).

¹⁵ Настоящее утверждение отчасти коррелируется с показаниям генерал-майора А. З. Наумова, который заявил, что Сталин оказался «под хмельком» только «в последующих выступлениях» после интересующего нас тоста (см.: Перевод сообщения генерал-майора Наумова... Указ. соч. С. 171).

¹⁶ По версии Г. Хильгера — это был начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе генерал-лейтенант М. С. Хозин, по др. версиям — начальник Артиллерийской академии РККА генерал-лейтенант артиллерии А. К. Сивков. Называют также неустановленного генерал-майора танковых войск.

¹⁷ Это было третье выступление (реплика) И. В. Сталина по ходу банкета.

¹⁸ В 1941—1942 гг. генерал-майоры А. З. Наумов и В. Ф. Малышкин

содержались в разных лагерях военнопленных. Малышкин был официально освобожден из плена осенью 1942-го. Наумов остался в лагере на положении военнопленного.

¹⁹ Генерал-майор А. З. Наумов учился на курсах при Военной академии им. М. В. Фрунзе.

²⁰ Цит. по: Центральный архив Федеральной Службы Безопасности (ЦА ФСБ) РФ. Коллекция архивно-следственных материалов Н-18766. Том 8. Л. 58—62.

²¹ Цит. по: Перевод сообщения генерал-майора Наумова... Указ. соч. С. 171.

²² Цит. по: док. № 437 // 1941 год. В 2 кн. / Сост.: Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов, Д. Д. Воробьев, Ю. А. Горьков, В. П. Гусаченко, Л. А. Двойных и др. Научный ред. В. П. Наумов. Кн. 2. М., 1998. С. 162.

²³ Там же. С. 294—295.

²⁴ Цит. по: *Невежин В. А.* Указ. соч. С. 279—280.

²⁵ Последнее воинское звание в РККА установлено по фотографии на военном билете 1941 г. и записи в послужной карте (п/к). См.: Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. XI отдел. Картоотека учета офицерского состава (КУОС). П/к Самыгина Михаила Михайловича, 1915 г. р. По записи в п/к призван на сборы в 436-й сп 155-й сд 5 мая 1941 г. Взят в плен 31 авг. 1941 г. в р-не Погара Орловской обл. В 1943—1944 гг. — капитан РОА, лит. сотрудник газ. «Заря» (Берлин — Дабендорф). Умер в 1964(?) г. на Цейлоне.

²⁶ Правильно для 1941 г.: командиры. Среди эмигрантов «второй волны», служивших в РККА (по 1942 г.) и в РОА, было распространено употребление слова «офицер» даже применительно к периоду советской военной службы.

²⁷ По состоянию на 30 мая 1941 г. здесь дислоцировался штаб 436-го сп 155-й сд.

²⁸ 436-й сп в составе 155-й сд участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. (1-й ск 8-й армии, действовавшей на Петрозаводском направлении).

²⁹ Цит. по: Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Collection В. I. Nikolaevsky. Box 274. Folder 274-25; *Kumaev М.* Советское поражение во Второй мировой войне. Машинопись. Л. 13—14.

³⁰ Взят в плен в сент. 1941 г. на Юго-Западном фронте. Зимой 1944 г. вступил на службу в РОА. Личный адъютант и переводчик генерал-майора М. А. Меандрова (1944—1945), подпоручик РОА (ВС КОНР). После 1945 г. получил медицинское образование. Умер в 2007 г. в США. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 335—338.

³¹ Немецкие офицеры, допрашивавшие 18 июля 1941 г. старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили, предъявили ему трофейное письмо, написанное одним из командиров запаса 11 июня 1941 г. В нем, в частности, автор (Виктор) писал адресату: «Я прохожу испытания как младший лейтенант запаса и хотел бы осенью поехать домой, но это удастся только в том случае, если этой осенью не будет предпринята прогулка в Берлин». Протокол допроса: *Джугашвили* («Читает письмо и бормочет про себя: «Черт возьми!»»). Цит. по: док. № 98. Протокол допроса

немцами военнопленного старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили // Указ. соч. С. 83.

³² Цит. по: *Самутин Л. А.* Я был власовцем... СПб., 2002. С. 16, 18, 28—29.

³³ Взят в плен 10—11 июля 1941 г. после окружения и разгрома части в 25 км западнее Витебска, в одной из деревень Бешенковичского р-на Витебской обл. В 1942—1943 гг. — член БСРН, помощник начальника отдела пропаганды штаба «Дружина Ю». С мая 1943 г. — в РОА. Начальник отдела пропаганды Гв. бригады (батальона) РОА в Стремутке Псковского р-на Псковской обл. Офицер постоянного состава Дабендорфской школы РОА, офицер пропаганды русских батальонов в Дании (1943—1944). В 1945 г. — начальник отдела пропаганды штаба Вспомогательных технических войск КОНР, капитан ВС КОНР. В 1946 г. принудительно репатрирован из Дании в СССР. Осужден на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Срок отбывал в Воркутлаге, активный участник воркутинской забастовки 1953 г. Освобожден в 1955 г. Работал геофизиком в Воркуте, с 1970 г. жил в Ленинграде. Хранитель первого экземпляра рукописи «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына (1969—1973). Умер в 1987 г. в Ленинграде.

³⁴ Взят в плен в окт. 1941 на Брянском (?) направлении. С лета 1942 г. сотрудничал с противником. Служил на строевых должностях в Дабендорфской школе РОА (1943—1944). В 1944—1945 гг. — полковник РОА (ВС КОНР), начальник командного отдела (кадров) центрального штаба власовской армии. Умер в 1973 г. в США. Подробнее о нем см. там же. С. 679—688.

³⁵ Предыдущая должность В. В. Позднякова (с 26 дек. 1939 г.) — старший преподаватель и начальник химической службы Полтавского автотехнического (автомобильного) училища. 67-й ск весной 1941 г. формировался в ХВО.

³⁶ Цит. по: *Поздняков В. В.* О статье К. Кромпади «Из далекого прошлого» // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1973. 13 авг. С. 2.

³⁷ Взят в плен в бою 8—9 марта 1943 г. в р-не Харькова. В июле 1943 г. подал рапорт о вступлении на службу в РОА. Служил в Дабендорфской школе РОА (1943—1944) в чине полковника. В 1945 г. — начальник 1-й объединенной Офицерской школы Вооруженных сил народов России (Offizierschule der ROA), в марте — мае — командир Западной бригады (Reservebrigade der ROA) ВС КОНР. Затем в эмиграции в Западной Германии. Умер после 1960 г. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 483—490.

³⁸ 184-я сд (III формирования) была исключена из общего перечня стрелковых дивизий с 15 сент. 1942 г. С конца февр. 1943 г. новосформированная 184-я сд входила в состав Южной группы генерал-майора С. В. Соколова, образованной 24 февр. в полосе 3-й танковой армии Воронежского фронта.

³⁹ Правильно: Наркоматом. В момент написания настоящих записок все наркоматы в СССР уже были переименованы в министерства.

⁴⁰ Распространенный стереотип.

⁴¹ На направлениях главных ударов.

⁴² Цит. по: Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). Militärgeschi-

chtliche Sammlungen (MSg.) 149/56. Bl. 72—73. Maschinenschrift. Возможно, что текст сохранился не полностью.

⁴³ Взят в плен во время столкновения с моторазведкой противника 27 июня 1941 г. в р-не Екабпилса. С 1942 г. сотрудничал с противником. Член НТС. Начальник Дабендорфской школы РОА (1943—1944). С 14 ноября 1944 г. — член Президиума КОНР, зам. (по делам Военного управления) генерала Власова Генерал-майор ВС КОНР. В 1944—1945 гг. — начальник штаба войск КОНР, практический организатор и создатель власовской армии (около 125 тыс. чел. к 22 апр. 1945). 1 авг. 1946 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 800—824.

⁴⁴ *Александров К. М.* Указ. соч. С. 802, 820.

⁴⁵ От нем. *Offizierslager für Kriegsgefangene Offiziere* — офицерский лагерь для военнопленных офицеров.

⁴⁶ Взят в плен в полубессознательном состоянии в результате тяжелой контузии 26 июля 1941 г. в р-не с. Большая и Малая Зимница Славгородского р-на Могилевской обл. Сотрудничал с противником с 1942 г. В 1943—1944 гг. работал в органах пропаганды. С 14 ноября 1944 г. — член Президиума КОНР, начальник Главного Гражданского управления КОНР. Генерал-майор ВС КОНР. 1 авг. 1946 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 420—430.

⁴⁷ Цит. по: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 427.

⁴⁸ Взят в плен в бессознательном состоянии в результате ранения 25 мая 1942 г. в р-не Барвенково Харьковской обл. Сотрудничал с противником с авг. 1942 г. В 1942—1944 гг. — в Восточных войсках Вермахта и РОА, в т. ч. на строевых должностях. Член КОНР (1944—1945). С 28 янв. 1945 г. — зам. начальника штаба войск КОНР генерал-майора Ф. И. Трухина. Генерал-майор ВС КОНР (27 февр. 1945 г.). Во время пребывания Южной группы войск КОНР в Чехии выехал в р-н Праги со служебным заданием. 5 мая захвачен группой советских партизан. В ответ на нанесенное оскорбление дал командиру группы пощечину и по его приказу был повешен.

⁴⁹ *Александров К. М.* Указ. соч. С. 257.

⁵⁰ Там же. С. 177.

⁵¹ Цит. по: док. № 16. Записка быв. советника посольства Германии в СССР, сотрудника бюро МИД Г. Хильгера от 8 авг. 1942 г. // *Вишнев О. В.* Указ. соч. С. 194—195. В несколько др. редакции см.: ЦА ФСБ РФ. Колл. Н-18766. Том 7. Л. 45—47.

⁵² Цит. по: док. № 16. Указ соч. С. 197.

⁵³ Взят в плен 6 авг. 1941 г. при попытке вырваться из окружения на командирском танке в районе Умани. Сотрудничал с противником с

1942 г. Член НТС. В РОА с 1944 г. Член КОНР (1944—1945). Начальник отдела пропаганды штаба власовской армии (окт. 1944 — февр. 1945). С 27 февр. 1945 г. — генерал-майор ВС КОНР и начальник 1-й объединенной Офицерской школы Вооруженных сил народов России (Offizierschule der ROA). В 1945—1946 гг. — в американском плену, командующий кадрами власовской армии (Общевойсковой группой). От побега отказался и не приветствовал побег офицеров. Накануне репатриации пытался покончить самоубийством. 14 февр. 1946 г. принудительно выдан в СССР. 1 авг. 1946 г. на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июля 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции В. В. Ульяхова лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества. Подробнее о нем см.: *Александров К. М.* Указ. соч. С. 616—631.

⁵⁴ Вместе с М. А. Меандровым и С. К. Бородиным в Ландсхуте сидели еще четыре генерал-майора власовской армии: В. Г. Ассберг (подлинная фамилия *Арцезо*; на 1942 г. — полковник РККА, зам. командующего 57-й армией Юго-Западного фронта по танковым войскам), А. Н. Севастьянов (герой Первой мировой войны, кавалер семи орденов, включая орден св. Георгия IV ст.; на 1941 г. — командир РККА на аттестации, служил начальником артиллерии 266-й сд (I формирования) 21-й армии Юго-Западного фронта), чины Белых армий, генерал-майоры В. И. Ангилеев и В. Ф. Белогорцев, служившие в 1944 г. в Русском Охранном Корпусе.

⁵⁵ Возможно, по случаю годовщины учреждения КОНР, провозглашения Пражского манифеста 1944 г. в Праге и Берлине, а также начала формирования власовской армии — Вооруженных сил КОНР. В тот момент генерал-майор М. А. Меандров считался старшим офицером ВС КОНР (РОА) в американском плену.

⁵⁶ Так в дневнике.

⁵⁷ С 27 апр. 1940 г. и до весны 1941 г. полковник М. А. Меандров занимал должность начальника штаба 37-го ск (КОВО).

⁵⁸ Цит. по: ВА-МА. MSg. 149/3. Borodin Tagebuch Bl. 155—155 (Ruckseite). Maschinenschrift.

Марк Солонин

УДАР ПО АЭРОДРОМАМ - МИФЫ И ФАКТЫ

Из всех мифов о начале войне, созданных советской «научно-исторической» пропагандой, этот — самый абсурдный и самый живучий. «На рассвете 22 июня 1941 г. немецкая авиация нанесла сокрушительный удар по аэродромам советских ВВС... Атаковано 66 аэродромов... В первый день войны на земле было уничтожено 800 самолетов... 1200 самолетов... Более 2000 самолетов... Еще до полудня 22 июня на аэродромах было уничтожено 1200 самолетов... Уничтожив в первые же часы войны главные силы советской авиации, противник...»

Это «знают» все. Об этом написаны (буквально такими или же похожими словами) сотни книг и десятки тысяч газетных статей. В отстаивании этой «истины» оказались едины партийные «историки от ГлавПУРа» и автор «Ледокола». Каждый школьник, готовясь к выпускному экзамену, должен был выучить эти заклинания наизусть.

Как и положено настоящему мифу, этот живет по своим собственным законам, не только не нуждаясь в каком-либо документальном подтверждении, но и не ослабевая от того потока новых фактов, которые стали доступны всем желающим с начала 90-х гг. Уже одно только сравнение сакраментального числа «1200 самолетов» с общей численностью группировки советской авиации на Западном ТВД показывает, что **87% (шесть из семи)** самолетов от «внезапного нападения» не пострадали вовсе. И на следующий день после пресловутого «1200, из них 800 на земле» советские ВВС долж-

ны были многократно превосходить в численности своего противника. Потери летного состава — а это и есть основа основ боеспособности военной авиации — были (в процентном отношении) и вовсе ничтожными. Что же тогда привело к катастрофическому разгрому?

Миф о «мирно спящих аэродромах» был старательно вылеплен коммунистическими пропагандистами отнюдь не случайно. Во-вторых, история про мирно спящую страну, ставшую объектом подлого вероломного нападения, была очень кстати — эта легенда снимала много «ненужных» вопросов о реальных планах и задачах товарища Сталина. Но даже не это было самым главным. Прежде всего нужно было вбить в сознание современников трагедии, их детей и внуков представление об объективной неизбежности, неотвратимости того, что произошло летом 41-го. Для чего как нельзя лучше подходил миф о некоей «супер-экстра-эффективности», **неотъемлемо присущей** такому тактическому приему, как удар по аэродромам. Вероломный противник, воспользовавшись наивной доверчивостью товарища Сталина, смог воспользоваться этим чудодейственным приемом — и вот с этого все беды и начались...

В стремлении представить удар по аэродромам в качестве «волшебной палочки», способной в считанные часы переломить ход войны в воздухе, советские историки-пропагандисты исхитрились превзойти во вранье даже самого брехливого д-ра Геббельса. Так, за всю кампанию мая — июня 1940 г. французская авиация безвозвратно потеряла от ударов по аэродромам **234 самолета** (что составило всего 26% от ее общих потерь). Базировавшиеся во Франции истребительные части английской авиации в первые шесть дней майских боев потеряли на земле всего 4 (четыре) самолета. Разумеется, столь скромные цифры не устраивали нацистскую пропаганду, поэтому германские информационные агентства заявили, что уже 11 и 12 мая 1940 г. на земле было уничтожено 436 самолетов противника.

Один же из многих советских профессоров, академик РАН, доктор военных наук и прочая утверждает, что *«10 мая в результате ударов по 12 французским аэродромам было уничтожено несколько сот самолетов, а 11 и 12 мая состоялись повторные массированные удары, которые вывели из строя еще 700—750 французских самолетов...»*.

Прежде чем перейти к обсуждению краткой теории вопроса, разберем один конкретный фактический пример.

Ровно через три дня после рокового утра 22 июня, на рассвете 25 июня 1941 г. авиация Северного фронта (Ленинградского военного округа) совместно с ВВС Балтийского и Северного флотов нанесла массированный удар по аэродромам Финляндии. Не отвлекаясь ни на секунду на обсуждение политических причин, приведших к этому событию, и его долгосрочных стратегических последствий (об этом автором настоящей статьи написана уже 700-страничная книга, с которой все интересующиеся могут ознакомиться), перейдем сразу же к анализу сугубо военных аспектов операции. В известной монографии генерал-майора авиации, доктора наук, профессора М. Н. Кожевникова («Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне») читаем:

«...Рано утром 25 июня 236 бомбардировщиков и 224 истребителя нанесли первый массированный удар по 19 аэродромам [здесь и далее выделено мной. — М. С.]. Враг, не ожидая такого удара, был фактически застигнут врасплох и не сумел организовать противодействия. В результате советские летчики успешно произвели бомбометание по стоянкам самолетов, складам горючего и боеприпасов. На аэродромах был уничтожен 41 вражеский самолет. Наша авиация теперь не имела. В последующие пять суток по этим

же и вновь выявленным воздушной разведкой аэродромам было нанесено еще несколько эффективных ударов. По данным воздушного фотоконтроля, советские летчики, атаковав в общей сложности 39 аэродромов, произвели около 1000 самолето-вылетов, уничтожили и вывели из строя 130 самолетов противника. Командование немецко-фашистских войск в Финляндии и Северной Норвегии было вынуждено оттянуть свою авиацию на дальние тыловые аэродромы...»

Согласитесь, этот текст во многом совпадает со стандартным описанием первого удара Люфтваффе по советским аэродромам. И количественные параметры (460 самолетов в «первой волне») вполне сопоставимы с действиями самого мощного, 2-го воздушного флота Люфтваффе в небе над Западной Белоруссией. Разница — причем разница разительная — обнаруживается только в результатах. Даже если исходить из версии Кожевникова, получается, что, располагая подавляющим численным превосходством, советские ВВС затратили 1000 вылетов для того, чтобы за шесть дней (а вовсе не за шесть первых часов!) уничтожить 130 самолетов противника. В среднем 7,7 вылета на один уничтоженный самолет противника. Уже эта арифметика как-то слабо сочетается с легендой про «1200, из них 800 — на земле».

Документы же командования ВВС Северного фронта, хранящиеся в ЦАМО, и работы современных финских историков рисуют совершенно другую картину. Единственным словом правды в сочинении профессора Кожевникова следует признать название месяца (июнь). Все остальное — на фоне реальных фактов — смотрится как образец «черного юмора».

Операция продолжалась ровно два дня, причем уже на второй день (26 июня) бомбардировочные части ВВС Северного фронта выполнили лишь несколько разведывательных полетов над финской территорией. Общее число аэродромов реального базирования фин-

ской авиации, которые стали объектом бомбового удара, равно семи. Только на одном аэродроме (в городе Турку) был выведен из строя **один-единственный самолет** финских ВВС. По странной иронии судьбы, им оказался трофейный советский бомбардировщик СБ. Все остальные «удары по аэродромам» были или вовсе безрезультатны, или привели к тяжелым потерям нападающих. За два дня операции ВВС Северного фронта и ВВС Балтфлота безвозвратно **потеряли 24 бомбардировщика**. Никакого перебазирования финской авиации «на дальние тыловые аэродромы» не было и в помине. Совершенно фантастические цифры («39 аэродромов», «130 самолетов противника») невозможно даже отдаленно связать с какими-либо реальными событиями.

Теперь «подкрутим резкость» и рассмотрим один из эпизодов операции 25 июня более подробно. В 11:45 большая группа (14 или 15, по данным разных источников) бомбардировщиков СБ из состава 72 БАП на относительно малой высоте (1000 м, по финским данным) подошла к аэродрому Йоройнен. Тактически грамотные действия командования полка, казалось бы, были дополнены и элементом везения — бомбардировщики подошли к аэродрому именно в тот момент, когда 2-я эскадрилья истребительной группы LLv-26 после длительного патрулирования в воздухе с пустыми баками приземлилась на аэродром. Именно такая ситуация (вражеский налет на аэродром во время заправки вернувшихся с патрулирования самолетов) часто используется в отечественной историографии для объяснения колоссальных «наземных» потерь советских ВВС: немцы якобы всегда прилетали «не вовремя». Ударная группа 72 БАП прилетела для бомбежки аэродрома Йоройнен тоже совсем «не вовремя» (с точки зрения финнов). Да вот только реакция финских летчиков-истребителей оказалась совершенно своевременной и четкой.

Два истребителя на последних литрах бензина медленно поднялись в воздух и атаковали многократно превосходящего в численности противника. В результате три бомбардировщика были сбиты непосредственно в районе аэродрома, а остальные, беспорядочно сбросив бомбы, развернулись на обратный курс. Через несколько минут вызванная по радио 3-я эскадрилья LLv-26 перехватила бомбардировщики 72 БАП в районе поселка Керисало (12 км к юго-востоку от Йоройнен). В завязавшемся воздушном бою ударная группа 72 БАП была окончательно разгромлена. Судя по отчету командира финской эскадрильи лейтенанта У.Ниеминена, к концу боя уцелело только четыре СБ, *«за одним из которых тянулся дымный шлейф»*. Фактически финские истребители сбили не 10 (как было ими заявлено), а 9 бомбардировщиков 72 БАП. Десятый СБ был сбит уже над советской территорией советским истребителем. Среди погибших был и командир эскадрильи 72 БАП капитан Поляков. Финская же истребительная группа LLv-26 не потеряла в тот день ни одного самолета ни в воздухе, ни на земле.

Этот пример позволяет сразу же выявить то главное, что определяет все «плюсы и минусы» удара по аэродромам как одного из элементов войны в воздухе. Война — это вооруженное противоборство **двух сторон, двух противников, каждый из которых** для достижения победы проявляет упорство, мужество и находчивость. «В поле две воли» — говорит старинная русская поговорка. И если обсуждать удар по аэродромам в терминах и категориях войны (т.е. с учетом активного противодействия вооруженного противника), то этот тактический прием представляется очень сложным, затратным и рискованным мероприятием.

Прежде всего потому, что главная составляющая боевой авиации — это не самолеты, а летчики. Удар по аэродромам — даже самый удачный для нападающей стороны — приводит всего лишь к уничтожению само-

летов. А самолеты в авиации — не более чем расходный материал. Нападающая же сторона теряет в воздухе над аэродромом **не только самолеты, но и летчиков**. Причем **теряет безвозвратно** — сбитый над аэродромом пилот или погибнет (воспользоваться парашютом на малой высоте практически невозможно), или окажется в плену. И то и другое на военном языке называется «безвозвратной потерей».

Во-вторых, уничтожить самолет на земле гораздо труднее, нежели в воздухе. Летящий объект уязвим в полете. Одна-единственная пробоина в радиаторе охлаждения двигателя, одна-единственная тяга управления, перебитая осколком зенитного снаряда, кусок обшивки руля высоты, вырванный разрывом снаряда самой малокалиберной авиапушки, приведут к падению или — в самом благоприятнейшем случае — к вынужденной посадке, при которой самолет, скорее всего, будет окончательно разрушен. Если эта посадка произойдет на территории противника (а во время налета на вражеский аэродром так скорее всего и получится), то подбитый самолет перейдет в разряд «безвозвратных потерь». Опять же вместе с крайне дефицитным на войне летчиком.

Безвозвратно уничтожить стоящий на земле самолет возможно только при прямом попадании в него авиабомбы. Осколочные «ранения» от разорвавшейся в стороне авиабомбы могут вывести самолет из строя, но **лишь на время ремонта**. А это время — в зависимости от тяжести повреждений, оснащенности и квалификации ремонтных служб — может составить всего несколько дней или даже несколько часов.

Легко ли добиться прямого попадания бомбой в самолет? По данным ГУ ВВС Красной Армии, экипаж бомбардировщика СБ при бомбометании с высоты 2 км в среднем добивался попадания 39% сброшенных бомб в прямоугольник 200 на 200 метров, причем среднее круговое отклонение от точки прицеливания составля-

ло 140 метров. Проще говоря — ни о каком прицельном бомбометании по такой точечной цели, как самолет, не могло быть и речи. Более того, для прицельного бомбометания нужно видеть цель — а вот с этим в случае удара по аэродромам возникают большие проблемы.

Простейшие маскировочные сети (а то и простая охапка зеленых веток) в сочетании с ложными целями (простыми и дешевыми, сколоченными из фанеры, досок и картона макетами самолетов) делают задачу визуального обнаружения самолета на земле почти неразрешимой. Реализовать это «почти» можно было, только снизившись на предельно малые высоты (50—100 м), что совсем не просто (никаких автоматов отслеживания рельефа местности тогда еще не было и в помине) и очень опасно (на такой высоте самолет могут сбить даже плотным винтовочным огнем). Но и это еще не все — для того чтобы исключить поражение самолета осколками сброшенной им же бомбы, бомбометание должно было производиться или с высоты более 300—500 метров, или с использованием взрывателя замедленного действия. Однако последний способ оказался еще менее эффективным, так как горизонтально летящая бомба после сброса с предельно малой высоты рикошетировала и падала в совершенно случайной точке.

Фугасная авиабомба весом в 100 кг (наиболее массовый боеприпас бомбардировочной авиации начала войны) оставляла в фунте воронку диаметром 10—15 метров. Сотня мобилизованных мужиков из соседней деревни могла засыпать ее за полчаса. Вручную. С применением техники восстановить разрушенную налетом грунтовую взлетно-посадочную полосу было еще проще. При этом надо иметь в виду, что, например, истребитель И-16 последних модификаций (тип 28, тип 29) имел взлетную скорость 130 км/час, длину разбега — 210 м, длину пробега — 380 м. Взлетно-посадочной по-

лосой для истребителей такого класса могла служить ровная поляна, утрамбованная катком или выложенная легкосъёмными металлическими панелями. Поэтому попытки вывести аэродром из строя посредством разрушения грунтовых ВПП были бы еще более затратным и крайне малоэффективным занятием.

Важно отметить, что легенда про суперэффективность удара по аэродромам была придумана советскими «историками» задним числом. Придумана тогда, когда потребовалось найти относительно пристойные объяснения страшного разгрома советских ВВС летом 1941 г. Военным же специалистам весьма ограниченные возможности этого тактического приема были хорошо известны еще до 22 июня 1941 г.

Уже на основании изучения опыта войны в Испании были сделаны совершенно верные выводы:

«...В первый период войны обе стороны вели интенсивные действия по аэродромам с целью завоевания господства в воздухе. В последующем, однако, они почти полностью отказались (здесь и далее выделено мной. — М. С.) от этого. Опыт показал, что действия по аэродромам дают весьма ограниченные результаты.

Во-первых, потому, что авиация располагается на аэродромах рассредоточенно (не более 12—15 самолетов на аэродром) и хорошо маскируется;

во-вторых, аэродромы прикрываются зенитной артиллерией и пулеметами, что заставляет нападающую авиацию сбрасывать бомбы с большой высоты при малой вероятности попадания;

в-третьих, повреждение летного поля авиабомбами получается настолько незначительное, что почти не задерживает вылета самолетов противника; небольшие повреждения летного поля быстро исправлялись, а нарушенная связь восстанавливалась.

Очень часто бомбардировщики сбрасывали бомбы на пустой аэродром, так как авиация противника

успевала заблаговременно подняться в воздух. Например, в июле 1937 г. мятежники произвели 70 налетов на аэродром в Алькала группами до 35 самолетов. В результате этих налетов было ранено 2 человека, разрушено два самолета и грузовик...» (275).

Следом за Испанией последовали бои в Китае и на Халхин-Голе. Новый боевой опыт опять же показал, что удар по аэродромам остается важной, но отнюдь не единственной составляющей борьбы за господство в воздухе. На известном совещании высшего командного состава РККА 23—31 декабря 1940 г. боевой опыт был обобщен следующим образом:

Г. П. Кравченко: *«Основным является воздушный бой... Я основываюсь на своем опыте. Во время действий на Халхин-Голе для разгрома одного только аэродрома мне пришлось вылетать несколько раз в составе полка. Я вылетал, имея 50—60 самолетов, в то время как на этом аэродроме имелось всего 17—18 самолетов».*

С. М. Буденный: *«Вы сказали о потерях на аэродромах, а вот какое соотношение в потерях на аэродромах и в воздухе?»*

Г. П. Кравченко: *«Я считаю, что соотношение между потерями на аэродромах будет такое: в частности на Халхин-Голе у меня было так — 1/8 часть я уничтожил на земле и 7/8 в воздухе».*

Г. М. Штерн: *«И примерно такое же соотношение и в других местах».* (276).

Схожие закономерности проявились и в ходе знаменитой «Битвы за Британию». Так, за первые четыре дня немецкого авиационного наступления, с 12 по 15 августа 1940 г. пилоты Люфтваффе уничтожили на аэродромах 47 **английских** истребителей — ценой потери 122 **собственных** самолетов. И это при том, что численность трех воздушных флотов Люфтваффе, задействованных в ударе, была больше, чем в начале «Барбароссы», и единственной боевой задачей этой воз душ-

ной армады было подавление Королевских ВВС, в то время как при вторжении в СССР Люфтваффе были вынуждены выделить значительную часть сил на огневую поддержку сухопутных войск, на разрушение дорог, переправ и складов в тылу Красной Армии, оперативную разведку и пр.

Следующий «раунд» схватки в небе над аэродромами Королевских ВВС состоялся с 23 августа по 7 сентября. Англичане потеряли тогда (главным образом, в воздухе, а не на земле) 277 истребителей, за что Люфтваффе заплатили потерей 378 самолетов всех типов. С учетом того, что многим английским пилотам удалось благополучно воспользоваться парашютом и приземлиться на собственной территории, соотношение потерь летчиков (в разные периоды «Битвы за Британию») составляло 5 к 1 или даже 7 к 1. Разумеется, не в пользу нападающей стороны.

Возвращаясь к истории Великой Отечественной войны, мы также можем констатировать весьма красноречивые факты. На протяжении всей войны потери самолетов советских ВВС на аэродромах составляли самую малую категорию потерь. Конкретно, в 1942, 1943, 1944 гг. от ударов противника по аэродромам было безвозвратно потеряно, соответственно, **204, 239, 210 самолетов, что составило 2,47, 2,52, 2,68%** от общего числа безвозвратных потерь. Другими словами, на огромном по протяженности фронте огромная по численности (не менее 10 тыс. боевых самолетов) советская военная авиация теряла от ударов по аэродромам менее одного самолета в день!

При всем при этом в определенных ситуациях такой тактический прием, как удар по аэродромам базирования вражеской авиации, может оказаться целесообразным (или даже единственно возможным). Смысл и задачу удара по аэродромам можно предельно коротко сформулировать так: безвозвратная потеря самолетов и летчиков в обмен на **кратковременное** пре-

восходство в воздухе. Подвергшиеся удару аэродромы противника и базирующиеся на них авиачасти быстро восстановят свою боеспособность, но на войне бывают ситуации, когда и выигрыш пары часов решает исход операции. Вот почему перед началом крупных наступательных операций нередко проводились массированные налеты на аэродромы противника. Достигаемое этим временное снижение активности вражеской авиации являлось существенной помощью наземным войскам на самом трудном для них этапе прорыва обороны противника.

Бывали ситуации, когда удары по аэродромам и вообще становились единственным возможным средством вооруженной борьбы. Например, в начале 1941 г. и английская, и немецкая бомбардировочная авиация перешла к тактике ночных налетов на города и военные базы противника. Несмотря на огромные усилия (и немалые успехи) в деле создания и освоения в боевых частях средств радиолокационного обнаружения самолетов, ночные истребители оказались на тот момент бессильными в противоборстве с невидимыми в ночном мраке бомбардировщиками. Ничего другого, кроме крайне малоэффективных и ведущих к огромным потерям налетов на аэродромы базирования бомбардировщиков противника, предпринять тогда оказалось практически невозможно.

Переходя теперь от этих общих соображений к реальным событиям 22 июня 1941 г., мы можем однозначно констатировать, что решение командования Люфтваффе о нанесении массированного удара по советским аэродромам было вполне оправданно. Более того, у немцев просто не было других шансов захватить хотя бы временное господство в воздухе при том соотношении сил, которое существовало утром 22 июня. Ситуация, в которой Люфтваффе вступали в войну на

Восточном фронте, могла на первый взгляд показаться безнадежной. Сил было крайне мало. Мало по сравнению с численностью авиации противника (т.е. советских ВВС), мало по сравнению с любыми теоретическими нормативами, мало по сравнению с опытом проведения прежних кампаний.

В мае 1940 г. немцам удалось сосредоточить на Западном фронте самую большую группировку сил Люфтваффе за все время Второй мировой войны. Наступление Вермахта в Нидерландах, Бельгии и северной Франции, на фронте протяженностью в 300 км по прямой (от Арнема до Саарбрюкена), с воздуха поддерживали два воздушных флота (2-й и 3-й), в составе которых насчитывалось 27 истребительных и 40 бомбардировочных авиагрупп, 9 групп пикировщиков Ju-87 и 9 групп многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего **85 групп, 3641 боевой самолет** (и это без учета устаревших бипланов «Арадо» Ar-68 и «Хеншель» Hs-123, без учета разведывательной, транспортной, санитарной авиации). Оперативная плотность — **12 боевых самолетов на километр фронта** наступления.

22 июня 1941 г. на Восточном фронте было сосредоточено (с учетом частей Люфтваффе, дислоцированных в Северной Норвегии и Румынии) 22 истребительные и 29 бомбардировочных авиагрупп, 8 групп пикировщиков Ju-87 и 4 группы многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего **63 группы**, на вооружении которых числилось порядка **2350 боевых самолетов** (включая неисправные). Точную цифру назвать невозможно в принципе — самолеты в ВВС являются расходным материалом, который прибывает, убывает, ломается, чинится, передается с баланса одной структуры на баланс другой. Причем все это происходит во время войны, сама природа которой не предполагает возможность ведения учета, подобного принятому на современном компьютеризованном складе...

После предшествующих многомесячных боев в небе

над Балканами и Средиземным морем техническое состояние самолетного парка Люфтваффе было удручающим. Средний процент боеготовых самолетов составлял 77%. Такие авиагруппы, как II/JG-77, III/JG-27, I/StG-2, II/KG-53, III/KG-3, I/ZG-26, прибыли на Восточный фронт, имея на вооружении менее половины штатного числа исправных самолетов.

Минимальная протяженность фронта наступления даже в самый первый день войны составляла 800 км по прямой (от Клайпеды до Самбора). Уже через две недели ширина фронта увеличилась почти в два раза (1400 км по прямой от Риги до Одессы). Даже без учета потерь первых дней войны средняя оперативная плотность немецкой авиации снизилась до **2 самолетов на километр** фронта наступления (опять же включая неисправные). К этому остается только добавить, что по предвоенным представлениям советской военной науки фронтовая наступательная операция требовала создания плотностей в 15—20 самолетов на километр. Даже Гитлер, хотя его и принято считать параноиком, понимал несоразмерность сил и задач: *«При такой огромности пространства Люфтваффе не в состоянии одновременно обработать его целиком; в начале войны авиация может господствовать только над частями гигантского фронта...»*

В среднем по числу легчиков-истребителей (с учетом ВВС Черноморского и Балтийского флотов) советская авиация имела четырехкратное превосходство над противником (расчет по числу самолетов-истребителей приводит к еще большим цифрам, так как во многих истребительных полках советских ВВС самолетов было в 1,5—2 раза больше, чем легчиков). На северном и южном флангах огромного фронта (т.е. в Прибалтике и на Украине) численное превосходство советской истребительной авиации было просто подавляющим: 7 к 1 в полосе наступления немецкой группы

армий «Север» и 5 к 1 в полосе наступления группы армий «Юг».

Весьма показательно и сравнение с численностью авиации других противников Германии. В мае 1940 г. истребительные силы французской авиации в зоне боевых действий насчитывали 34 эскадрильи, т.е. порядка 400—450 истребителей. С учетом истребительной авиации Голландии, Бельгии и экспедиционных сил британских ВВС численность группировки западных союзников возрастает до **50 эскадрилий, 600—650 летчиков**. Советские ВВС (истребительная авиация пяти западных округов и двух военно-морских флотов) имели в своем составе порядка **260 эскадрилий, 3550 летчиков** (самолетов-истребителей было значительно больше). Что же касается технического совершенства, то «ишаки» (И-16) последних модификаций ни в чем не уступали (а по всем показателям горизонтальной и вертикальной маневренности превосходили) основной истребитель французских ВВС «Моран-Солнье» MS-406. Советские истребители «новых типов» (МиГ-3, Як-1) ни в чем не уступали лучшему (для мая 1940 г.) французскому истребителю «Девуатин» D-520, причем если в ВВС Франции 10 мая 1940 г. числилось всего 36 «Девуатинов», то в составе советских ВВС пяти западных приграничных округов к 22 июня 1941 г. числилось уже 903 МиГа и 103 Як-1.

Ничуть не менее внушительными казались и потенциальные возможности советской бомбардировочной авиации. 22 июня 1941 г. в составе группировки советской авиации (с учетом ДВА и авиации ВМФ) числилось 1300 ДБ-3/3ф, 1750 СБ, 205 Пе-2, 140 Ар-2, 195 Су-2 и 50 Як-2/4. На вооружении группировки Люфтваффе на Восточном фронте было 520 Ju-88, 300 He-111, 340 Ju-87 и 130 Do-17. Суммарный «бомбовый запл» (считая по максимальной бомбовой нагрузке) советской авиации был в 2,5 раза больше, чем у противника (6480 и 2550 тонн соответственно). Следует отметить и

то обстоятельство, что значительно большее число самолетов-носителей делало советскую группировку менее уязвимой для ПВО противника и теоретически обеспечивало большую вероятность регулярной «доставки» этих 6,5 килотонн к вражеским объектам.

В такой ситуации командование Люфтваффе вынуждено было прибегнуть к такому рискованному и затратному тактическому приему, как массированный удар по аэродромам базирования советских ВВС. Еще раз подчеркнем — это был **вынужденный шаг, чреватый огромными потерями**, а вовсе не «волшебная палочка», удачно найденная немцами и недоступная их противникам.

К каким же результатам привело это решение на практике?

Как ни странно, но конкретный и аргументированный ответ на этот вопрос неизвестен и по сей день. Точнее говоря, известна лишь одна составляющая ответа — потери Люфтваффе оказались вполне ощутимыми. Выполнив 22 июня 1941 г. порядка 4 тысяч боевых вылетов, немецкая авиация потеряла безвозвратно («повреждения от 100 до 60%, приводящие к списанию самолета» по принятой в Люфтваффе классификации) 60 боевых самолетов (истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков и пикировщиков). Еще 54 машины получили повреждения меньшей степени тяжести. Общие потери составили, таким образом, **114 самолетов** (1-й воздушный флот — 9, 2-й воздушный флот — 47, 4-й воздушный флот — 58). Во все эти цифры не включены потери, связанные с авариями при взлете, столкновениями в воздухе и прочими причинами, явно не связанными с противодействием противника.

Разумеется, стакан, в который налито 100 мл воды, можно с равным основанием назвать «наполовину пустым» или же «наполовину полным». Безвозвратная по-

тер я 60 самолетов за один день была для немцев «непозволительной роскошью». Авиационная промышленность Германии в 1941 г. продолжала работать в одну смену и выпускала в среднем 10 бомбардировщиков и 8 истребителей в день. При таких пропорциях производства и потерь вся группировка Люфтваффе на Восточном фронте могла «закончиться» за два месяца.

С другой стороны, в первый день войны на Западном фронте (10 мая 1940 г.) немцы безвозвратно потеряли 147 самолетов (и это не считая 157 транспортных «Юнкерсов», сбитых 10 мая в ходе высадки воздушного десанта в Голландии). Учитывая указанное выше соотношение численности советских и французских истребителей, потери Люфтваффе на Восточном фронте представляются неправдоподобно низкими. Не будем забывать и про 1039 зенитных батарей (именно батарей, а не зенитных орудий), стоявших на вооружении войск западных приграничных округов СССР. И совсем уже странно выглядят потери 1-го Воздушного флота Люфтваффе, который, имея своим противником ВВС Северо-Западного фронта (Прибалтийского военного округа), в составе которого числилось 8 истребительных авиаполков (418 летчиков-истребителей), потерял безвозвратно всего 3 (три) боевых самолета.

Если потери немецкой стороны известны с точностью до единиц, то о потерях советских ВВС остается строить лишь более-менее правдоподобные гипотезы. И в данном случае проблема заключается даже не в закрытости архивов, а в отсутствии самих первичных документов. Территория Белостокского выступа, в котором были развернуты 11, 9 и 10-я авиадивизии, понесшие 22 июня 1941 г. самые большие потери (как принято считать, 654 самолета, что составляет больше половины от сакраментальной цифры «1200 самолетов»), была покинута беспорядочно отступающей Красной Армией в первые 3—4 дня войны. В ходе этой беспримерной катастрофы без вести пропали десятки

генералов, тысячи танков и сотни тысяч солдат. Никакого «реестра самолетов» с точным указанием перечня поврежденных, полученных ими во время удара по «мирно спящим аэродромам», с указанием времени налета вражеской авиации (что позволило бы соотнести его с известными и доступными документами Люфтваффе), просто никогда не существовало.

Командующий ВВС Западного фронта генерал-майор И. Копец погиб 22 июня при неизвестных по сей день обстоятельствах (застрелился или был застрелен; свою версию событий автор изложил в книге «23 июня: день М»). Временно исполнявший его обязанности генерал-майор А. Таюрский был арестован 8 июля 1941 г. и расстрелян. Командир 11-й САД полковник Ганичев погиб 22 июня во время обстрела вражеской авиацией аэродрома в городе Лида. Командир 9-й САД генерал-майор С. Черных арестован в начале июля, расстрелян. 26 июня 1941 г. арестован командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-майор А. Ионов, 27 июня арестован командующий ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Е. Птухин, оба расстреляны. 12 июля арестован начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта генерал-майор Н. Ласкин, расстрелян...

В Центральном архиве МО рассекречено и доступно всем желающим архивное дело 9-й САД. Это пожелтевшая от времени картонная папка со множеством синих печатей и штампов на обложке. Внутри папки листок бумаги размером с коробку папирос «Казбек». На листочке написано, что дивизия была разгромлена в первые дни войны, а штабные документы не сохранились. И это — **все!** В выше уже упомянутой академически солидной монографии Кожевникова после цифр потерь авиации Западного фронта стоит ссылка на популярную книжку «Авиация и космонавтика СССР». Это так же уместно, как, к примеру, ссылка на роман Жюль Верна в монографии по проектированию подводных лодок. И это, заметьте, при том,

что в десятках других, гораздо менее значимых случаев, Кожевников дает, как это и принято в историческом исследовании такого масштаба, ссылку на архивные фонды. Маршал Г. В. Зимин в своей предназначенной для командного состава ВВС работе «Тактика в боевых примерах», повторив положенное заклинание (*«противнику удалось уничтожить до 1200 самолетов, в том числе 800 на аэродромах»*), дает ссылку... на пропагандистскую брошюру «Боевая слава советской авиации», выпущенную в 1953 г.! И это опять-таки при том, что в конце монографии Зимина идет несколько страниц непрерывных ссылок на фонды ЦАМО.

Тем не менее некоторые крохи информации сохранились. В 1962 г. Главный штаб Военно-воздушных сил СССР подготовил сборник «Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. в цифрах». В качестве авторов-составителей сборника названо 26 человек в званиях от генерал-майора до подполковника. К слову говоря, генерал-майор М. Н. Кожевников в этом перечне также присутствует. Сборник был изготовлен на ротапринтере крохотным тиражом и под грифом «Сов. секретно». Рассекречен в 1992 г. В 2006 г. размещен Ю. Минкевичем и П. Андрияновым на интернет-сайте (http://ilpilot.narod.ru/vvs_tsifra/index.html). Гораздо раньше, в 1964—1965 гг., была рассекречена многотомная серия «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны». В томе № 35 находится доклад третьего по счету командующего ВВС Западного фронта генерал-майора Н. Науменко, подписанный им 31 декабря 1941 г.; том № 36 содержит подписанный 21 августа 1941 г. доклад нового командующего ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Ф. Астахова о боевых действиях авиации фронта в первые дни и недели войны. Ни Астахов, ни Науменко не были участниками событий первых дней войны; с одной стороны, это снижает достоверность содержащихся в докладах фактов и выводов, с другой — делает их со-

ставителей более свободными в оценках (не они несут персональную ответственность за страшный разгром).

Первое же, что бросается в глаза при работе с этими документами, — ни одна цифра не сходится с другой, что уже достаточно красноречиво свидетельствует об отсутствии сколь-нибудь достоверного учета численности самолетов и их потерь в первые дни войны. В докладе Науменко прямо сказано, что *«по сохранившимся отрывочным данным судить о полных результатах работы авиации за этот начальный этап войны нет возможности, ввиду убытия тех частей, которые вели боевую работу в те дни, и слабого учета авиации в то время»*. Так, например, в отчете Науменко сказано, что *«за день 22.06.41 г. авиацией противника были уничтожены на аэродромах и в воздушных боях 538 самолетов»*. Составители же сборника «Советская авиация в ВОВ» приводят составленный предположительно в июле 1941 г. документ за подписью начальника штаба ВВС Западного фронта полковника Худякова, из которого следует, что только на земле было потеряно 528 самолетов, общие же боевые потери дня составили 732 самолета.

Монография М. Н. Кожевникова сообщает, что *«9-я САД потеряла 347, 10 САД — 180, 11-я САД — 127 самолетов... За день враг уничтожил 387 истребителей и 351 бомбардировщик ВВС Западного особого военного округа»*. Эти кочующие из книги в книгу так называемые «уточненные данные» категорически не стыкуются со школьной арифметикой и составом самолетного парка авиадивизий Западного фронта. А именно: две бомбардировочные дивизии ВВС Западного фронта (13-я БАД и 12-я БАД) потеряли 22 июня, соответственно, 61 и 2 бомбардировщика. В составе трех «смешанных» (по принятой тогда терминологии) дивизий первого эшелона ВВС фронта (11-я САД, 9-я САД, 10-я САД) числилось всего 172 бомбардировщика. Даже если предположить, что все они были уничтожены в

первый день войны, то и тогда суммарные потери ВВС фронта составят 235, но никак не 351 бомбардировщик. Далее, если все 172 бомбардировщика, входившие в состав этих дивизий, были на самом деле потеряны в первый день (предположение достаточно опрометчивое), то тогда число потерянных истребителей должно составить 482 самолета, но уж никак не 387. Если же не все бомбардировщики 9, 10 и 11-й дивизий были уничтожены, то тогда цифра потерь истребителей арифметически должна стать еще больше...

И тем не менее во всем этом хаосе можно выявить некоторые вполне достоверные факты, позволяющие затем сформулировать и достаточно обоснованные гипотезы.

В сборнике «Советская авиация в ВОВ» приведены данные по численности самолетного парка ВВС фронтов по состоянию на 22, 24, 30 июня и 10 июля. Сведем эту информацию в две нижеследующие таблицы:

Таблица 1

Истребители	22 июня	24 июня	30 июня	10 июля
С-З. фронт	664	391	98	89
Зап. фронт	939	203	125	105
Ю-З. фронт	1190	424	450	248
Юж. фронт	676	нет данных	445	537
ВСЕГО:	3469	1463	1118	979

Таблица 2

Бомбардировщики	22 июня	24 июня	30 июня	10 июля
С-З. фронт	453	238	56	57
Зап. фронт	535	292	263	214
Ю-З. фронт	587	461	369	147
Юж. фронт	309	нет данных	161	133
ВСЕГО:	1884	1152	849	551

Примечание: суммарное число самолетов на 24 июня подсчитано в предположении, что численность самолетов ВВС Южного фронта (Одесский военный округ) по состоянию на 24 июня была как минимум равна численности на 30 июня.

Первый и очевидный вывод из этих фактов заключается в том, что никакого «полного уничтожения» советских ВВС в первый день (или даже в первые дни) войны не произошло. И 24, и 30 июня авиация четырех фронтов (бывших приграничных военных округов) не уступала в численности противнику. С учетом же того, что за спиной этой группировки находились части дальнебомбардировочной авиации (более 1000 самолетов), с учетом того, что ВВС Черноморского и Балтийского флотов (порядка 700 истребителей и 300 бомбардировщиков, не считая гидросамолеты) понесли в первые дни войны лишь единичные потери, советская авиация вплоть до конца июня 1941 г. имела **значительное численное превосходство над противником**. К 10 июля численность ВВС четырех вышеуказанных фронтов становится несколько меньше числа самолетов Люфтваффе (хотя по истребителям все еще сохраняется примерное равенство сил), но к этому моменту в войну с немцами вступила авиация Северного фронта (Ленинградского округа), а это еще порядка 800 истребителей (в том числе 163 МиГ-3 и 20 Як-1) и 350 бомбардировщиков.

Можно обсуждать вопрос о том, насколько эффективно использовалась эта огромная воздушная армада, точнее говоря, в силу каких причин она использовалась так плохо. Но списывать все на последствия мифического «уничтожающего удара по аэродромам на рассвете 22 июня», мягко говоря, некорректно. С другой стороны, низкая (низкая лишь по сравнению с потенциальными возможностями) эффективность дейст-

вий советской авиации была вполне ощутимой для противника. Не говоря уже про сотни и тысячи самолетов-вылетов, произведенных по механизированным колоннам немецких войск (а в первые дни войны эти удары с воздуха стали едва ли не единственным средством, несколько снижающим темп наступления Вермахта!), отметим лишь несколько конкретных фактов, касающихся борьбы за господство в воздухе.

Здесь нас ждут «удивительные» (на фоне привычных, как растоптанные тапочки, мифов советской исторической пропаганды) открытия, а именно: за все четыре года войны на Восточном фронте Люфтваффе никогда не теряли за одну неделю столько самолетов, сколько было потеряно в июне 1941 г. С 22 по 30 июня безвозвратные потери «от воздействия противника и по неизвестным причинам» составили 212 боевых самолетов (57 истребителей, 115 бомбардировщиков, 19 пикирующих Ju-87, 21 многоцелевой Me-110). В двух бомбардировочных эскадрах (KG-51 и KG-55) безвозвратные потери составили треть от первоначальной численности самолетов. Стоит отметить, что KG-51 была вооружена новейшими «Юнкерсами» последней модификации (Ju-88 A-4), которые наш «безнадежно устаревший» И-16 якобы даже не мог догнать. В оснащенной новейшими «мессерами» (Bf-109 F-2) истребительной эскадре JG-53 число боеготовых самолетов к концу июня снизилось на 37 единиц (с 102 до 65).

В июле 1941 г. «от воздействия противника и по неизвестным причинам» Люфтваффе безвозвратно потеряли 373 самолета (116 истребителей, 152 бомбардировщика, 61 Ju-87, 44 Me-110). Всего же (т.е. с учетом небоевых потерь) за пять недель боев к 26 июля было безвозвратно потеряно 627 боевых самолетов, повреждено 346, итого из строя вышло 983 самолета. Сопоставимые потери немцы понесли лишь три года спустя, летом 1944 г. (в июле безвозвратно потеряно по всем причинам 647 самолетов, в августе — 520). Среднеме-

сячные же безвозвратные потери 44-го г. составили «всего» 380 самолетов, т.е. в полтора раза меньше, чем в июле 41-го.

Разгадка этих «чудес» предельно ясна: первоначальная численность советских ВВС была настолько велика, что даже в обстановке всеобщего хаоса и потери управления даже малая часть этой «великой армады», уцелевшая от разгрома первых дней, способна была наносить сильнейшие удары по противнику.

В ряду этих ударов были и многочисленные массированные удары по аэродромам базирования вражеской авиации (уже в конце июня 1941 г. этими «аэродромами базирования» стали бывшие аэродромы советских ВВС, т.е. аэродромы, место расположения которых было известно нашим летчикам с предельной точностью). Заботливо оберегая миф о некоей «сверхэффективности», неотъемлемо присущей удару по аэродромам, советская историография старалась как можно реже вспоминать о том, что **не только немецкая, но и советская авиация** наносила такие удары с первых же часов (!) войны.

Один из самых первых налетов состоялся в 4:50 22 июня, когда 25 бомбардировщиков СБ из состава 9-го БАП (ВВС Северо-Западного фронта) вылетели на бомбежку аэродрома противника под Тильзитом (Восточная Пруссия). Первый налет не был единственным. Оперативная сводка штаба ПриБОВО № 03, подписанная в 22:00 23 июня, сообщает, что *«военно-воздушные силы в течение дня вели борьбу с авиацией противника, действовали по аэродромам Инстербург, Кенигсберг, Приэкуле, Мемель, Тильзит»*. В докладе командующего ВВС Западного фронта генерал-майора Науменко читаем: *«Части ВВС Западного фронта вступили в войну с утра 22.06.41 г. День этот характеризуется... организацией ответных ударов по аэродромам противника Соколув, Седлец, Лукув, Бяла-Подляска... Первые удары по танковым колоннам*

противника 22—23.06.41 г. были нанесены в районе Сувалки, Домброва, Гродно с одновременным ударом по аэродромному базированию противника на территории Августов, Седлец...»

25 июня удар по аэродромам базирования немецкой авиации в районе Вильнюса нанес 207-й БАП из состава 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса. Бывший командир корпуса маршал Н. Скрипко в своих мемуарах утверждает, что *«в результате внезапного удара было уничтожено около 40 немецких истребителей»*. Документы противника подтверждают факт удара: базировавшаяся в том районе истребительная эскадра JG-27 в июне 41-го безвозвратно потеряла на земле 2 (два) самолета.

Активные действия по уничтожению авиации противника на аэродромах вели ВВС Юго-Западного фронта. В докладе командующего ВВС генерал-лейтенанта Ф. Астахова приведены такие данные: *«За период с 1.7 по 10.8.41 г. частями ВВС Юго-Западного фронта уничтожено на аэродромах 172 самолета противника. Эти сведения не являются достаточно полными, так как потери, нанесенные противнику при ночных налетах, полностью не учтены...»* 8 июля по решению Ставки ГК силами ВВС пяти фронтов и частей ДВА был нанесен массированный удар по аэродромам базирования Люфтваффе (к тому моменту все они уже находились на оккупированной территории СССР). В монографии Кожевникова читаем: *«На рассвете 8 июля соединения ДБА нанесли удар по 14 аэродромам, а ВВС фронтов — по 28 аэродромам. Всего было совершено 429 боевых вылетов. На аэродромах противника было уничтожено много самолетов, в том числе ВВС Западного фронта вывели из строя 54 немецких самолета...»*

54 самолета — это только за один день. Всего в период с 6 по 12 июля ВВС Западного фронта якобы уничтожили на земле 202 самолета противника. При-

чем в отчете, подписанном начальником штаба ВВС фронта полковником Худяковым, также особо отмечено, что *«потери противника от действий ночных бомбардировщиков не учтены»*.

Сам же противник отмечает в своих документах безвозвратную потерю на земле 12 самолетов. Причем за весь июль 1941 г. и на всем фронте (а не только в полосе группы армий «Центр»).

Разительная разница цифр имеет два простых объяснения. Во-первых, все отчеты летного состава об уничтоженных на земле самолетах противника являются не чем иным, как разновидностью «охотничьих рассказов». Если подбитый в воздухе самолет оставляет видимый шлейф дыма, а затем и яркую вспышку взрыва при падении на землю, то увидеть пробоины от осколков бомб в обшивке стоящего на аэродроме самолета невозможно в принципе. Более того, пролетая на бреющем полете над вражеским аэродромом со скоростью 100 м/сек (а это очень скромная для самолета скорость в 360 км/час), летчик даже не видит разрывов сброшенных им бомб... Во-вторых, бережливые немцы упорно «латали» поврежденные самолеты, и в разряд безвозвратных потерь могли попасть лишь машины, ставшие жертвой прямого попадания авиабомбы. Таких, естественно, было очень мало. Суровая практика войны в первые же недели подтвердила то, о чем генерал-лейтенант Г. Кравченко говорил еще на декабрьском (1940 г.) совещании высшего комсостава РККА: *«Основным является воздушный бой»*. Именно в воздухе, а не на земле было уничтожено 361 из 373 самолетов, потерянных немцами в июле 1941 г.

Утопающий хватается за соломинку, а страницы псевдоисторической литературы, посвященной трагическим событиям 22 июня 1941 г., просто завалены в последние годы «дьявольскими яйцами». Для непосвященных в таинства исторического мифотворчества поясним: такими нехорошими словами обозначаются не-

мецкие 2,5-кг осколочные бомбы SD2. Ливень этих бомб, обрушившись на «мирно спящие» советские аэродромы, и предопределил якобы небывалую эффективность первого удара.

Если бы все было так просто... На вооружении бомбардировочной авиации советских ВВС стояли самые разнообразные боеприпасы общим числом более шестидесяти типов. Были в том числе и малокалиберные осколочные бомбы, предназначенные для поражения площадных целей — причем в отличие от Люфтваффе, в которых пресловутые «яйца» высыпались над целью из обычного ящика, громко именуемого «бомбовой кассетой», для советских ВВС была разработана специальная ротационно-разбрасывающая авиабомба (РРАБ), которая рассеивала на местности 116 малых осколочных бомб АО-2,5. Кроме того, был вариант снаряжения РРАБ стеклянными шариками с зажигательной смесью КС — в этом случае площадь поражения доходила до одного гектара. Кроме того, были специальные «выливные приборы», при помощи которых аэродром противника можно было обильно полить смесью КС или суспензией белого фосфора. Кроме того, были и «простые» подкрыльевые кассеты АБК-500, вмещавшие 108 зажигательных ЗАБ-1, или 67 осколочных АО-2,5. И в результате всех усилий — 12 самолетов противника, реально уничтоженных на аэродромах в течение целого месяца...

Теперь посмотрим на наш «полупустой/полуполный стакан» под другим углом зрения: как и почему многократное численное превосходство советской авиации всего за одну-две недели сократилось до простого равенства сил? Что же послужило причиной гигантских потерь краснозвездных самолетов в первые дни войны?

Начнем с того, что на основе приведенных выше таблиц № 1 и № 2 составим ориентировочную сводку убыли самолетов ВВС четырех фронтов.

Таблица 3

Истребители	22—24 июня	24—30 июня	30 июня — 10 июля	Всего:
С-З. фронт	273	293	9	575
Зап. фронт	736	78	20	834
Ю-З. фронт	766	+26	202	942
Юж. фронт	нет данных	231(22-30.6)	+92	139
ВСЕГО:				2490

Таблица 4

Бомбардировщики	22—24 июня	24—30 июня	30 июня — 10 июля	Всего:
С-З. фронт	215	182	+1	396
Зап. фронт	243	29	49	321
Ю-З. фронт	126	92	222	440
Юж. фронт	нет данных	148 (22—30.6)	28	176
ВСЕГО:				1333

Цифры убыли самолетов, приведенные в таблицах № 3 и № 4, значительно занижены. Не говоря уже о том, что в них не отражены потери штурмовых авиаполков (к началу войны, за редчайшими исключениями, они были вооружены не «илами», а устаревшими истребителями И-15бис), в данном расчете не учтены поставки новых самолетов, которые непрерывным потоком шли из глубины огромной страны на фронт. Соответственно, приведенные в таблицах итоговые суммы потерь должны быть арифметически увеличены на величину числа новых самолетов, полученных в указанном периоде. А число это было весьма значительным: так, в выше уже упомянутом докладе начальника штаба ВВС Западного фронта сказано, что «на пополнение с 25 июня по 16 июля получено 709 самолетов». Цифра эта мало известна даже специалистам, поэтому

укажем и точную архивную ссылку: ЦАМО, ф. 35, оп. 3802, д. 19, лл. 70—76. Другими словами, потери ВВС Западного фронта от «внезапного удара по аэродромам» (если исходить из общепринятых цифр в 550—600 самолетов) были уже через 20 дней полностью восполнены и даже перекрыты поставками новой техники...

Несмотря на всю неточность приведенных выше цифр, они дают основание для весьма существенных выводов.

Первое и самое главное: потери первых трех дней войны настолько велики, что они никоим образом не могут быть сведены к пресловутой формуле «1200 самолетов, из них 800 на земле». Согласно данным, представленным в сборнике «Советская авиация в ВОВ», на земле было потеряно 1286 истребителей и 521 бомбардировщик. Но не за один первый день, а **за весь 1941 год**, за шесть месяцев и 9 дней войны. Таблицы же свидетельствуют об убыли 1775 истребителей и 584 бомбардировщиков на трех (из пяти) фронтах за первые три дня!

Исключительно показательна в этом смысле статистика по ВВС Юго-Западного фронта. В докладе командующего ВВС фронта Астахова сказано, что *«в течение 22.06.41 г. и в последующие два дня противник нанес нашим летным частям значительные потери, уничтожив и повредив на наших аэродромах за 22, 23 и 24 июня 237 самолетов (подчеркнуто мной. — М. С.), что составляет 68 процентов потерь материальной части на своих аэродромах в результате налетов авиации противника за весь период войны, т. е. с 22.6 по 10.8.41 г.»*. Как видим, речь идет не только об «уничтоженных», но и о «поврежденных» машинах. Повреждения бывают разные. Многие — особенно если самолет получил их на земле, а не в воздухе, — могут быть исправлены. Все в том же докладе Астахова можно прочитать, что за три недели (с 22 июня по 13 июля) было восстановлено **990** самолетов, что в **4 раза боль-**

ше общего числа поврежденных и уничтоженных на аэродромах. Но даже если «списать» все 237 самолетов в разряд безвозвратных потерь, то это никак не объясняет убыль **892 самолетов** (766 истребителей и 126 бомбардировщиков) за три дня. Еще раз повторим, что таблицы 3 и 4 дают лишь самую минимальную оценку убыли самолетов. Во многих работах современных историков (в частности, у Хазанова и Исаева) приведена цифра потерь ВВС Юго-Западного фронта в **1452 самолета** за три первые дня войны.

Судя по нашим таблицам, ВВС Северо-Западного фронта потеряли с 22 по 24 июня **488 боевых самолетов**.

В известном коллективном труде военных историков Генерального штаба (в 1992 г. он назывался Генштабом «объединенных вооруженных сил СНГ») под названием «1941 год — уроки и выводы» сказано, что «*ВВС фронта за первые три дня войны потеряли 921 самолет*». Причем после этого сообщения дана ссылка на архивный фонд ЦАМО. А составленные по горячим следам событий боевые донесения первого дня войны свидетельствуют, что от «внезапного удара по мирно спящим аэродромам» было потеряно всего несколько десятков самолетов!

В разведсводке № 03, подписанной начальником штаба фронта Кленовым в 12:00 22 июня, читаем: «*Противник еще не вводил в действие значительных военно-воздушных сил, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов*». Вечерняя оперативная сводка штаба Северо-Западного фронта (подписана в 22:00 22 июня) сообщает: «*Потери — 56 самолетов уничтожено, 32 — повреждено [выделено мной. — М. С.] на аэродромах*». На второй день войны в Оперативной сводке №03 (22:00 23 июня) отмечены следующие потери: «*Уничтожено самолетов — 14, из них 8 в Митава, повреждено — 15. Сбито авиацией 13 самолетов противника и зенитной артиллерией — 6 самолетов противника*». Судя по этому документу, борьба в воздухе идет

почти на равных, да только 1-й Воздушный флот Люфтваффе с 22 по 30 июня теряет безвозвратно «от воздействия противника и по неизвестным причинам» 41 самолет, а ВВС Северо-Западного фронта — в 10 или даже 20 раз больше за первые три дня!

Еще одной примечательной особенностью динамики убыли самолетов ВВС Северо-Западного фронта является относительное постоянство уровня потерь. Если у соседнего Западного фронта потери 24—30 июня на порядок меньше потерь первых трех дней, то убыль истребителей ВВС Северо-Западного фронта в период 24—30 июня даже превосходит потери 22—24 июня (убыль бомбардировщиков чуть меньше). Это более чем странно — если верить мифу о «внезапном» ударе по аэродромам. 24 июня о начавшейся войне знали уже олениводы Чукотки, тем более о ней знали в частях ВВС действующего фронта — однако «ненормально высокий» уровень потерь не уменьшается, а даже растет.

Совершенно очевидной является и необъяснимая на первый взгляд разница в цифрах убыли самолетов на Южном фронте и на трех других фронтах. Не только в абсолютных цифрах, но и в процентах от исходной численности самолетов ВВС Южного фронта несут гораздо меньшие потери. С 22 по 30 июня ВВС Северо-Западного фронта теряют как минимум 963 самолета, ВВС Западного фронта — 1086 самолетов, ВВС Юго-Западного фронта — 958 самолетов, а ВВС Южного фронта — всего лишь 379 самолетов.

Разумеется, равными и одинаковыми бывают только телеграфные столбы, но как же одна общая для всей Красной Армии причина — «внезапное нападение» — могла привести к столь различным результатам? Южный фронт — это Одесский военный округ, это гладкие, как стол, степи Причерноморья. Аэродромы видны с воздуха как на ладони. Возможности для маскировки самолетов минимальные — в то время как

в дремучих лесах Западной Белоруссии и Литвы забросать самолет еловыми ветками можно за полчаса. Казалось бы, именно в полосе Южного фронта потери от первого удара по аэродромам должны были быть самыми большими — однако в реальности все произошло точно наоборот.

Заслуживает внимания и количество аэродромов, подвергшихся нападению ранним утром 22 июня 1941 г. По общепринятой в советской историографии версии, *«воздушным налетам подверглись 66 аэродромов, в том числе 26 аэродромов Западного, 23 — Киевского, 11 — Прибалтийского особых военных округов и 6 аэродромов Одесского военного округа»*. Строго говоря, непосредственно в первом ударе по советским аэродромам участвовало всего 868 немецких самолетов (637 бомбардировщиков и 231 истребитель), которые атаковали **не 66, а 31 аэродром**. Но не будем придираться к мелочам. Важнее сопоставить объявленную цифру (66 аэродромов) с реальной картиной развития аэродромной базы ВВС западных округов.

Цифры количества аэродромов редко совпадают даже внутри одной книги одного автора. Это связано прежде всего с тем, что в эпоху самолетов со взлетным весом в пару тонн и посадочной скоростью в 130 км/час само понятие «оперативный аэродром» несколько размывалось, ибо летом в этом качестве с успехом могло использоваться любое ровное поле после минимальной подготовки. Авторы упомянутой выше коллективной монографии «1941 год — уроки и выводы» сообщают, что *«всего на 116 авиапунктов ВВС приграничных военных округов имелось 477 аэродромов (95 постоянных и 382 оперативных)»*. К этим потрясающим признаниям приложена таблица № 5, в примечании к которой указано, что эти цифры — 95 постоянных и 382 оперативных — относятся к **1 января 1941 г.** А к началу войны в разной степени готовности находилось еще **278 аэродромов**. В частности, понесшие наибольшие потери от

«внезапного удара по 26 аэродромам» ВВС Западного ОВО имели (если верить таблице №5) 29 основных, 141 оперативный и 55 строящихся аэродромов. И это также данные 1 января 1941 г.

Сов. секретный сборник 1962 г. «Советская авиация в ВОВ» приводит следующие цифры: на 22 июня 1941 г. в четырех западных военных округах было (не считая строящихся) **528 аэродромов (58 в Прибалтийском, 213 в Западном, 150 в Киевском и 107 в Одесском округах)**. Другими словами, **88% всех аэродромов** вообще не подверглись 22 июня 1941 г. какому-либо воздействию противника. Стоит также напомнить, что ни одна бомба не упала утром 22 июня ни на один аэродром Ленинградского военного округа и ВВС Балтфлота. Стоит также заметить, что, судя по документам штаба Киевского военного округа, уже в декабре 1940 г. на территории округа «к западу от Днепра» было не 150, а 167 аэродромов.

Крайне преувеличенными являются и слухи о том, что некоторые (не говоря уже о всех) аэродромы находились на расстоянии «пушечного выстрела от границы». В полосе 20—30 км от границы были развернуты лишь полевые оперативные аэродромы истребительных полков — и такое размещение зеркально соответствовало дислокации истребительных и штурмовых групп Люфтваффе. Более того, в 1941—1942 гг. было отдано немало приказов, в которых от командиров истребительных частей категорически требовали приблизить аэродромы именно на такое (20—30 км) удаление от линии фронта. Даже в понесших наибольшие потери ВВС Западного фронта ни один аэродром не был — да и не мог быть — подвергнут артиллерийскому обстрелу утром 22 июня. Причина этого предельно проста: основные системы полевой артиллерии Вермахта на такую дальность не стреляли, а отдельные батареи и дивизионы артиллерии большой мощности использовались для решения совсем других задач. Ба-

зовые же аэродромы 9-й САД (именно эта дивизия потеряла наибольшее число самолетов) находились рядом с городами Белосток и Заблудув (80 км от границы), Россь (170 км от границы) и Бельск (40 км от границы). Что же касается бомбардировочных дивизий Западного фронта (12-я БАД и 13-я БАД), то они и вовсе базировались в районе Витебска, Бобруйска, Быхова, т.е. на расстоянии 350—400 км от границы. Немцы, к слову говоря, свои бомбардировочные эскадры придвинули гораздо ближе...

На наш взгляд, приведенных выше фактов более чем достаточно для того, чтобы отправить версию о «внезапном уничтожающем ударе по аэродромам» в мусорную корзину. Или, выражаясь более деликатно, — на свалку истории.

В первый день войны летчики Люфтваффе заявили о 322 сбитых в воздухе советских самолетах. Исходя из достаточно скромного для воздушных боев Второй мировой войны двух-трехкратного завышения числа заявленных побед, эти доклады можно считать свидетельством реального уничтожения **100—150 самолетов** советских ВВС. К слову говоря, в докладе Науменко сказано, что летчики ВВС Западного фронта сбили 143 немецких самолета в первый день войны, 124 — во второй, а всего до конца июня было якобы сбито 442 самолета противника. Фактически же безвозвратные потери 2-го Воздушного флота Люфтваффе составили (как было уже выше отмечено) 23 самолета в первый день и 87 самолетов — до конца июня. С какой стати отчеты немецких летчиков (да еще и «обработанные» в ведомстве д-ра Гёббельса) должны считаться более достоверными?

Число советских самолетов, реально и безвозвратно уничтоженных в ходе налетов немецкой авиации на аэродромы западных округов, установить **невозможно**. Соответствующие документы авиаполков и дивизий

утрачены (или их даже не успели составить), а доклады немецких (так же, как и советских) летчиков на эту тему являются «охотничьими рассказами», не имеющими даже отдаленного сходства с действительностью. Все, что возможно, — это по аналогии со всеми известными операциями, периодами и кампаниями Второй мировой войны предположить, что безвозвратные потери на земле были в разы меньше потерь в воздухе.

Потеря двух тысяч самолетов в первые три дня войны (и немногим меньше потери последующих дней) произошла не в воздухе, а на земле. Но эти потери имели своей причиной не удар авиации противника по аэродромам, а **беспорядочное отступление собственных войск, в ходе которого вооружение (в том числе — боевые самолеты) были оставлены/брошены/уничтожены самим личным составом авиационных частей.** Дело дошло до того, что в документах советских ВВС появился такой дико звучащий в военном лексиконе термин, как «неучтенная убыль». Согласно отчету, составленному офицером штаба ВВС Красной Армии полковником Ивановым, к **31 июля 1941 г.** «неучтенка» составила **5240 самолетов.** Задним числом всю эту массу брошенной при паническом бегстве техники записали в число «уничтоженных внезапным ударом по аэродромам». С чем никто не стал спорить — ни немецкие летчики и их командиры (что понятно), ни советские «историки» (что еще понятнее)...

Эта гипотеза сразу же объясняет все особенности динамики и географии убыли самолетов советской авиации. Таблицы № 3 и № 4 четко и адекватно отражают темп и маршруты наступления **наземных сил** германской армии.

Аэродромы (вместе с брошенными на них боевыми самолетами) трех находившихся в Белостокском выступе авиадивизий (11-я САД, 9-я САД, 10-я САД) были оставлены беспорядочно отступающими войсками Западного фронта в первые 2—3 дня войны. Это и ста-

ло причиной огромной «убыли» (порядка тысячи самолетов за три дня).

В дальнейшем ежедневные потери ВВС Западного фронта уменьшаются на порядок, так как это уже потери воздушных боев, а сбивать советские самолеты сотнями в день у истребителей 2-го Воздушного флота Люфтваффе не получалось. *«В бой с нашими истребителями вступать избегают; при встрече организованного отпора уходят даже при количественном превосходстве на его стороне. На советские аэродромы, где базируются истребительные части, ведущие активные действия и давшие хотя бы раз отпор [выделено мной. — М. С.] немецко-фашистской авиации, противник массовые налеты прекращала».* Это строки из отчета о боевых действиях ВВС Западного фронта, подписанного 10 июля 1941 г. командующим авиацией фронта (на тот момент — полковником) Н. Науменко.

В полосе наступления группы армий «Север» крупных «котлов» окружения не возникло, и немецкие войска, непрерывно наступая от границ Восточной Пруссии до Пскова и Острова, последовательно заняли Литву, затем — Латвию, затем — Псковскую область России. Соответственно, брошенными оказывались сначала аэродромы 8-й САД и 57-й САД в Литве, затем — 7-й САД и 6-й САД в Латвии. В результате убыль самолетов ВВС Северо-Западного фронта была относительно равномерной, без такого выраженного «пика» в первые два-три дня, как это было на Западном фронте.

В июне 1941 г. в Молдавии темпы продвижения противника были почти нулевыми (широкомасштабное наступление румынских и немецких войск началось там только 2 июля), брошенных при отступлении аэродромов в полосе Южного фронта в первые дни войны просто не было — в результате и потери авиации оказались минимальными. Истребительные полки ВВС Южного фронта потеряли в первый день войны всего

по 2—3 самолета, а 69-й ИАП не потерял ни одного. В дальнейшем этот полк под командованием выдающегося советского летчика и командира Л. Л. Шестакова, никуда не «перебазируясь», провоевал 115 суток в небе над Кишиневом и Одессой.

Никуда не «перебазировалась» и Мурманская группировка советской авиации (1-я САД, ВВС Северного флота).

В результате эффективность ударов немецкой авиации по аэродромам базирования советских ВВС оказалась на этом участке фронта **нормальной, т. е. весьма и весьма низкой**. И никакие «дьявольские яйца» не помогли. Самые ожесточенные бои происходили в июле 1941 г. — немцы отчаянно рвались к Мурманскому порту и железной дороге, связывающей Заполярье с Большой землей. Общие потери группировки советской авиации составили в июле 80 самолетов (от всех причин, включая аварии), из них 21 самолет (**7% от исходной численности** группировки) был потерян на земле.

Приведем еще один, географически очень далекий от Белостокского выступа, но чрезвычайно показательный пример. 13-й ИАП из состава ВВС Балтфлота базировался... в Финляндии, на полуострове Ханко (после первой советско-финской войны там была развернута военно-морская и авиационная база Балтфлота). После начала второй советско-финской войны (25 июня 1941 г.) аэродром Ханко оказался в зоне действия финской артиллерии и постоянно обстреливался. По той «логике», в которой у нас принято описывать разгром авиации Западного фронта, 13-й ИАП должен был быть уничтожен за несколько часов. Фактически же 13-й ИАП провоевал до поздней осени 1941 г., и был выведен с полуострова только после общей эвакуации Ханко. В марте 1942 г. полк был переименован в 4-й гвардейский. Более полутора лет (до января 1943 г.) полк успешно сражался на «устаревших, не идущих

ни в какое сравнение с немецкими самолетами» истребителях И-16.

Автор данной статьи ни в коем случае не претендует на авторство гипотезы о том, что большая часть авиации западных округов была брошена при беспорядочном «перебазировании», а вовсе не уничтожена ударами противника по аэродромам. Уже в конце третьего дня войны, вечером 24 июня 1941 г., начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер записывает в своем знаменитом дневнике: *«Авиация противника, понесшая очень тяжелые потери (ориентировочно 2000 самолетов), полностью перебазировалась в тыл»*. Гальдер на тот момент не был знаком ни с какими документами командования советских ВВС и судил о происходящем по докладам своих подчиненных. Те, в свою очередь, видели собственными глазами, как советская авиация исчезает из неба войны. Но было ли это следствием стихийного отступления или же приказ о перебазировании в тыл авиации первого эшелона ВВС западных округов действительно существовал?

Это еще одна «загадка лета 41-го». Но если такой приказ был, то его трудно охарактеризовать иначе как «вредительский». Причем такая оценка не имеет ни малейшего отношения к бесконечному спору о «наступательной» и «оборонительной» армиях, о предвоенных планах советского командования и первых директивах военного времени. Даже если общий отход (не паническое бегство, а планомерный, организованный отход) в той обстановке, которая сложилась вечером 22 июня 1941 г., и был оптимальным решением, то для реализации этого решения истребительные части должны были выполнять функцию арьергарда отступления. Дороги, мосты, переправы, колонны марширующих людей и техники, пункты управления и связи необходимо прикрывать с воздуха при **любом** осмысленном действии — будь то наступление, отступление,

переход к позиционной обороне. Это верно всегда, но в июне 1941 г. это было особенно важно, так как именно безнаказанно бесчинствующая в небе немецкая авиация стала (что подтверждается тысячами свидетельств) важнейшим фактором деморализации Красной Армии.

Перебазирование (бегство? отход?) авиации, причем авиации истребительной (а именно истребительные авиаполки и находились ближе всего к границе), позволило противнику почти беспрепятственно бомбить части наземных войск Красной Армии, что стало одной из причин их беспорядочного панического отступления — каковое отступление, в свою очередь, еще более подталкивало авиационных командиров к принятию решения о немедленном «перебазировании». Таким образом молниеносно сформировалась «система с положительной обратной связью», действие которой в течение нескольких дней привело к тому, что большая часть самолетного парка оказалась брошенной на приграничных аэродромах.

Здесь, вероятно, стоит прервать затянувшееся изложение прописных истин и взглянуть на то, как это «перебазирование» происходило на практике. Подробный обзор событий 22—24 июня, несомненно, выходит за рамки данной статьи (далеко не полный рассказ о «перебазировании» нескольких авиаполков занимает в книге «На мирно спящих аэродромах» 113 страниц). И тем не менее приведем один трагичный и весьма показательный пример.

С. Ф. Долгушин встретил начало войны молодым летчиком в 122-м ИАП (11-й САД, ВВС Западного фронта), звание Герой Советского Союза получил уже после битвы за Москву, за годы войны совершил более 500 боевых вылетов, сбил лично 17 немецких самолетов и еще 11 — в группе. Из лейтенантов стал генерал-лейтенантом, в течение многих лет был начальником кафедры тактики в ВВИА им. Н.Е. Жуковского.

Несколько фрагментов из его воспоминаний (записаны историком из Гродно В. Бардовым) позволяют увидеть события первых дней войны с неожиданной для читателя, надежно подготовленного советскими писателями, стороны:

«...Самолеты И-16, которые мы в полку получали, были 27-й и 24-й серий — с моторами М-62 и М-63. Буквально все они были новыми машинами, причем у каждого летчика: 72 самолета — 72 летчика в полку. У всех своя машина, поэтому и налет в часах у всех был большой, и летная подготовка пилотов была сильной. Я начал войну, имея налет 240 часов [здесь и далее выделено мной. — М. С.]. ...Мы летали чуть ли не каждый день, ну, в воскресенье был выходной, а в субботу — летали... Ведь И-16, когда им овладеешь, машина хорошая была! Догонял он и «Юнкерс-88», и «Хейнкель-111», и «Ю-87», конечно, все расстреливал. Драться, конечно, было сложнее с «Мессершмиттами», но все равно, за счет маневренности можно...

...В воскресенье 22 июня часа в 2—2:30 раздалась сирена: тревога! Ну, мы по тревоге собрались: схватили чемоданчики, шлемы, регланы. Прибежали на аэродром: техники моторы пробуют, а мы начали таскать пушки, пулеметы, боеприпасы. А пушку вставить в крыло — оно же не широкое! И вот туда пушку 20 кг вставить — обдерешь все руки [базировавшийся в 17 км от границы 122-й ИАП встретил начало войны в самых неблагоприятных, никакими уставами и наставлениями не предусмотренных обстоятельствах: за день до этого по приказу командования ВВС округа с истребителей было демонтировано вооружение. Обсуждению возможных причин этого невероятного события посвящено несколько страниц в моей книге «23 июня: день М», но в рамках данной статьи эта тема будет излишней. — М. С.].

...Я доложил командиру эскадрильи: «Звено готово!» Он вызвал командиров звеньев. Собрались, сидим

и вдруг видим: со стороны Белостока идет звено самолетов («восьмерка» 109-х), но еще далеко было, когда мы их увидели. Прилетели они и начали итурмовать, но мы машины уже разрулили и рассредоточили... 1-я эскадрилья начала взлетать первой, и когда уже взлетели, начали взлетать и другие эскадрильи — тут уже налеты прекратились.

Все — началась «драка», немцы поняли... И потом, они увидели... Им же по радио все это дело шпионы наверняка сказали, что полк ушел с аэродрома... Пока я рулил и взлетал — мне 16 пробоин вцепили. Когда я оторвался, шасси убрал и взлетел, «мессера» меня уже «бросили» — мною не занимались, а «шестерка» их была уже над аэродромом.

И вот эта «шестерка» — они на меня абсолютно не обратили внимания, они готовились сесть на аэродром...»

Последний абзац выглядит очень сумбурно. Непонятно — кто, куда, зачем? Что именно «немцы поняли»? Дальше все становится яснее:

...Я походил в воздухе, посмотрел и пошел на границу, а когда ходил и смотрел над границей — наткнулся на немецкий связной самолет фирмы Физлер «Шторх». Я дал одну очередь, и он воткнулся в землю. Потом пошел на Скидель [базовый аэродром соседнего 127-го ИАП] — там никого нету, над Гродно прошел и вернулся на аэродром. Командир эскадрильи говорит: «Мы улетаем, полк улетаем в Чернены [аэродром около города Мосты на Немане, примерно 100 км от границы. — М. С.]. Ты давай заправляйся и прилетай туда...» Полк улетел. Я улетал почти что последним...»

На этом месте прервем на время рассказ Долгушина и постараемся хоть что-нибудь понять в прочитанном.

Первое, что необходимо отметить, — полк был поднят по тревоге в 2:30 ночи. За два часа до появления первых вражеских самолетов на аэродроме 122-го

ИАП уже никто не спал. Поднятый по тревоге личный состав полка успел «разрулить и рассредоточить» самолеты. Результаты первого вражеского налета Долгушин (в другом месте своего рассказа) оценивает как «очень незначительные». Это мнение полностью совпадает с сохранившимися документами штаба 3-й армии (в оперативном подчинении которой была 11-я САД): *«С 4 часов 30 минут до 7 часов произведено противником 4 налета на аэродром Новы Двур группами 13—15 самолетов. Потери: 2 самолета сгорели, 6 выведены из строя. 2 человека тяжело ранено, 6 — легко...»* Другими словами, потери от «уничтожающего удара по аэродромам» составили в 122-м ИАП не более 5—10% от исходной численности. Однако уже через несколько часов (судя по рассказу Долгушина — еще до полудня 22 июня) командир 122-го ИАП принимает решение перелететь в тыл (правда, пока еще в ближний оперативный тыл 3-й армии). Противник при этом тоже времени не теряет и «перебазируется», да только не назад, а вперед: даже не ввязываясь в бой с одиноким истребителем Долгушина, немцы начинают осваивать свой первый на советской территории аэродром...

Продолжим теперь чтение воспоминаний С.Ф. Долгушина:

«...Прилетел я в Лиду [это уже 100 км к востоку от Гродно. — М. С.] где-то в районе 11:30—12:00... Две «девятки» самолетов сели тоже передо мной на этот аэродром, потому что в Черленах отбомбили — сесть нельзя. И вот, когда наши подруливали, нагрянули Ме-110 и, застав там наших на рулежке, начали бить по всем, которые рулили на полосе аэродрома. А самолетов на рулежке было еще много. В результате этого налета машинам они ничего не сделали, но командира дивизии Ганичева ранили в живот, и он через 2 часа скончался, его заместителя полковника Михайлова ранили в ногу и убили одного из летчиков...»

...После этой штурмовки в Лиде мы полетели в Черлену к полку, полк-то там... Но откровенно скажу: у которых жены были — пошли к женам, а мы, холостяки, улетели. Дивизией после гибели Ганичева никто не командовал: дивизия осталась «без руля, без ветрил». Командир умер, Михайлов ранен, а начальника штаба я и не знал...

...Прилетели мы и сели в Черлену, где стояли на вооружении истребители И-153, вооруженные только пулеметами ШКАС, а у нас-то эскадрилья с пушечными И-16. А в Черленах для пушек снарядов нету, т. к. наши техники добирались с Нового Двора своим ходом и к тому времени были еще в пути... Начали мы работать над мостами в Гродно — прикрыть мосты и прикрыть отход наших войск через мосты. Вот там — над мостами — я и сбил свой первый бомбардировщик Ю-88 [кроме двух пушек, оставшихся без снарядов, на И-16 было и два пулемета. — М. С.]. Пока мы дрались — мосты в Гродно были целы, и войска переходили. Мы видели, как наши войска переходят по этим мостам — отходят на правый берег р. Неман, и до конца дня мосты оставались целы...

...Когда смерклось и ночь наступила, поступила команда: «Перелететь в Лиду!» И вот вам ответ — тем, кто говорит, что у нас были неподготовленные летчики: полк потерял машин 5 или 6, а большие 60 машин в полку были еще «живые»... Пришли садиться, а взлетное поле в Лида перекопано: там строили бетонную полосу, в связи с чем осталась узкая посадочная полоса, на которую и днем-то сесть было особо негде. Так вот, подготовка летчиков была такой сильной, что при посадке мы ни одной машины не поломали... На аэродроме скопилось больше ста машин: наши И-16 из 122-го ИАПа и И-153 из 127-го ИАПа...

...Мы сели в Лиду без техсостава, без всего. Машины пустые — боекомплект пустой, аккумуляторы

сели, бензин есть, но он в цистернах под землей, достать нечем. А канистрами и ведрами — попробуй в самолет 300 кг ведром залить! И ни одного заправщика — все на аэродроме осталось в Новом Дворе и в Черленах. Летный состав целый день ничего не ели, сделали каждый по 5—6 вылетов, устали и измотаны так, что ни руки, ни ноги не действуют — уже еле ноги двигаем, а потом, моральное состояние какое — сами понижаете...

...Рано утром 23 июня, когда еще темно было, нас подняли по тревоге. Мы прибежали на аэродром, а у наших машин — пустые баки. Ни взлететь, ничего. И Ме-110 уничтожили все, что было на земле. Два полка были разгромлены и перестали существовать. Нас посадили в машины и через Минск увезли в Москву, за новой техникой. Уезжали из Лиды все вместе — летчики 122-го и 121-го полков, сели на машины, и все уехали... И я уверен, что там 50% самолетов «живых» обоих полков так и осталось, а то и больше! Вот так и прекратилось существование двух полков...»

Короткий рассказ С. Ф. Долгушина содержит в себе практически все наиболее значимые моменты так называемого «перебазирования» (т.е. беспорядочного, неорганизованного отступления) и его неотвратимых последствий. Уже через несколько часов после такого «перебазирования» авиаполк приходит в состояние полной беспомощности: боеприпасов нет, бензозаправщиков нет, аккумуляторы сели, у летного состава «*ни руки, ни ноги не действуют*», а все технические службы, которые и должны заправлять, заряжать, маскировать, чинить, безнадежно застряли на забитых бензонасосами дорогах отступления.

Коготок увяз — всей птичке пропасть. За первой фазой «перебазирования» быстро (в случае со 122-м ИАП — менее чем через сутки) наступает вторая — летчики «*сели на машины и все уехали*». Но и доехать «через Минск в Москву» (т.е. за тысячу километров от

разваливающегося фронта) в ситуации, когда авиация противника господствует в небе, удастся не всем и не всегда. Возможно, не все и старались доехать. *«Из 248 человек летно-технического состава, находившихся в строю утром 22 июня, спустя неделю в Орел прибыли для получения новых самолетов лишь 110 красноармейцев и командиров* [странная фраза: «красноармейцы» в число «летно-технического состава» не входят. — М. С.]. *...Против большинства фамилий в списке потерь было указано «отстал при перебазировании»». Эти слова из архивных документов 129-го ИАП (9-й САД), хотя и не имеют прямого отношения к судьбе разгромленного 122-го ИАП, достаточно характерны для событий первых дней войны.*

Дальше — больше. Точнее говоря — меньше. Паническое перебазирование истребительных полков первого эшелона ВВС приграничных округов вынуждало высшее командование использовать уцелевшую на тыловых аэродромах бомбардировочную авиацию в качестве ударных самолетов поля боя, да еще и безо всякого истребительного прикрытия. Это с неизбежностью вело к огромным потерям и стремительному сокращению численности бомбардировочной авиации. В результате уже через две недели после начала войны советские ВВС растеряли то огромное количественное превосходство над противником, которое они имели к началу боевых действий.

В условиях численного равенства с советскими ВВС немецкая авиация получила решающее преимущество за счет более высокой подготовки и боевого духа летного состава, за счет отработанной тактики боевого применения и взаимодействия с наземными войсками, за счет безупречной работы системы связи и управления. Только непрерывное наращивание сил за счет переброски авиационных частей внутренних и дальневосточных округов, только непрерывное формирование новых авиаполков позволяло командованию советских

ВВС наносить ответные удары, обеспечивать минимальное авиационное прикрытие наземных войск.

В конечном итоге «блицкриг» в воздухе был сорван по той же самой причине, по которой не состоялся «блицкриг» на земле: немцы просто не успевали «перемалывать» все новые и новые части противника, не успевали (да и не имели для этого необходимых промышленных и сырьевых ресурсов) восполнять растущие потери.

С другой стороны, по мере восстановления дисциплины, порядка и управляемости в советских ВВС, по мере накопления боевого опыта у летного и командного состава действия советской авиации становились все более и более эффективными. Вероятно, уже к зиме 1941/42 гг. в воздухе сложилось хрупкое равновесие сил.

Петр Запорожец

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ В " #! г.
НА УКРАИНЕ

В последнее время стало чуть ли не правилом доброго тона очернять отечественную историю. При этом считается, что в советские времена исторические работы были заидеологизированы, не носили критического характера и реального состояния дел не отражали. Автор не согласен с этим и в представленном на суд читателя материале делает попытку опровергнуть или хотя бы поколебать такую позицию. Вся фактура и цифры взяты из советских источников.

Всестороннее объективное и незаангажированное изучение военно-исторических событий Второй мировой войны важно с точки зрения установления исторической правды и определяется современными потребностями развития отечественной военно-исторической науки, необходимостью углубления знаний о героическом прошлом нашей Родины.

Неправильным было бы утверждать, что события начального периода войны должным образом не анализировались военной и военно-исторической наукой. Однако работы не пропагандистского, а действительно аналитического характера в советское время носили, как правило, закрытый характер. Стратегия, оперативное искусство и тактика во Второй мировой войне получили значительное развитие и имели существенное влияние на последующее развитие военного искусства. Именно поэтому фундаментальные военно-теоретические и военно-исторические исследования еще долго

после завершения войны были недоступны широкому кругу читателей и даже профессиональным историкам.

Еще в ходе войны перед военной и военно-исторической наукой разных государств встало задание осмысления полученного боевого опыта. В послевоенные годы над решением этой проблемы активно работали как национальные военные практики и научные работники СССР, США и других стран-победительниц, так и пленные гитлеровские генералы. Это было необходимо для выработки соответствующих выводов для послевоенного строительства вооруженных сил, последующего укрепления их боевого могущества, развития военного искусства.

Решение о подготовке аналитических трудов по проблематике военного искусства, привлечение к работе над ними теоретиков и практиков военного дела, военных историков принимались на наивысшем уровне государственного управления, в частности можно вспомнить постановление Совета министров СССР от 26 марта 1946 года за номером 664. Значительными творческими коллективами были разработаны фундаментальные научные труды по теории и истории военного искусства закрытого плана. Характерной особенностью этих трудов является то, что они более полно, чем публикации общего характера, отображали реальную историческую действительность, анализировали причины трудностей и недостатков боевых действий, предоставляли практические рекомендации военным кадрам относительно их недопущения в будущем.

Одной из важнейших работ этого направления стал «Стратегический очерк Великой Отечественной войны», который был подготовлен в период с 1958 по 1961 г. большим коллективом военных практиков, теоретиков и военных историков под руководством С.П. Платонова. На рубеже 50—60-х годов выходит в свет аналитический труд по операциям Великой Отечественной войны. В них тщательным образом проанализированы

стратегические и фронтовые операции советских войск во время Великой Отечественной войны, способы ведения вооруженной борьбы, исследованы вопросы определения направлений главных ударов, подготовки и ведения наступления, выбора форм операций, применения видов вооруженных сил и родов войск, вопроса достижения внезапности и эффективности военных действий, системы стратегического руководства и взаимодействия, всестороннего обеспечения. Эти работы имеют большое количество дополнений, наполнены значительным информационным материалом. По мнению автора, по степени обработки материала, привлечения источников, масштаба обобщений, глубины обоснованности выводов в советской историографии подобные работы более не созданы.

Безусловно полезными для исследователей являются сборники документов советского высшего военно-политического руководства, которые до недавнего времени тоже имели закрытый характер. Следует отметить, что публикации в постсоветское время документальных материалов в серии «Русский архив» носят втростепенный характер.

О приграничном сражении в 1941 году на Украине можно почитать:

Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1 (июнь-декабрь 1941 года). — М.: Воениздат, 1968. — 507 с. (С. 5—47); *Сборник* боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 36 (22 июня — 11 июля 1941 года). — М.: Воениздат, 1958. — 362 с.; *Стратегический очерк* Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. — М.: Воениздат, 1961. — 984 с. (С. 171—225); *Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 года). Военно-исторический очерк. — М.: Воениздат, 1962. — 222 с.; *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. — М.: Воениздат, 1971. — 512 с. (С. 87—165); *Иринархов Р.С.* Киевский

особый М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. — 624 с.; *Попель Н.К.* В тяжкую пору. — М.: Воениздат, 1959. — 335 с.; *Рябышев Д. И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — 253 с. (С. 3—63); *1941 год — уроки и выводы.* — М.: Воениздат, 1992; *Владимирский А.В.* На киевском направлении. — М.: Воениздат, 1989. — 303 с. (С. 3—163); *Гуров А.А.* Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальном периоде войны // ВИЖ. — 1988, № 8. С. 32—41; *Грецов М.Д.* На юго-западном направлении. — М., 1965. — 398 с. (С. 3—106); Великая Отечественная война, 1941—1945: Воен.-ист. очерки. М., 1995. Кн. 1: Суровые испытания. (С. 86—131); *Киевский Краснознаменный.* Краткий очерк истории Краснознаменного Киевского военного округа: 1919—1969. — К: Политуправление, 1969. 543 с. (С. 183—220); *Муковський І.Т., Лисенко О.С.* Звитяга і жертвність: Українці на фронтах другої світової війни. — К.: Пошуково-вид. агентство «Книга пам'яті України»/ 1996. — 568 с.

Вопросы начала стратегического развертывания Вооруженных сил СССР, в том числе той группировки войск, которая дислоцировалась на Украине, предлагаются в редакции начала 60-х годов. Судите сами об объективности советских военных историков.

В связи с возникновением непосредственной угрозы нападения фашистской Германии на СССР в вооруженных силах в мае — июне 1941 г. начали проводиться некоторые мероприятия по стратегическому развертыванию и по плану обороны государственной границы.

К 1—10 июня был осуществлен призыв 755 тыс. человек приписного состава на военно-учебные сборы. Это явилось, по сути дела, частичной скрытой мобилизацией, позволившей пополнить 21 стрелковую дивизию до 14 тыс., 72 дивизии до 12 тыс. и 6 горных дивизий

до 11 тыс. человек, т.е. довести их до штатов, близких к военному времени. Частично пополнились также части ВВС, артиллерия, инженерные войска, войска связи и ПВО, тыловые части и учреждения, а также штабы. Однако мобилизация только личного состава не решала задачи приведения соединений в полную боеготовность. Автотранспорт и конский состав поступили из народного хозяйства в очень ограниченном количестве. Многие дивизии по-прежнему не могли имеющимся транспортом обеспечить нормальное снабжение войск, полностью поднять артиллерию и другую военную технику. Особенно в трудном положении оказались дивизии, направленные из внутренних округов на запад. Получив мобилизованный личный состав и дополнительное вооружение, они, как и прежде, остались с транспортом, положенным им по 6-тысячному штату. На случай полной мобилизации эти дивизии оставляли в прежних районах дислокации мобячейки, которые должны были направлять все недостающее в новые районы. Понятно, что это было сложно осуществить даже в условиях мирного времени, не говоря уже о военном. Таким образом, в этих соединениях боевые части искусственно отделялись от средств их обеспечения.

4 июня была отдана директива о призыве 38 550 человек для укомплектования укрепленных районов западных приграничных округов.

В мае-июне 1941 г. начались перегруппировки войск внутри приграничных военных округов. Из Киевского в Одесский округ еще в мае 1941 г. передислоцировалось управление 2-го кавалерийского корпуса. В состав Одесского округа для обороны Крыма в период с 19 по 23 мая были направлены управление 9-го стрелкового корпуса и 106-я стрелковая дивизия из Северо-Кавказского округа и 32-я кавалерийская дивизия из Киевского военного округа.

С 15 июня началось выдвижение войск из внутренних районов приграничных округов ближе к государ-

ственной границе, в районы, предназначенные им по плану обороны. Часть этих соединений перебрасывалась по железной дороге, а основная масса — походным порядком, ночными переходами. Дивизии первых эшелонов армий прикрытия было приказано оставить в прежних районах. В частности, Военному совету Киевского особого военного округа 12 июня 1941 г. была направлена директива за подписью Наркома обороны и начальника Генерального штаба: «В целях повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 года все глубинные дивизии с управлениями корпусов, с корпусными частями перевести ближе к государственной границе в новые лагеря». Далее в директиве указывалось: «Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их к госгранице, в случае необходимости, может быть произведен только по моему особому приказу» (Директива НКО № 504205сс от 12.6. 1941 г.). Всего перед войной началось выдвижение из внутренних районов приграничных округов 32 дивизии, из них успели сосредоточиться в новых районах 4—5 дивизий, а остальные находились в пути следования.

Накануне войны началась передислокация части сил внутренних военных округов на запад. 13 мая 1941 г. Генеральный штаб отдал ряд директив на выдвижение войск из внутренних военных округов: Уральского (22-я армия), Приволжского (21-я армия), Харьковского (25-й стрелковый корпус), Северо-Кавказского (19-я армия) на рубеж рек Зап. Двина и Днепр, а 22 мая — 1 июня началась перевозка 16-й армии из Забайкальского военного округа на Правобережную Украину (По директивам Генштаба были определены следующие сроки сосредоточения войск в новых районах: 22-й армии — 2—3 июля, 21-й армии — 17 июня — 2 июля, 16-й армии — 15 июня — 10 июля, 19-й армии — 1—10 июня, 25-го стрелкового корпуса — 11—13 июня). В соответствии с планом стратегического развертывания на западное направление выдвигалась 22-я армия (в район

Идрица, Себеж, Витебск), на юго-западное — 19-я и 16-я армии (первая — в район Черкассы, Белая Церковь, вторая — в район Староконстантинов, Бердичев, Проскуров). В плане развертывания не упоминалось о 21-й армии. Эта армия выдвигалась в стык между Западным и Киевским округами, в район Чернигов, Котоп. Всего из внутренних округов началось выдвижение 28 дивизий, 9 управлений корпусов и 4 управлений армий. Эта передислокация из внутренних округов, по сути дела, явилась началом стратегического сосредоточения советских войск на театрах военных действий. Выдвижение производилось с соблюдением строжайших мер маскировки, с большой осторожностью, постепенно, без увеличения обычного графика работы железных дорог.

От Мурманска до Черного моря охрану государственной границы несли 53 пограничных отряда (в том числе 6 морских), 9 отдельных пограничных комендатур, а также 11 полков оперативных войск НКВД общей численностью 99,5 тыс. человек. Пограничные отряды имели от 1000 до 3000 человек и охраняли участок государственной границы протяженностью 140—160 км. На вооружении пограничного отряда обычно состояло 60—90 ручных, 32—48 станковых пулеметов, 40—50 50-мм минометов. Артиллерийских орудий пограничные отряды не имели.

Группировка советских ВС к исходу 21.6.1941. В результате мероприятий, проведенных в мае-июне 1941 г. по увеличению численности соединений основных родов войск, а также по передислокации войск, непосредственно на Украине группировка войск к исходу 21 июня была следующей.

В Киевском особом военном округе — командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос, член Военного совета дивизионный комиссар Е.П. Рыков, начальник штаба генерал-лейтенант М.А. Пуркаев — все войска, предназначенные в первый и второй эшелоны армий

прикрытия, находились в местах постоянной дислокации. Стрелковые корпуса, назначенные по плану прикрытия в резерв округа, выдвигались в свои районы и находились в 100—250 км от государственной границы. В движении находились: 31-й стрелковый корпус (193, 195, 200-я стрелковые дивизии), 36-й стрелковый корпус (140, 146, 228-я стрелковые дивизии), 37-й стрелковый корпус (80, 139, 141-я стрелковые дивизии), 55-й стрелковый корпус (130, 169, 189-я стрелковые дивизии). Вместо предназначенного 7-го стрелкового корпуса в состав 12-й армии прибывал 49-й стрелковый корпус как по железной дороге (190-я, 197-я стрелковые дивизии), так и походным порядком (199-я стрелковая дивизия).

В Одесском военном округе — командующий генерал-полковник Я.Т. Черевиченко, член Военного совета корпусной комиссар А.Ф. Колобьяков, начальник штаба генерал-майор М.В. Захаров — все войска прикрытия находились в пунктах дислокации мирного времени. В район Флорешты, Рыбница 14 июня прибыл походным порядком 48-й стрелковый корпус (30, 74-я стрелковые дивизии). В Крыму к 5 июня сосредоточились управление 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии.

Таким образом, соединения, входившие в состав западных приграничных округов и составлявшие первый стратегический эшелон советских вооруженных сил, к исходу 21 июня не завершили развертывания и были рассредоточены на фронте до 4,5 тыс. км и в глубину до 400 км. Войска первого эшелона армий прикрытия находились в пунктах постоянного расквартирования и в лагерях на удалении от 5 до 50 км от государственной границы. Непосредственно на государственной границе находились пограничные войска, отдельные подразделения стрелковых дивизий, выдвинутые для ведения оборонительных работ и на-

блюдения, а также гарнизоны пограничных укрепленных районов.

За дивизиями первых эшелонов, в 50—100 км от государственной границы, находились механизированные и стрелковые войска вторых эшелонов армий прикрытия.

Третий оперативный эшелон составляли механизированные и стрелковые корпуса, предназначенные в резерв округов. Большая часть войск этого эшелона находилась в движении, в 150—400 км от государственной границы.

Сложившаяся группировка не обеспечивала прочной обороны государственной границы и прикрытия мобилизации и развертывания наших вооруженных сил. Более того, такая группировка войск предопределила разрозненность их боевых действий. Противник имел возможность сначала обрушиться на дивизии, расположенные вблизи границы, затем вступить в сражение со вторыми эшелонами армий прикрытия, а после этого, прорвавшись в глубину, напасть на резервы округов.

Второй стратегический эшелон советских вооруженных сил составляли войска резерва Главного Командования (16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-я армии), всего 77 дивизий (сд — 58, тд — 13, мд — 6). К началу войны 9 дивизий этого эшелона уже сосредоточились в предназначенных для них районах (19-я армия), 19 дивизий находились в пути следования (16, 21 и 22-я армии), а остальные дивизии оставались в пунктах дислокации мирного времени (20, 24, 28-я армии).

Группировка Военно-Воздушных сил. Из 79 авиационных дивизий, имевшихся в Военно-Воздушных силах, 48 дивизий, или 60%, находилось в западных приграничных округах. Авиация западных приграничных округов базировалась на постоянные и оперативные аэродромы: армейская авиация — 100—150 км,

фронтовая — 300—500 км и авиация Главного Командования — 600—900 км от государственной границы. Обращает на себя внимание тот факт, что передовые части армейской авиации базировались чрезмерно близко к границе.

ГРУППИРОВКА ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ

Черноморский флот — командующий вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, член Военного совета дивизионный комиссар Н.М. Кулаков, начальник штаба контр-адмирал И.Д. Елисеев — в своей главной базе — Севастополе имел линкор, 5 крейсеров, 2 лидера, 10 миноносцев, 2 сторожевых корабля, подводный минный заградитель, 9 тральщиков, 14 малых охотников, 40 торпедных катеров, 21 подводную лодку; там же в ремонте находились 14 подводных лодок. На Одессу базировались: крейсер (устаревший, используемый в качестве учебного корабля), 4 канонерские лодки, 4 малых охотника, 2 тральщика; на порт Очаков — 28 торпедных катеров; на Николаев — находившиеся в текущем ремонте лидер, эсминец и 4 подводные лодки; на Новороссийск — 4 малых охотника и 2 подводные лодки; на Батуми — 2 эсминца. Значительная часть береговой артиллерии размещалась на подступах к Севастополю и к Одесской, Керченской, Новороссийской, Потийской военно-морским базам. Военно-воздушные силы флота базировались главным образом на аэродромы, расположенные на Крымском полуострове, частично в районе Одессы и Таврии. На Кавказском побережье, в районе Геленджик, Поти, было подготовлено всего два аэродрома, которые использовались ограниченным количеством самолетов (две авиаэскадрильи).

Дунайская флотилия почти целиком базировалась на главную базу Измаил, а также расположенные в районе Измаила пункты базирования — Рени, Килия, Вилков. Там находилось 5 мониторов, минный загради-

тель, 22 бронекатера, 7 катеров-тральщиков, 6 глиссеров, штабной корабль.

Пинская флотилия в своей главной базе Пинск к началу войны имела 5 мониторов, 2 канонерские лодки, 4 плавучие батареи, 14 бронекатеров, 6 глиссеров, а в районе Киева — 2 монитора, 2 канонерские лодки, 3 плавучие батареи, 6 бронекатеров.

В работах историков последних лет рассматриваются вопросы стратегической оборонительной операции в Западной Украине и Бессарабии (Львовско-Черновицкой оборонительной операции). По нашему мнению, с точки зрения военного искусства говорить об оборонительной операции не корректно. Гораздо более точный термин употреблялся в работах 50-х — 60-х годов — сражение (в переводе на украинский аналога нет, наиболее близкий — бойовище, побоище).

Приграничное сражение происходило 22.6—9.7.41 в начале войны после вторжения войск фашистской коалиции и разделялось на два основных этапа. На 1-м этапе 22—30.6.41 перед советскими войсками ставились задания относительно разгрома группировок противника и перехода в наступление, на втором этапе 30.6—9.7.41 организовывался отход войск Юго-Западного и Южного фронтов на линию укрепленных районов (УРов) старой границы.

В основе стратегического плана «Барбаросса» лежала идея внезапного и могучего первого удара с целью быстрого разгрома и уничтожения главных сил Советской Армии между границей и реками Западная Двина, Днепр со следующим стремительным продвижением в глубь страны. Главные силы армии фашистской Германии, а также большие силы армий ее союзников были сосредоточены в трех стратегических группировках, предназначенных для нанесения массированных ударов на самых важных стратегических направлени-

ях. Основные усилия сосредоточивались в полосе группы армий «Центр». Соответственно замыслу фашистского военно-политического руководства южное или украинское направление в начальный период войны было важным, но не главным. На фронте от Влодавы до устья р. Дунай была развернута группа армий «Юг» (ген.-фельдм. К. Рундштедт) в составе 6, 17, 11-й армий и 1-й танковой группы Вермахта, 3-й и 4-й армий румын и венгерского армейского корпуса. Замысел операции группы армий «Юг» заключался в том, что основной удар наносился группировкой в составе 1-й танковой группы и 6-й армии с рубежа Хелм, Томашув с заданием: стремительно выйти в район Киева, продвинуться танковыми войсками дальше на юго-восток, в тыл советским войскам, уничтожить советские соединения на Украине, к западу от Днепра, захватить переправы в районе Киева и южнее и создать тем самым предпосылки для продолжения операции к востоку от Днепра. 17-я армия должна была прорвать оборону советских войск северо-западнее Львова. В задачу 11-й армии входило создавать видимость развертывания больших сил в северо-восточной Румынии и тем самым сковывать советские войска, а в меру развития событий препятствовать отходу советских соединений из Молдавии и Украины посредством нанесения удара в направлении Могилев-Подольский, Винница. 3-я румынская армия действовала вместе с 11-й немецкой армией. 4-я румынская армия имела задачу на шестой день войны начать демонстративные действия на фронте южнее от Ясс и быть в готовности продвигаться к востоку с целью оккупации Бессарабии. Наступление группы армий «Юг» поддерживалось 4-м немецким воздушным флотом и румынскими военно-воздушными силами. Для наращивания усилий из резервов главного командования сухопутных войск 4 пехотные дивизии должны были прибыть к 4 июля 1941 г. в группу армий «Юг».

В отличие от фашистского командования советское считало юго-западное направление главным и сосредоточивало здесь основные ударные группировки. Стратегические взгляды на будущую войну заключались в том, что после отражения наступления противника враг должен был быть разгромлен в ходе стратегического наступления Красной Армии на чужой территории «малой кровью». Согласно планам советского командования в начале войны основные силы Киевского особого военного округа (Юго-Западный фронт; ген.-полк. М.П. Кирпонос) в составе 5А (ген.-м. танк, войск М.И. Потапов), 6А (ген.-л. И.Н. Музиченко), 26А (ген.-л. Ф.Я. Костенко), 12А (ген.-м. П.Г. Понеделин) из Перемишлянского выступа наносили главный удар во фланг немецких войск, развернутых в центральной части Польши. Главной ударной силой общевойсковых армий были механизированные корпуса (по одному на армию и еще четыре прямого подчинения фронта). Каждый мех. корпус состоял из двух танковых и одной моторизованной дивизии. Кроме 4-х механизированных в резерве ЮЗФ находились: 1 кавалерийский, 1 воздушно-десантный и 5 стрелковых корпусов. Кроме того, во втором стратегическом эшелоне разворачивались 19А (из Северо-Кавказского ВО направлялась в район Черкассы, Белая Церковь); 16А (из Забайкальского ВО в район Староконстантинов, Бердичев, Проскуров); 21А (из Приволжского ВО в район Чернигов, Конотоп). Директивы на перегруппировку этих армий были переданы Генеральным штабом 13 мая в 1941 году, конечный срок прибытия войск к районам назначения: для 19А — 10 июня, для 22А — 2 июля, для 16А — 10 июля в 1941 году. На основе управления и войск Одесского ВО формировалась 9А (ген.-л. Я.Т.Черевиченко), которая должна была оборонять государственную границу от Липкан до устья Дуная и черноморское побережье. Для обороны Крыма предназначался 9-й стрелковый корпус. Границу охраняли 19 пограничных

отрядов Украинского и Молдавского пограничных округов.

Состоянием на 21 июня 1941 г. соотношение сил и средств противоположных сторон, определенных для ведения вооруженной борьбы на Украине, было таким: 70 стрелковым, танковым, механизированным и кавалерийским дивизиям; 19 пограничным отрядам и 4 полкам НКВС; 14 УР; 2 воздушно-десантным корпусам; 24 отдельным соединениям и частям артиллерии РКК советской стороны противостоял противник: 57 дивизий и 13 бригад (1,7 : 1); во втором стратегическом эшелоне с советской стороны разворачивалась 21 дивизия с конечным сроком сосредоточения до 10 июля; до 4 июля было запланированное выделение 4 дивизий Вермахта для усиления группы армий «Юг» (5,2 : 1); только в боевых соединениях и частях Красной Армии первого стратегического эшелона на Украине насчитывалось 1 094 500 человек личного состава, им противостояло 992 тыс. военнослужащих гитлеровской коалиции (1,1:1); по пушкам и минометам 19 188 против 15 940 (1,2 : 1); по танкам 5528 (в т.ч. 761 Т-34 и КВ) против 725 (7,6 : 1); по самолетам 3472 исправных самолета в соединениях советских ВПС и 801 самолет ВМС против 800 самолетов Люфтваффе и 500 из румынских ВПС (3,3 : 1); по боевым кораблям — 232 Черноморского флота и речных флотилий на Украине против 29 кораблей румынских ВМС (8 : 1), на начало войны немецких кораблей на Черном море не было.

22 июня немецкие войска вторглись в границы СССР. В первый день войны, соответственно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», на всей территории Украины был введен правовой режим военного положения. С 23 июня объявлена мобилизация. На базе управлений и войск Киевского особого военного округа был образован Юго-Западный фронт, а на базе Одесского округа — 9-я армия. Интересный факт! Распоряжение об этом посту-

пило из Москвы еще 19 июня. Управление КОВО железнодорожным эшелоном 20 июня и автомобильной колонной 21 июня переместилось из пункта постоянной дислокации в городе Киев на КП в город Тарнополь. 25 июня директивой НКО был создан на базе войск Од ВО и части сил КОВО Южный фронт (ЮФ) (27 дивизий, (в т.ч. 6 танк, и 3 моториз.), 4 Ура, 5 авиадив.; ген. армии И.В.Тюленев имел задание силами 9А (ген.-полк. Я.Т.Черевиченко) и 18А (ген.-л. А.К.Смирнов) оборонять 700-км участок государственной границы с Румынией от Липкан к устью Дуная. Ему подчинялась Дунайская воен. флотилия (контр-адмирал М.О. Абрамов).

Советские войска оказались не в полной мере подготовленными к выполнению поставленных заданий. Большинство дивизий, призванных прикрыть развертывание группировок фронтов, находилось в 8—20 км и больше от назначенных им рубежей обороны, на занятие которых было нужно от 4 до 30 часов. На большинстве участков границы противник в первые часы нападения встретил противодействие лишь пограничников и передовых подразделений войск прикрытия. Созданное противником преимущество в силах на направлении главного удара и внезапность нападения позволили ему быстро преодолеть линии укреплений и наступать в глубь советской территории. Только в середине дня к местам боев стали прибывать части прикрытия гос. границы, которые выдвигались на свои рубежи обороны, хотя многие из этих рубежей уже были заняты врагом. Советским войскам приходилось вступать в бой с ходу, часто без поддержки артиллерии и авиации. В результате внезапного массированного удара по советским аэродромам ВВС понесли значительные потери. В результате господство в воздухе захватила немецкая авиация. К тому же было нарушено управление советскими войсками.

В результате неправильной оценки обстановки Главный Военный Совет 22 июня отдал директивы № 2

и № 3, которые требовали от войск наступательных действий с решительными целями. Войскам Юго-Западного фронта было приказано силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов и всей авиацией фронта при поддержке авиации Главного Командования нанести удары, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую с фронта Владимир-Волынский, Крыстынополь, и до конца 24 июня овладеть районом Люблин. 9-я армия получила задание прикрывать государственную границу в своей полосе и не допускать вторжения противника на советскую территорию. В действие приводился механизм стратегической наступательной операции советских войск, однако реализовать запланированное не удалось. Встречная битва, которая развернулась в приграничных областях, была проиграна советской стороной. Однако войска Юго-Западного фронта, имея наибольшее численно-качественное преимущество над противником на всем советско-фашистском фронте, осуществили наибольшее сопротивление. Здесь не допустили окружение и разгром основных сил, как то имело место на Западном фронте. Контрудары 15-го и 8-го механизированных корпусов в районе Броды остановили противника и облегчили отход 6, 26 и 12-й армий. С 25 июня в районе Ровно начали контрудары по противнику 9-й и 19-й механизированные корпуса, которые задержали врага на ровенском направлении до 7 июля. Учитывая более стойкое положение на юго-западном направлении и катастрофическое на западном, 19-я и 16-я армии второго стратегического эшелона, которые завершали развертывание на Украине, были переброшены в Белоруссию.

Впоследствии Главному Командованию Советских Вооруженных Сил стало понятно, что войска первого стратегического эшелона не смогут остановить продвижение противника и тем более нанести соответствующий удар и перенести боевые действия на враждеб-

ную территорию. Жизнь поставила новое задание — путем проведения оборонных операций обескровить врага и создать условия для контрнаступления. 30 июня были переданы боевые распоряжения об организованном отходе войск ЮЗФ с целью подготовки и осуществления обороны по рубежу УРов старой государственной границы с 9.7. Промежуточный рубеж отхода Сарны, Острог, Чорткив, Коломыя, Берегомет было приказано удерживать до 6.7. С этого же времени должен был начаться отход правого крыла ЮФ на рубеж р. Днестр.

В то время, когда на направлении гл. удара противника приграничное сражение завершалось, в полосе ЮФ румынские войска, ожидающие завершения развертывания немецкой 11А, вели разведку боем с целью увеличения плацдармов на восточном берегу р. Прут. Отсутствие здесь в июне крупномасштабных боевых действий позволило советскому командованию подготовиться к отражению вторжения главных сил противника и встретить его наступление, начавшееся с 1 июля, более организованно. Главный удар противника, наступающего в общем направлении на Могилев-Подольский, Жмеринку, приняла на себя недавно созданная на основе управления Харьковского военного округа 18-я армия. 3 июля противнику удалось захватить плацдармы на левом берегу Прута в районе Ясс, отсюда он развернул наступление на северо-восток и за шесть дней продвинулся до 60 км. Темп и глубина наступления немецких и румынских войск на Могилев-Подольском направлении по сравнению с другими участками советско-германского фронта были невысокими.

Однако положение войск ЮЗФ и ЮФ значительно ухудшилось. Отсутствие взаимодействия между войсками 5-й и 6-й армий ослабило стык между ними. Противник бросил в направлении на Острог два моторизованных корпуса. Попытка командования Юго-Западного фронта прикрыть это направление силами

двух дивизий 7-го стрелкового корпуса, переброшенного из Южного фронта, опоздала и стала неудачной. Войскам ЮЗФ реализовать замысел на отход и организацию оборонной операции по линии старой границы в полной мере не удалось. Немецкие войска, продолжая наносить главный удар в направлении Ровно, Житомир, Киев и второй удар в направлении Тарнополь, Проскуров, Винница, с 1 по 9.07 преодолели сопротивление советских войск в Шепетовском, Изяславском, Старо-Константиновском, Проскуровском УРах первой полосы и Новоград-Волыньском УРе второй полосы. До 9.07 соединения и части ЮЗФ отступили на рубеж: Коростенский УР, к востоку от Житомира и Бердичева, Остропольский, Летичевский, Каменец-Подольский УРы. Войска правого крыла Южного фронта к этому времени вели оборонные действия на фронте Каменец-Подольский, Могилев-Подольский, западнее Кишинева. Левифланговые дивизии 9-й армии, взаимодействуя с Дунайской военной флотилией, продолжали оборону рубежей по рекам Прут и Дунай.

В ходе приграничного сражения советские войска боролись в условиях, когда немецкое командование захватило инициативу, а авиация противника господствовала в воздухе. Это стало причиной исключительно напряженной борьбы и сложности в управлении войсками. Следствием боевых действий в приграничном сражении стал отход войск ЮЗФ вглубь до 250—300 км. Войска фронта, имея количественное преимущество над противником, не смогли остановить вторжения, разгромить ударную группировку врага и перенести боевые действия на его территорию, они потерпели поражение и оставили Западную Украину. Передовые отряды немецких войск 11.9 вышли на подступы к Киеву. Потери советской стороны в приграничном сражении на Украине: безвозвратные — более 172 тыс. чел., санитарные — около 70 тыс. чел., а также 4381 танк, 5806 пушек и минометов, 1218 боевых

самолетов. По нашему мнению, прямая вина за одну из наибольших катастроф советских войск в начальный период войны лежит на командовании Юго-Западного фронта. Оно оказалось несостоятельным должным образом осуществлять управление большими массами войск. Генерал-полковник М.П. Кирпонос, который за год до того, будучи еще полковником во время Финской войны показал себя как успешный командир дивизии, не имел соответствующей теоретической подготовки и практического опыта в руководстве большими массами войск. Опытные руководители из управления Киевского округа были репрессированы в довоенные годы на 80 процентов. Отсутствие надлежащего опыта у командного состава стало одной из причин поражений советских войск в начальном периоде войны.

На боевой деятельности войск в начале войны негативно отразился ряд ошибочных решений Главного Командования (директивы №№ 1, 2, 3). Первая директива с предупреждением о вероятности перехода немецких войск в наступление 22—23 июня была направлена в войска с большим опозданием. Вторая и третья директивы, требовавшие от войск решительных наступательных действий, не отвечали сложившейся обстановке. Более целесообразно было дать указания о переходе к обороне на выгодных рубежах, чтоб изматывать и истощать наступающего противника. Решения на организацию обороны и создание в глубине оборонных рубежей, принятые Главным Командованием после 25 июня, хоть и основывались на реалиях трезво оцененной обстановки, но практически не были выполнены через ограниченное время.

Противник, имея данные о размещении пунктов управления, узлов и линий связи, сумел значительную их часть вывести из строя ударами авиации, а также диверсионными группами, возможность действий которых советским командованием недооценивалась. Надежды, возлагаемые на постоянные линии наркомата

связи, не оправдались. Имела место и недооценка радио как основного средства связи в условиях маневренной войны. Все это привело к длительным сбоям связи и к потере управления войсками.

Негативное влияние на ход вооруженной борьбы оказывали серьезные недостатки в действиях командующих фронтами и армиями, командиров соединений и частей по руководству подчиненными частями. Неудачи советских войск стали поводом для частых, во многих случаях неоправданных, изменений командования соединений и оперативных объединений, а порою и репрессий. Эта практика, которая касалась значительного количества руководящих командных кадров, подрывала веру командного состава в свои способности, наносила большой вред делу управления войсками и в конечном счете тяжело отразилась на всем ходе вооруженной борьбы в первые месяцы войны.

Тяжелые условия, в которые попали войска приграничных округов, увеличивались большими недостатками в работе оперативного и военного тыла и их фактической неготовностью к обеспечению войск в условиях сложной обстановки.

И все-таки замысел противника окружить и уничтожить главные силы ЮЗФ был сорван. Задачи, которые определялись планом «Барбаросса» группе армий «Юг», в полной мере не были выполнены.

Кейстут Закорецкий
О ПЕРИОДИЗАЦИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Для начала я хотел бы немного отклониться от заявленной темы и коснуться причины, по которой я ею увлекся. Это произошло из-за одного «открытия» Алексея Исаева в истории Сталинградской битвы. На одном из сайтов в Интернете об этом написали так:

«К вечеру 30 января 1943 года части 64-й армии в ходе двухдневных ожесточенных боев подошли к площади Павших борцов. К утру 31 января универмаг был полностью окружен, штаб Южной группировки германских войск после непродолжительных переговоров капитулировал. Это была крупнейшая победа с начала Великой Отечественной войны и, наверное, самая важная. С этого дня сталинградский универмаг стал одним из символов Победы Красной Армии.

Но известный военный историк А. В. Исаев подвергает сомнению версию о местонахождении штаба 6-й армии.

В своей книге «Сталинград. За Волгой для нас земли нет» он пишет о том, что в журнале боевых действий Донского фронта указывается, что штаб Паулюса находился в подвале исполкома Сталинграда, где и капитулировал. «Возможно, в последующем сообщали о пленении Паулюса в подвале универмага, чтобы не бросать тень на здание, в котором размещаются органы ис-

полнительной власти. Наверняка злые языки сразу же обозвали бы обиталище слуг народа «Домом Паулюса», — пишет автор. Однако ныне живущие очевидцы событий зимы 1943 года однозначно утверждают, что пленение произошло именно в подвалах универмага. Возможно, все это связано с решаемым сейчас вопросом о возврате здания универмага из частной в федеральную собственность».

Но Алексей Исаев продолжает настаивать на своей версии. В том числе он не отказался от нее и в новом переиздании своей книги о Сталинграде (которое готовится на конец 2010 г.). Главным «вещдоком» он считает текст одного из донесений штаба 64-й армии, факсимиле которого он выложил на своем сайте, где объясняет:

«В свое время я написал в книге «Сталинград» по документам Донского фронта, что Паулюса пленили в исполкоме, а не в универмаге, как писали обычно в советское время. Это вызывает обоснованные споры и сомнения. Я это дело не забыл и нашел датированное 31 января 1943 г. «Донесение об обстоятельствах пленения командующего 6-й германской армии фельдмаршала Паулюса» в адрес Рокоссовского от штаба 64 А. Вот что там написано, специально даю факсимиле:

«С утра 31.1.43 Генерал-фельдмаршал фон-ПАУЛЮС находился в Доме Исполкома (центральная часть г. СТАЛИНГРАД) с чинами своего штаба и сильной охраной. В ходе боя здание было окружено подразделениями 38 мсбр, под непосредственным руководством Зам. командира бригады по политчасти — Подполковника — ВИНУКУРА Л. А.

После окружения здания прибыл личный адъютант фон-ПАУЛЮС с предложением о ведении переговоров».

Документ подписали все члены Военного совета 64 А:

командующий Шумилов, НШ Ласкин и ЧВС Сердюк. Причем из этих троих тов. Ласкин лично побывал в штабе Паулюса и видел, где он находился, своими глазами в дневное время, см. Самсонова: В подвал универмага через 40 минут после появления там делегации парламентариев 64-й армии прибыл начальник ее штаба генерал-майор И. А. Ласкин. Также «Исполком» фигурирует в текущих донесениях 64 А, от 19.00 31.01.43 и 22.00 31.01.43».

Вообще исполком он логичнее: телефонных проводов, на которые можно посадить связь, к нему подходит больше, чем к Универмагу.

Не могу сказать, что в деле поставлена точка. Но уверенности относительно исполкома у меня прибавилось».

И никакие другие материалы о пленении Паулюса именно в подвале универмага Алексея Исаева не убеждают. Ни воспоминания бывшего адъютанта фельдмаршала — полковника Адама (в которых он подробно объяснил, как штаб 6-й немецкой армии там оказался), ни неоднократные воспоминания бывшего в 1943 г. ст. лейтенантом Ильченко Федора Михайловича (который лично участвовал в пленении Паулюса в подвале универмага), ни подробный документ 25 сентября 1943 г. штаба 7-й гвардейской армии (в которую 64-я была преобразована 1 мая 1943 года) под названием «Краткое описание пленения штаба 6-й немецкой армии во главе с ее командующим генерал-фельдмаршалом Паулюсом в г. Сталинграде частями 64-й армии Донского фронта 31 января 1943 года» (опять же в подвале универмага).

Есть и немецкие сайты про Сталинградскую битву с упоминанием «das Kaufhaus» — «Универмаг»¹.

¹ http://www.entfernungspauschale.info/article/Schlacht_von_Stalingrad

Для Алексея Исаева все эти тексты не несут какой-либо полезной информации. Я попытался побеседовать с ним на его сайте в «Живом журнале» по этой теме — бесполезно¹.

Итак, Алексей Исаев настаивает на своем «открытии» по поводу «исполкома». Но вообще-то в центральной части Сталинграда «исполкомов» (Советов депутатов трудящихся) могло быть три:

- центрального района города («райисполком»),
- городского («горисполком»),
- областного («облисполком»).

И если штаб Паулюса действительно находился бы в подвале одного из них, то правильнее было бы указать поточнее, в каком. Но во время проведения боевой операции (когда документ еще может попасть к

¹ Пример дискуссии с А. Исаевым:

(Я): И те офицеры штаба в сентябре 1943 г. НЕ ИМЕЛИ доступа к своим же документам, еще не сданным в архив?

(Исаев): Почему не сданным? Я вот зуб не дам, что они не сплывили все документы по Сталинградской битве в Бузулук (где была точка приема документов будущего ЦАМО) до лета 1943 г.

(Я): «По горячим следам» мало что могли или попутать или, наоборот, специально утаить. Извините, война, однако. А вот через полгода, когда уже это на ход боевых действий уже не влияет, — другое дело.

(Исаев): Наоборот, во время сражения думают о нем, а не о мирной жизни после. Я свое мнение высказал: военных попросили откорректировать «подробности», чтобы не запоминать здание исполкома пребыванием там немецкого штаба.

(Я): А ему какой смысл врать? (полковнику Адаму).

(Исаев): Ему — никакого. Он мог:

а) забыть, т. к. штаб был в исполкоме (Универмаге) короткое время;

б) написать в рукописи «Исполком» или «Партийное здание», а при издании научный редактор поправил на «Универмаг». Или Вы не в курсе, что такое научная редакция?

Заметим, что сказать Вам на мои возражения нечего. Еще раз: по горячим следам четко написано: «Исполком». Потом политруки могли попросить немного исправить.

Кстати, а Вам не приходит в голову: зачем штабу уже 7-й гв. армии возвращаться к делам январским в сентябре? Отчеты обычно пишутся вскоре после проведения операции. Тем более на фронте весной 43-го было затишье.

врагу и враг может (теоретически) принять какие-то ответные меры) в боевых документах положено использовать кодированные слова. Например, известен факт, что свои приказы командующим фронтами товарищ Сталин подписывал коротко: «Иванов». И пусть враги догадываются в случае чего, кто это такой — начальник ли Генштаба, какой заместитель или сам Сталин?

Но размышлять в таком направлении Алексей Исаев не желает. А вспомнил здесь я эту историю потому, что он упомянул в своих комментариях книгу Самсонова о Сталинградской битве. Она есть в Интернете. Но без сносок. А у меня она есть в бумажном варианте (со всеми сносками). Вот в них я и нашел ссылку на статью в журнале «ВИЖ», 1959, № 2, где опубликован сентябрьский 1943 г. отчет штаба 7-й гв. армии.

Выбрал время, посетил библиотеку, нашел там этот журнал и скопировал ту статью.

Но как оказалось, в том журнале были и другие интересные материалы.

В частности, статья генерал-майора Е. Болтина «О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза». Меня она заинтересовала. Долгое время она так и хранилась у меня в виде jpg-файлов, пока тема периодизации войны не была затронута на форуме «Экслеры», где участник с ником «Фрукт» выложил несколько интересных документов¹ (здесь и далее выделение курсивом — мое):

«ЗАПИСКА Г. К. ЖУКОВА
И В. Д. СОКОЛОВСКОГО В ЦК КПСС
ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАИМЕНОВАНИЯ
ПЕРВОГО ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

¹ <http://forum.exler.ru/index.php?act=Post&CODE=06&f=113&t=157122&p=22282809>

23 мая 1955 г.

В январе месяце с/г Министерством обороны на рассмотрение Президиума ЦК КПСС было внесено ходатайство об изменении существующего наименования первого периода Великой Отечественной войны.

В настоящее время этот период носит наименование «Активная оборона Советских Вооруженных Сил».

Учитывая, что такое наименование приводит к неверному представлению о характере действий советских войск в 1941—42 гг. и что оно противоречит принятому у нас понятию содержания активной обороны, министерство просило ЦК КПСС одобрить следующее наименование первого периода: «Срыв замыслов «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза и создание условий для коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны».

В последующем Министерство обороны, обсудив этот вопрос на коллегии, пришло к заключению, что предложенное наименование также не является исчерпывающим, поскольку оно не отражает характера событий первого периода войны и содержит только его военно-политический итог. Это может породить неправильное представление о содержании военных событий того времени и той тяжелой обстановке, в которой они протекали.

В связи с этим коллегия просит Президиум ЦК КПСС рассмотреть два новых варианта определений первого периода: Первый вариант — «Период отступления и срыв плана «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза»; Второй вариант — «Период отступления, накопления сил и срыв плана «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза».

Жуков, Соколовский

«Разослать членам Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС. 24. V. 1955 г.».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 69. Л. 14-15

Из этого документа становится понятно, что до 1955 г. в СССР официальное объяснение гласило, что РККА в 1941—42 гг. «активно оборонялась». А в 1955 г. возникло подозрение, что оно не совсем правильно. Действительно, что же это за «активность», в результате которой армия откатилась от границы на сотни, а потом и на тысячи км? То есть получается, что летом 1941 г. для устойчивой обороны не хватало каких-то условий. Но, с другой стороны, если есть оборона «активная», то должна существовать еще и какая-то другая? Наука их как-то отличает? «Для протокола» открываю БСЭ, 3-е изд., том 1 и читаю:

«АКТИВНАЯ ОБОРОНА (воен.), термин, выходящий из употребления; используют гл. обр. в воен.-ист. лит-ре. Обычно применяют понятие активность в обороне. См. Оборона».

И все? То есть сейчас этот термин можно забыть? Для контроля открываю 18-й том БСЭ на статью «ОБОРОНА». И вообще ничего не нахожу про ее «активность». Нет такого термина! Силу обороны там понимают *«в нанесении ударов всеми видами оружия, широком маневре огнем, контратаках и контрударах».* А ее организация должна базироваться *«на умелом использовании выгодных условий местности, ее инж. оборудовании, применении заграждений, рассредоточенном расположении войск по фронту и в глубину».*

Это понятно. На тебя нападают — обороняйся всем, что есть. Но желательно по науке. Как же различает наука виды обороны? Где-то можно найти? Оказалось, что можно. Странно, но более-менее подробное описание этой темы нашлось в статье М. Сергеева о тактике американской пехоты, опубликованной в журнале «Во-

енный вестник» № 3 за февраль 1946 г. В частности, там говорится:

«По американским взглядам, решительные результаты в бою достигаются только наступательными действиями: одной обороной можно отсрочить поражение, но никогда нельзя добиться победы. Наступление должно начинаться внезапно, вестись непрерывно и до полного разгрома противника...»

Рекомендуя нападать на противника внезапно, уставы армии США уделяют много внимания боевому обеспечению собственных войск. Для того чтобы подчеркнуть недопустимость беспечности в боевой обстановке, американцы указывают, что командиру иногда можно простить поражение в бою, но беспечность, в результате которой его войска оказываются застигнутыми противником врасплох, никогда. Каждый бой связан с риском; обязанность командира подразделения — свести этот риск к минимуму соответствующими мерами боевого обеспечения».

Правильно, к победе ведет только наступление (если видно, что свои ресурсы переламывают ресурсы противника). Или стол переговоров (если свои силы безрезультатно губятся в бесполезных атаках). Но интересно мнение американцев о том, что нельзя простить командиру беспечности. И можно задаться вопросом, а в каком виде должно проявиться это «непрощение»? Отдать под суд военного трибунала и присудить длительный срок? Или расстрел перед строем по военным законам? А как быть, если беспечность допустил самый главный командир всей страны? Его ж перед строем не расстреляешь. И под суд вряд ли удастся отправить. Но как показывают факты, именно подобная история с «беспечностью» и произошла в СССР в июне 1941 г. Высший Главоверх страны товарищ Сталин наплевал на свое же требование соблюдать постоянную бдительность и допустил внезапное нападение заранее развернутой армады врага. При этом своя ар-

ми я «по науке» к ведению обороны готова не была. Что и привело к целой полосе очень неудачных событий.

Читая дальше вышеупомянутую статью, я нашел и американские соображения на виды обороны:

«...Независимо от причин перехода к обороне, характерным признаком ее является удержание широкого фронта сравнительно слабыми силами.

Американцы разделяют оборону на позиционную (оборона на одной позиции) и маневренную (отступательная оборона). В зависимости от поставленной задачи оборона может быть пассивной и активной.

Пассивная оборона имеет задачей удерживать закрепленные позиции всеми видами огня, не предпринимая контрнаступления. Прорывающийся в глубину обороны противник уничтожается контратаками резервов или отбрасывается за передний край.

Активная оборона предусматривает контрнаступление, осуществляемое в критический момент боя. Поэтому при активной обороне рекомендуется иметь сильные и подвижные резервы, предназначенные главным образом для наступательных действий.

Позиционная оборона строится по принципу оборонительных районов, внутри которых создаются опорные пункты и узлы сопротивления. Они создаются таким образом, чтобы обеспечить взаимную поддержку, круговую оборону, наибольшую дальность фронтального огня, возможность обстрела всех подступов и участков местности, примыкающей к узлам сопротивления.

Оборонительные районы рекомендуется занимать целыми подразделениями, вследствие этого районы обычно называются взводными, ротными и батальонными.

Оборона вытягивается в глубину за счет постепенного ее построения. Считая от фронта к тылу, эшелоны именовются: первый — эшелоном сопротивления, второй — эшелон поддержки, третий — ба-

талъонных резервов и четвертый — полковых резервов. Цель организации такой обороны заключается в стремлении «разбить силу атакующего так, как разбросанные на берегу обломки скал разбивают силу волны».

Прошу обратить внимание на фразу: «оборона имеет задачей удерживать закрепленные позиции всеми видами огня». Это главное в обороне — чем отбиваться. Если нечем — сидеть в окопе толку мало. Но противник со своей стороны может применить шквал огня. Поэтому и придумали зарываться в землю. При этом все равно не будет на 100% гарантии выжить, но какая-то вероятность останется. Поэтому инженерное обеспечение позволяет лишь повисить живучесть обороняющихся войск. Но оборонительное воздействие на противника они должны оказывать огнем. То есть иметь достаточное количество разных боеприпасов. Если их окажется мало, то никакие окопы не помогут. Придется отступать.

Причем пополнение запасов для огневого воздействия должно быть постоянным. Иначе любые контрудары надолго противника не остановят. А тот факт, что немцы в 1941 г. смогли дойти до Москвы и Ростова, показывает, что у РККА чего-то важного не хватало. И копание окопов в то время сильно не помогло. Сколько ни посылались команды гражданских на рытье оборонительных полос.

Но теория обороны к началу войны в СССР была. Вот как об этом написано в 18-м томе БСЭ в статье про «оборону»:

«...В 30-х гг. теория О. широкое развитие получила в Красной Армии. В связи с возросшей ударной силой наступающих войск считалось, что О. должна была быть глубокой, многополосной, противоартиллерийской, противотанковой, противосамолетной. К нач. 2-й мировой войны 1939—45 гг. и в ходе ее в связи с массовым применением дальнобойной артил-

лерии, танков и авиации О. стали строить еще более глубокой. Напр., полоса О. корпуса Красной Армии имела глубину до 15 км и состояла из 2 оборонит, полос глуб. 4—6 км каждая. Оборонит, полоса состояла из 2—3 траншей. Всестороннее развитие О. получила в Сов. Вооруж. Силах в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг., особенно в Московской битве 1941—42 и Ленинградской битве 1941—1944, в Курской битве 1943, в Балатонской оборонительной операции 1945 и др. ...»

То, что здесь упоминается оборона под Москвой в 1941 г., — понятно. Немцы прорвать ее не смогли. Но чтобы им оказаться под Москвой, они должны были пройти сотни километров от границы, советская оборона на которых почему-то оказалась неэффективной, как ее ни называть — активной или как-то иначе. Вообще-то назвать ее полностью неактивной нельзя. С июня по декабрь 1941 г. РККА провела много серьезных операций: это и контрудары в полосе ЮЗФ, и удар корпуса комбрига Петровского на Западном фронте, и многомесячная оборона Киева, и контрнаступление под Смоленском и т. д. Но остановить немцев в конечном итоге они не смогли. Враг продолжал и продолжал теснить Красную Армию все дальше на восток.

Таким образом, действия РККА в тот период можно назвать *«временами активной маневренной (отступательной) обороной в условиях недостатка каких-то сил и заранее подготовленных оборонительных районов»*. Главной задачей при этом оказалась необходимость выиграть время в течение более года, которое требовалось для восполнения больших потерь стратегических запасов в начале войны. Срок более года возник из-за необходимости срочной эвакуации промышленности из угрожаемых районов далеко на восток и возобновления ее работы на новых местах.

Конечно, термин «активная оборона» для первого периода войны все эти подробности не объяснял. И вполне справедливо было бы назвать его *«периодом от-*

ступления, срыва замыслов «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза, накопления сил и создания условий для коренного перелома» (примерно как и предлагал маршал Жуков в мае 1955 г.).

Но в таком названии все равно есть недоговоренность. Ибо остается безответным вопрос: почему так произошло? Кто виноват? То есть в более полном виде в названии было бы полезно дописать: «в связи с тем, что...». Вот тогда оно оказалось бы логически законченным.

Но эта часть оказывается самой сложной. Буквально «камнем преткновения». Причем до сих пор. С одной стороны, некоторые исследователи настаивают, что в то время все делалось правильно и ничего лучше и эффективнее сделать было нельзя, кроме этой «местами активной маневренной (отступательной) обороны». Дескать, удар врага заранее развернутыми силами и укомплектованными под полную завязку был неимоверно силен. И противопоставить ему что-то лучше, чем и как это было сделано, вряд ли было возможно. И такая мысль гуляет до сих пор.

Но после смерти Сталина в период развенчивания его культа личности во второй половине 50-х годов были попытки докопаться до конкретных причин летнего поражения 1941 г. На упоминавшемся форуме «Экслеры» были приведены и другие документы того времени. В частности, еще одно письмо маршала Жукова:

«ЗАПИСКА Г. К. ЖУКОВА В ЦК КПСС
ОБ ОСВЕЩЕНИИ В ПЕЧАТИ
НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

12 мая 1956 г.

Редакция журнала «Военный вестник» в передовой статье № 4 осветила некоторые вопросы неудач наших войск в начальном периоде Великой Отечествен-

ной войны, вытекающих из последствий культа личности, о чем говорилось на XX съезде КПСС.

9 мая в редакционной статье, посвященной Дню Победы, редакция газеты «Красная Звезда» подвергла критике эту статью «Военного вестника», обвинила журнал в том, что он допускает «совершенно неправильные, вредные суждения», когда утверждает в названной статье, что «нашей армии пришлось отступить, вести тяжелые оборонительные сражения якобы из-за неприведения войск в боевую готовность».

Редакция «Красной Звезды» считает весьма странными и необидительными «суждения журнала о каких-то разрозненных, необъединенных действиях отдельных войсковых соединений — действиях, порожденных неготовностью Вооруженных Сил СССР», она также утверждает, что в статье «Военного вестника» грубо искажается вопрос о мобилизационной готовности и возможностях нашей промышленности. По мнению редакции «Красной Звезды», авторы статьи «Военного вестника» этим самым принизили значение нашей победы в минувшей войне, принизили решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил в завоевании победы.

Эта критика, по справке Главного редактора газеты, дана по указанию тов. Шепилова Д. Т. Считаю, что обвинения, выдвинутые по поводу передовой статьи в № 4 журнала «Военный вестник», являются необоснованными и неправильными.

В статье «Военного вестника» события начального периода войны и их причины освещены на основе действительных фактов и в полном соответствии с их оценкой, данной в материалах XX съезда партии.

Нет также оснований обвинять редакцию журнала в умалении роли советского народа, партии и Вооруженных Сил, тем более что на первых страницах № 4 журнала решающая роль нашего народа, партии и Вооруженных Сил в завоевании победы показана ярко.

Необоснованное выступление редакции «Красной Звезды» с критикой передовой статьи в № 4 «Военного вестника» принесло явный вред. Оно дезориентирует наши кадры в вопросах перестройки освещения начального периода Великой Отечественной войны в соответствии с материалами XX съезда и по существу идет вразрез с принятым решением съезда по вопросу культа личности.

Вместе с тем необдуманное выступление газеты в юбилейной статье дало основания враждебной нам печати за рубежом развернуть клеветническую кампанию.

Считаю, что работники аппарата ЦК КПСС и Главное Политическое управление Министерства обороны, давшие санкцию на опубликование редакционной статьи «Красной Звезды» с необоснованной критикой журнала «Военный вестник», без соответствующего указания Президиума ЦК КПСС, допустили серьезную ошибку.

Г. Жуков»

Вообще говоря, памятуя о вышедших позднее Жуковских мемуарах, удивительно читать такое письмо. Получается, что маршал Жуков в 1956 г. вполне конкретно соглашается, что РККА в июне 1941 г. не была готова к ведению эффективной обороны. И что большая вина за это (если не основная) лежит на товарище Сталине, без санкции которого никак не могли выполнить подготовку страны к обороне. С одной стороны, похвально наблюдать такое заявление из уст высшего военного специалиста. Но с другой стороны — ведь не только товарищ Сталин (не) касался вопросов по военной теме. Сам маршал Жуков, будучи начальником Генштаба в то время, нес немалую долю ответственности за это же дело. Но признавать свою вину в 1956 г. он не стал. Все переложил на плечи уже умершего Сталина. Да так, что начальникам «Красной Звезды» пришлось оправдываться:

*«Начальнику Главного Политического Управления
Министерства обороны СССР
Генерал-полковнику тов. ЖЕЛТОВУ А. С.*

По поводу критического замечания в адрес «Военного вестника», содержащегося в статье, опубликованной нашей газетой за 9 мая с. г., докладываю следующее:

29 апреля меня вызвали в отдел пропаганды и агитации Центрального Комитета КПСС и ознакомили с ошибочными утверждениями, содержащимися в передовой статье «Военного вестника», № 4 за 1956 г. Здесь же, по указанию секретаря ЦК тов. Шепилова, мне было предложено в готовящейся к печати статье ко Дню Победы указать «Военному вестнику» на его неправильные утверждения, причем указать на те места его передовой, где говорится о начальном периоде войны и о которых можно сказать в открытой печати.

Это и было нами сделано.

Главный редактор полковник Н. МАКЕЕВ

*Начальнику Главного Политического Управления
Министерства обороны СССР
Генерал-полковнику тов. ЖЕЛТОВУ А. С.*

Докладываю Вам о тех обстоятельствах, которые заставили редакцию в опубликованной 9 мая с. г. статье «Великий подвиг советского народа» подвергнуть критике передовую статью журнала «Военный вестник» № 4 за 1956 год.

Во-первых, в своей статье журнал утверждает, что Советской Армии в течение лета и осени 1941 года пришлось отступать, вести тяжелые оборонительные бои «прежде всего из-за непринятия необходимых мер приведения войск в боевую готовность». Причем в статье безапелляционно говорится о неготовности к отпору агрессии всех Вооруженных Сил

СССР. Журнал прямо пишет: «Именно такая неготовность Вооруженных Сил и явилась основной причиной разрозненных, необъединенных действий отдельных наших войсковых соединений в самом начале войны».

Таким образом, журнал берет одну, причем теневую сторону тяжелого положения в начальный период войны. Он объясняет это положение главным образом неготовностью Вооруженных Сил СССР и, следовательно, всю вину за неудачи начального периода сваливает на Вооруженные Силы.

Это неверно. Это — клевета на нашу армию. Можно привести много примеров, говорящих о том, что уже в первые дни войны для наших войск в целом были типичны и присущи не разрозненные и необъединенные действия, а действия целеустремленные, организованные, отличающиеся невиданной стойкостью и храбростью личного состава армии, многих и многих командиров, военачальников. Ведь это же факт, что за свое продвижение в глубь нашей страны немецкие фашисты расплачивались потерей сотен тысяч своих войск, ибо они встретили на советском фронте такое сопротивление, такую стойкость, каких не встречали за все время войны в Европе. Об этом неоднократно заявляли сами представители немецко-фашистского командования.

Следовательно, в целом наши Вооруженные Силы были готовы к отпору врагу. Несмотря на исключительно тяжелую обстановку, наша армия, ее генералитет не растерялись, а смело вступали в бой, громили живую силу и технику врага. Утверждать, что основной причиной наших неудач в начальный период войны была неготовность Вооруженных Сил, значит сводить на нет ту огромную организаторскую работу, которую провели накануне войны партия, Центральный Комитет, правительство по воспитанию и укреплению армии и флота, значит, вольно или невольно, вызывать в нашем народе чувство недоверия к своим Вооруженным Силам.

Авторы статьи и редакция журнала при подготовке материала для передовой, очевидно, пользовались известным Вам докладом товарища Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Но ведь в этом докладе нет утверждения о неготовности Вооруженных Сил вообще, как нет и утверждений о разрозненных, необъединенных действиях наших войск. Наоборот, в докладе говорится: «Бессмертны заслуги советских воинов, наших военных командиров и политработников всех степеней, которые в первые же месяцы войны, лишившись значительной части армии, не растерялись, а сумели перестроиться на ходу, создать и закалить в ходе войны могучую и героическую армию и не только отразить натиск сильного и коварного врага, но и разгромить его». Очевидно, «Военному вестнику», как открытому органу печати, надо было положить в основу той части статьи, где речь идет о начальном периоде войны, именно это положение доклада.

Во-вторых. Журнал утверждает, что «одной из важнейших причин наших военных неудач в первом периоде Великой Отечественной войны является также тот факт, что советская промышленность не была вовремя и по-настоящему мобилизована для производства необходимого вооружения и снаряжения».

Действительно, такое положение имело место. Но, говоря об этом в открытой печати, нельзя ограничиваться только такого рода утверждением, надо дать правильное, толковое объяснение коренных причин, обусловивших неготовность нашей промышленности к массовому производству вооружения. Журнал не учел этого и поэтому свел на нет значение борьбы народа и партии за индустриализацию страны, за создание мощной тяжелой индустрии, за усиление технической оснащенности войск. Ведь товарищ Н. С. Хрущев, говоря в своем докладе о недостаточной подготовленности нашей промышленности к

войне, в то же время сказал, что, когда в ходе войны была потеряна почти половина всей нашей промышленности, советский народ сумел организовать производство военных материалов в восточных районах страны и обеспечить наши Вооруженные Силы всем необходимым для разгрома врага. Бесспорно, что журналу надо было прежде всего взять эту сторону вопроса.

В-третьих. В передовой «Военного вестника» содержатся и другие ошибочные формулировки, о которых нельзя было сказать в газете, как открытом органе печати. Так, например, журнал пишет, что нападение Германии «никак нельзя было считать внезапным для высшего руководства страной». Но ведь всем известно, что высшее руководство страной у нас принадлежит партии в целом, ее Центральному Комитету. Утверждение журнала, что это высшее руководство было сосредоточено в руках Сталина, не спасает положения. Журнал бьет по культуре личности, и в то же время тут же бьет по партии, ее ЦК, по правительству, олицетворяющим высшее руководство страной. А что это означает на деле? Это означает посеять в глазах народа недоверие к руководству партии, правительства, подорвать их авторитет, умалить роль партии в подготовке страны к отпору фашистским агрессорам.

Далее. В статье (7 стр.) говорится, что в ходе боев «часто не принимался во внимание такой важный вопрос, как потери и материально-технические издержки». У читателей открытого органа печати может создаться мнение, что никто — ни партия, ни правительство, ни командование войск — не интересовался жизнями миллионов людей, сражавшихся на фронте, что многие жертвы были напрасны, неоправданны. Вряд ли можно признать правильным выносить такого рода суждения в открытую печать.

Все это, вместе взятое, послужило основанием для «Красной звезды» выступить с критическим замечанием в адрес «Военного вестника». Причем сделать это замечание было предложено Центральным Комитетом партии, в частности секретарем ЦК тов. Шепиловым. Статья «Красной звезды» после ее окончательного редактирования послалась в ЦК. Там была дописана еще одна формулировка, а именно: «Хотели или не хотели того авторы указанной выше статьи «Военного вестника», но они принизили значение нашей победы в минувшей войне, принизили решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил в завоевании этой победы».

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1) Редакция «Красной звезды» поступила правильно, подвергнув критике передовую статью журнала «Военный вестник».

2) Предложить редакции «Военного вестника» выступить со статьей, в которой поправить свои ошибочные суждения по поводу начального периода войны.

Главный редактор полковник Н. МАКЕЕВ»

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 22-29

Итак, в 1956 г. бывший первый военный начальник Генштаба как бы с полным знанием дела вполне конкретно соглашается, что Красная Армия не была подготовлена как надо для ведения активной обороны от немецкого нападения. Но «кое-кому» в ЦК КПСС такие признания не понравились, и возникло предложение срочно опубликовать опровержение с заявлением, что все делалось как надо. Дескать, к обороне готовились. Конечно, с таким «послезнанием» можно и согласиться. А можно и ознакомиться с первоисточниками еще тех

лет. Например, повнимательнее почитать Полевой устав РККА (проект 1939 г.), текст которого выложен в Интернете¹. Вот некоторые цитаты из его 1-й главы «ОБЩИЕ ОСНОВЫ»:

1. ... Красная Армия является оплотом мира. Она воспитывается в духе любви и преданности к своей Родине, партии Ленина — Сталина и советскому правительству, в духе интернациональной солидарности с трудящимися всего мира. В силу исторически сложившихся условий Красная Армия существует как непобедимая, всесокрушающая сила. Такой она является, такой она всегда будет.

2. Оборона нашей Родины есть активная оборона.

На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих вооруженных сил.

Наша война против напавшего врага будет самой справедливой из всех войн, какие знает история человечества.

Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий.

Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории...

4. Задачи Рабоче-Крестьянской Красной Армии интернациональны; они имеют международное, всемирно-историческое значение.

Красная Армия вступит на территорию напавшего врага как освободительница угнетенных и порабожденных ...

9. РККА вооружена многочисленной и совершенной техникой. Ее боевые средства непрерывно множатся и развиваются...

¹ <http://rkka.ru/docs/real/pu39/main.htm> (предоставлен Алексеем Исаевым).

10. Постоянная готовность вступить в бой с врагом должна лежать в основе подготовки РККА...

Наступательный бой есть основной вид действий РККА...

14. Оборона будет нужна всякий раз, когда нанесение поражения противнику наступлением в данной обстановке невозможно или нецелесообразно.

Оборона должна быть несокрушимой и непреодолимой для врага, как бы силен он ни был на данном направлении. Она должна заключаться в упорном сопротивлении, истощающем физические и моральные силы противника, и в решительной контратаке, наносящей ему полное поражение. Тем самым оборона должна достигать победы малыми силами над численно превосходящим противником...

16. Все действия войск должны совершаться с величайшей скрытностью и быстротой.

Внезапность действует ошеломляюще...

Внезапность будет применять и противник. Части РККА никогда не должны быть застигнуты врасплох и должны решительным ударом ответить на всякую внезапность со стороны врага.

Поэтому высокая бдительность и постоянная боевая готовность являются обязательным требованием...

18. Успешное управление боем требует постоянного боевого обеспечения войск. Бдительное охранение и непрерывная разведка предохраняют войска от внезапных нападений наземного и воздушного врага и обеспечивают им постоянную осведомленность о местонахождении, группировке и намерениях противника...

20. Насыщенность войск артиллерией и автоматическим оружием вызывает большой расход боеприпасов...

21. Всякий бой должен быть обеспечен питанием, необходимыми материальными средствами... Тыл и подвоз должны полностью обеспечивать боевое питание войск в любых условиях обстановки.

22. *Многообразие боевых условий не имеет предела.*

...Красная Армия должна быть одинаково готова к стремительным действиям в маневренных столкновениях и к прорыву укрепленного фронта при переходе противника к позиционной борьбе.

23. *...В любых условиях и во всех случаях мощные удары Красной Армии должны вести к полному уничтожению врага и быстрому достижению решительной победы малой кровью».*

Все эти слова правильны. Армия ВСЕГДА должна быть готова, по крайней мере, для ведения обороны. Организовать наступление — второй вопрос. А создать сильные препятствия для возникшего противника войска обязаны. Но результат лета 1941 г. показывает, что эта задача для РККА оказалась почему-то невыполнимой. Более того, сам Верховный Главнокомандующий объявил (в т. ч. в «Сообщении ТАСС» от 13 июня 1941 г.), что в отношении ситуации на западных границах бдительными быть не надо! Невероятно и очень странно! Но тогда какие могут быть удивления по факту отступлений советских войск летом 1941 г.? К чему же готовилась РККА до июня 1941 г.?

Если почитать разные книги и журналы предвоенного периода, то можно увидеть картину, что в то время тема возможного нападения немцев на СССР не рассматривалась. Вообще! Наоборот, основное внимание уделялось вопросам всесторонней подготовки наступательных действий. Причем на различных ТВД (а не только на западной границе). Маршал Тимошенко в своем заключительном слове на декабрьском совещании 1940 г. так и сказал, что *«мы имеем несколько театров возможной войны, кроме Западного, такие, как: Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный, Прибалтийско-Скандинавский, и на каждом из них действия войск в тактическом и оперативном разрезе будут иметь свои особые отличительные черты.*

Соответственно этому наша теория по оперативно-тактическим вопросам, помимо общих положений, должна охватывать особенности в действиях войск на различных театрах, в разнообразных географических условиях». (Документ «Малиновки» — № 222. Из заключительной речи наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г.)

Повышенное внимание к организации обороны в открытой прессе возникло только после немецкого нападения. Вот почему проблема объяснения причин поражения РККА летом 1941 г. длительное время остается актуальной и до сих пор не находит единообразного согласованного варианта.

Необходимость в обсуждении периодизации прошедшей войны не завершилась обращениями маршала Жукова в ЦК КПСС. Через несколько лет после них она опять возникла. Этой теме были посвящены статьи в первых двух номерах «Военно-исторического журнала» за 1959 г. В частности, во втором номере была напечатана статья генерал-майора Е. Болтина «О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза».

В самом ее начале так прямо и говорится, что среди проблем изучения истории 1941—1945 годов, требующих научно обоснованного решения, является создание правильной периодизации того периода. Такая постановка вопроса сразу намекает на то, что за почти 15 лет после окончания войны историки так и не договорились об однозначном понимании ее этапов. И приходится разным исследователям поднимать эту тему в очередной раз.

Но вместо того, чтобы сразу приступить к теме, генерал Болтин много внимания решил уделить (так сказать) «общей» («научной») теории периодизации любой войны. А не как у маршала Жукова — «это не

подходит, мы предлагаем...». Оказывается, не все так просто. Надо начинать издалека.

«...При периодизации войны необходимо учитывать различные элементы, и в первую очередь следующие:

— политические условия ведения вооруженной борьбы (политический характер войны, отношение к ней народных масс, образование или распад коалиций, изменения в международной и внутренней обстановке воюющих государств и т. п.);

— экономические предпосылки ведения вооруженной борьбы, особенно военную экономику воюющих сторон и изменения, происходящие в этой области;

— состояние вооруженных сил сторон (вооружение, организация, боевой опыт и т. д.) и возможности их действий на различных этапах войны.

В целом все эти элементы в конечном счете находят свое общее выражение в ходе вооруженной борьбы, т. е. в ведении военных действий на суше, в воздухе и на море. На развитие вооруженной борьбы воздействуют экономические, политические, моральные и другие факторы; влияние этих факторов либо непосредственно, либо косвенно сказывается на военных действиях, обуславливает их содержание, формы и масштабы.

Очень важным признаком деления войны на периоды может служить изменение ее политического характера (разумеется, если такое изменение имело место в ходе данной войны)...

Однако политический характер войны не является единственным признаком периодизации любой войны, поскольку ее характер далеко не всегда подвергается изменениям. В частности, этот признак не может служить критерием периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза, политический характер которой оставался неизменным: для советского народа это была с первого и до последнего дня справедливая, освободительная, Отечественная война.

Что же следует принимать в качестве главного критерия при периодизации войны, политический характер которой на всем ее протяжении остается неизменным? Мы полагаем, что таким критерием является развитие вооруженной борьбы и, в частности, изменение способов военных действий. Так, в начале войны наши Вооруженные Силы вели стратегическую оборону и отступали в глубь страны; в дальнейшем они перешли от обороны и отхода к наступлению на важнейших направлениях и завершили войну общим победоносным наступлением. Неодинаковыми были и масштабы, размах военных действий, развивавшихся в соответствии с изменениями обстановки и условиями ведения вооруженной борьбы. И в ходе войны менялось и значение действий различных видов вооруженных сил. Если решающая роль в войне в целом принадлежала операциям сухопутных войск, то борьба в воздухе, на море, партизанская борьба в тылу врага на разных этапах войны имела разное значение.

Крупные изменения в ходе вооруженной борьбы служат важным признаком расчленения любой войны на периоды; для периодизации же Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 годов данный признак должен быть главным. Это означает, что, устанавливая научную периодизацию войны, необходимо прежде всего найти основные переломные моменты в ходе войны. Такие моменты определяются достижением промежуточных целей войны и связанными с ними крупными изменениями в военно-политической обстановке...»

Прежде чем перейти к своим предложениям, генерал Болтин кратенько объяснил, почему проблема периодизации к 1959 г. не была разрешена.

Оказывается, в начале 50-х годов один ее вариант уже использовался (принятый в 1950—1951 гг.). Но он оказался не совсем правильным. Так как в его основе

лежали «лишь» *«высказывания И. В. Сталина, которые не имели прямой целью установление периодизации войны, а приурочивались к знаменательным календарным датам (например, годовщинам Октябрьской революции). Давая оценку обстановки, И. В. Сталин исходил из положения, складывавшегося к этим датам. В его выступлениях содержится ряд мыслей, относящихся к периодизации войны, и даются характерные наименования отдельным ее важным этапам («год коренного перелома» и др.). Согласно этой периодизации, война делилась на четыре периода».*

1-й период (22.06.1941—18.11.1942) сначала назывался периодом «активной обороны». Но потом (после смерти товарища Сталина) почему-то возникла его *«явная необоснованность»*. И в 1954 году кем-то было предложено назвать его *«периодом провала немецко-фашистского плана «молниеносной» войны и создания условий для коренного перелома в ходе войны»*.

2-й (19.11.1942—31.12.1943) — *«период коренного перелома в ходе войны»*.

3-й (1944 год) — *«период решающих побед Советских Вооруженных Сил»*.

4-й (1945 год) — *«период завершающих побед Советских Вооруженных Сил»* (в т. ч. с учетом боевых действий и в Европе, и на Дальнем Востоке против Японии).

К 1959 г. эта периодизация почему-то *«вызывала законные возражения историков»*. Претензий было несколько. Но в основном они касались времени после осени 1943 г. А также *«не вполне удачными являются и наименования периодов войны (кроме второго)»*. В частности, первый период так и не получил к 1959 г. окончательного варианта. Кроме того, идеи советских авторов были *«недостаточно увязаны с периодизацией Второй мировой войны в целом»*.

И дальше еще на нескольких страницах приводятся разные общетеоретические рассуждения, особенно о

месте и значении войны с Японией (и вообще, как она докатилась до своих великодержавных амбиций).

И лишь на 18-й странице журнала (7-я страница статьи) разговор дошел до заявленной темы:

«...Исходя из изложенного, представляется целесообразным войну СССР против фашистской Германии и ее сателлитов в Европе разделить на три крупных периода.

Первый период — с 22 июня 1941 года по ноябрь 1942 года. В этом периоде вооруженная борьба характеризуется преимущественно обороной Советских Вооруженных Сил и их вынужденным отступлением в глубь страны. Германия в этом периоде дважды предпринимала общее наступление против Советского Союза, но оба раза оно было остановлено, не достигнув конечных целей. Советские Вооруженные Силы в первом периоде войны преследовали основную цель — остановить фашистское нашествие, чтобы завершить мобилизацию людских и материальных ресурсов, добиться изменения соотношения сил на фронте и последующего перелома в ходе войны. Вместе с тем они пытались овладеть стратегической инициативой и перейти в наступление. Об этом свидетельствует контрнаступление Советской Армии под Москвой в декабре 1941 года, приведшее к первому крупному поражению немецко-фашистских войск и имевшее большое значение для дальнейших судеб войны. Однако объективных предпосылок для коренного изменения хода вооруженной борьбы зимой 1941/42 года еще не было, и Советские Вооруженные Силы не смогли тогда добиться решительного перелома в военных действиях. Поэтому в целом первый период войны проходит под знаком обороны и отхода Советских Вооруженных Сил».

И дальше генерал Болтин подходит к самому интересному — к причинам, почему же так все произошло в 1941 г.? Которые, по его мнению, до сих пор «непра-

вильно излагались». «По существу, смазывались трудности, не показывалась вся сложность обстановки, умалчивались ошибки и недостатки в подготовке страны к обороне и руководстве военными действиями. Отступление советских войск в глубь страны в первый период войны не было преднамеренным, вытекающим из «плана активной обороны». Советская Армия была вынуждена отступить в весьма тяжелых условиях, под непрерывными ударами огромных сил врага. В то же время принявшие на себя первый удар кадровые советские войска в подавляющем большинстве сражались героически, оказывая врагу упорное сопротивление».

Другими словами, заранее подготовленного плана обороны в стране не было. И войска вынуждены были отступать в зависимости от складывающейся обстановки. Странное заявление! Выше уже говорилось, что товарищ Сталин к лету 1941 г. не посчитал нужным соблюдать повышенную бдительность у западных границ. Оказывается, что и «плана обороны» не было! Чем-то же тогда армия занималась? К чему готовилась? Или все ушли в отпуск? Есть список причин? Генерал Болтин предлагает следующее:

«Тяжелые неудачи советских войск в начале войны были следствием исключительно неблагоприятной для нас обстановки. В то время Советская Армия не была еще отмобилизована, не имела опыта ведения большой войны, тогда как немецко-фашистская армия обладала таким опытом, была полностью отмобилизована и подготовлена для внезапного нападения на СССР. Следует также иметь в виду, что Советская Армия только в конце 1940 года вступила в период перевооружения, которое к началу военных действий не было закончено. К тому же в первые месяцы войны мы имели большие потери в вооружении, восполнить которые наша промышленность, понесшая серьезный урон от гитлеровской оккупации, сразу не могла.

Одной из причин неудач советских войск летом и осенью 1941 года была неправильная оценка И. В. Сталиным военно-политической обстановки накануне Великой Отечественной войны. Сталин полагал, что фашистская Германия в ближайшее время не решится напасть на СССР, и поэтому был против срочного проведения оборонительных мероприятий, чтобы не дать гитлеровцам повода для начала войны против Советского Союза. За неделю до войны, 14 июня 1941 года, в советской печати было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергалось, как беспочвенное, заявление западной печати о близости войны между СССР и Германией. В сообщении говорилось: «По мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...» Эта неправильная оценка сложившейся обстановки дезориентировала наш народ и его Вооруженные Силы, ослабила бдительность советских людей, породила у них чувство самоуспокоения».

То есть лидер партии и страны товарищ Сталин совершил тяжчайшие ошибки. Но эта же партия под его же руководством «в тяжелых условиях первых месяцев войны не спасовала перед трудностями, не растерялась под натиском жестокого и коварного врага, а сумела поднять весь народ на защиту социалистического Отечества. В результате этого уже в первом периоде были созданы необходимые условия и предпосылки для достижения коренного перелома в ходе войны».

А далее генерал Болтин объясняет, почему потребовался такой большой период времени на исправление возникшей кошмарной ситуации: «Известно, что потеря территории и ряда важных экономических районов в 1941 году вызвала резкое сокращение экономических ресурсов и падение промышленного и сельскохозяйственного производства. Благодаря организа-

иорской деятельности Коммунистической партии, мобилизовавшей на нужды войны все ресурсы страны, и героическому труду советского народа военная экономика СССР, начиная с февраля — марта 1942 года, вступила на путь неуклонного укрепления и развития. В конце первого периода войны наша военная экономика уже обеспечивала необходимые условия для перехода инициативы в руки Советской Армии, что предопределило последующий перелом в ходе военных действий в пользу Советского Союза...

Исходя из всего сказанного, нам представляется целесообразным дать первому периоду Великой Отечественной войны следующее название: «Отражение вероломного нападения фашистской Германии и борьба за перелом в ходе войны».

И опять без указания причины таких действий («в связи с тем, что...»).

А еще через 6 лет (в 1965 г.) Воениздат выпустил толстый том «Краткой истории» «Великой Отечественной войны Советского Союза». Он имел следующие разделы:

- Накануне войны.
- В тяжелую пору (1941 — ноябрь 1942).
- Коренной перелом (ноябрь 1942 — конец 1943).
- Сокрушение фашистской Германии (январь 1944 — май 1945).
- Поражение милитаристской Японии.
- Итоги войны.

«В ТЯЖЕЛУЮ ПОРУ»!!!!

И все!

И никакая «активная» (или какая другая) оборона и никакие «создания предпосылок» упоминаться не стали. Но ведь не могли же не коснуться причин случившегося? Коснулись. Однако читать их «просто так» не совсем интересно. Дело в том, что эта книга еще два

раза переиздавалась. Третий раз в 1984 г. И хотя название раздела про первый период так и осталось — «В тяжелую пору», в текст были внесены различные изменения. Лично у меня есть первое издание 1965 г. в бумажном виде. В Интернете нашелся электронный вариант 1984 г. Поэтому есть возможность прочитать фрагмент о причинах отступления РККА летом 1941 г. в «динамике» вносимых изменений (стр. 67—68 издания 1965 г. и стр. 63—64 издания 1984 г. [**Жирный текст в квадратных скобках**] — новый текст 1984 г., подчеркнутый — текст 1965 г., удаленный в 1984 г.).

«...Красная Армия, ведя борьбу в исключительно неблагоприятных условиях, понесла намного больший урон [**как в людях, так и в боевой технике и вооружении. Из 170 дивизий вышли из строя 28, а более 70 дивизий потеряли половину своего состава в людях и боевой технике. Почти 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением оказались на оккупированной территории**]. Горечь утраты замечательных, преданных Родине людей усугублялась огромными потерями боевой техники и вооружения. Достаточно сказать, что Западный фронт [**помимо других потерь**] лишился почти всех артиллерийских складов, в которых хранилось более 2 тыс. вагонов боеприпасов. Соотношение сил резко изменилось в пользу врага. [**Всем этим в значительной мере объясняется то, что**] количественное превосходство в средствах вооруженной борьбы на долгое время перешло к немецко-фашистским войскам [**оставалось за немецко-фашистскими войсками**].

Причины неудач Советских Вооруженных Сил в начале Великой Отечественной войны сложны и многообразны. Они кроются в ряде политических, экономических и военных факторов как международного, так и внутреннего характера. В результате поражения, которое понесли западноевропейские государства в первый период Второй мировой войны, в руках фа-

шистской Германии, как уже отмечалось, оказались экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы. [Борьба Советского правительства, направленная на создание системы коллективной безопасности и оказание коллективного отпора фашистскому агрессору, не встретила поддержки правящих кругов западных государств. Их близорукая политика позволила фашистам, в течение длительного времени готовившимся к захватнической войне, поочередно разгромить ряд европейских государств, значительно усилить свое стратегическое и экономическое положение, создать временный экономический и военный перевес над Советским Союзом.] К июню 1941 г. гитлеровская армия располагала передовой для того времени военной техникой и имела богатый опыт вооруженной борьбы. [Германия уже располагала экономическими и военными ресурсами почти всей Западной Европы. Пользуясь отсутствием активных военных действий на Западе, она смогла сосредоточить для нападения на СССР подавляющую часть своих вооруженных сил, оснащенных передовой для того времени боевой техникой и обладавших большим опытом ведения наступательных операций огромного размаха.] Такого опыта не было у Красной Армии. Ее командный состав, значительно обновившийся накануне войны, еще не овладел практическими навыками управления крупными соединениями и оперативными объединениями. Новая, наиболее совершенная боевая техника, поступавшая на вооружение советских войск, еще не была по-настоящему освоена личным составом. Прекращение военных действий в Западной и Юго-Восточной Европе позволило Германии сосредоточить для нападения на СССР наибольшую часть своих вооруженных сил.

Все эти обстоятельства, благоприятные для Германии и неблагоприятные для Советского Союза, усугублялись внезапностью удара, нанесенного фашистской

армией. **[Нападения и силой первого массированного удара немецко-фашистских войск.]** Нападение было внезапным для советского народа, для его Вооруженных Сил. Оно было внезапным также для Сталина и его ближайшего окружения, ибо до кануна рокового дня — 22 июня — они без каких-либо к тому оснований исключали возможность нападения Германии на СССР летом 1941 г. Этот грубый политический просчет имел очень тяжелые последствия. В частности, он повлек за собой неправильные решения со стороны лиц, непосредственно ведавших вопросами обороны. Нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов, маршал С. К. Тимошенко (ставший Народным комиссаром обороны в мае 1940 г.) и начальник Генерального штаба (до февраля 1941 г. К. А. Мерецков, после него — Г. К. Жуков) слишком поздно разработали план прикрытия границ, а главное, с запозданием ввели его в действие. К тому же план пронизывали устаревшие идеи, требовавшие много времени на мобилизацию и развертывание Вооруженных Сил. А времени не было. Наши резервные формирования запаздывали к местам сосредоточения и вступали в боевые действия с ходу и по частям.

Попытки некоторых командующих приграничными округами усилить еще накануне войны предполье нашей обороны вдоль государственной границы категорически пресекались начальником Генштаба. Так, например, 10 июня 1941 г. он телеграфировал командующему Киевским Особым военным округом: *[Закорецкий: документ 2-го тома «Малиновки» — № 537]* «Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье... Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями... Распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. *[Закорецкий: текст в документе: «Донесите для доклада наркому обороны, на ка-*

ком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такое действие может спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение».]

Подобных примеров, к сожалению, немало. Все это привело к тому, что группировка советских войск к моменту нападения немецко-фашистской армии не соответствовала требованиям обстановки, а приграничные округа были лишены возможности предпринимать действенные меры по отражению первых ударов врага.

[Сыграли свою роль и допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения на нашу страну гитлеровской Германии и связанные с этим упущения в подготовке к отражению первых ударов агрессора. И. В. Сталин опасался дать германским фашистам предлог для нападения, рассчитывая оттянуть столкновение посредством дипломатических переговоров. Даже в последние дни, предшествовавшие вторжению фашистских полчищ на советскую землю, Советское правительство пыталось дипломатическими средствами отсрочить начало войны. Просчет в оценке возможного времени нападения гитлеровской Германии допустили и лица из числа высшего военного руководства. Из сообщений советских разведчиков, в частности Р. Зорге, о готовящемся нападении фашистской Германии не всегда делались правильные выводы. Все это привело к тому, что Вооруженные Силы СССР в целом не были своевременно приведены в полную боевую готовность.]

Тяжелые условия, в которых оказались западные приграничные военные округа, уже сами по себе предвещали неудачи Красной Армии в начале войны. Положение еще более ухудшилось, когда противник нанес советским войскам крупные потери. **[Войска первого стратегического эшелона в начале войны, и понесен-**

ные ими крупные потери еще больше ухудшили положение Красной Армии.] Нарушение постоянной связи с войсками и подчиненными штабами лишало командиров и штабы всех степеней, вплоть до Ставки Главного Командования и Генерального штаба, **[советское командование]** возможности получать регулярную **[и достоверную]** информацию о событиях на фронтах.

Ошибки в руководстве войсками, которые неизбежно допускали в этой сложной обстановке командиры всех степеней, послужили Сталину поводом для частой, во многих случаях неоправданной смены командиров соединений и командующих оперативными объединениями и привлечения их к суровой ответственности. Так незаслуженно были обвинены и расстреляны командующий Западным фронтом генерал Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта генерал В. Е. Климовских и другие.

Боевая деятельность советских войск в начальный период войны развертывалась при отсутствии сплошного фронта обороны. Высокие темпы наступления врага **[и слабая моторизация Красной Армии]** не лишали наши войска **[их]** возможности **[своевременно выходить из-под ударов противника]** заблаговременно занимать выгодные для обороны рубежи и закрепляться на них **[позиции для контрударов. В результате они нередко попадали в окружение.]** Ставка требовала во что бы то ни стало удерживать занимаемые рубежи, даже в условиях, когда противник осуществлял глубокие фланговые обходы и охваты. В результате враг, имевший на направлениях главных ударов компактные группировки, как правило, добивался превосходства над советскими войсками и нередко окружал их.

Слабая моторизация Красной Армии резко снижала маневренность ее частей и соединений. Они с опозданием выдвигались на рубежи развертывания, несвое-

временно оставляли позиции, когда необходимо было уйти из-под ударов врага. Между тем противник, имея много автомашин, обладал большой маневренностью.

Из-за отсутствия достаточного количества радиотехнических средств плохо было организовано оповещение о появлении вражеских самолетов. Поэтому истребители обычно поднимались в воздух для прикрытия своих войск и военных объектов с опозданием. Бомбардировщики (в большинстве это были самолеты устаревших образцов — СБ, ТБ-3 и другие) вылетали на боевые задания маленькими группами и без необходимого прикрытия истребителями, что, естественно, приводило к большим потерям.

[Советская авиация еще не располагала достаточными силами, для того чтобы изменить воздушную обстановку в свою пользу. Ощущались недочеты в организации боевых действий авиационных частей и соединений.]

Сказывалось и то обстоятельство, что в довоенный период боевая подготовка советских войск в основном была подчинена овладению приемами и методами наступления. В начале же войны им пришлось на всем советско-германском фронте вести стратегическую оборону.

Отступление Красной Армии нарушило планомерную мобилизацию на нужды войны материальных средств и людских контингентов в приграничных областях. Со всей остротой встал вопрос об эвакуации отсюда в кратчайшие сроки огромной массы людей и материальных ценностей в восточные районы. Только при советском строе, социалистической системе хозяйства оказалась возможной экономическая операция таких масштабов.]

Таковы основные факты, таковы условия, отрицательно повлиявшие на ход вооруженной борьбы Красной Армии и Военно-Морского Флота в начальный период войны.

Советские Вооруженные Силы, приграничные военные округа оказались не подготовленными к отражению внезапных и сильных ударов противника. Но великая партия большевиков, созданная и выпестованная В. И. Лениным, нашла в себе достаточно сил и умения, чтобы преодолеть последствия допущенных ошибок и мобилизовать советский народ на организованный отпор врагу.

[Великая партия большевиков, созданная и выпестованная В. И. Лениным, нашла в себе достаточно сил и мудрости, чтобы преодолеть неблагоприятные последствия первых недель войны и мобилизовать советский народ на организованный отпор фашистским захватчикам.]...»

Итак, в 1965 г. к причинам неудач в ведении обороны относили:

— Огромные потери боевой техники и вооружения (из-за чего к немцам надолго перешло количественное превосходство).

— Немцы каким-то образом незаметно для СССР смогли развернуть у его западной границы наибольшую часть своих вооруженных сил и выполнить внезапный удар.

— Мощный удар немецкой армии оказался внезапным для Сталина, который «без каких-либо к тому оснований» исключал возможность нападения Германии на СССР летом 1941 г. Это был «грубый политический просчет», приведший к очень тяжелым последствиям для страны.

— Кроме того, неправильные решения принимали высшие военные руководители — нарком Тимошенко и начальник Генштаба Жуков, которые практически не отработывали оборонительные мероприятия. В том числе не было плана обороны. В связи с чем западные военные округа оказались не готовы к вражескому нападению и не смогли организовать действенные ответные меры.

— Все это приводило к росту потерь, которые еще более усугубляли ситуацию и не позволили в течение длительного времени создать непреодолимую оборону. Немецкие войска продолжали продвигаться в глубь СССР на восток.

В конечном итоге возникает общий вывод, что советские войска приграничных военных округов оказались не подготовленными к отражению внезапного нападения. Однако великая партия большевиков нашла силы и умение, чтобы преодолеть «последствия допущенных ошибок».

Но в 1984 г. этот перечень был укорочен, а резкость формулировок «сглажена». Конкретная ответственность товарищей Сталина, Тимошенко и Жукова уже не упоминалась. Были удалены и упоминания фактов инициативных попыток некоторых командиров все же подготовиться к возможному нападению. Ответственность Сталина изменили на его попытку «оттянуть» войну на какое-то будущее. И вообще, мудрая партия большевиков смогла «преодолеть неблагоприятные последствия» начала войны. Но остается «за кадром» вопрос: а где же была ее мудрость до 22.06.1941 г.? Этот вопрос не поднимается, и ответ на него не дается.

Более того, через 4 года после первого издания «Краткой истории» вышли знаменитые мемуары маршала Жукова (выдержавшие доп. тиражи и 12 переизданий), в которых он не только не стал настаивать на выводах своих же писем в ЦК КПСС середины 50-х годов, а наоборот, «соловьем разливался» о величайшей роли ЦК ВКП (б) — этого настоящего «мозга армии». Можно задаться вопросом, а почему маршал Жуков в своих письмах в ЦК не побоялся признать, что РККА летом 1941 г. оказалась не готова к обороне? В письмах он, правда, в первую очередь намекает на то, что главным виновником такого безобразия был товарищ Сталин. Но можно пойти в архив Министерства обороны, заказать документы наркомата и Генштаба

того времени и посмотреть, чьи подписи там фигурируют в этих самых приказах не готовить оборону. И окажется, что второй там стоит подпись генерала армии Жукова. Может быть, на такой случай он готовился ответить, что лично он исполнял приказ? А если бы не выполнил, то мог отправиться «в подвал к Берии»? Возможно.

Но в своих мемуарах он не стал привлекать лишней раз внимание к «грубым ошибкам» и зачернять мудрый образ настоящего «мозга армии» (ЦК ВКП (б)), который якобы делал все возможное для обороны. А как известно, «некоторых» ошибок не бывает только у тех, кто ничего не делает. Немецкое нападение 22.06.1941 г. их лишь проявило. Вот с этого момента их и стали исправлять, найдя и силы и мудрость.

Итак, за прошедшие десятилетия среди историков однозначное согласие обнаружилось лишь в сроках первого периода войны — с 22.06.41 по 19.11.1942. Что касается причин, то наблюдается стремление их максимально укоротить и не заострять на них внимание. Особенно «в тумане» остается вопрос, как это угораздило товарища Сталина наплевать на свое же требование к стране быть в постоянной бдительности? И как это он «не заметил» подготовку многомиллионной армии возможного врага у своих границ? Этот вопрос официальные историки обсуждать не торопились. Но неофициальные время от времени пытаются найти адекватное решение. Версии предлагаются разные.

Например, писатель Владимир Дмитриевич Успенский, 30 лет трудившийся над романом-исповедью «Тайный советник вождя», высказывает гипотезу, что Сталин страдал психической болезнью, которую он называл «незаконченной шизофренией».

«...За многие годы я и практически, и теоретически изучил его болезнь, ее симптомы и течение. У разных людей она проявляется по-разному. Медики знают по крайней мере три варианта. Один из них, наибо-

лее тяжелый, когда болезнь непрерывна и беспросветна. Это — устойчивая шизофрения. Второй: приступы более-менее периодичны, во всяком случае их можно предвидеть, иногда даже купировать. И, наконец, самый распространенный вариант: болезнь протекает слабо, скрытно, человек ничем не отличается от здоровых людей, забывает, а то даже и не знает о том кресте, который несет. Приступы или «всплески», как их называют специалисты, случаются очень редко, под влиянием чрезвычайных душевных потрясений. У Иосифа Виссарионовича как раз и было нечто подобное...» («Книга 3, части 5 и 6», опубликовано в «Роман-газете» № 8—9 за 1992 г.).

Но эта версия не получила широкого распространения. А то пришлось бы поминать лозунг, что мощную фашистскую Германию победил СССР под руководством мудрого ЦК ВКП (б) во главе с незаконченным шизофреником! (??)... И при этом «мудрость» возникала тоже «иногда»? И случайным образом «мудрости» оказалось побольше, чем «пролетов»? Потому и победили в конечном итоге?

Но есть и другие версии. Например, известный автор «200 мифов...» Арсен Беникович Мартиросян настаивает, что Сталин все правильно видел и действовал. В частности, он якобы таки выдал 18 июня 1941 г. приказ о приведении войск в боевую готовность. Но его «спустили на тормозах» «предатели»-генералы.

Странная гипотеза. Во-первых, товарищ Сталин через голову наркома обороны ничего не мог приказывать командующим у западных границ. В смысле — а для чего он держал наркома? Чтобы самому звонить «по вертушке-ВЧ»? Делать ему больше было нечего? Во-вторых, откровенно говоря, 18 июня для ряда оборонительных мероприятий, извините, «поезд ушел». За оставшиеся считанные дни «кое-чего» уже просто не успеть чисто технически. Например, срочно разгрузить

склады в приграничной зоне. Если в них месяцами закатывали эшелоны разного добра, то за пять дней вывезти обратно невозможно никак. Раньше надо было думать!

И никакие приказы 18 июня ситуацию уже кардинально не спасут. Поднять солдат и выдать боеприпасы (которые на соседних складах) еще можно. И срочно отрыть какие-то окопы не совсем понятно где. Но срочно залить доты в опорных пунктах в глубине обороны не получится. Бетон, к сожалению, полную прочность набирает за 28 суток. Поэтому на стройках и «льют» в месяц не более двух этажей. А тут остаются считанные дни.

Кроме того, а с какого это «бодуна» товарищ Сталин вдруг «проснулся» 18 июня? Разве немцы до того дня вели себя «тихо-мирно»? И никаких бесед с высшими военными Сталин не проводил часами изо дня в день задолго до 18 июня 1941 г.?

Кстати, все познается в сравнении. Оказывается, существует конкретный пример реальной подготовки обороны заранее. Об этом можно почитать в малоизвестной книге полковника Старинова «Белофинские мины и ловушки и борьба с ними» (которая была срочно издана в январе 1940 г. 4 января ее «поставили в производство», а 8 января уже «подписали в печать»). Срочность обуславливалась очень большой актуальностью — в то время шла война с Финляндией и в РККА требовались инструкции по разминированию. Вот полковник Старинов их срочно и написал.

В его книге, кроме массы рисунков и схем установок финских мин и ловушек и методов их снятия, приведены переводы трех финских документов. Интересно то, что написаны они в октябре 1939 г. Реально война с СССР началась 30 ноября, но за полтора месяца до этого финны начали активно устанавливать мины и ловушки на угрожаемых участках. При этом возника-

ли трагедии, что и вызвало необходимость в дополнительных инструкциях. Они подписаны командиром 4-го егерского батальона полковник-лейтенантом М. Нурми и старшим офицером капитаном Кархоненом. Первый документ имеет дату 17.10.1939 — через несколько дней после того, как 13—14 октября в Финляндии была объявлена мобилизация. И хотя война велась недолго — около трех с половиной месяцев, до 13 марта 1940-го, но советские войска на ней понесли серьезные потери, и часть из них приходится именно на срабатывание мин и ловушек. Открывает солдат дверь в сельском доме, а ее ручка привязана к чеке от гранаты. Проходит солдат по снежной тропе, а на ней снегом присыпан натяжной трос к ящику с минами. И много советских танков было подорвано на минах. Причем в одной из финских инструкций говорится:

«4. На каждую настоящую мину следует установить всегда 6—10 ложных мин. Для этого можно употреблять кучи сосновых ветвей, солому, сено, навозные кучи, землю и т. д. Первым делом, таким образом, нужно заминировать дороги на всем их протяжении. В некоторых местах можно установить ловушки, которые должны будут взорваться при устраивании ложных мин» (стр. 26).

К чему может привести такая тактика? К главному в обороне в мотомеханизированной войне: к потере темпа наступающего. Чтобы он не гнал по дороге колоннами на максимальной скорости, а по-черепаши тащился за саперами-разминерами. Одно дело идти по ровной дороге, а другое — увидеть то тут то там навозные кучи, из которых торчат какие-то проволоочки, а у дороги стоит указатель с надписью «Мины!». А можно и латинскими буквами, чтобы было доходчивей — «Minen!» И тогда вопрос, на который день дошли бы немцы до Борисова в июне 1941 г. или в июле до Житомира.

Причем для обороняющегося установка такого ору-

жил не требует больших затрат. Достаточно построить солдат и выдать каждому упаковку мела, набор «пустых» проволочек, мотки бечевки, саперную лопатку и инструкцию как имитировать сплошные минные поля. А следом идут настоящие саперы, которые добавляют настоящие мины/ловушки. И пусть наступающий решает сам, гнать ли ему «Формулой-1» или постоянно «спотыкаться» и вызывать команды своих саперов.

Вот это и называется — «подготовка обороны». И об этом писал еще в 1939 году комбриг Любарский в книге «Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании». И вдруг в СССР к июню 1941 г. про все это напрочь забыли!

«Ошиблись»? «С кем не бывает»? Между прочим, из-за этой «ошибки» до сих пор не могут даже подсчитать, сколько всего погибло в ту войну советских граждан (плюс-минус миллионы). И толком неизвестно, кто же виноват больше всего.

Судя по намекам — товарищ Сталин. То есть название первого периода можно было бы написать так: *«Период отступления, срыв замыслов «молниеносной» войны фашистской Германии против Советского Союза, накопления сил и создания условий для коренного перелома в связи с тем, что товарищ Сталин...»*.

Ну и...?

Так что же такое сделал товарищ Сталин неназванного?

Даже вслух произнести никак нельзя?

Виктор Суворов в ряде своих книг высказал гипотезу о том, что товарищ Сталин на самом деле тщательно готовил наступление на Германию. Тут же возник многоголосый рев:

— *He-e-em!!!!*

— *He было этого! He было! He было!*

Хорошо, допустим. Наступление не готовилось. Оборона тоже не готовилась (факт). А что же готовилось?

Ничего? Армия занималась ничем? В подкидного дурака играли часами генералы-маршалы на приемах у товарища Сталина? И почти 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением оказались на пути врага чисто случайно? Сами по себе? «Предатели»-генералы их затаривали эшелонами по преступному сговору? И товарищ Каганович в должности наркома путей сообщения был с ними заодно? А НКВД куда смотрел?

Вот на какие темы можно выйти, затронув на первый взгляд несложный вопрос о периодизации войны. Но в рамках одной статьи разобрать его полностью не получится. Пока придется остановиться.

Рудольф Волтере
ДНЕВНИКИ! "#\$%"#&ГГ.

Среди немцев, побывавших в России в 30—40-х годах XX века и оставивших об этом мемуары, одна из интереснейших фигур — архитектор Рудольф Волтере (1903—1983). В 1932—33 годах он в качестве иностранного специалиста год проработал в Новосибирске, а по завершении контракта совершил путешествие по Советскому Союзу. Вернувшись в Германию весной 1933 г., Волтере написал необыкновенно интересную книгу «Специалист в Сибири». Она вышла двумя изданиями в Берлине в 1933 и 1936 гг.¹ В книге Волтере описывает все стороны советской жизни, с которыми ему пришлось столкнуться. В СССР Волтере постарался быстро выучить, насколько это было возможно, русский язык и как можно глубже вникнуть в абсолютно не знакомую для него жизнь. Интеллигентность, проницательность, склонность к анализу и отсутствие предрассудков позволили ему это сделать блестяще. Книга Волтерса — один из важнейших, хотя и малоизвестных пока источников информации о Советском Союзе начала тридцатых годов.

Вскоре после возвращения в Германию Волтере стал ближайшим сотрудником своего близкого друга и однокашника по Берлинскому Техническому университету Альберта Шпеера. До 1942 г. Шпеер занимал

¹Русское издание книги Рудольфа Волтерса «Специалист в Сибири» в переводе автора этого текста вышло в Новосибирске в 2007 г. в издательстве «Свиныйн и сыновья».

пост главы «Генеральной строительной инспекции столицы Рейха» (Generalbauinspektor), а потом пост министра вооружений Рейха. В числе прочего Шпеер возглавлял во время войны и Организацию Тодта, занимавшуюся строительством на оккупированных Германией территориях. В 1942—43 гг. Волтере в качестве высокопоставленного сотрудника организации Тодта совершил несколько инспекционных поездок по занятым немцами советским территориям. В 1980 г. Рудольф Волтере написал воспоминания о своей жизни¹. Рассказ о путешествиях по России во время войны он проиллюстрировал дневниковыми записями, которые вел во время поездок. Эти записи особенно любопытны тем, что Россия для Волтерса не была незнакомой страной, он хорошо узнал ее изнутри в начале тридцатых и теперь, через десять лет, мог сравнивать свои новые впечатления со старым опытом.

Для российского читателя, интересующегося военной историей, опубликованные ниже дневниковые записи Волтерса 1942—43 гг., сделанные во время путешествий по оккупированным немцами советским территориям, должны представлять несомненный интерес.

Особую документальную ценность представляет собой включенный Волтерсом в текст собственных мемуаров дневник убитого в октябре 1941 г. майора госбезопасности И.С. Шабалина, начальника Особого отдела 50-й армии. Немецкий перевод найденного на теле убитого майора дневника Волтере получил во время поездки в Россию в сентябре 1943 г.²

Дмитрий Хмельницкий

¹ Неопубликованные воспоминания Рудольфа Волтерса хранятся в немецком Федеральном архиве в Кобленце.

² Дневник Шабалина был впервые опубликован Павлом Поляном в журнале «Отечественные записки» № 4 (30), 2006 г. <http://www.strana-oz.ru/?numid=31&article=1323>. Основой послужил перевод немецкого трофейного документа: ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 419, л. 19—46. Опубликованный текст совпадает с текстом из записок Волтерса.

ОТРЫВОК ИЗ МЕМУАРОВ
РУДОЛЬФА ВОЛТЕРСА «ОТРЕЗКИ ЖИЗНИ!»

Из моего дневника:
«Подразделение ОТ² Россия-Юг.
Май/июнь 1942 г.

28 мая 1942 г. — отъезд из Берлина...

Я путешествую в одной машине вместе с заместителем руководителя центрального бюро ОТ доктором Фрэнком. Мы едем через Бреслау, Кракау, через Бескиды на Крыницу, дальше через Ярославль и Перемышль — по транзитной дороге IV (ДГ IV³), которая на первых участках находится в хорошем состоянии. Города и деревни здесь полны евреев, которые легко узнаваемы благодаря желтым лоскутам, нашитым на спину и грудь. Их фигуры производят исключительно безотрадное впечатление.

31 мая 1942 г.

В 10 утра отъезд из Лемберга. Через Тарнополь по транзитной дороге IV мимо Волочека на русской границе. Пейзаж здесь поразительно красивый, слегка холмистый, земля исключительно плодородная. ДГ IV, которая сейчас идет до Днепрпетровска, будет продлена через Сталино до Таганрога. Хотя на дороге много повреждений из-за сильных морозов прошлой зимы, но по ней можно ехать. Трасса старая, обрамлена большими деревьями с обеих сторон: громадные вязы, иногда дубы с низкоопущенными, очень высокими и густыми кронами. Как все русские магистрали,

¹ *Rudolf Wolters*. «Lebensabschnitte», 1981. Nachlass Rudolf Wolters, Bundesarchiv, Koblenz.

² Здесь и далее: ОТ — организация Тодта.

³ Здесь и далее: ДГ (DG — Durchgangsstrasse) — транзитная дорога.

она сделана шириной 50 метров, обозначенной поначалу деревьями, а потом только телеграфными столбами. Часто все полотно дороги достигает 100—150 метров ширины, но только середина укреплена для проезда автомобилей. По обеим сторонам тянутся летние дороги, иногда по многу рядов, из-за того, что старые становятся непроезжими. Большая ширина дороги препятствует занесению снегом: снегозаградительный кустарник должен находиться далеко от проезжей части, чтобы быть эффективным.

Почва такой плодородности, о какой в остальной Европе и не слышали. Чернозем лежит толщиной до двух метров на лессовом слое. Лесс (ледниковые отложения) имеет толщину от 20 до 30 метров. Под ним на Украине повсюду лежит красноватый гранит. Здесь, как нам сказали, крестьянину годами не нужно удобрять землю. Пашины и поля на большую часть обработаны. Хлеба стоят хорошо, кое-где поля под паром. Не хватает тракторов, силосов, хозяйственных построек; здесь можно хозяйствовать только с машинами.

На нашей дороге, ДГ IV, повсюду с большим напряжением идет работа. Под командой немецких сотрудников Организации Тодта находятся немеческие бригады. На первом месте по качеству стоят команды евреев. Как нам докладывали, они работают, частью добровольно по две смены подряд. Они знают, о чем идет речь... Среди русских военнопленных можно увидеть самые различные группы: хорошо выглядящие мужчины украинского или русского происхождения, но гораздо больше (и намного) — перемешанные варианты всех азиатских рас, такие, какими их можно увидеть в еженедельной хронике. Эти команды охраняются украинской милицией или литовской и латвийской полицией. Но основной контингент рабочих представлен украинскими женщинами и девушками. Руководители работ характери-

зуют их как очень исполнительных, прилежных и привычных к работе. По рабочим качествам они стоят выше мужчин. Женские команды даже внешне производят очень отрадное впечатление: чистые цветные платки и платья, часто снежно-белые головные платки! Почти все женщины босые, и удивительно, с какой энергией они вдавливают голыми ногами лопаты в плотную землю. Проезжающие немецкие колонны повсюду радостно приветствуются. И народ, предлагающий по сторонам дороги яйца, цветы и редиску, кажется настроенным очень дружелюбно.

Деревья есть только в деревнях; местность лишена даже небольших участков леса. Если на горизонте выныривает рваный силуэт зелени, значит, впереди деревня или село. Деревни и города расположены свободно и широко, пронизаны зеленью и цветами.

Дома из глины, очень маленькие, с высокими тростниковыми крышами. Они повсюду свежеекрашены белой известью. Эти поселения очень сильно отличаются по характеру от немецких деревень, которые построены гораздо более компактно. И повсюду не хватает хорошо знакомых нам по родине доминант церковных башен. Небольшие деревянные церкви со своими куполами-луковицами едва возвышаются над окружающей их зеленью.

В 20.30 в Виннице, у линейного руководителя ДГ IV.

С утра едем на находящийся вблизи строительный объект «Айхенхайн» (предназначен для штаб-квартиры фюрера!), который расположен изолированно, в прямоугольном участке леса. Здесь работают команды русских военнопленных. Нам удастся посмотреть только часть стройки, поскольку вермахт ее уже занял. Пейзажи здесь еще просторнее. Много пасущихся коров. Удивительно много лошадей с жеребятами.

Из Винницы дальше через Умань и Новоархангельск на Новоукраинку, где мы ночуем. Маленькое местечко. В строительном управлении участка получаем примитивный номер с тремя кроватями. Мешки с соломой, однако, свежие и чистые, тогда как мы, наоборот, после езды в открытой машине совершенно грязные, лица и волосы полностью черные. Примитивные возможности для умывания допускают только очень поверхностное наведение чистоты.

2 июня 1942 г.

В семь утра отъезд из Новоукраинки. Нам предстоит длинный путь на Днепропетровск. Через Кировоград на Кривой Рог. Опять хорошая летняя погода. Я еду с руководителем группы профессором Бругманом, городским советником по строительству из Нюрнберга, который подробно рассказывает мне о своих задачах и своей работе.

В конце прошлого года фюрер возложил на «строительный штаб» Шпеера введение в строй железной дороги в регионе Украины. Шпеер назначил Бругмана руководителем подразделения на месте, в то время как д-р Фрэнку были поручены организация снабжения и координационная работа в Берлине.

В январе Бругман прибыл в Днепропетровск, где оборудовал штаб-квартиру в своем вагоне. Сразу после начала работ господин Шпеер лично прибыл в Днепропетровск, чтобы привести все в движение.

Положение на железной дороге было тогда просто катастрофическим. На главных участках двигались тогда иногда только четыре поезда в сутки, что представляло собой все возрастающую угрозу для армии. Пути на вокзалах время от времени покрывались льдом и выходили из строя. Снабжение водой на перегонах не было ни в коем случае достаточным для немецких локомотивов. Прием воды на один локомо-

тив на немногих имевшихся пунктах длился иногда до одного часа. Немецкие локомотивы оказались в русском климате чересчур сложными и капризными. Оборудование для загрузки угля и выгрузки шлака было недостаточно. Поворотных кругов и ангаров для локомотивов не было, либо они были разрушены. Точно так же были разрушены все служебное оборудование и мастерские.

Немедленно были начаты необходимые работы, установлены разборные ангара для локомотивов, водонапорные баши и колонки, конструкции которых в основных деталях Шнейер разработал сам. К счастью, был обнаружен подземный склад больших емкостей для бензина, которые можно было использовать как водонапорные баши. Все время возникали большие и малые трудности. Особой проблемой оказалось смягчение воды для локомотивов...

К этому надо прибавить перешивку путей, которая, как и все прочие задания, смогла быть выполнена в сроки, несмотря на все зимние проблемы. Вместо тогдашних четырех поездов сегодня по всей транзитной дороге через Украину ежедневно идут сорок.

К самым важным и трудным задачам строительного штаба относятся железнодорожные мосты. Здесь русские тоже проделали исключительно основательную разрушительную работу. Стальные конструкции больших днепровских мостов после взрывов оказались в воде и перегородили проход судам. Эти заграждения могли стать еще большей угрозой во время ожидаемого весной ледохода. Для устранения искореженного металла были присланы с атлантического побережья водолазы, которые подо льдом резали подводными резаками конструкции на куски, чтобы ликвидировать подводные препятствия... На мостах через притоки Днепра, Самару и Волхов эти работы под толстым слоем льда были особенно опасны.

Строительство больших мостов было передано

повсюду немецким фирмам, в то время как многочисленными маленькими мостами строились под собственным руководством Организацией Готта. Цепочке проблем и после зимы не было конца. Как только во время оттепели возникла надежда, что самое трудное позади, наступило половодье. Так некоторые мосты, которые выдержали страшный ледоход, были снесены половодьем.

В Полтаве вокзал оказался на два метра под водой. Все железнодорожные насыпи в районе Днепра были подмыты и снесены. В то же время возникали все новые задачи. Так, фюрер определил, что строительство железнодорожно-ремонтных заводов тоже входит в область деятельности Организации Готта. Два больших завода сегодня уже строятся. Они будут закончены, самое позднее, осенью. Для продвижения вперед созданы особые передовые подразделения, оснащенные инструментами, рельсами, шпалами, водонапорными башнями, колонками, локомотивными ангарам.

Руководство исходит на всякий случай из предположения, что отступающие русские и дальше будут оставлять захватчику голую землю.

Особенно важным было восстановление снабжения энергией. Главная из крупных электростанций, находящаяся в Запорожье, была русскими полностью выведена из строя. К осени и эта электростанция после тяжелой работы будет запущена. Уже сейчас работают два генератора из девяти. Другая большая станция будет восстановлена в Сталино. Кроме того, должен быть запущен еще ряд маленьких электростанций. ОТ занимается еще и строительством фабрик. Фабрики боеприпасов, металлургические, литейные, прокатные заводы, ремонтные мастерские для танков и грузовиков находятся в строительстве или скоро уже будут запущены. Недавно в строительную программу ОТ были включены еще сельско-

хозяйственные постройки — силосы, ангары, сахарные заводы и консервные фабрики.

Бругман уже заканчивал свой рассказ, когда мы около 14 часов, совершенно покрытые пылью, прибыли в Кривой Рог. Кривой Рог, большой русский рудодобывающий город, простирается почти на 45 км. Он далеко тянется через долины и низины. Выстроенный на высоком берегу реки Ингулец город можно увидеть уже издалека.

После обеда — дальше по дороге ДГ IV. Внезапно на нас обрушилась гроза с мощным ливнем. Через несколько минут мы застряли в грязи. Форд буксует, дорога скользкая как мыло. Некоторое время мы еще пытаемся двигаться по немногим ровным участкам по краю дороги; но вскоре накрепко застреваем. Теперь уже известно, что во время дождя военные операции в этих регионах невозможны. Когда начинается дождь, ни один автомобиль не может двигаться. Только русские телеги с лошадьми остаются на ходу. Гроза задерживает нас почти на два часа. Вскоре после дождя все уже снова высохло, мы можем ехать дальше. Форд вытаскивают из грязи.

В 22 часа мы прибываем в Днепропетровск. В казино Бругмана приготовлен простой ужин. Вскоре, около полуночи, мы, усталые, лежим в постели.

3 июня 1942 г.

Бругман везет нас по городу. Своим типично русским однообразием он напоминает мне Новосибирск, хотя он больше и кажется более цивилизованным. В Днепропетровске раньше было 900 000 жителей, сегодня около 250 000. Они также почти без остатка включились в работу для армии и других немецких учреждений, как и все население занятых нами районов, если оно жило в городе и не хотело голодать.

В качестве вознаграждения украинские рабочие

получают кроме завтрака и обеда от 12 до 18 пфеннигов в час.

С гордостью показывает нам Бругман свое новое административное здание, наспех переделанное для этих целей из русского служебного строения. Дом, кажется, хорош. Здесь наконец шеф ОТ «Россия-Юг» сможет получить для себя приличную, хотя и скромную квартиру. Дом, в котором он сейчас живет и работает, примитивно-русский. Маленькая спальня скромнейших размеров. Бругман не любитель удобств. Он не любит их также и для своей свиты — да, он обладает, так сказать, редким талантом создавать самому себе максимум неудобств. Так, для своего казино, которое в остальном — тип-топ, он велел сделать трехногие табуретки без спинок. Его люди здесь должны отдыхать с прямой спиной после рабочего дня. На мой робкий вопрос — почему не стулья со спинками, если уж их все равно пришлось специально заказывать, он ответил: здесь ни одна смена не должна располагаться с удобствами; спинки для стульев служат для того, чтобы разлагать дисциплину. В казино висит только одно украшение — высказывание Фридриха Великого,..

Все сидят за маленькими столами. Сам Бругман за подобием председательского стола в конце зала. За ним на стене растянуто знамя со свастикой. Шеф сидит спиной к стене, и я сильно подозреваю, что он, тоже сидя на табуретке, иногда опирается на стену. Во всяком случае, знамя за его спиной выглядит слегка потемневшим. Примиряет с казино Бругмана обслуживание: необыкновенно красивые украинские девушки заботятся о людях. К Днепру, за пределами растянутого города, выходит так называемый парк, скопище убогих деревьев на высоком берегу реки, которая по-русски широко катится через просторный ландшафт. Отсюда видны красивые мосты через реку, предмет забот Бругмана. В центре так называв-

мый Восточный мост: железобетонные арки с разрушенной центральной частью. Как нам рассказывали, союзные нам итальянцы в свое время в горячий момент взорвали каркасную конструкцию центрального пролета. Двухэтажный Западный мост восстановлен и используется: нижний уровень — железной дорогой, верхний — остальным транспортом.

Чтобы вблизи посмотреть на работы на железобетонном мосту, едем на маленький остров; мы попросили итальянского офицера переправить нас туда на военном катере. Итальянские саперы тренируются на берегу Днепра. Вода темно-коричневая, течение довольно сильное. Высоко на другом берегу Днепра видны сталелитейные заводы.

Сильная жара, нам становится жарко в непривычной униформе. После еды мы едем оттуда на машине сначала на Самару, приток Днепра, где купаемся. Хотя вода теплая, это нас в некоторой степени освежает. Потом — на большие сталелитейные заводы на этом берегу Днепра, Петровский и Ленинский, оба в основном построенные еще перед Первой мировой войной.

На Ленинском делают ипеевские водонапорные башни, на петровском — железнодорожные стрелки. В остальном, большие заводы стоят. Пока их не собираются запускать. По пути мы видим недавно построенный ОТ ангар, где ремонтируются танки.

4 июня 1942 г.

Едем на Запорожье, ранее Днепрострой. Опять хорошая солнечная погода, широкие пейзажи. Редко мы видим диких животных, только иногда зайцев; очень часто сусликов, молниеносно шмыгающих через дорогу.

Около 2 часов в Запорожье. Плотина великолепно выглядит в ландшафте. Благодаря плотине Днепр в верхнем течении необычно широк...

Ниже по течению вдали виден железнодорожный

мост, пересекающий поток... На другом берегу новый город Запорожье. Большой металлургический завод тоже находится на противоположном берегу Днепра, недалеко от города, который временно состоит из ОДНОЙ широкой роскошной улицы, в свое время запроектированной Эрнстом Маем.

Главный инженер гигантской строительной площадки плотины ведет нас и рассказывает о разрушениях и восстановительных работах. Во время отступления русские взорвали плотину посередине на ширине 175 м.

3000 беженцев, которые находились в это время на плотине, были унесены течением. Водяные массы толщиной 5—6 метров падают с 15-метровой высоты через пролом и понижают уровень воды так, что пристань в верхнем течении оказалась на суше, и не хватает давления для вращения турбин. Шлюзы тоже после взрыва стоят сухими, так что судоходство парализовано. Не только плотина, но и механизмы по большей части разрушены. Русские при отступлении отключили центральную смазочную систему, так что машины мгновенно перегревались и загорались. То, что после этого представляли собой машинные помещения, турбины и генераторы, было мастерской разрушительной работой. И сегодня видны потрескавшиеся железобетонные стены, оплавленные железные детали; все приведено в негодность.

Однако один агрегат уже работает с конца апреля, второй запущен чуть позже, так что станция уже может вырабатывать 20 000 киловатт. Из девяти турбин большинство будет осенью запущено. Раньше максимальная мощность станции достигала 500 000 киловатт, минимальная, при низкой воде, — 100 000. Остальные днепровские электростанции до отступления имели суммарную мощность в четыре раза больше, чем запорожская.

Особенно трудная задача для руководителей строи-

тельства — восстановление разрушенной плотины, через отверстие в которой вытекает под огромным давлением масса воды высотой 5 метров. Странным образом, русские не сделали спуск для воды, такой как у всех плотин; поэтому его следовало сначала построить, чтобы осушить плотину для восстановительных работ.

Для этого в боковых, целых частях плотины были пробиты несколько штолен прилб. 5 на 5 метров и длиной 35 м, вплоть до наружной облицовки плотины с верхней стороны. Трудность состоит в преодолении последних двух метров бетона. Для этого разработана следующая процедура: там, где штольни позднее выйдут к воде, сверху будут спущены затворы, которые потом будут прижаты давлением воды к отверстиям в плотине и перекроют их. Затворы состоят из шаровых сегментов 5 на 5 метров с обложкой в 20 см толщины, монтируемой из металлических рам. Прежде чем будут окончательно пробиты взрывами отверстия в бетоне, в нем проделываются меньшие отверстия для спуска воды, чтобы проявилось давление на сегменты. Когда все десять штолен будут таким образом закрыты с верхней стороны плотины, бетонные затворы начнут медленно тянуть вверх и спускать таким образом воду. Уровень воды упадет, основание пролома в плотине станет видимым, и его можно будет бетонировать.

Ведущий инженер д-р Смёлниг, который нас ведет по стройке, полностью захвачен своим делом. И здесь транспортные проблемы; все нужно сюда везти, не только машины немецких фирм, но также камень и цемент для плотины. Цемент везут баржами из Румынии через Черное море и Днепр и доставляют прямо на электростанцию. Гравий и щебень для железобетона добывают в имеющемся неподалеку большом карьере, который мы осматриваем и который был разработан еще фирмой Крупп-Грузон. В карьере добываются и огромные гранитные блоки...

Весь комплекс, плотина и электростанция, был запроектирован немцами, оборудован частично американцами и построен при их консультациях и русском руководстве. В деталях работа скверная. Железобетон уже внешне производит плохое впечатление; арматура местами свисает из бетона, на необработанной поверхности которого там и тут уже 10 лет держатся куски деревянной опалубки. Пульты управления и прочие электрические устройства, как рассказывает нам ведущий электроинженер, — таковы, что в Германии их оценили бы как самую плохую ученическую работу.

Вечером мы переправляемся на пароме через реку, чтобы посмотреть город Запорожье. Здесь тоже безысходная картина нового русского города из цемента. Ясно видна разница между работами Мая и работами русских. От «вещественности» русские скоро отказались и обратились к доморощенному классицизму, который здесь дал очень странные победы. Античные формы часто до неузнаваемости изувечены или применены без всякого понимания...

5 июня 1942 г.

Обратный путь из Днепропетровска в направлении Харькова на Красноград, самую западную точку большого котла, в котором в эти дни русские были разбиты. Дальше на Полтаву. Восхитительный город с классицистическим представительным центром. Просторная круглая площадь, окруженная свободно чередующимися, высокими и низкими, выкрашенными в белый цвет старыми губернскими зданиями, тут и там украшенными колонными портиками. В одном из этих зданий резиденция генерал-фельдмаршала фон Бока и штаб группы армий «Юг». На площади, на ступенчатом каменном постаменте стоит почти скрытая зеленью колонна победы, увенчанная орлом. Отсюда во все стороны расходятся главные улицы, одна из которых ведет к лежащему вдали старому монастырю.

7 июня 1942 г.

Дождь. Неизвестно, доберемся ли мы до Киева. Глубокая грязь. За Переславлем едем через болото, покрытое лежневкой. Опять навстречу нам движутся колонны, на этот раз летчики, и снова рабочая служба на велосипедах, транспортные колонны ОКХ¹ и горные егеря с их машинами. Как мы позднее слышали, еще в этом месяце 70 000 автомобилей должны двинуться на восток по транзитной дороге V.

В 18 часов, еще при хорошем свете, мы приезжаем в Киев. Город расположен высоко у широкого Днепра. Собственно прямая дорога с востока ведет прямо на замковый холм. Мы должны делать многокилометровый объезд перед Днепром, так как главный мост через реку разрушен. Новый так называемый ОТ-мост, огромная деревянная конструкция, защищенная зенитками у всех опор. Выше по течению третий мост в процессе восстановления. Здания на горе владычествуют над городом, выше всех башня лавры, окруженная бесчисленными луковицами церквей. Главная улица Киева полностью разрушена. При отступлении русские взорвали все бомбами с часовым механизмом. Некоторые остатки стен были взорваны нашими саперами, чтобы предупредить опасность обрушения.

Несмотря на это город все еще производит приятное впечатление благодаря цивилизованному и привлекательному внешнему виду. Много зелени на улицах. Новые советские здания, некоторые с большим вкусом и солиднее, чем в других городах. Несколько красивых старых русских церквей. С высоко-го крутого берега Днепра потрясающий вид на восток через реку.

¹ ОКХ (нем. — ОКН) — Oberkommando des Heers, Высшее командование сухопутных войск.

Один железнодорожный мост уже можно использовать, хотя русские и здесь прилежно выполнили взрывные работы. Разнокалиберные конструкции покоятся на старых уцелевших опорах. До того как был готов этот мост, ездить можно было только по ледовой плотине. На льду реки была построена из ледяных блоков железнодорожная насыпь (!), которая не один месяц отлично функционировала и очень помогла...

9 июня 1942 г.

Через Ровно при хорошей, хотя и прохладной солнечной погоде на Луцк. Старый замок. В 24 км за Луцком у деревни Торчерин¹ первая серьезная поломка за время нашего путешествия. Не работает бензиновый насос. Машину тянут на буксире до Торчерина, где нас дружески принимает крайсландвирт...

В местечке около 4500 жителей, среди них 200 евреев, остальные поляки и немного украинцев.

Вечером идем в рабочий лагерь, в котором находятся украинские женицины. Крайсландвирт просит нас успокоить опечаленных женицин. Они без всяких на то оснований боятся, что будут в качестве принудительных рабочих отправлены в Германию. Он по-хорошему попытался завербовать их для работы в сельском хозяйстве, и, поскольку они явно не проявили желания, он проявил некоторый нажим. «И теперь бедные женицины уверены, что их увезут, что совершенно не так...» В лагере находится около двухсот украинских девушек. Крайсландвирт позаботился о музыке. Несколько украинцев поют народные песни; но это не возымело ожидаемого эффекта. Начинается великий плач, так что мы не знаем, как себя вести. Фрэнк напрасно пытается гладить по голове ту или другую девушку, на момент это вызывает громкий смех — но потом плач продолжается.

¹ В тексте — Torczeryn.

У крайсландвирта встречаем мы также сотрудника земельной биржи труда Берлин-Бранденбург, который уже много месяцев объезжает край и рекрутирует рабочих и работниц для немецкой промышленности...»

***

В октябре 1942 г. я снова побывал в ОТ-группе «Россия-Юг», часть пути как сопровождающий шефа ОТ Альберта Шпеера. На этот раз путь шел далеко за Запорожье, через Сталино и Ростов на северо-западный Кавказ и Крым.

«13 октября 1942 г.

В 7.30 утра отлет с Темпельхова на Ю-52. В машине государственный секретарь Ганцмюллер, городской советник Шибер и шеф отдела кадров ОТ Бор, с которым я путешествую дальше. Промежуточная посадка во Врицене, где мы ждем Шпеера. Ганцмюллер рассказывает, пока мы ждем, о трудностях с дорогами в подразделении ОТ «Россия-Центр». Если в 1941 г. насчитывалось шесть нападений партизан в месяц на главные железнодорожные линии в этом районе, то сейчас их около 600. Много убитых. Потери телеграфных частей до 75%. Поскольку весь лесной район невозможно контролировать, уже давно необходимо строить бункеры вдоль линий. Партизаны хорошо вооружены. Их постоянно снабжают с помощью самолетов.

Появляется Шпеер. Хорошее настроение. В машине он сразу садится за штурвал, зовет меня к себе вперед и демонстрирует разные фигуры. На высоте 1800 м исчезает туман. Солнце... Южнее Варшавы летим над степью. Длинные деревни вдоль дорог. Пилот кладет самолет на крыло и обращает наше внимание на горящие усадьбы, разбросанные по просторно-

му ландшафту. Вероятно, работа партизан. В 13 часов приземляемся в штаб-квартире фюрера, где мы с Бором прощаемся с шефом.

Утром в 7 часов появляются другие участники путешествия: министр-аллигированный в Министерстве труда д-р Шмелтер, одновременно куратор работы центрального бюро ОТ; директор Имм, ответственный в ОТ за связи с предприятиями.

17 октября 1942 г.

Профессор Бонветч, заместитель Бругмана, сопровождает нас. Бругман дает нам свой открытый хорьх; на заднем сиденье могут сидеть тесно прижавшись четыре человека, рядом с шофером — один. Из багажа берутся только очень небольшие вещи. Кроме того, ружья, автомат...

Сначала по ДГ IV на Сталино. К сожалению, погода плохая. Холодно, легкий дождь. За Днепром хорошая дорога на Новомосковск, где мы можем делать 90 км в час. Дорога идет по степи, мимо полей подсолнечника и кукурузы, через Павлоград, Троцкое, Красноармейское на Сталино, куда прибываем около 18 часов в темноте. Дорога отвратительная. Мы попадаем на боковые объездные дороги, пробираемся по грязи со скоростью 10 км в час. Трижды нас сносит и раскручивает на скользкой дороге. Шофер сохраняет управление и не опрокидывает нас.

В пути Шмелтер, когда не спит, говорит о зарплатах и производительности. Он хочет путем реорганизации заработков поднять производительность. В ОТ он ввел единую оплату в 80 пфеннигов (в час. — Д.Х.) для всех квалифицированных рабочих, что, возможно, должно стать предпосылкой для будущей единой оплаты в Рейхе. 80 пфеннигов выбраны как среднее между 0,68 и 1,08 рейхсмарки (напр., 1,10 рейхсмарки в Гамбурге). Шмелтер отказывается при этом

признать, что таким образом он вводит повышение зарплаты; поскольку те, кто до этого получал больше, чем 80 пфеннигов, получают разницу в Германии как освобожденную от налогов помощь семье. Без сомнения, единая оплата «не глупость», так как она облегчает перевод рабочей силы из одной фирмы в другую. Большие дебаты вызывает договор на строительство на востоке в связи с новыми правилами. Шмелтер твердо убежден в том, что в уже имеющейся рабочей силе скрыты огромные резервы производительности, которые можно мобилизовать путем правильных договорных условий. Старый договор на строительство на востоке — это договор на компенсацию себестоимости. Фирмы здесь, собственно, именно те, кто выигрывает в войне. Они получают обратно все, что тратят, и к тому же определенную сумму в день на человека за военнопленных, которых они используют. При этом они заинтересованы в том, чтобы с возможно большим числом военнопленных сделать как можно меньше. Здесь конечно нельзя обобщать...

18 октября 1942 г.

В Сталино в отряде Дефланда нас ждет чистая квартира. К сожалению, стало холодно, первый снег. Мы делаем остановку на день, чтобы познакомиться с районом вокруг Сталино. Сначала в отряд Шнайдера. Оберфюрер СА Шнайдер, глава фронтового руководства ОТ, организовал здесь приемный лагерь для военнопленных. Нас ведут по лагерю, впечатление хорошее. Пленные, попадающие сюда прямо с фронта, проходят обработку против вшей. Сначала их собирают на огороженной территории и русские офицеры, попавшие в плен раньше, их инструктируют. Им говорят, что они должны радоваться тому, что попадают в ряды самой большой строительной орга-

пизации мира — ОТ. За ограждением пленные должны раздеться. Одежда отдельно проходит обработку против вшей. Людей бреют наголо, затем они должны по лестнице спуститься в бассейн и полностью окунуться с головой: балка, под которой они должны пролезть, заставляет их опустить голову под воду, чтобы вынырнуть на поверхность с другой стороны. Потом их направляют во второй бассейн. Робких подбадривают легкими толчками палки. Затем запись личных данных и прочей информации; затем одевание... Шнайдер выискивает для себя, естественно, такую рабочую силу, с которой отряд может добиться больших успехов, чем раньше. Они, как нам рассказывают, очень довольны и удивлены таким нынешним обращением, поскольку сейчас нам люди нужны больше, чем в начале Восточного похода.

Шнайдер выбрал среди пленных лучших певцов (среди них оперный певец из Москвы) и составил маленький лагерный хор. Как раз когда мы здесь, хор репетирует для назначенного на вечер товарищеского вечера. Нам рассказывают, что при последней отправке пленных хор на вокзале провожал их песней «Прощание с цыганским табором». В любом случае, военнопленные в прекрасном настроении. Вечером еду со Шмелтером в отряд Шнайдера, где поет русский хор: редкое наслаждение. Еще кавказский хор, который тоже исполняет свои песни. Своеобразная смесь из восточной и русской музыки. Бас, баритон и великолепный тенор солируют. Один русский офицер и пятнадцатилетний мальчик танцуют. Оба из московской балетной школы. Я не знаю, что меня больше трогает и удивляет: певцы во фронтовом районе, люди, которые еще вчера были врагами, — или такой человек как Шнайдер, которого при всех его строительных и снабженческих заботах хватает на такие удивительные музыкальные идеи.

19 октября 1942 г.

В 8.30 отъезд из Сталино. Легкий дождь прекращается. Через Макеевку, один из крупных промышленных городов региона Сталино, мы едем на Сугрис, где осматриваем одну из самых больших в Европе угольных электростанций. Разрушения, устроенные здесь русскими, первоклассны. Котельные установки разрушены почти полностью, остальные машины — частично. Взрывные устройства, установленные на мощных валах и могучих цилиндрах, разорвали все на куски. Трудно поверить глазам. Разрушения еще страшнее, чем в Запорожье. Котлы можно будет восстановить. Турбогенераторы будут доставлены из Рейха.

20 октября 1942 г.

Один день выделяем на осмотр строительства большого моста в Ростове.

Мост через Дон длиной 370 м, два пролета, каждый по 78 м; высота несущих металлических конструкций — 6,5 м. Строительство началось 18 сентября. С помощью вспомогательных опор были смонтированы над водой большие несущие фермы. Дон в том месте, где строится мост, имеет глубину до 16 метров...

Строительство впечатляет, в первую очередь вид с моста на земляной пандус, ведущий в город; по обеим сторонам все дома разрушены. Срок пуска моста, первоначально запланированный на 25 октября, не удалось выдержать из-за транспортных проблем: здесь, как и всюду, одни и те же беды.

На строительстве моста занято 1000 пленных и 700 немцев. Такое невыгодное соотношение объясняется потребностью в квалифицированной рабочей силе.

Под дождем мы едем через сильно разрушенный город Ростов. Целые улицы лежат в развалинах. Только тут и там встречаются годные к использованию дома. Одни из достопримечательностей города — театр,

смесь Гропиуса с Мендельсоном. Студентка, которая нас ведет, объясняет внешний вид театра сходством с огромным трактором.

Профессор Бонвитч, родившийся в России и отлично владеющий языком, переводит во время разговоров с русскими. Мы разговариваем с одной из девушек из obsługi. Как квалифицированная работница высшего класса она зарабатывала раньше 400 рублей. Отчисления с зарплаты во время войны составляли 200 рублей, в мирное время около 120 рублей. Из них 40 рублей — государственный заем, 15 рублей культурный налог и т.д. За хлеб платили от 1,5 до 2,5 рублей за кг, за обед в рабочей столовой — 60 копеек, за килограмм масла — 40 рублей; материал на платье — 15 рублей за метр. Я убеждаюсь в том, что эти данные полностью совпадают с тем, что я знал по Новосибирску 10 лет назад.

21 октября 1942 г.

Тем временем мы решили оставить мысль о запланированной ранее поездке в Сталинград из-за неопределенной погоды. Если мы где-нибудь застрянем, то не сможем двинуться ни вперед, ни назад. К сожалению, мы вынуждены от этого отказаться и решаем отправиться по южному маршруту...

Вечером — в Краснодаре, в отряде Херберта. С руководителем работ Гроссом осматриваем большой деревянный мост через Кубань. Гросс был в Краснодаре уже через день после взятия его войсками. От моста до фронта около 15 км. На этом участке стоят румыны. Трудности со снабжением чрезвычайно велики. Хотя немецкая колея проложена до Краснодара, провести сюда поезда получается только с большим трудом. Перроны всегда забиты. От помогает здесь быстро разгрузать поезда, когда транспортные части полагают, что это не их дело.

Деревянный автомобильный мост через Кубань был закончен ОТ в максимально короткое время. Работы идут еще только на подъездных насыпях. И здесь типичное для СССР массовое использование рабочей силы. Пленные используются как «конвейер». С маленькими носилками они идут длинными цепочками мимо копающих людей: движущаяся человеческая лента. По типу мало русских: много татар, монгольские расы, восточные народы.

Город Краснодар лежит в плодородной местности. Люди хорошо одеты и так же хорошо упитанны. Особенно это касается женщин. Некоторые части тела настолько сильно развиты, что мы все время обсуждаем, с чем это собственно может быть связано. Местные сотрудники ОТ объясняют, что это связано с зернами подсолнуха, которые едят женщины и в которых много витамина В.

В регионе Кубани в руководство уже введены и местные техники. ОТ тоже использует местных инженеров и мастеров. Вермахт рекрутирует здесь черкесов и татар в добровольческие части, которые будут использоваться против русских в лесной войне. Как мы слышали, они себя оправдывают. Мы видели некоторые части в немецкой униформе. Они производят впечатление дисциплинированных. ОТ здесь очень трудно вербовать рабочих. Существует приказ фюрера, согласно которому местное население нельзя принуждать к работе. За день до взятия Краснодара русские открыли все лавки для разграбления. Они добились этим того, что население на несколько месяцев запаслось самым необходимым, а немецкие войска лишились запасов. Идущий сейчас поиск спрятанных складов натывается на большие трудности.

3 октября 1942 г.

В 9.30 отъезд из Краснодара в направлении Новороссийска. Мы должны ехать северным маршрутом через Новомысская-Троицкая на Крым, поскольку южный маршрут лежит в главной полосе боев. Через невысокие холмы едем на Верхне-Баканское. В темноте двигаемся по серпантину через горы к Черному морю, до которого добираемся к вечеру. Под пальбу из орудий среднего калибра и автоматов находим в Новороссийске квартиры. Бор, шофер и я — в одном доме, где нас дружелюбно принимают две русские женщины с мальчиком-подростком. Мы получаем хорошее помещение с одной кроватью и двумя матрацами на полу.

24 октября 1942 г.

В шесть утра мы готовы к поездке. Женщины сделали нам чай и накрыли стол! Мы получаем еще и горячую воду для умывания и бритья. Город Новороссийск довольно сильно разбит, почти вымер. Красивая естественная гавань далеко вдается внутрь. С западной стороны бухты, в 500 метрах через гавань виден противоположный берег, где на позициях лежат немцы и русские.

Из Новороссийска обратно по горам через Верхней Баканское к порту Анапа. Поскольку прибрежной дороги нет, нам надо ехать в объезд через Кубань на север, на полуостров Тамань к городу Тамань, лежащему на берегу Таманской бухты. Город показывается уже в темноте. В порту паром, который должен переправить нас в Керчь. Разгружается батарея 88-мм зениток со всем прочим оборудованием. Удивительно, как быстро люди переправляют тяжелые орудия на берег.

Около половины девятого мы вместе с машиной наконец грузимся на паром. Все делается чрезвычайно быстро, потому что русские каждый вечер бомбардируют гавань. Паром представляет собой несущую

щую балочную конструкцию, укрепленную на двух длинных понтонах, каждый из которых оснащен мотором. Посередине платформы деревянный домик для команды и управления судном. Луна снова светит с безоблачного неба... Хотя вокруг видны отсветы зенитного огня, на этот раз воздушного налета нет. Несколько дней назад был потоплен паром, груженный румынами. Команда раздала нам спасательные жилеты. В помещении для команды мы ужинаем походным пайком и получаем несколько узких коек внутри понтона. Палубные люки открыты. Мы спускаемся вниз, чтобы провести ночь на маленьких пружинных матрацах. Несмотря на неудобства и непривычность ситуации, мы крепко спим и после того, как паром снимается в Керчи с якоря и уходит. Вдалеке на больших расстояниях видны другие паромы. Такое практикуется из ночи в ночь, поскольку у берега русские нападают с воздуха, а в открытом море паром вроде бы труднее увидеть и поразить. Я этого не совсем понимаю, поскольку в лунном свете мы — великолепная цель.

25 октября 1942 г.

Встаем в пять утра. В восемь идем в Керченский порт. Очень красивый, лежащий на горе город виден уже издали. По пути минуем военный паром, полузатопленный русский транспорт, который используется нашими как цель для ружейной стрельбы. Над Керчью, на половине высоты, на горном уступе стоит памятник прошлого века, дорический периптер, который издали выглядит как настоящий греческий храм; рядом новое немецкое солдатское кладбище. На вершине горы — руины.

В 13.15 выезжаем в Крым, направление Симферополь. Ландшафт сразу становится ярко-зеленым... Всюду в горах румынские посты. Вместе с татар-

скими частями они время от времени прочесывают горы, в которых еще сидят партизаны. Здесь тоже русские стреляют с воздуха. Время от времени, как вчера у Ялты, к берегу подходят матросы на катерах. Все время встречаются плакаты: «Внимание, партизаны, держать оружие наготове!»

26 октября 1942 г.

Машина в таком состоянии, что должна остаться здесь для ремонта. Не только тормоза выходят из строя, но и сломан амортизатор задней оси. При следующей поломке мы бы остались стоять на дороге...

У Алушты, на полпути к Ялте, мы опять выезжаем к Черному морю, отсюда по извилистой дороге — на Ялту. Повсюду усадьбы и замки царского времени, большей частью эффектно подсвеченные. Вся местность, там, где что-то строилось, более или менее обезображена. Большевики постарались на скальных уступах и склонах посадить круглые храмы из железобетона! Недалеко от Ялты находится санаторий ОТ, который мы ищем. Здесь мы собираемся ждать нашу машину. Санаторий находится посередине между Алушкой и Ореандой, в Гаспра-Кореиз. Комплекс роскошный, на склоне просторный парк со старыми деревьями. Здесь была до Первой мировой войны резиденция великого князя Николая Николаевича, служившая потом местом отдыха Молотову. Замок полностью выгорел. Недалеко в парке стоит флигель, использовавшийся Молотовым как гостевой дом для дипломатов. Как и старый замок, этот новый дом выстроен в заимствованном мавританском стиле; комнаты снабжены встроенными умывальными шкафчиками и современными ваннами. Тем не менее и здесь известная примитивность новой русской культуры. Редко когда все функционирует.

28 октября 1942 г.

С утра еду с Бором и Шмельтером в окрестности Ореанды, чтобы взглянуть на пейзажи, для которых Шинкель предназначал свой царский дворец (модель которого в масштабе 1:100 мы в Берлине делали с профессором Рюстером). Я поражаюсь тому, что Шинкель, хотя он не был в Крыму, очень точно на своих цветных рисунках изобразил растительность, особенно характерную для этого ландшафта; в парке есть еще и пинии, тисы, оливковые и миндальные деревья.

В 13 часов появляется Форман, которого мы так ждали. Мы немедленно отправляемся прибывшей уже машиной вверх, на Симферополь. Путь ведет длинными серпантинами через горы. Повороты часто настолько крутые, что длинная машина с трудом разворачивается. Погода меняется. Еще слегка светит солнце, но через горы уже надвигается завеса облаков, которая закрывает самые высокие вершины, более 1000 м. Далеко над морем — сверкающие солнечные лучи...

Перед Севастополем опять невысокие горы, часто без леса, но покрытые густым, в рост человека кустарником.

Задолго до города справа и слева от дороги видны многочисленные позиции русских, хорошо замаскированные кустарником на горах. Повсюду тянутся узкие траншеи. Создается впечатление, что все склоны пронизаны небольшими укреплениями и окопами. Миновал глубокое ущелье, мы видим Севастополь.

На большом скалистом плато над городом морское училище и казармы морской артиллерии, занятые теперь ОТ и, там где они не полностью разрушены, оборудованные для штаба. Отсюда, с плато, нам открывается в вечерних сумерках вид на весь город, который тянется по противоположному берегу внутренней гавани.

Бухта, естественная гавань, заходит далеко в глубь суши, между плато с морским училищем и

склоном, где расположен Севастополь. Со стороны моря гавань защищена другим, далеко вытянутым вперед полуостровом. Город, как можно убедиться еще издали, сильно разрушен. Хотя стены домов, иногда целыми кварталами, еще стоят, когда подходишь ближе, становится ясно, что речь идет о полнотью выгоревших руинах.

29 октября 1942 г.

Едем через Севастополь. Сейчас здесь 25 000 русских, до падения крепости их было 125 000. Оригинальное зрелище на одной из площадей. Бронзовый Ленин, гораздо больше человеческого роста, сброшенный с цоколя, ушел головой и верхней частью туловища глубоко в землю, под мягкий асфальт.

В течение многих недель его собственная тяжесть вдавливают его в землю глубже и глубже. Нам видны уже только ноги и правая рука.

Едем к лежащему далеко от города мысу Херсонес, к месту, где русские сажали на суда свои последние войска: он стал русским Дюнкерком. На каменистом, лишенном всякого плодородия ландшафте повсюду разбитые автомобили, оружие, масса боеприпасов. На крутых берегах еще не похороненные погибшие русские. В воздухе поэтому невыносимый запах. Здесь, должно быть, разыгрывались ужасные сцены.

К скале Инкерман, вдали от города. В большом каньоне, по обеим сторонам еще с царских времен вырублены в мягком известняке огромные камеры, до 20 м шириной, 15 м высотой и до 40 м глубины. Здесь у русских были склады продовольствия и боеприпасов. Кроме того, сюда эвакуировали около 15 тысяч жителей Севастополя. Перед падением крепости комиссары взорвали скалы морскими минами. При этом, должно быть, взорвался и склад боеприпасов, потому что разрушения огромные. Оторванные от

скалы каменные блоки размером в дом лежат на дне ущелья. Это выглядит как место битвы циклопов. Мы карабкаемся среди обломков, повсюду трупный запах. Скалы все еще полностью заминированы. Русские заложили здесь целую систему подземных ходов вокруг Севастополя.

Обратно в направлении Симферополя, по пути заезжаем на большой русский форт «Максим Горький». Издали форт почти невозможно разглядеть. Тут и там можно увидеть только безобидно выглядящее всхолмление ландшафта. При ближайшем рассмотрении обнаруживаются бронированные башни со сдвоенными 32-см стволами. Дорога у подножия горы ведет ко входу в казематы. Наверху на холме разрушенные бронированные купола. Один был уничтожен нашими саперами, другой взорвали сами русские. Здесь мы видим попадание одной из наших железнодорожных пушек, которые были установлены в районе Бахчисарая. Немецкий унтер-офицер, стоящий здесь на посту с несколькими татарами, рассказывает об атаке на форт, в которой он сам участвовал. Между атакой и взятием прошло ровно 2,5 часа. При этом атакующая дивизия примерно в километре от тяжелых пушек попала под прямой обстрел. Другие солдаты, которые тоже были при этом, рассказывали, насколько тяжелой была атака. Небольшие укрепления часто совсем были не видны. После прорыва через 50—100-метровые траншеи и укрепления создавалось впечатление, что прорыв удался, а потом все начиналось сначала. Русские часто пропускали наших атакующих саперов и пехотинцев вперед и атаквали сзади огнеметами.

Около 10 часов мы едем на Симферополь через красивый и мягкий крымский ландшафт. Горы мы постепенно оставляем позади и выезжаем в районе Бахчисарая на равнину. Здесь мы находим место, занятое нашей самой мощной длинноствольной артиллерией, для

которой Бругман в свое время выстроил большой железнодорожно-маскировочный комплекс...

С развитием операций появляются новые отряды ОТ. 36 команд были изъяты из железнодорожной программы и отправлены вперед, вплоть до Сталинграда. На двух железнодорожных линиях в Кавказском регионе перешиита колея, благодаря чему положение этой зимой существенно улучшится. Проблемы, как и прежде, создает транспортный вопрос; заботы связаны и с применением рабочей силы; из-за недостатка рабочих кое-что приходится останавливать. К тому же возникают новые задачи, как например работы в угольном и энергетическом секторе, и гавани. Удивительно, с каким оптимизмом Бругман углубляется во все новые дела, которые едва ли можно осилить. То, что уже сделано, поразительно. В нормальных условиях это могло бы быть сделано в Германии только с блестяще работающим аппаратом...»

***

В середине июня 1943 г. я сопровождал Шпеера в инспекционной поездке в Керчь, где пролив между Азовским и Черным морями у Таманского полуострова был пересечен построенной ОТ канатной переправой. Шпеер мог доложить фюреру об окончании работ в срок и торжественно передать в эксплуатацию первые украшенные цветами баржи, которые могли ежедневно перевозить 7 тысяч человек.

На обратном пути Шпеер вместе с несколькими своими старыми сотрудниками посетил Аскания-Нова.

«15 июня 1943 г.

...Мы летим над зелеными полями северного Крыма и пестрой степью южной Украины, восточнее нижнего течения Днепра к созданному более 50 лет назад немцем Фальц-Файном волшебному оазису в сте-

ни. Сегодня усадьба принадлежит Рейху и над ней «властвует» генеральный комиссар Фрауенфельд. Лютиц Хек (из берлинского зоопарка) организовал здесь свою звериную ферму. Единственное на огромную территорию зеленое пятно с деревьями, прудами и фантастическим животным миром. В огромном открытом вольере — страусы, яки, дикие лошади; стада гну и антилоп в степи. В парке богатый экзотический птичий мир, водяные птицы, которые обращают на себя внимание необычными криками.

16 июня 1943 г.

Прекрасный день: пешая и автомобильная прогулка, еда и выпивка и в промежутке — сон. Еда превосходна: молоко, мягкий сыр, мед, степной чай, даже жаркое из гну, которое нас особенно интересует, — о салате «со всевозможными ухищрениями» и говорить не приходится. Ближе к вечеру еще одна поездка с шефом в пустынную степь, которая далеко простирается на восток. Земля, от которой с помощью орошения из глубоких скважин можно многого добиться...

17 июня 1943 г., в 7.30 утра — старт. Описывая большую петлю, летим над парком и степью. Затем к устью Днепра, на Херсон и Никополь, где видим мосты, которые строит ОТ. Плотина в Запорожье, восстановленная Бругманом, как новая стоит в потоке, который, широко разветвляясь благодаря многочисленным островам, прогрызается сквозь ландшафт».

Так же как и эта плотина, многие электростанции и мосты попали в рабочее состояние в руки русских, которые при отступлении реализовывали хорошо ими усвоенное понятие «выжженная земля» прямо-таки с чудовищным искусством. Хотя это давно доказано документами, но и сегодня, в 1980 году, немецкая пресса

с истинной страстью повторяет русский тезис о том, что именно мы были теми, кто сознательно разрушал все жизненно необходимые сооружения.

Подразделение ОТ «Россия-Север»

«22 сентября 1943 г.

«Дугласом» Люфтганзы пять часов летим через Данциг и Кёнигсберг в Ригу. Мой друг Бурмайстер, президент земельного управления при рейхскомиссаре. Большая суматоха, потому что убит генеральный комиссар Кубе (бомба с часовым управлением в постели!).

Рига, красивый немецкий центр. Вид на Даугаву с многочисленными барочными куполами на готических, в основном, церквях очень выразителен...

Вечером у Бурмайстера, который рассказывает о неясном политическом положении на востоке, особенно в Белоруссии. Отсутствует ясная политическая линия, отчего все время возникают неприятности. Страх у литовцев и эстонцев перед Россией так же силен, как надежда на Англию.

24 сентября 1943 г.

С Бурмайстером и д-р Венером едем в Плескау. Хорошая дорога идет через красивый зеленый литовский ландшафт. Слегка холмистая земля, березовые и хвойные леса в роскошной осенней расцветке... Перед Плескау начинается — илагбаумом — военный район. В темноте, в 20.30, прибываем в Плескау...

Рано утром 26 сентября — в Лугу, на полпути между Плескау и Петербургом. Из-за опасности партизанского нападения мы должны ехать колонной из трех машин.

В 15 часов — дальше на север до Межно, на восток от главной дороги, где разыскиваем моего друга Зункеля, командира роты пропаганды 18-й армии...

После получасового визита к командующему армией — обед в казино. За небольшим круглым столом Фрэнк по правую, я по левую руку от генерал-полковника... Он очень любезен, выглядит открытым и веселым солдатом. Хвалит работу ОТ, в первую очередь строительство дорог, рассказывает об армии и ее вооружении. Русская артиллерия имеет двойное превосходство, но ни в коем случае не в качестве. Армия крепка, русская пехота плоха. Передислокация во Францию — безобразия, он и его солдаты хотят оставаться здесь. Мало самолетов, и — в первую очередь — минометов... Испанцы храбры. Но у офицеров нет такого контакта с солдатами, как у нас. Та же ошибка, что и у итальянцев. «Коалиционная война» — самая трудная. С русскими пленными он в принципе обращается хорошо. Партизаны слабеют. Ситуация с Власовым его не касается, это политический вопрос, может быть решен только фюрером.

Во время предшествующей обеду беседы командующий показал нам ситуацию на карте, ораниенбургский котел (русские позиции, прикрытые Кронштадтом), потом остающийся уже два года без изменений фронт, крайне невыгодный из-за многочисленных выступов и отступов и связывающий много дивизий. Самый глубокий выступ на север находится все еще в 15 км от Шлиссельбурга и упорно сохраняется. Волховской фронт, к юго-востоку отсюда, стал уже почти легендой, настолько давно и прочно засел он в болотах и грязи. Ходит популярный анекдот: через пятьдесят лет войны на Волхове в воде и грязи — все еще ни вперед, ни назад. Два старых фельдмаршала с седыми бородами, с палками в руке, закутанные в накиomarники встречаются в 1995 г. на волховских позициях. Один спрашивает другого: «А какая у тебя, собственно, гражданская профессия?» — «Школьник!»

21 сентября.

В 6 утра едем... на двух машинах в район фронта: от Межно, Сиверской по «внешнему кругу», по свежестроенной ОТ превосходной дороге в направлении восток-запад, к югу Ленинграда до Тосно. Затем еще восточнее, в Шапки, на боевые позиции 320-го гренадерского полка 12-й дивизии. Участок находится юго-восточнее большой ладожской дуги, на восток от Ленинграда. За Тосно едем медленно по лежневке. Дороги кончились. По лежневой дороге движется весь транспорт, все снабжение армии, через болотистые леса, через которые не только проехать нельзя, но едва ли можно пройти. С раннего утра идет сильный дождь, и вода плещется в щелях между лежащими сосновыми стволами лежневой дороги. Бедные лошади, ноги которых не приспособлены к такой дороге! Бревна трещат, грохочут, вибрируют. Если копыто попадает между бревнами, лошади ломают ноги. Там, где суше, наша машина грохочет по тихому лесу, чаще чавкает. Хотя лес из хвойных деревьев и берез жидкий, подлесок очень густой и непроходимый. Лес молодой. Несмотря на дождь, краски замечательные. Земля с болотной растительностью своеобразного оливково-зеленого цвета, немного глухого. Лежневка становится все хуже, иногда встречаются места для разездов. Наконец около 10.30, после 4,5 часов тряски прибываем на командный пункт полка Огильви... Все очень хорошо замаскировано в густом, сухом лесу на возвышенности. Огильви объясняет ситуацию, берет палку, дает нам стальные каски и ведет вперед. Мимо ведущих огонь артиллерийских позиций (1,5 см), в аккуратно выкопанные в желтом сухом песке узкие окопы передовой линии... Дальше, на наблюдательный пост, лежащий метрах в 80 от русских позиций. В лесу, через который мы идем обратно к командному пункту, больше нет деревьев, только голые стволы и воронки. Обедаем с Огильви в

«офицерском казино», то есть в земляном бункере. Уверенные в себе молодые офицеры. Не хватает минометов.

Назад в Шапки, пробивается немного солнца. Оттуда на Мзу, крупный, на всех картах обозначенный железнодорожный узел юго-восточнее Петербурга. «Идиллический» город, лучше представить себе невозможно: частокол из палок, когда-то бывших деревьями. Видны планы зданий, стоят кое-где кирпичные трубы, странным образом неповрежденная водонапорная башня, сожженные вагоны, опрокинутые локомотивы, воронки, лужи и лежневые дороги. Это Мза — когда-то дачный пригород Петербурга.

Добираемся до командного пункта дивизии севернее Мзи. Нас принимает в своем бункере генерал-лейтенант Шульц, раньше воевавший с Маништейном под Севастополем. Дивизия занижает важную позицию на Сиявинских высотах к югу от Шлиссельбурга, откуда открывается вид глубоко во вражеский район, до Ладожского озера и Ленинграда и на две идущие по берегу Ладоги новые русские железнодорожные линии. Три дня назад дивизия снова захватила потерянную раньше высоту и теперь лежит в сырых воронках в тяжелом положении; это самые горячие бои группы армий «Север».

Русские хотят отбить железнодорожный узел, ради этого они вели все, до сих пор напрасные, бои у Ладоги. Уже поздно, мы не можем больше двигаться вперед, к высоте, и вынуждены ограничиться осмотром артиллерийских позиций. В болотной грязи бредем мы за генералом, который, кажется, хочет показать нам почем фунт лиха. Он в своих резиновых сапогах идет, не выбирая дороги, мы — храбро за ним, тяжело дыша. Стреляют 15-сантиметровые орудия, с трудом установленные на редких сухих островках и хорошо замаскированные. Неподалеку от артиллерийских позиций полевой лазарет в под-

земных бункерах. Потери в результате атаки на Сиявинские высоты три дня назад — 400 человек убитыми и ранеными, на участке расположения дивизии за неделю — 800 человек! Вчера дивизию сменили. Все в движении.

Назад на командный пункт дивизии. Мы расспрашиваем генерала. Лучшие ли русское оружие по качеству? Нет, просто оно намного практичнее. Т-34 на этой территории лучше. Автоматы примитивнее, больше патронов в магазине. Тем не менее наши пулеметы лучше, наша артиллерия как минимум того же уровня; русские минометы стреляют дальше; человеческий материал намного превосходит 15—18 и 45—65-летних русских — других почти нет. Боевой дух тоже намного выше, чем у русских. «У вас достаточно оружия и боеприпасов?» — Артиллерии достаточно, боеприпасов с избытком, «я могу позволить себе любое огневое нападение на любую цель без оглядки на количество боеприпасов». «Тигры»? — «Хороши, очень хороши, если только я могу доставить их туда, где они мне нужны». Не удивительно, в этом болотистом районе. Чего не хватает? «Минометов с боеприпасами. Мы несем большие потери из-за русских минометов». Шульц «контрабандой» доставил сюда 20 русских минометов из-под Севастополя и стреляет немецкими боеприпасами. Минометы — главная просьба командира к Шпееру. Еще ему нужен шнапс, для сбора меди во фронтовом районе. «За шесть центнеров меди — бутылка шнапса, это не страшно». Он надеется собирать и больше, если будет спирт.

Описывает удачную атаку на отвоеванную высоту и восторг солдат по поводу наших химических минометов («Nebelwerfer». — Д.Х.). «Такие вещи нужны солдатам. Я бы с удовольствием использовал еще барабаны и трубы. Мне нужно чем-то поддержать ребят, которые идут в атаку». Шульц — человек концентрированный. Всегда бьет всеми средствами в

одну точку. Так, вчера он пятиминутным огнем из ста орудий разгромил исходные позиции русских и — как показал перебежчик — сорвал их атаку. Подвоз боеприпасов к передовой линии — труден, лежневые дороги, которые все время ремонтируются саперами и людьми из Организации Тодта, и деревянные дороги, то есть вагонетки с колесами из U-профиля, которые движутся по бревнам. Деревянные дороги себя полностью оправдали. Шульц — охотник. Охотничьи приключения во фронтовом районе: лоси, глухари, тетерева, рябчики. Дичь, как ни странно, есть. По наступлении темноты — прощание (как раз доставили перебежчика — 55-летнего беднягу). Обратно в темноте по лежневой дороге. Здесь уже в 6 часов темно. Вдоль фронта Нева-Тосно, по внешнему «кольцу» на Межно, на квартиру Зункеля.

В 10.00 часов — ужин. Хлеб и грог из виски, который организовал Бурмейстер.

28 сентября рано утром едем на север... Через Гатчину — замок не так интересен, как весь обширный парковый комплекс. Хорошая дорога, по обе стороны — петербургские дачи. Много классицистической архитектуры. Чувствуется близость большой царской резиденции. Далее на Красное Село, где начинается фронтовой район...

Широкая дорога идет к морю между ленинградским фронтом и ораниенбаумским котлом. С высоты, от которой дорога спускается к морю, открывается вид на Ленинград, огромный город, который как на ладони лежит на противоположном берегу в солнечных лучах. Через маскировочные заграждения из веток и листвы к востоку от дороги мы разглядываем город в бинокли. Затем настолько быстро, насколько позволяет разъезженная и разбитая выстрелами дорога, — к морю. Наша артиллерия справа и сзади — 21-сантиметровые орудия — стреляет уже полчаса. Мы видим сильный дым от попадания в

Ленинграде, а также вспышки отвечающей тяжелой батареи в Кронштадте. Черные фонтаны земли ударяют за нами и справа рядом с нами. Русские, однако, отвечают с задержкой. Русские самолеты. Один разведчик через несколько минут неподалеку от нас сбивает зенитки с расстояния приблизительно 8000 метров, длинная огненная струя, но без дыма, он входит в штопор и ударяется о землю...

Вдоль берега, снова за маскировочной стеной, едем мимо маленьких замков на Петергоф. Великолепный царский дворец с каскадами у обращенного к морю паркового фасада выгорел. Стоят только наружные стены. Обратно к морю, вид на Ленинград и Карелию. Все еще оживленный артиллерийский огонь. Теперь мы находимся так же близко к Ленинграду, как Целлендорф и Штеглиц¹ к центру Берлина. Здесь можно увидеть сгоревшие ленинградские трамваи. Хейзинг страшно радуется, когда, запустив в сторону Ленинграда один за другим пропагандистские воздушные шары Зункеля, видит, как они сбрасывают листовки и те снежными хлопьями медленно опускаются на город.

В полдень едем через красивый лесной ландшафт к Нарве. Немецкий центр с высокими темно-коричневыми крышами: у реки крепость Германнфесте, самый дальний немецкий форпост орденов рыцарей на северо-востоке. Напротив невероятно тяжеловесный Ивангород, грозная азиатская крепость: замкнутый большой прямоугольный каменный комплекс с несколькими едва выглядывающими из-за стен круглыми башнями... Ужасно сумрачное сооружение, открыто противопоставленное ясному облику башни немецкой крепости, которая стоит по оси дороги, ведущей с востока, и видна уже с расстояния в 20 км. Здесь начинается Германия — в этом нет никакого сомнения — и здесь, на другой стороне реки, начинается Азия. Над крепостями изумительное солнечное небо с мощными кучами облаков.

¹ Районы Берлина.

Через Ярву на Сака, к лагерю отряда ОТ «Балтойл»... В Эстонии имеется пять миллиардов тонн нефтяных сланцев, то есть миллиард тонн нефти. Сегодняшняя добыча — 160 000 тонн в год, скоро она должна достичь 500 000 тонн; дальнейшая цель — 2 миллиона тонн в год. Месторождение по качеству сравнимо с бакинским, хотя переработка дороже, но не больше, чем гидридными установками в Германии.

29 сентября с утра едем в нефтяной район. Сначала на большой завод в Котла-Ярве. Огромное строительство с многочисленными сооружениями, на первый взгляд сравнимо по объему со строительством бункеров для подводных лодок на Атлантическом валу...

После обеда дальше — на Котла-Ярве...»

***

Зункель дал мне копию переведенного его отделом пропаганды дневника, который был найден в Брянском котле у убитого русского комиссара. Я привожу здесь выдержки из этого потрясающего документа¹.

ДНЕВНИК
МАЙОРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И.С. ШАБАЛИНА
НАЧАЛЬНИКА ОСОБОГО ОТДЕЛА 50-Й АРМИИ,
БРЯНСКИЙ ФРОНТ

12 августа 1941 г.

В 7 утра я выезжаю пассажирским поездом № 3 из Улан-Удэ в Москву... На вокзал меня провожают Надежда, Петров, Ильин и Косырев. Мое ощущение: надолго, возможно навсегда, я расстанусь с семьей и моими любимыми, дорогими друзьями.

¹ Дневник И.С. Шабалина впервые опубликован на русском языке Павлом Поляном в журнале «Отечественные записки», № 4 (30), 2006, по русскому переводу немецкого трофейного документа. <http://www.strana-oz.ru/authors/?author=728>.

23 августа. Москва.

Был в Наркомате, читал приказ, я получил звание майора государственной безопасности...

25 августа.

Я нервничаю. Нет резины для автомашины, нет бензина. Не вся команда в сборе. В 17 часов мы выезжаем из Москвы в Тулу...

27 августа.

Мы прибыли в наш пункт назначения в деревне Вышковичи, недалеко от города Брянска. Расквартировались в сельскохозяйственном техникуме.

29 августа.

Я начал работу, аппарат вступил в дело. Противник предпринимает налеты на город Брянск. Стучат пулеметы и зенитки. Немецкие самолеты безнаказанно улетают назад. наших маленьких ястребков пока не видно.

5 сентября.

Во время посещения линии фронта я купался в реке Десна и наблюдал бомбардировку наших передовых линий немецкой авиацией. Бомбардировка длилась около двух часов и была сильной. Самолеты пикировали четыре раза во время налета и все удалялись безнаказанными.

6 сентября.

Армия — это совсем не то, что мы привыкли представлять себе в тылу. Колоссальные недостатки. Наступление наших армий терпит поражение...

7 сентября.

Мы допрашиваем рыжего немца, оборванного парня, завшивленного, на редкость тупого...

30 сентября.

Положение с кадрами исключительно тяжелое; вся, почти вся армия состоит из людей с оккупированных немцами территорий. Они стремятся домой. Бездействие на фронте, сидение в окопах деморализуют красноармейцев. Есть случаи пьянства со стороны командно-политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки обратно. Со стороны противника слабый огонь из минометов. Он капитально укрепляет передовые позиции.

Вчера, 29.9, командующий армией вызвал меня на командный пункт. Это был исключительно интересный разговор о политико-моральном состоянии войск и наших мероприятиях. Ночью я ехал обратно в свою землянку, без света в ужасной темноте. Дважды чуть не перевернулся на своей «эмке». Я приехал очень расстроенный, дела идут плохо. Знает ли Москва о действительном положении на фронте? По дороге через колхозные поля можно видеть много собранного в снопы и скирды или вообще не собранного хлеба. Сколько добра пропадает! Становится страшно. Красноармейцы собирают зерно для лошадей, копают картошку для кухни и заготавливают дрова.

1 октября 1941 г.

Встал рано. Из Москвы прибыли подполковник госбезопасности Тутушкин и подполковник госбезопасности и начальник особого отдела фронта Вегма. Аппарат получил хороший «толчок». Затем все разъехались по дивизиям, в том числе и два моих заместителя. В дивизиях положение неважное, как с нашим аппаратом, так и с командным политсоставом. Они плохо работают. Хо-

роший урок для нас — катастрофа с 42 красноармейцами из 258 стр. дивизии и такая же ситуация с 18 бойцами из 217 стр. дивизии. Это позор, что мы проспали, и расследование происшествий не дало требуемых результатов. Вывод: положение в 50-й армии не слишком хорошее. Почти целиком она составлена из людей, живших на занятой противником территории. Необходимы конкретные действия по нашей линии и по линии командного политсостава. У многих военных руководителей и у части нашего аппарата продолжают мирные настроения. Это усиливается тем обстоятельством, что армия почти два месяца находится в обороне и видит только артиллерийскую, минометную и пулеметную стрельбу — и то только периодическую и очень слабую. По ночам люди спят на передовых линиях, а немцы выставляют посты и идут спать в деревню. Это не война, а пародия. Нет активных действий, нет наступлений — и это порождает у красноармейцев нездоровые явления. Сегодня я проводил «москвичей», вернулся в землянку и пишу при свете свечи эти строки. Душа болит, настроение плохое. Все-таки положение нужно срочно восстановить, любой ценой.

2 октября.

Я встал в 8 утра, позавтракал хлебом, сыром и чаем... Пришло сообщение, что противник наступает на фланге 13-й армии нашего фронта. У нас слышна непрерывная артиллерийская стрельба. Я вспоминаю о наших «орудиях», которые немцы называют «дьявольская артиллерия». Если бы сейчас у нас были эти пушки, они сразу же подняли бы дух армии. Самолеты противника все время пролетают над нами, слышна стрельба наших зениток. Вчера был доставлен пленный немец, оборванный и завшивленный «молокосос». Настроение у них ни в коем случае не боевое, однако голова набита мусором, точнее говоря, в голове у них пустота, полный мрак. Этого я

не ожидал. В 17 часов противник начинает наступление по всему фронту, на многих участках он потеснил наши части и форсировал реку Десну. Целый день слышна артиллерийская стрельба.

3 октября 1941 г.

Я спал в землянке, встал в 7.30 утра. Сообщают, что прибыл генерал Колесников. Так что я еду во второй взвод¹. Мы обмениваемся мнениями об атаке противника. Это позор, что враг опять добился победы, прорвал фронт 13-й армии, взял расположенные в 30 км от Орла Кромы, отрезал нас и занял некоторые пункты на нашем фронте. В тылу сидят трусы, которые уже приготовились к бегству. Боже мой! Сколько здесь вредителей! Колесников говорит, НКВД в Орле уже эвакуировался. Но ведь от нас до Орла целых 150 км! Что же это за хаос, что за беспомощность? Тут нужна твердая рука. Один хорошо продуманный штурм, и немец побежит не оглядываясь. Его силы, по сравнению с нашей армией, явно исчерпаны, и наше отступление на некоторых участках стало для немцев сюрпризом. Еще 1.10. появился один из немецких солдат и заявил: «Завтра мы нападём на вас по всему фронту». В лице нашей армии он видел силу, но эта «сила» задрожала и дала противнику возможность безнаказанно во многих пунктах форсировать Десну.

Однако в районе 258-й стр. дивизии наши артиллеристы хорошо поработали, дали прикурить противнику, который оставил на поле боя много убитых и раненых.

4 октября 1941 г.

Рано утром вместе с генералом Колесниковым, который приехал ко мне в землянку из деревни Чайковичи, идем к Петрову. Мы сидели около двух часов и

¹ В немецком тексте — Staffel.

обменивались взглядами по поводу хода немецкого наступления.

Положение 217-й стр. дивизии выглядит следующим образом: 2.10 немец провел усиленную артиллерийскую подготовку, разбил наши стрелковые и пулеметные гнезда, потеснил наши передовые линии, и его солдаты в полный рост, с криками пошли в атаку. Конечно, их покروшили. Его авиация действовала активно и не давала нашим силам возможности поднять голову. Результат: дивизия разбита, полк № 766, действовавший на правом фланге, потерян, связь отсутствует, и никто не может сказать, где он находится. От 755-го стр. полка осталось едва ли 20 человек, остальные убиты, ранены, пропали без вести! Дивизия потеряла управление, красноармейцы предоставлены своей судьбе. Все приходят с оружием. От дивизии осталось не более 3000 человек, и те рассеяны. Сегодня немец не атакует, занимается разведкой. Кажется, его силы сильно потрепаны. Сегодня надо было предпринять наступление, но для этого ничего нет. Стоят две обессиленные армии, и одна другую боится. Вечером говорят, что Орел горит. Нас обходят. В клещи попадает весь фронт — это три армии. Что делают наши генералы? Они «думают». Это уже стало привычкой. «Я выхожу из окружения. Мы оставляем фронт». Что теперь делать? Хотя нужно сказать, что некоторые части фронта держатся отлично, ответный удар был врагу неприятен. Тем не менее мы в полукольце. Что будет завтра? В 22 часа я еду в лес и говорю с командующим армией генерал-майором Петровым о положении вещей. Он сказал, что фронт больше не может ему помочь, и спросил: «Сколько народу вы за это время расстреляли?» Что это за насмешки? Комендант (?) достал литр водки. Ах, теперь выпить и спать, возможно, потом будет лучше...

5 октября.

Мы встаем в 8 утра. Я еду бриться. Длинная очередь. Я не стал ждать. Целый час мы простояли с машиной. Мотор не работает. В 11 часов поехал в расположение 260-й дивизии, поговорил с начальником штаба, поехал во 2-й взвод, ошибся и попал на передовые позиции одного из батальонов. Я нашел 2-й взвод в деревне Орменка, побрился и помылся. Поехал обедать с начальником особого отдела ген. Клейнманом, обед был превосходный, обслуживание тоже. Дивизия отошла очень немного, большие потери. Против 260-й дивизии противник держит три дивизии. В атаку немцы идут во весь рост, наши славно их косят. В 4.10 вступают в действие наши танки, они работают отлично и возвращаются после выполнения задания обратно в деревню Шемантино, где их обстреливает противник. Эти идиоты поставили их кучей и не замаскировали. Итак: дивизия воюет отлично, красноармейцы проявляют мужество. Вчера пришла гвардейская часть. Командир этой «адской артиллерии» сказал, что немец их тоже обстреливал. В части три «катюши», задание на нашем фронте они еще не получали. Немецкие солдаты ходят в гимнастерках, они снимают с убитых красноармейцев шинели и носят их. Для опознавания они закатывают один рукав до локтя.

Танки отошли в направлении Брянска. Кажется, они ждут противника сзади.

6 октября.

Колесников около двух часов был здесь. Объяснил, что едет в штаб фронта. Как-то болит сердце. Я пытался ему отсоветовать. Затем сказал: «Хорошо, езжай, но приезжай ко мне ночевать. Мы обменяемся мнениями по поводу дня». В 15.30 пришло сообщение, что танки противника окружили штаб фронта. Идет стрельба. После этого нет никаких сообщений о штабе

фронта. Около 17 часов танки вернулись в Брянск. Второй взвод встал на «колеса» и двинулся в деревню Гололобовка. Вечером разведка сообщила, что в Брянске 6 танков и 5—6 машин с пехотой. Второй полк бросают вперед, чтобы выбить противника из Брянска. Есть противотанковые орудия, пехота 154-й дивизии еще не подошла, Брянск послушно горит, мост через Десну не был взорван. Противник действует неудержимо. Гвардейская часть отбыла в распоряжение командира 290-й стр. дивизии. Паники нет, но очень нервное состояние.

5 утра.

Я в землянке. Стрелковые дивизии занимают прежние позиции. За городом Брянском идет бой. Оба наших полка 154-й стрелковой дивизии отражают атаку противника. К 6 часам вечера противник в основном захватил город Брянск. Поражение Брянского фронта — это еще невиданное в истории событие. Противник подошел сзади и окружил почти три армии, то есть минимум 240 000 человек, которые занимали территорию приблизительно в 600 км с изрезанной линией обороны. Пришло сообщение из Москвы по линии Генерального штаба: весь фронт должен отступить. Колоссальные усилия. Явно начинается бегство кадрового состава. В последние дни мы не видели ни одного нашего самолета. Мы отдаем города почти без борьбы. Командование фронта утратило руководство с первых дней немецкого наступления. Говорят, идиоты уже уехали в Москву. Отступление!

Но усилия, которые были приложены для укрепления линии обороны, оказались напрасными, колоссальные усилия. Линию будут использовать немцы, когда мы их погоним назад. Командование фронтом с 06.10 временно передано Петрову. Интересно отметить: я прихожу к Петрову, а он говорит: «Теперь и меня скоро рас-

стреляют». «За что?» — спрашиваю я его. «Да, — говорит он, — меня только временно назначили командовать фронтом». Я отвечаю: «Если вас назначили, то вы должны взять дело в свои руки и стремиться к победе». — «Ну да, но ты же видишь, в каком положении находятся фронт и армии. Я не знаю, что происходит в обеих армиях (3-й и 13-й) и где они находятся».

8 октября.

Деревня Огорь. Я не сплю всю ночь. В пять утра я отослал 2-й взвод. В деревне остаются восемь человек оперативников и две машины. В 10 утра мы вчетвером выпиваем бутылку водки, плотно завтракаем. Я заснул в машине и хорошо выспался. Единов разбудил меня. Еду дальше на грузовике, чтобы установить связь с командным пунктом, который передислоцировался на другое место, неизвестно куда.

Население все по домам, убирает картофель. Выстрелов не слышно. Как быстро забываются ужасы войны. В 6 часов утра слышен очень громкий шум моторов. Артиллерийская стрельба и огонь из пулеметов.

В 9 часов вечера приходит Единов с группой подъехавших с командного пункта людей. Прибыли 150 раненых и заняли школу под лазарет. Я ночую в машине.

В 1.30 немец начал обстреливать из минометов поле неподалеку от штаба. Штаб армии под прикрытием в беспорядке выехал в деревню Авдеевка. На дороге уже столпотворение из машин, над нами кружат четыре немецких самолета, странно, что самолеты не сбрасывают бомбы, наверное, у них нет боеприпасов. Положение армии печально, где тыл, где фронт, трудно сказать. Занимаемое армией кольцо становится все уже. Обозы превращаются в обузу. Сюда стягиваются целые колонны. Чего только с собой не тащат, велосипеды, бочки, фанеру и т.д. Армия несет тяжелые потери в людях и технике.

12 октября.

В пять утра пришли в деревню Буяновичи. Сразу позавтракали. Я выпил стакан водки и лег в машине поспать. Разбудили в 10 утра. Я побрился под грохот канонады и выпил чаю. Население в этих деревнях принимает нас не очень дружелюбно. Это легко заметить. Подъехав к кладбищу, я остановил машину, прошел по краю кладбища и наблюдал стрельбу противника из минометов и беспорядочное бегство штаба армии. Приблизительно тысяча машин движется тремя рядами. Командующий армией проехал мимо и показал мне рукой на лес. Мы сели в машину и въехали в лес в 1 километре от деревни Буяновичи. Мы собираемся двигаться обратно, в направлении деревни Фроловка. В лесу я остановил машину и велел ехать к переправе через реку. Сам пошел пешком через лес. Когда я подошел к переправе, то встретил ген. Едунова, Зайцева и Шаляпина. Мы стояли у переправы и наблюдали за ремонтом дороги. Одновременно переправлялись автомашины. Наши машины уже были на той стороне. Внезапно прискакали три кавалериста и доложили, что появились немцы. Одновременно немец начал обстреливать нас из минометов и пулеметов. Возникла суматоха, наши начали беспорядочную стрельбу, мы с Зайцевым медленно отошли в глубь леса, вокруг летали пули и осколки снарядов. Я потерял весь оперативный состав, до вечера блуждал по лесу. Стрельба шла со всех сторон леса. Командующий, члены Военного совета и начальник штаба уехали. Их больше не было в лесу. Вечером я получил приказ ночью отходить к деревне Нехочи. Непонятно. Мы были близки к прорыву, немцев погнали из деревни Фроловка. И теперь мы должны опять двигаться внутрь кольца, которое, как было ясно, все время сужается.

13 октября.

Я не спал всю ночь. Две машины я потерял. Вчера вечером я еще встретил генерала Едунова. Сегодня утром встретил шофера Федотова, который сказал, весь оперативный состав в порядке. Наступил дьявольский холод, нет рукавиц, нет никаких теплых вещей. Я иду в гимнастерке и пилотке. Мы двигаемся чертовски медленно, застреваем в болоте. Всего было около тысячи машин. Всю ночь мы строили переправу, перетаскивали машины трактором и все равно не управились к утру. В болоте застряли до пятидесяти грузовиков, и приблизительно столько же остались на поле. В 6 утра немец начал вести огонь из минометов. Мы укрылись у маленького ручья, где нас обнаружил немецкий наблюдатель, он дал знак, и противник открыл огонь по нашему обозу. Мы сделали остановку на речке.

Ночь прошла спокойно. Мы строим переправу.

14 октября.

Противник взял нас в кольцо. Непрерывная канонада, дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Работают «кукушки». Опасно и страшно почти весь день. Я уж не говорю о лесе, болотах и ночевках. С 12 числа я не спал, с 2.10 не читал газет.

15 октября.

Ужасно. Я шатаюсь, трупы, кошмар войны, непрерывно под обстрелом. Я забрал бутылку спирта. Пошел в лес на разведку. Разгром полный. Армия разбита, обозы уничтожены. Я пишу в лесу у костра. Утром я отстал от чекистов, остался один среди чужих людей. Армия развалилась.

16 октября.

Ночью в лесу. Уже три дня я не ел хлеба. В лесу много красноармейцев, командиров нет. Всю ночь и утро немец обстреливал лес из всех видов оружия. Мы вста-

ли утром в 7 часов, и пошли на север. Стрельба продолжается. Во время остановки я умылся. Мы собрали продукты и сварили обед. Сытно поели. Я нашел для себя небольшое одеяло, фляжку и мешок. С утра идет дождь. Затем дождь перешел в мокрый снег. Мы промокли как черти. Нас все сильнее мучает жажда. Мы пьем сырую болотную воду. Вечером приходим в деревню Хотомиричи. Адский холод. Сыро. Мы ставим палатки, зажигаем костры, сушим одежду, идем вчетвером в колхоз и приносим солому. Спим очень беспокойно. На дороге мы видели не очень большой немецкий обоз, пропустили его, наткнулись на мертвого красноармейца. На дороге лежит масса брошенных противогазов и касок.

17 октября.

Я просыпаюсь от голода. Красноармейцы уже разожгли костер. Я иду сушить шинель, которая стоит как деревянная. Вскоре завтрак, и движемся дальше. Уже три дня мы не ели хлеба. Мы выходим к краю леса на разведку. Нас обнаруживает немецкий наблюдатель и выпускает по нам пять мин. Вечером мы пересекаем железную дорогу и канал, собираем сено для ночевки. Нас обнаруживает немецкий патруль и обстреливает из пулемета и минометов. Уходя, я бросаю сено. Ночь ужасно холодная, хотя мы спим в лесу на сене.

18 октября.

Не позавтракав, мы продолжаем двигаться через лес. Видели немецкий патруль. Стрельбы не было. Как всегда, мы шли по болоту. Около 12 часов мы остановились, чтобы позавтракать, высушили одежду, поели теплой каши и супа и разделили на четверых кусок мяса, немного картофеля и гороха. Я брюсь. Ночью предстоит переход через простреливаемое шоссе, к сожалению, у меня нет больше одеяла, потому что оно исчезло вчера при переходе через железнодорожную линию. Чертовски холодно.

19 октября.

Всю ночь мы идем под ливнем через болотистую территорию. Вокруг непроницаемый мрак. Я промок как собака до последней нитки. Правая нога опухла. Идти ужасно тяжело. На рассвете мы делаем остановку в лесу. На всякий случай я обсушился и переоделся у костра, не поев и не поспав. Дальше нам предстоит идти по безлесному участку. Мы поделили отряд на две части.

У половины нет никакого оружия. Днем я заходил в лес как в укрытие. Безрезультатно. Разведка за лесом в... (?), но там немец. Слышна стрельба из пулеметов и минометов...

Перевод верен.

Зак, оберлейтенант и переводчик.

Этим заканчивается дневник майора Шабалина. На следующий день, 20.10.1941 г., он встретился с генерал-майором Петровым и вместе с ним погиб вечером в 16 часов юго-западнее Пассейки.

Дмитрий Хмельницкий
ИСТОРИЯ
В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

Красивые литературно-исторические реминисценции при буквальном понимании и попытках практического использования чаще всего оказываются вздором.

Народ не обязательно заслуживает то правительство, которое имеет; истина не посередине, а где угодно; история имеет сослагательное наклонение и т.д.

С последним утверждением несогласны — и публично это декларируют — чаще всего сторонники традиционно-советской версии истории Второй мировой войны. Это версия предписывала воспринимать происшедшее с СССР как единственно возможный вариант событий и не ломать голову над тем, почему они произошли и как этого можно было бы избежать.

Мы воспитаны историческим детерминизмом. В представлении советского человека жизнь текла от одной неизбежности к другой: победа революции была неизбежна, победа Сталина — тоже, неизбежны были коллективизация, индустриализация и ГУЛАГ. Война с Германией была неизбежна так же, как победа в ней.

Один из главных предрассудков, характерный для советского мировосприятия — уверенность в исторической и моральной неизбежности антигитлеровской коалиции с СССР. Как будто союзников в объятия Сталину бросили не трагические обстоятельства, а естественное предпочтение коммунизма нацизму.

Причина этого феномена, наверное, в том, что все семьдесят лет советское общество не имело ни малей-

шего влияния на события. Причем ни на реальные события, ни на истолкование событий прошлого. Отсюда и упомянутая уже выше популярная сентенция — «история не имеет сослагательного наклонения». История, конечно, реализуется только в одном варианте, но могла бы выглядеть и по-другому.

История как наука существует только в сослагательном наклонении. Она исследует причины и закономерности случившихся событий, и автоматически отвечает на вопрос о том, почему некие события произошли, другие — нет, и при каких обстоятельствах исторический процесс мог выглядеть по-другому. Изучение истории есть перебор возможных вариантов.

Только задавая себе вопрос: «Что произошло бы, если бы обстоятельства сложились иначе?» можно понять смысл происходящего. Тем более когда речь идет о такой запутанной и многомерной ситуации, каковая сложилась в Европе после Первой мировой войны.

Например, сторонники одномерной истории ограничиваются констатацией факта — Германия 22 июня 1941 г. напала на СССР. Из этого делается дежурный вывод, что Германия — агрессор, а СССР — жертва.

Вывод дурацкий, потому что вариантов ответа несколько. Жертва СССР или агрессор, пусть в тот момент и несостоявшийся — это определяется в первую очередь собственными советскими намерениями и приготовлениями. Каковые довольно легко вычисляются, если отбросить недобросовестную сентенцию об «истории, не имеющей сослагательного наклонения» и напирать мозги.

Одним из первых этим занялся в конце 1970-х годов — поразительно поздно, если учесть, что война закончилась в 1945 г., — Виктор Суворов.

Он доказал, что катастрофическую ситуацию 1930-х годов создала не некая «историческая объективность», а злая воля конкретных людей с криминальной психикой. Причем сам ход событий сильно зависел от мело-

чей и случайностей. Не разгадай Гитлер замыслы Сталина в 1940 г. и не ошибись Сталин в расчетах сроков нападения в 1941 г., судьба Европы могла сложиться по-другому. При таком подходе анализ исторического процесса — увлекательнейшее занятие.

Конечно, просчитать все нюансы невозможно. Выделим только основные факторы, определившие события 1930-х годов — постоянные и переменные.

Стабильным фактором можно считать характер и стратегические цели трех основных противостоящих друг другу сторон — СССР, Германии и западных демократий. Цели Гитлера и Сталина были одинаковыми: расширить свои империи до возможного предела. Хотя намерения Сталина шли гораздо дальше намерений Гитлера. Программа-максимум Гитлера в 1939 г., до заключения пакта со Сталиным, не выходила за рамки объединения земель, населенных немцами, с помощью шантажа военной силой. Начинать мировую войну Гитлер не планировал.

Программа-максимум Сталина предполагала именно мировую войну в Европе с вовлечением в нее максимального количества стран. Войну, в которую СССР вмешается в удобный момент, чтобы остаться единственным победителем.

Неизменная цель Запада — оказывать обоим агрессорам пассивное или активное сопротивление, стараясь не спровоцировать мировую войну.

Переменные факторы:

— успех революций в России и Германии, который зависел от многих более или менее случайных причин;

— успех реализации стратегических планов обоих диктаторских режимов — то есть кому удалось бы успешнее обмануть противников и напасть первым;

— успех в создании атомной бомбы — то есть кому из трех основных участников событий удалось бы сделать ее раньше других.

Попробуем, учитывая эти факторы, просчитать основные варианты развития событий.

Вариант 1

Октябрьская революция не удалась. Причин — вполне реальных — могло бы быть много:

1. Мятеж Корнилова имеет успех.

2. Временное правительство своевременно (в июле — октябре) арестовывает Ленина со товарищи и разоружает Красную Гвардию.

3. Левые эсеры побеждают в июле 1918 г. и вынужденно возвращаются к Учредительному собранию.

4. Красная Армия проигрывает Гражданскую войну (как позднее случилось с коммунистами и анархистами в Испании).

Россия в той или иной степени остается демократической. В этом случае Гитлер, даже и победив на выборах, имеет дело с объединенной демократической Европой и более чем вероятно, что не решается на Вторую мировую войну. В мирное время нацисты не пошли бы на геноцид «низших рас». Относительно либеральный нацистский режим (либеральный относительно советского режима, то есть без массового террора, как оно и было в Германии до войны) просуществовал бы в изоляции несколько десятилетий и постепенно демократизировался бы обратно. Тем более что экономику Гитлер почти не социализировал. Тоталитарные режимы чахнут без экстремальных условий — гражданской или внешней войн, террора, давления снаружи и вооруженной консолидации общества как ответа на это давление. Если бы еще и нацисты не пришли к власти, Европе был бы гарантирован золотой век.

Вариант 2

Сталин у власти, а Гитлер — нет. Германия остается демократической. Сталину не удастся столкнуть Германию с Англией, Польшей и Францией. Он имеет дело с объединенной, не поддающейся расколу Европой и вынужден искать другой способ развязать вой-

ну. Возможно, он идет по пути Гитлера, шантажом отхватывая куски от соседних стран, пока не упирается в стену и, вероятнее всего, не решается на мировую войну. Скорее всего, даже на куски он не смог бы рассчитывать, как это и было в 1920-е годы.

Если, конечно, ему не удастся первым изготовить атомную бомбу. Но это уже другой, совсем катастрофический вариант.

Вариант 3

Вполне реальный. И Сталин, и Гитлер приходят к власти. Но западным странам (в первую очередь, США) хватает осторожности отказать СССР в покупке военной технологии в конце 1920-х — начале 30-х годов. Сталину не удается построить в считанные годы автомобильную, тракторную, танковую и авиационную промышленность и боеспособную — на европейском уровне — армию. Не имея шансов на конечную победу в мировой войне, он не решается ее спровоцировать предложением Гитлеру заключить пакт о разделе сфер влияния и совместном нападении на Польшу. Да и для Гитлера СССР с первобытной, немоторизованной армией не представляет интереса в качестве военного союзника (такой вариант был проанализирован еще в «Майн Кампф»). Может быть, Гитлеру и удались бы какие-нибудь захваты в Европе, но до мировой войны дело бы не дошло.

Локальным следствием такого развития событий была бы физическая невозможность форсированной индустриализации в СССР. Просто нечего было бы строить. Следовательно, и коллективизация, послужившая источником средств (финансовых и материальных) для индустриализации, была бы, скорее всего, гораздо менее кровавой. И сама индустриализация не стоила бы таких жертв. Менее жуткими были бы, скорее всего, и все волны террора в СССР.

Вариант 4

Полностью исторический вариант, то есть то, что произошло в действительности.

Гитлер опередил Сталина и летом 1941 года разгромил подготовленную к нападению Красную Армию. Сталин вынужден обратиться за помощью к западным странам. Совместными усилиями союзники побеждают Германию. Сталину вместо всей Европы достается только ее восточная часть. К концу войны у Сталина появляются шансы вернуться к первоначальному довоенному плану и попытаться уже после победы над Германией продолжить наступление на Запад — превратить, как это предполагалось изначально, мировую войну в «мировую революцию». Соотношение военных сил в Европе в 1945 году было таково, что вряд ли что-то, кроме атомной бомбы, смогло бы остановить Сталина с Жуковым.

Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки не только погубила сотни тысяч японцев, но и заставила Японию немедленно капитулировать, что спасло жизни миллионов американцев и японцев: штурм японских островов стоил бы, по оценкам американцев, только США около миллиона солдат — так велика была готовность Японии защищаться.

Кроме того, и, наверное, самое главное: Сталину продемонстрировали, что будет с Москвой, если он решится продолжать войну. По сути дела, Хиросима спасла Европу. Холодная война так и не перешла в горячую. Советский Союз опоздал с разработкой атомного оружия на три-четыре года и, как выяснилось, навсегда. С тех пор, как ни напрягалась советская наука и советская промышленность, сократить разрыв в уровне ядерных вооружений ни Сталину, ни Хрущеву, ни Брежневу не удалось. Что и было вплоть до 1989 года единственной реальной гарантией мира.

Вариант 5

Американцы на несколько лет запаздывают с получением атомного оружия. Сталин переносит в 1945 г. войну на запад, сбрасывает американцев в море и захватывает Европу. Еще через несколько лет или месяцев американцы все-таки получают бомбу и немедленно ее используют. Европу, скорее всего, удалось бы освободить, но чего бы это стоило и каковы были бы последствия, представить трудно.

Вариант 6

Сталину удается получить атомное оружие раньше американцев — не в 1949-м, а в 1943—1945 гг. Он сразу же и с большой радостью превращает войну в атомную с прежней целью — немедленного захвата всей Европы и Азии. В союзниках он больше не особенно нуждается и, уничтожив Берлин, продолжает агрессию на Запад. Американцы делают бомбу с небольшим запозданием, в 1945—1946 гг., и также немедленно ее используют. В середине 1940-х годов начинается мировая атомная война с неясным результатом и сотнями миллионов жертв.

Вариант 7

В фантастическом романе «Заповедник для академиков» Кир Булычев разработал, на первый взгляд, неожиданный, но тем не менее вполне реальный вариант. Некий особенно прозорливый ученый убеждает начальников НКВД создать атомную шарашку в начале 1930-х годов. Первую атомную бомбу испытывают в СССР в 1938 г. Правда, дальше Кир Булычев пошел по литературно эффектной пути, который привел почти к «хеппи-энду». Заболевший лучевой болезнью Сталин решает перед смертью отомстить Польше за поражение в 1920 г. и в 1939 г. сбрасывает первую и единственную атомную бомбу на захваченную немцами Варшаву в тот самый момент, когда тайно приехавший ту-

да Гитлер принимает военный парад. Смерть обоих диктаторов парализует мировую войну, она кончается, едва начавшись.

Это, конечно, чистая литература. Действительность могла бы быть намного страшнее. Сталин, получивший в руки бомбу в конце 1930-х, уже не зависел бы в своих действиях от действительного или мнимого союза с Германией. Вторая мировая война началась бы тогда же, в конце 1930-х, но уже сразу атомной и, не дай бог, победоносной для СССР.

Вариант 8

Это самый интересный вариант, его изучение, скорее всего, и станет в самое ближайшее время основным предметом исследований историков Второй мировой войны. Это вариант, в реальности запланированный Сталиным и предназначенный им к реализации.

До весны 1941 г. все идет так, как и шло в действительности. В 1939-м Сталин и Гитлер совместно начинают войну, каждый захватывает то, что оговорено секретными соглашениями. Летом 1940 г. Гитлер догадывается об опасности удара в спину и начинает готовить нападение на СССР, не дожидаясь окончательной победы над Англией, но не успевает. Сталин с Жуковым в июле 1941 г. реализуют свой план нападения на Германию.

Германская армия, стоявшая в уязвимом положении на восточной границе, попадает в окружение и гибнет так, как погибла в реальности РККА. Разница в том, что у Гитлера не было второго эшелона, который мог встретить противника в глубине собственной территории, и нет таких резервов территории, таких людских и сырьевых ресурсов, как у Сталина. Скорее всего, у него не оказалось бы даже резервов времени, чтобы договориться с Англией и Америкой о совместном сопротивлении СССР. У Сталина великолепные шансы в короткие сроки захватить всю или почти всю

Европу, уже разгромленную Гитлером. И не только Европу.

Вырвавшаяся на европейский простор и европейские автобаны РККА берет Берлин и движется дальше. Во Франции собственной армии уже нет, а коммунистическое движение сильно. Есть на кого опереться и есть из кого создавать местную власть. В Германии картина та же, тем более что недавних коммунистов и симпатизантов коммунистов — миллионы. Ситуация, которая после войны привела к созданию ГДР, разыгрывается гораздо раньше, но уже на всей территории Германии. Одновременно с нападением на Германию оккупируется Финляндия — отзвук этих планов можно увидеть в бессмысленной бомбардировке Финляндии 25 июня 1941 г.

Болгария, Турция и Иран — тоже в числе первоочередных целей.

Затем, возможно, после короткой передышки, наступает черед Южной Европы. В Испании коммунистические настроения сильны — доделать то, чего не удалось добиться во время гражданской войны, не представляется нерешаемой задачей. И так далее.

В захваченных странах начинаются экономические и политические реформы, как это произошло в реальности в Прибалтике и Восточной Польше в 1939—1940 гг. Возникает Соппротивление, подавляемое привычными методами — массовым террором. В масштабе Европы — это десятки миллионов жертв.

Положение Англии остается прежним, она, как и раньше, изолирована от материка, только теперь на нем хозяйничает Сталин. Америка, которая не в состоянии оказать серьезную помощь Европе на материке, воюет на море до тех пор, пока не получает атомную бомбу, и сбрасывает ее, но только не на Хиросиму, а скорее всего, на Тулу или Челябинск.

В Европе возобновляется освободительная война, но уже с неисчислимым количеством жертв.

Если Сталину удастся тоже получить атомную бомбу, то война становится ядерной с обеих сторон.

В свете такой перспективы реализовавшийся вариант Второй мировой войны с 50 млн жертв представляется относительно безобидным. Можно с большой долей уверенности сказать, что отчаянное нападение Гитлера на СССР в 1941 г. спасло Европу (включая СССР) от гораздо худшей судьбы.

***

Как хорошо известно, архивы советского Генштаба закрыты наглухо, о советском военном планировании до 1941 г. известно документально очень немного. Думаю, что причина не только и не столько в том, что там можно найти документы, однозначно подтверждающие планы нападения СССР на Германию. Доказательств существования этих планов и так с избытком. Это и отдельные, случайно вылетевшие из архива документы, и — главное! — сами военные приготовления СССР в 1940—1941 гг., которые хорошо изучены и истолковать которые в оборонительном смысле невозможно. Да и желающих заняться этим среди уважающих себя историков давно не обнаруживается.

Но нападение на Германию само по себе имело смысл только как первый шаг к завоеванию Европы (и вообще всего, до чего удалось бы Сталину дотянуться).

Разгром Германии тоже, как и разгром СССР немцами, предполагался в виде блицкрига, вряд ли на него отводилось больше одного-двух месяцев. Планы дальнейшего развития событий наверняка обдумывались и составлялись Сталиным и Жуковым в первые месяцы 1941 г. Именно эти планы станут настоящей сенсацией, когда архивы Генштаба когда-нибудь откроются — и если они не будут своевременно уничтожены.

Но даже в самом худшем случае — в случае ликвидации архивных документов — сомнений о характере

этих планов и приблизительной последовательности действий быть не может. Как нет их и сегодня.

Вряд ли эти планы по целям и средствам (если не считать появления атомного оружия) сильно отличаются от планов Варшавского договора по захвату Европы, хорошо известных странам НАТО.

В принципе военные планы Варшавского договора 1960—1980-х гг. — это всего лишь развитие и уточнение планов сталинской эпохи, и довоенных, и послевоенных.

* * *

Можно и дальше углубляться в это увлекательное занятие — варианты будут множиться и ветвиться. Совсем иной характер могла принять мировая война, если бы атомную бомбу раньше всех получили нацисты (во время войны они были ближе к этому, чем советские специалисты). Можно уйти несколько глубже и предположить, как бы выглядел СССР, если бы после смерти Ленина страну возглавил не циник Сталин, а идеалист-фанатик Троцкий, мечтавший о немедленной мировой революции. Или гуманист Бухарин, безусловно, сохранивший бы НЭП (гуманист он, конечно, только на фоне прочих людоедов). И в том и в другом случае в СССР возник бы совсем другой режим.

Восемь перечисленных вариантов — это как бы наиболее очевидные случаи. При этом нельзя сказать, что четвертый — реализовавшийся — вариант менее фантастичен, чем прочие. Во многом даже наоборот. Кто бы мог, например, заранее предположить, что осторожный и дальновидный, стратегически мыслящий Сталин так фатально ошибется в расчетах и позволит Гитлеру напасть первым? А это, как оказалось, единственный расклад событий, при котором Запад смог, в конечном счете, оказаться в победителях. Какому чуду должны мы быть благодарны за то, что атомная бомба оказалась в распоряжении Америки именно летом

1945 г., а не на несколько месяцев позже, когда Сталин мог стоять у Ла-Манша? Следует признать, что человечество еще легко отделалось.

***

Заниматься историческим фантазированием — совсем не пустое дело. Сегодня, через шестьдесят пять лет после окончания войны, проблема состоит не в недостатке исторических данных, а в их понимании. Очень уж живучи абсолютно ложные исторические стереотипы, отработанные по свежим следам советской победы. Один из главных — всеобщая уверенность в исторической и моральной неизбежности антигитлеровской коалиции во главе с СССР. Что совсем не так.

Для западных союзников СССР, нацисты и коммунисты были равно отвратительны. Но в разное время по-разному опасны. В конфликте между ними поддерживать имело смысл не наиболее симпатичного (такого выбора просто не было), а самого слабого. Полуразбитый, победивший с помощью союзников Советский Союз был для человечества значительно менее опасен, чем Третий рейх, в одиночку справившийся со Сталиным. И наоборот.

Если бы Сталину удалось реализовать свои планы и напасть на Германию в 1941 г., Запад был бы вынужден в той или иной форме поддержать Гитлера. Ручной, полуразбитый Гитлер не очень опасен для цивилизации. А ничего страшнее, чем Советский Союз в масштабах всей Европы, представить себе невозможно.

Гитлер, напав на СССР, объявил себя защитником человечества против коммунизма. Пострадавший Сталин обратился к Западу за помощью в борьбе против мирового фашизма. Но врали оба.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий.</i> СССР готовился не к той войне.....	5
<i>Марк Солонин.</i> Простая причина великой катастрофы.....	20
<i>Андрей Буровский.</i> День Ч.....	72
<i>Дмитрий Хмельницкий.</i> Единственное поражение Сталина. ...	146
<i>Валерий Данилов.</i> Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность.....	182
<i>Кирилл Александров.</i> «Планировался удар по Румынии в направлении нефтяных месторождений».....	206
<i>Марк Солонин.</i> Удар по аэродромам — мифы и факты.....	241
<i>Петр Запорожец.</i> Приграничное сражение в 1941 г. на Украине.....	287
<i>Кейстут Закорецкий.</i> О периодизации Великой Отечественной войны.....	307
<i>Рудольф Волтере.</i> Дневники 1941—1943 гг.....	351
<i>Дмитрий Хмельницкий.</i> История в сослагательном наклонении.....	402

Литературно-художественное издание

ПРАВДА ВИКТОРА СУВОРОВА

**Солонин Марк
Суворов Виктор**

**Автор-составитель
Хмельницкий Дмитрий**

**ВИКТОР СУВОРОВ:
НОКДАУН 1941
ПОЧЕМУ СТАЛИН «ПРОСПАЛ» УДАР?**

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Н. Хотинский*

ООО «Яуза-пресс».
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.
Тел.: (495) 745-58-23,
факс: 411-68-86-2253.

Подписано в печать 17.03.2011. Формат 84x108 ¹/₃₂-
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 4000 экз. Зак. № 4132010

Отпечатано на ОАО «Нижеполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул.Варварская, 32.

ISBN 978-5-9955-0261-6

Катастрофу 1941 года не раз пытались объяснить в «боксерских» терминах – дескать, пропустив сокрушительный удар, Красная Армия оказалась в глубоком НОКДАУНЕ и смогла подняться лишь в самый последний момент, на счет «десять». Но война с Гитлером – это не «благородный» поединок, а скорее «бои без правил», где павшего добивают беспощадно, не дожидаясь конца отсчета, – и если Красная Армия выстояла и победила даже после такой бойни, спрашивается, на что она была способна, не «проспи» Сталин вражеское нападение, которое едва не стало фатальным для СССР...

Историки бились над тайной 1941 года почти полвека – пока Виктор Суворов не разрешил эту загадку, убедительно доказав: чудовищный разгром Красной Армии стал возможен лишь потому, что Гитлеру повезло поймать Сталина «на замахе», когда тот сам готовился напасть на Германию. И как бы ни пытался кремлевский агитпроп опровергнуть суворовское открытие, сколько бы ни отрицал очевидное, все больше специалистов выступают в поддержку «Ледокола». Новая книга проекта «Правда Виктора Суворова» обосновывает и развивает сенсационные откровения самого популярного и проклинаемого историка, перевернувшего все прежние представления о Второй Мировой.

ISBN 978-5-9955-0261-6

9 785995 502616 >